

**НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ДЖОЗЕФ КОНРАД

НА ОТМЕЛЯХ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

У. 64

Доп. тираж

401
Конца

ЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДЖОЗЕФ КОНРАД

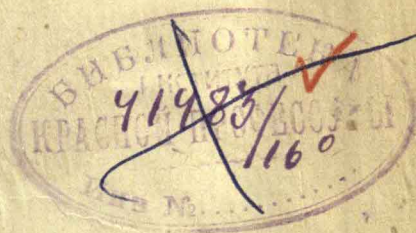
JOSEPH CONRAD

1857 — 1924

82-33

НА ОТМЕЛЯХ

ПЕРЕВОД СТ. ВОЛЬСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА МСМХХV

Государств. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР

41483/16^о

VV

НА ОТМЕЛЯХ
THE RESCUE

1920

Ленинградский Гублит. № 18918. Гиз. № 7693. Тир. 5.000 экз. 31 1/2
Типо-Литография „Красный Печатник“, Ленинград. Международный п

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Человек и бриг

Мелкое море, пенящееся и рокочущее у побережий тысячи больших и маленьких островов, которые образуют Малайский архипелаг, было в течение столетий ареной смелых предприятий. При завоевании этой страны, еще и теперь не вполне лишенной своей былой таинственности и романтизма, целых четыре народа проявили свойственные им пороки и достоинства, — и неминуемое поражение не изменило расы, сражавшейся против португальцев, испанцев, голландцев и англичан. Она сохранила до наших дней свою любовь к свободе, свою фанатическую преданность вождям, свою слепую верность в дружбе и ненависти, — все свои хорошие и дурные инстинкты. Ее родина, — а родиной ее было море в такой же степени, как и земля ее островов, — досталась в добычу людям Запада, как награда за высшую силу, если и не высшую добродетель. Надвигающаяся цивилизация скоро изгладит последние следы долгой борьбы, завершая неизбежную победу.

Смельчаки, начавшие эту борьбу, не оставили преемников. Слишком быстро менялись для этого человеческие взгляды. Но еще и в настоящем столетии у них были последователи. Один из них, подлинный искатель приключений, безраздельно предававшийся своим порывам, человек высокого ума и чистого сердца, — почти у нас на глазах заложил основание цветущему государству, построенному на идее сострадания и справедливости. С рыцарским благородством он признал притязания побежденных; это был бескорыстный смельчак, и наградой его благородным стремлениям является то обожание, с которым относится к его памяти чуждый ему, но честный народ.

Пусть при жизни его не понимали и осыпали клеветой; величие осуществленного им дела доказало чистоту его побуждений. Он принадлежит истории. Но были и другие, — никому неизвестные искатели приключений, не обладавшие ни его происхождением, ни его положением, ни его умом, и только разделявшие его симпатию к этим людям лесов и морей, которых он так хорошо понимал и так горячо любил. О них нельзя было бы сказать, что они забыты, ибо их вообще никто не знал. Затерянные в толпе морских торговцев архипелага, они появлялись из тьмы только для того, чтобы подвергнуться осуждению, как нарушители закона. Их бесхитростные жизни, руководимые непосредственным чувством, погибли во имя дела, заранее обреченного на крушение неудержимым и последовательным прогрессом.

И все же эти погибшие жизни — для тех, кто знает — придали романтическое очарование стране

мелководий и лесистых островов, что лежит, все такая же таинственная, далеко на Востоке между глубинами двух океанов.

I

Из голубой равнины мелководного моря Каримата вздымает к небу темные и бесплодные вершины своих оголенных серовато-желтых холмов. К западу, отделенный узкой полосой воды, виднеется Суруту, напоминающий изогнутыми очертаниями своего горного хребта спину склонившегося гиганта. На востоке разбросались толпой мелкие островки — смутные, неясные, как бы тающие в тенях вечера. Медленно продвигаясь вслед за заходящим солнцем, с востока наплывала ночь и проглатывала землю и море: землю — неровную, истерзанную, обрывистую; море — спокойное и манившее блеском своей ровной глади к странствиям легким и бесконечным.

Ветра не было, и небольшой бриг, целый день стоявший в нескольких милях к северо-западу от Кариматы, едва сдвинулся на полмили в течение всех этих часов. На тихой поверхности пролива бриг высился спокойно и прямо, словно крепко прибитый, киль с килем, к своему собственному изображению, отраженному в бескрайнем зеркале моря. На юге и востоке удвоенные острова молча наблюдали за удвоенным кораблем, который, казалось, навеки застыл среди них, безнадешный, пленник штиля, беспомощный узник мелкого моря.

После полудня, когда легкие и капризные ветерки этих вод предоставили маленький бриг его томительной участи, нос корабля понемногу переместился по направлению к западу, и конец его тонкого, гладкого утлегаря¹, смело выдаваясь над изящным изгибом остова, был теперь устремлен в сторону заходившего солнца, словно дротик, высоко занесенный рукой врага. На корме, у рулевого колеса, стоял матрос-малаец, прочно уставив свои голые коричневые ноги в решетку и крепко сжав спицы руками, точно корабль был застигнут штормом. Малаец стоял совершенно неподвижно, будто окаменев, но готовый повернуть руль, как только судьба позволит бригу тронуться дальше по маслянистому морю.

Другое человеческое существо, видневшееся на палубе брига, был помощник капитана — человек белой расы, низкорослый, коренастый, с бритыми щеками, седеющими усами и лицом, которое палящее солнце и резкие соленые морские ветры окрасили в ярко-багровый цвет. Он сбросил свою легкую куртку и остался в одних только белых брюках и тонкой коленкоровой рубашке; сложив на груди крепкие руки, выделявшиеся на белом фоне ткани точно два толстые куса говядины, он шагал по корме взад и вперед. Он был обут в соломенные сандалии, а голова его была защищена огромной пробковой шляпой. Перегнувшись через борт, он мог видеть свою голову и плечи, отраженные в воде; и так он стоял долго, точно заинтересованный своими собственными чертами, и бормотал бессвязные проклятия штилю,

¹ Конец бушприта. (Примеч. перев.)

опустившемуся на корабль давящий тяжестью, огромной и жгучей.

Наконец, он глубоко вздохнул, сделал над собой усилие и, отойдя от борта, прошаркал туфлями до нактоуза¹. Там он опять остановился, истомленный и скучающий. Из приподнятых рам стеклянной крыши каюты, находившейся рядом, слабо донеслось щебетание канарейки, повидимому доставившее ему некоторое удовлетворение. Он прислушался, слегка улыбнулся, пробормотал: «Ах, Дик, бедный Дик» — и опять погрузился в необъятное молчание мира. Глаза его закрылись, и голова низко свесилась над горячей медной обшивкой нактоуза. Вдруг он встряхнулся, выпрямился и хриплым голосом строго сказал:

— Ты там совсем заснул! Переложил руль. У нас задний ход.

Малаец, ни на йоту не изменив ни позы, ни выражения лица, словно неодушевленный предмет, внезапно призванный к жизни таинственной магией слов, быстро завертел колесо, пропуская спицы между руками; когда колесо со скрипом остановилось, он опять ухватился за него и стал крепко держать. Немного погодя, он медленно повернул голову, взглянул на море и упрямым тоном сказал:

— Ветер нет... Хода нет...

— Ветер нет, ветер нет! Ты, видно, больше ничего не придумашь, — проворчал краснолицый моряк. — Понемножку двигай колесо, Али, — продолжал он, внезапно смягчившись. — Двигай

¹ Компасный ящик. (Примеч. перев.)

его тихонько, и тогда руль ляжет как следует. Понял?

Упрямый матрос повидимому ничего не понимал, да, пожалуй, ничего и не слышал. Белый с отвращением посмотрел на бесстрастного малайца, оглядел горизонт, затем опять обратился к рулевому и коротко приказал:

— Поверни руль назад. Разве ты не чувствуешь, что сзади подул ветер? Стоишь, как чучело...

Малаец с презрительной покорностью опять заворочал спицами, и краснолицый человек пошел прочь, что-то бормоча про себя. Вдруг из-под открытой стеклянной крыши раздался окрик: «Эй, кто там?» и краснолицый сразу остановился, изобразив на лице внимание и любезность.

— Слушаю, сэр, — сказал он, наклоняясь к отверстию.

— В чем там дело? — спросил из каюты низкий голос.

Краснолицый изумленным тоном переспросил:

— Сэр?!

— Я слышал, как скрипит рулевая цепь, то вперед, то назад. Что вы там делаете, Шо? Есть ветер?

— Д-да, — протянул Шо, опуская голову под крышу и говоря в темное пространство каюты. — Мне было показалось, что поднялся легкий ветер, но теперь он опять пропал. Все тихо, не шелухнет.

Он вытянул голову обратно и подождал минуту возле стеклянной крыши, но не услышал ничего, кроме щебетания неутомимой канарейки, которое точно пробивалось слабой струйкой сквозь блеклые красные цветы гераней, расставленных

в горшках под стеклами. Он отошел шага на два. Снизу послышался торопливый окрик:

— Эй, Шо! Вы здесь?

— Здесь, капитан Лингард, — отвечал он, возвращаясь.

— Продвинулись мы хоть сколько-нибудь за сегодняшний день?

— Ни на дюйм, сэр, ни на дюйм. Мы все равно, что стоим на якоре.

— Это всегда так, — отозвался невидимый Лингард. Голос его менялся по мере того, как он двигался по каюте, и вдруг зазвучал громко и ясно, в то время как голова Лингарда появилась в дверях.

— Всегда так. Течения начинаются только с темнотой, когда не видишь, на какую чертову штуку тебя несет. Тогда и ветер подымается. Штиль несомненно кончается.

Шо слегка пожал плечами. Стоявший у руля малаец подошел к стеклянной крыше, нырнул под нее головой, посмотрел на часы в каюте и дважды ударил в маленький колокол на корме.

Впереди, на палубе, раздался резкий, протяжный, вибрирующий свисток и тихо замер. Хозяин брига вышел из каюты на палубу, посмотрел наверх на выправленные реи и, стоя у дверного порога, стал долго и пристально оглядывать горизонт.

Это был человек лет тридцати пяти, прямой и гибкий. Он двигался легко, скорее как человек, привыкший шагать по холмам и долинам, чем как моряк, которому с самой ранней юности приходится уравнивать быстрыми изгибами

тела судорожные под'емы и опускания палубы маленького корабля, подбрасываемого по прихоти то сердитого, то игривого моря.

На нем была серая фланелевая рубашка, а белые брюки были опоясаны синим шелковым кушаком, плотно облегавшим узкую талию. Он хотел выйти только на минуту, но, видя, что корма затенена грот-марселем, остался на палубе с непокрытой головой. Светло-каштановые выующиеся волосы обрамляли его красиво очерченную голову; подстриженная бородка переливала искрами, когда ему случалось попадать в полосу света, и каждый волосок ее казался тогда тонкой, волнистой золотой проволокой. Рот его был закрыт густыми усами; нос был прямой; короткий, слегка притупленный на конце; прямо под глазами начиналась широкая полоса румянца, окрашивавшая верхнюю часть скул. Своеобразное выражение сообщали лицу глаза. Брови, более темного цвета, чем волосы, проходили прямой чертой под широким и гладким лбом, который был гораздо белее, чем загорелые щеки. Серые глаза, словно пылая скрытым огнем, отсвечивали красным, и это придавало его пристальному взгляду пытливую напряженность.

Этот человек, когда-то очень известный, а теперь совершенно забытый на чарующих и безжалостных берегах Малайского моря, слыл среди своих приятелей под кличкой «Красноглазого Тома». Он гордился своим счастьем, но не своей рассудительностью. Он гордился своим бригам, который считался самым быстрым судном в этих морях, гордился всем тем, что этот бриг знаменовал.

Он знаменовал удачу на золотых россыпях Виктории; мудрую умеренность; долгие дни замыслов, любящую заботливость при постройке; великую радость его юности — ни с чем не сравнимую свободу морей; родной очаг, совершенный, ибо подвижный; его независимость, его любовь, и его тревогу. Он часто слышал, как говорили, что Том Лингард не любит на земле ничего, кроме своего брига; мысленно он вносил поправку в это утверждение, прибавляя с улыбкой, что он не любит ничего живого, кроме своего брига.

Для него бриг был так же полон жизни, как огромный окружающий мир. Он чувствовал жизнь в каждом движении судна, в каждом его наклоне, в каждом качании его высоких мачт, чьи крашенные клоты вечно движутся перед глазами моряка, то мимо облаков, то мимо звезд. Для Лингарда бриг был всегда драгоценен, как давняя любовь; всегда желанен, как незнакомая женщина; всегда нежен, как мать; всегда верен, как любимая дочь.

Иногда он стоял целыми часами, облокотившись о поручень и подперев голову рукой, и прислушивался, прислушивался в дремлотной тишине к ласковому и зовущему шопоту моря, пробегающая пена которого скользила вдоль гладкого черного борта судна. О чем мечтал в такие минуты одинокого раздумья этот сын рыбаков де-вонского побережья, который, подобно большинству своих сородичей, был глух к еле слышным голосам вселенной и слеп к загадочным сторонам бытия, который не спасовал бы ни перед каким очевидным событием, как бы ужасно, пугающе и грозно оно ни было, и в то же время был беззащитен, как дитя, перед темными

порывами своего собственного сердца; о чем мечтал он в часы грез, — вряд-ли бы кто мог угадать.

Несомненно, бывали минуты, когда и он, подобно большинству из нас, поддавался внезапно проснувшемуся лиризму и уносился мыслью в области влекущие, смутные и опасные. Но, подобно большинству из нас, он почти не вспоминал об этих бесплодных путешествиях, не имевших отношения к интересам дня. И все же после этих нелепых и зря истраченных минут на его повседневной жизни оставался теплый и спокойный, хотя и не яркий; отблеск, смягчающий его прирожденную резкость и как бы еще более укреплявший связь между ним и бригом...

Он понимал, что его маленький бриг мог дать ему то, чего не дали бы ему никто и ничто в мире, — нечто, принадлежавшее ему безраздельно. Зависимость крепкого человека, из мяса и костей, от послушной вещи из дерева и железа порождала смутное чувство, походившее на любовь. Бриг обладал всеми качествами живого существа: быстротой, послушанием, верностью, выносливостью, красотой, способностью действовать и страдать, — словом всем, кроме жизни. Он, хозяин, как бы придавал душу этой вещи, казавшейся ему наиболее совершенной в своем роде. Его воля была ее волей, его мысль — ее двигательным импульсом, его дыхание — дыханием ее бытия. Все это Лингард ощущал неясно и никогда не пытался облечь свои чувства в беззвучные формулы мысли. Для него корабль был дорог и единственен, этот бриг в триста четырнадцать тонн водоизмещения, — целое королевство!

И вот, без шляпы, он вышел из-под навеса и стал ходить мерным шагом по своему королевству, размахивая на ходу руками, словно человек, отправляющийся на пятнадцатимильную прогулку по полю; при каждом двенадцатом шаге ему, однако, приходилось резко поворачиваться кругом и идти назад до гакаборта.

Шо, охватив поручень обеими руками, засунул ладони за кушак и, казалось, внимательно созерцал палубу. На самом деле он видел перед собой маленький домик с крошечным палисадником; затерянный в лабиринте спускавшихся к Темзе улиц на восточном конце Лондона. Он еще не успел познакомиться со своим новорожденным сыном, которому теперь уже исполнилось восемнадцать месяцев, и это обстоятельство слегка раздражало его и переносило его фантазию к неприглядной обстановке родного дома. Полет фантазии продолжался, однако, недолго и скоро мысль его возвратилась к действительности. Меньше чем через две минуты, он был уже опять на бриге — «весь на-чеку», как он выражался. Он гордился тем, что был всегда «на-чеку».

Манеры его были резки, и с матросами он говорил ворчливым тоном. С капитанами, у которых он служил, он был чрезвычайно почтителен по внешности, но в душе он почти всегда чувствовал к ним враждебность, ибо только очень немногие из них были «всегда на-чеку». У Лингарда, который подцепил его на Мадрасском рейде с английского корабля после бурной сцены с капитаном, он прослужил еще немного; в общем, он его одобрял, хотя и признавал с прискорбием, что Лингард, подобно большин-

ству других, отличался некоторыми нелепыми фантазиями. Эти причуды Шо называл «мыслями, которые ходят вверх ногами».

Шо был человек, каких много, — человек, не представлявший особой ценности ни для кого, кроме самого себя, и имевший значение постольку, поскольку он был главным помощником капитана и единственный, кроме него, белый человек на бригае. Он чувствовал себя неизмеримо выше подчиненных ему малайских матросов и обращался с ними с высокомерной терпимостью, хотя и был убежден, что в трудную минуту эти парни окажутся несомненно «не на-чеку».

Возвратившись из своей экскурсии на родину, он отнял руки от поручня, прошел вперед и остановился у кормы, глядя вдоль палубы. Лингард тоже остановился в своем углу и стал рассеянно смотреть перед собой. На шкафуте, между шестов, принайтвленных по обе стороны люка, виднелась группа матросов, которые примостились вокруг деревянного подноса, поставленного на свежесмытую палубу и доверху заваленного рисом. Темнолицые, молчаливые, с ласковыми глазами, люди эти сидели на корточках и уплетали рис за обе щеки, соблюдая, однако, сдержанность и благопристойность.

Только один или два из них носили с а р о н г¹; остальные, подчинившись — по крайней мере на море — недостойному европейскому обычаю, были одеты в панталоны. Двое сидели на шестах. Один, — человек со светло-желтым детским лицом,

¹ Саронг — род широких шаровар, состоящих из куска материи, обернутого вокруг ног и бедер. (Примеч. перев.)

глуповато-чванной улыбкой и пучками жестких волос, окрашенных под цвет красного дерева, был тиндаль экипажа, — нечто вроде помощника боцмана, или серанга. Другой, сидевший рядом с ним, был почти чернокожий, ростом немного выше крупной обезьяны; на его сморщенном лице застыло выражение несколько комической злобности, которое часто отличает людей юго-западного побережья Суматры.

Это был кассаб, или хранитель припасов — спокойная и почетная должность. Из всего экипажа, занятого теперь ужином, кассаб был единственным человеком, обратившим внимание на появление капитана. Он что-то прошептал тиндалю, который сейчас же заломил свою старую шляпу на бекрень и приобрел от этого необыкновенно глупый вид. Остальные услышали замечание, но продолжали лениво есть, при чем их худые руки двигались, как паучьи лапы.

Солнце стояло не выше одного-двух градусов над горизонтом, и от нагретой поверхности воды начал подниматься легкий стелющийся туман; он был тонок и почти не виден для глаза, но все же его было достаточно для того, чтобы солнце превратилось в ярко-красный диск, вертикальный и горячий, скатывавшийся к краю горизонтального и холодного диска сияющего моря. Наконец края соприкоснулись, и водная равнина приняла вдруг окраску, мрачную, как взор врага, глубокую, как злодейский умысел.

Сонные воды словно задержали на мгновение падающее солнце, и от него к неподвижному бригу протянулась по гладкой и темной поверхности моря полоса света, ровная и сияющая,

яркая и прямая, золотой и багровый и пурпурный путь, ослепительный и ужасный, который как будто вел от земли прямо в небо сквозь врата торжественной смерти. Он медленно угасал.

Море побеждало свет. Наконец от солнца остался только огненный отсвет, блиставший над водой подобно далекой искре. Искра как бы замерла и затем вдруг погасла, словно прихлопнутая чьей-то вероломной рукой.

— Зашло! — воскликнул Лингард, все время наблюдавший и все же пропустивший последний миг. — Зашло! Посмотрите-ка на часы в каюте, Шо!

— Часы, кажется, верны, сэр. Три минуты седьмого.

Рулевой звонко прозвонил четыре раза в колокол. Другой босоногий матрос неслышно двинулся с противоположного конца кормы, чтобы сменить рулевого, а серанг брига поднялся по лестнице, чтобы стать на дежурство вместо Шо. Он подошел к компасу и молча ждал приказаний.

— Когда будет ветер, серанг, держи курс на юго-восток, — отчетливо произнес Шо.

— Юго-восток, — с солидной серьезностью повторил пожилой малаец.

— Дай мне знать, когда бриг начнет трогаться, — прибавил Лингард.

— Слушаю, Туан, — отвечал малаец, бросая быстрый взгляд на небо. — Ветер будет, — тихо добавил он.

— Я тоже так думаю, — пробормотал Лингард, как бы про себя.

Тени быстро окутывали бриг. Из каюты высунил голову мулат и крикнул:

— Готово, сэр!

— Давайте перекусим чего-нибудь, Шо, — сказал Лингард. — Но прежде чем пойдете вниз, поглядите кругом. Когда мы выйдем на палубу, будет уже совсем темно.

— Слушаю, сэр, — ответил Шо, беря длинную подзорную трубу и прикладывая ее к глазам. — Чортова вещь, — отрывисто повторял он, вдвигая и выдвигая трубки, — я почему-то никогда не могу... Ну, вот, наконец-то, есть!

Он стал понемногу поворачиваться на каблуках, держа конец трубки на линии горизонта. Затем он со шелканьем сложил трубку и решительно произнес:

— Ничего не видно, сэр!

И, довольно потирая руки, спустился вниз вслед за капитаном.

Некоторое время на корме брига не было слышно ни звука. Затем дежурный рулевой сонно проговорил:

— Малим сказал, что в море ничего не видать?

— Да, — пробурчал серанг, не оглядываясь на рулевого.

— Между островами плыла лодка, — тихо произнес матрос.

Серанг, заложив руки за спину и слегка расставив ноги, стоял прямо и неподвижно у компаса. Его лицо, теперь едва видимое, было столь же лишено выражения, как дверца несгораемого шкапа.

— Послушай-ка, что я скажу, — кротким голосом настаивал рулевой.

Серанг не шелохнулся. Матрос немного нагнулся к нему с высоты своей рулевой решетки.

— Я видел лодку, — пробормотал он с мягкой настойчивостью, похожей на настойчивость любовника, просящего поцелуя. — Я видел лодку, Хаджи Васуб! Да! Хаджи Васуб!

Серанг дважды совершал паломничество в Мекку и не был нечувствителен к звукам своего законного титула¹. На его лице появилась хмурая улыбка.

— Ты видел пловучее дерево, Сали, — сказал он с иронией.

— Меня зовут Сали, и глаза мои видят лучше, чем заколдованная медная трубка, которую далеко вытягивают, — отвечал упрямый рулевый. — Я видел лодку как раз у восточного острова. Я видел лодку, и люди в ней могли заметить корабль на западе, потому что он стоял против света, — если только это не слепцы, потерявшиеся в море. Я видел ее. Ты тоже видел ее, Хаджи Васуб?

— Разве я толстый белый человек? — ворчливо проговорил серанг. — Я был моряком еще раньше, чем ты родился, Сали. Нам приказано молчать и смотреть за рулем, чтобы с кораблем не приключилось чего плохого.

После этих слов он опять замер в своем окаменелом бесстрастии.

Слегка расставив ноги, он стоял, прямой и застывший, сбоку от ящика с компасом. Глаза его беспрерывно переходили от освещенного компаса к призрачным парусам брига, а тело не шевелилось ни одним мускулом, точно оно

¹ Хаджи — титул, даваемый людям, побывавшим в Мекке. (Примеч. перев.)

было сделано из дерева и врублено в остов судна. С такой напряженной и чуткой бдительностью стоял на вахте неусыпно-бодрствующий Хаджи Васуб, серанг брига «Молния», раб долга.

Через полчаса после заката солнца тьма окончательно завладела землей и небом. Острова растаяли во мраке ночи. И на водной глади проливов маленький бриг, казалось, глубоко спал, закутанный в благоуханную мантию молчания и звездного света.

II

Лингард вышел на палубу в половине девятого. Шо, одетый теперь в пальто, ходил мелкими шагами взад и вперед по корме, оставляя позади себя запах табачного дыма.

Искра, то потухавшая, то разгоравшаяся, точно сама неслась впереди перед округлыми очертаниями его головы. Распростершийся над мачтами брига ясный небесный свод был полон мерцающих огней, словно там, в высоте, чьи-то мощные дыхания колышут пламя звезд. На палубе брига было тихо, и лежавшие на ней тяжелые тени, казалось, скрывали чьи-то притаившиеся фигуры, молча дожидавшиеся какого-то решительного события. Лингард чиркнул спичкой, чтобы зажечь сигару, и его энергичное лицо с прищуренными глазами выделилось на миг из мрака ночи и сразу исчезло. Теперь по корме задвигались две призрачных фигуры и два красных огонька. Более широкое, но более бледное овальное пятно света, отбрасываемое лампами компаса, лежало на медных частях руле-

вого колеса и на груди стоявшего у руля малайца. Голос Лингарда, как бы не в силах одолеть необъятного молчания моря, звучал придушенно и очень спокойно, без обычной раскатистости.

— Перемены почти никакой, Шо, — начал он.

— Да, сэр, перемены мало. Остров, вон тот, большой, стоит все на прежнем месте. По моему, сэр, по части штилей это море исключительное.

Он разделил слово «исключительное» на две половины, раз'единив их многозначительной паузой. Это было хорошее слово, и он был доволен собой, что вспомнил его. Он продолжал:

— Так вот, с самого полудня этот большой остров...

— Каримата, Шо, — перебил его Лингард.

— Именно, сэр, я и хотел сказать Каримата. Я должен сознаться, что, не зная этих мест, я не привык к здешним...

Он собирался сказать «названиям», но остановился и сказал вместо этого «наименования», любовно смакуя каждый слог.

— За последние пятнадцать лет, — продолжал он, — я постоянно ходил из Лондона в Ост-Индию и там, в заливе, я чувствую себя гораздо более дома, чем здесь.

Он указал пальцем в ночную тьму по направлению к северо-западу и так пристально смотрел туда, точно он мог отсюда различить этот Бенгальский залив, где, как он утверждал, он чувствовал себя гораздо более дома.

— Скоро привыкнете, — пробормотал Лингард, идя быстрым шагом и обгоняя своего помощника. Затем он повернул назад и резко спросил:

— Вы сказали, что перед заходом солнца в море ничего не было видно? А?

— Я ничего не видел, сэр. Когда в восемь часов я снова вышел на палубу, я спросил серанга, не видно ли чего-нибудь. Насколько я понял, он отвечал, что все обстояло так же, как и в шесть часов, когда я сошел вниз. Это море иногда бывает пустовато, сэр, не правда ли? А ведь можно было бы думать, что в это время года здесь должно бы быть немало посудин, возвращающихся домой из Китая.

— Да, — согласился Лингард, — мы встретили очень мало судов с тех пор как миновали Педра Бранка. Да, это пустынное море. Но, Шо, как бы пустынно оно ни было, оно не слепо. Каждый остров на нем — это глаз. И теперь, когда наша эскадра направилась в китайские воды...

Он не закончил фразы. Шо сунул руки в карманы и удобно прислонился спиной к раме стекляннй крыши.

— Говорят, с Китаем будет война, — сказал он тоном любителя поболтать, — и французы будут воевать вместе с нами, как они воевали в Крыму пять лет тому назад. Мне кажется, что мы что-то уж слишком подружились с французами. Это мне не очень-то нравится. А вы как думаете, капитан Лингард?

— Я встречал их военные суда в Тихом океане, — медленно проговорил Лингард. — Корабли были отличные, а экипаж очень вежлив со мной. Они очень интересовались моими делами, — прибавил он со смехом. — Впрочем, я с ними воевать не собирался. У меня тогда был вместо брига старый торговый катер, Шо, — продолжал он оживленно.

— Вот как? — отозвался Шо без всякого энтузиазма. — Дайте мне большое, хорошее судно, которое...

— А позднее, несколько лет тому назад, — перебил его Лингард, — я подружился в Ампанаме с французским шкипером. Нас было там всего только двое белых. Он был славный малый и здорово хлестал красное вино. По-английски он объяснялся не очень вразумительно, но за то пел на своем языке песни на счет а-мур: а-мур — значит по-французски любовь, Шо.

— Совершенно правильно, сэр. Когда я был вторым помощником на Сендерладской шкуне, в сорок первом году, в Средиземном море, я мог совершенно легко болтать на их жаргоне, так же легко, как...

— Да, это был настоящий человек, — продолжал задумчиво Лингард, как бы говоря с самим собой. — Лучшего человека для компании на берегу нельзя было бы сыскать. У него завязалась история с одной балийской девушкой, которая как-то раз бросила ему красный цветок, в то время, как мы вместе с ним шли с визитом к племяннику раджи. Француз был красивый малый, но девушка принадлежала племяннику раджи, и дело оказалось серьезным. Старый раджа разгневался и сказал, что девушка должна умереть. По-моему, племяннику его не очень хотелось, чтобы ей вспороти кинжалом живот, но старик устроил скандал и послал одного из своих приближенных последить за исполнением приказа. К тому же, у девушки имелись враги, — ее же родственники одобряли приговор. Мы ничего не могли сделать. Заметьте, Шо, между ними не было абсолютно ничего, кроме

этого несчастного цветка. Француз приколот его к петлице, а впоследствии, когда она умерла, он положил его в коробочку и носил на шее под сорочкой. Должно быть, ему не во что больше было положить этот цветок.

— Неужели дикари могли за это убить женщину? — с сомнением спросил Шо.

— Еще бы! Они там весьма щепетильны по части морали. В этот раз я впервые в жизни чуть было не ввязался в настоящую войну, Шо. Мы не могли уговорить туземцев. Мы не могли даже подкупить их, хотя француз предлагал лучшее, что у него было, а я готов был отдать ему все, до последнего доллара, до последнего лоскута ситца, Шо! Но они не хотели ничего и слышать. Дьявольски respectable народ! Француз тогда мне говорит: «Слушайте, дружище, если они не хотят взять от нас порох в подарок, давайте сожжем его, и угостим их свинцом». Я был тогда вооружен так же, как сейчас: шесть восьмифунтовых пушек на верхней палубе и длинная восемнадцатифунтовая на баке. Мне хотелось попробовать их, честное слово. Но у француза было только несколько старых мушкетов, да и кроме того эти дьяволы водили нас за нос всякими вежливыми словами, пока в одно прекрасное утро посланная французом шлюпка не наткнулась на труп девушки, на самом берегу бухты. Это положило конец нашим планам. Во всяком случае девушка уже кончила счеты с жизнью, а из-за мертвой женщины никакой разумный человек драться ведь не будет. Я не мстителен по натуре, Шо, да и цветок то она бросила не мне. Но француза это сокрушило совершенно. Он впал в меланхолию, бросил

дела и вскоре отплыл. Я помню, эта поездка дала мне немало денег.

Этимися словами Лингард закончил свои воспоминания об этом рейсе.

Шо подавил зев.

— Из-за женщин бывает масса неприятностей, — сказал он равнодушно. — Я помню, у нас на «Морешайре» был один пассажир, старый джентльмен, который рассказывал нам историю о том, как древние греки десять лет воевали из-за какой-то женщины. Ее похитили турки, а может быть кто-нибудь другой. Во всяком случае, они воевали в Турции. Я этому охотно верю, потому что турки и греки вечно дерутся. Мой отец был помощником боцмана на трехпалубном корабле в Наваринской битве, — а это было, когда мы помогали грекам. Но эта история с женщиной произошла задолго до того.

— Наверное, давно, — пробормотал Лингард, свесившись через поручень и наблюдая плывущие искры, мелькавшие глубоко в воде у киля брига.

— Да, времена изменились. Тогда люди были непросвещенные. Мой дед был проповедником, и, хотя мой отец служил во флоте, я тоже не долговливаю войны. Война — грех, говаривал бывало старый джентльмен. Я тоже думаю, что грех. Другое дело — воевать с китайцами, неграми и вообще с людьми, которых надо держать в ежовых рукавицах и которые не слушают никаких резон, не хотят понять своей собственной пользы, когда им это объясняют люди знающие — миссионеры и тому подобные ав-то-ритеты. Но воевать десять лет! И из-за какой-то там женщины!

— Я читал об этом в книге, — произнес Лингард, свесившись за борт, и его речь словно тихо опускалась на море. — Я читал об этом. Женщина была очень красива.

— Тем хуже, сэр, тем хуже. Можно поручиться, что она ничего не стоила. Но, слава богу, эти языческие времена уже не вернутся. Десять лет убийств и всяческих безобразий! И все из-за женщины! Разве теперь кто-нибудь так поступил бы? Разве вы так поступили бы, сэр? Разве вы...

Резкий звук колокола прервал рассуждения Шо. Где-то высоко застонал сухой блек, и звук этот, короткий и жалобный, прозвучал криком боли.

Он глубоко пронзил ночную тишину и словно разрушил ее обаяние, скрывавшее голоса собеседников. Теперь они заговорили громко.

— Прикройте компас, — распорядился Лингард деловым тоном. — А то он светит, как полный месяц. Когда мы стоим ночью близко от берега, да еще при полном штиле, мы должны держать как можно меньше огней. Если сам не можешь видеть, так надо, чтобы и тебя не видели. Не так ли? Запомните это, мистер Шо. Может быть, тут шныряют какие-нибудь бродяги...

— Я думал, все это уже давным давно кончилось, — сказал Шо, возясь у компаса. — Ведь сэр Томас Кокрэн со своей эскадрой несколько лет тому назад очистил все побережье Борнео. Он ведь не мало-таки подрался, а? Мы слышали об этом от экипажа «Дианы», которая чинилась в Калькутте в то время, как я был там на «Варвик Касле». Эскадра Кокрэна даже взяла какую-то

столицу вверх по реке, неподалеку от этих мест. Матросы только об этом и говорили.

— Сэр Томас сделал хорошее дело, — сказал Лингард, — но пройдет еще немало времени, прежде чем эти моря будут так же безопасны, как Па-де-Кале в мирное время. Я сказал насчет света главным образом для того, чтобы обратить ваше внимание на те мелочи, за которыми здесь нужно внимательно следить. Вы заметили, как мало туземных судов мы видели до сих пор в этих местах?

— По правде, сэр, я не придавал значения этому обстоятельству.

— Это значит, что что-то готовится. Стоит только донестись сюда какому-нибудь слуху, и он переносится с острова на остров, сам собой.

— Я всю жизнь провел на океане, в рейсах между портами, — медленно проговорил Шо, — а потому не могу претендовать на знание особенностей этих малоизвестных мест. Но, вообще, я умею смотреть в оба и заметил, что последние дни судов было мало. А между тем мы все время держались в виду берега.

— Вы узнаете эти особенности, как вы их называете, если проплываете со мной подольше, — небрежно заметил Лингард.

— Надеюсь, вы будете мной довольны, сколько бы времени я с вами ни пробыл, — сказал Шо, подчеркивая значительность своих слов особой отчетливостью произношения. — Человек, проводший тридцать два года своей жизни на воде, не может сказать большего. Если, прослужив пятнадцать лет офицером на английских судах, я и не понимаю обычаев этих диких язычников, то во всем, что

касается плавания и исполнения моих обязанностей, вы всегда найдете меня на-чеку, капитан Лингард.

— Кроме разве тех случаев, когда придется драться, судя по тому, что вы только что сказали, — проговорил Лингард с коротким смехом.

— Драться! Я не думаю, чтобы кто-нибудь захотел со мной драться. Я — мирный человек, капитан Лингард, но если дело дойдет до серьезного, то я смогу драться не хуже этих тупоносых ребят, которыми мы должны пробавляться вместо настоящих христианских матросов. Драться! — продолжал он, с неожиданной воинственностью. — Если кто-нибудь вздумает со мной драться, он найдет меня на-чеку, даю вам слово.

— Хорошо, хорошо! — сказал Лингард, вытягивая руки над головой и поводя плечами. — Чорт возьми! Мне бы очень хотелось, чтобы поднялся ветер и унес нас отсюда. Я несколько тороплюсь, Шо!

— Еще бы сэр! Я еще ни разу не встречал настоящего моряка, который бы не торопился, когда проклятый штиль держит его за пятки. Когда подует ветер... Прислушайтесь, сэр, что это?

— Я слышу... — отвечал Лингард. — Это волна, Шо.

— Мне тоже так думается. Но что за странный у нее звук. Я редко слышал такой...

Далеко в море появилась полоса кипящей пены, похожая на узкую белую ленту, которую как будто быстро тянули по ровной поверхности моря за оба ее конца, терявшиеся во тьме. Полоса достигла брига, пронеслась под ним, растянувшись

по обе стороны; и по обе стороны вода зашумела и забила маленькими волнами, точно охваченная неистовым волнением. Однако, несмотря на этот внезапный и шумный набег, судно оставалось столь же недвижимым, как если бы оно стояло в надежном доке между двумя каменными стенами. Через несколько мгновений линия пены и зыби быстро пронеслась к северу, исчезла из вида и перестала быть слышной, не оставив на водной глади никакого следа.

— Это очень занятно... — начал было Шо.

Лингард подал знак молчания.

Он, казалось, прислушивался, словно шум волны мог откликнуться эхом, которого он ждал. И раздавшийся впереди мужской голос звучал безлично, как голоса, отраженные от твердых и высоких скал на пустынном морском просторе. Этот голос заговорил по-малайски тихо.

— В чем дело? — окликнул Шо.

Лингард, останавливая своего помощника, положил ему руку на плечо и быстро двинулся вперед. Шо, ничего не понимая, пошел вслед за ним. Быстро произносимые и непонятные фразы, которыми перебрасывались в призрачной тьме палубы капитан и сторожевой матрос, заставляли его чувствовать себя посторонним и лишним здесь.

Лингард резко спросил:

— Что ты видишь?

— Я слышу, Туан, — последовал быстрый ответ. — Я слышу весла.

— Где?

— Кругом ночь. Но слышно, что близко.

— Слева или справа?

На этот раз ответ замедлился. На шканцах, под кормой, зашуршали босые ноги. Кто-то кашлянул. Наконец, голос неуверенно сказал:

— Канан.

— Позовите серанга, м-р Шо, — спокойно сказал Лингард, — и велите разбудить матросов. Они все лежат на палубе. Теперь не зевайте. К нам кто-то едет. Неприятно, когда вас застигают врасплох, — прибавил он раздосадованным тоном.

Он перешел к правому борту и стал прислушиваться, держась за бакштаг и повернув ухо к морю; но ничего не было слышно.

Шканцы наполнились тихими шумами. Вдруг прозвучал долгий и резкий свисток, отдался громким эхом среди плоских поверхностей неподвижных парусов и постепенно замер, как бы вырвавшись на свободу и убежав в море. Хаджи Васуб был на палубе, готовый выполнять приказания белого человека. Бриг снова погрузился в молчание. Шо спокойно сказал:

— Я пойду на нос, сэр, вместе с тиндалем. Мы будем все на местах.

— Хорошо, м-р Шо. Смотрите, как бы они не прицепились к борту. Впрочем, ничего еще не слышно. Ни звука. Вряд ли что-нибудь серьезное.

— Малайцу, должно быть, пригрезилось. У меня тоже хороший слух, но... — Шо прошел вперед и конец его фразы донесся, как неясное ворчание.

Лингард внимательно слушал. На корме появились один за другим трое матросов и занялись чем-то у большого ящика, стоящего у входа в капитанскую каюту. Слышались стук и бряцание складываемого на палубу стального оружия, но люди даже не перешептывались.

Лингард пристально вглядывался в темноту и покачал головой.

— Серанг! — окликнул он не громко.

Поджарый старик взбежал по лестнице так легко, что его костлявые ноги, казалось, не касались ступенек. Он остановился перед капитаном, заложив руки за спину — неясный в темноте, но прямой, как стрела.

— Кто стоял на вахте? — спросил Лингард.

— Бадрун, — отрезал Васуб своим отрывистым голосом.

— Я ничего не слышу. Бадруну, должно быть, показалось.

— Ночь скрывает лодку.

— Ты сам видел лодку?

— Да, Туан. Маленькая лодка. Видел еще до заката. Недалеко от земли. Теперь едет сюда, уже близко. Бадрун слышал ее.

— Почему же ты об этом не доложил? — резко спросил Лингард.

— Малим сказал: «Ничего нет», а я видел. Как мог я знать, что у него было на уме, или у тебя, Туан?

— А теперь ты слышишь что-нибудь?

— Нет, теперь они остановились. Может быть, потеряли из виду корабль — кто знает? Может быть, боятся.

— Г-м, — пробормотал Лингард, беспокойно переминаясь с ноги на ногу. — Ты, должно быть, лжешь. А что это за лодка?

— Лодка белых людей. По-моему, с четырьмя гребцами. Маленькая. Туан, я слышу ее сейчас. Вон там.

Он вытянул руку, указывая в сторону борта. Затем рука его медленно упала.

— Едут сюда, — прибавил он с уверенностью.

С носа послышался встревоженный голос Шо:

— Что-то плывет, сэр. Прямо перед нами.

— Хорошо, — крикнул ему Лингард.

Он увидел кусок еще более черной тьмы. Из него понеслись над водой английские слова — внятные, произносимые с расстановкой; каждое из них, казалось, с трудом пробивало себе путь сквозь глубокую тишину.

— Какой это корабль?

— Английский бриг, — отвечал Лингард после некоторого колебания.

— Бриг! Я думал кое-что побольше, — продолжал голос спокойным и несколько разочарованным тоном. — Я подеду к борту, если вы позволите.

— Нет, не подезжайте, — резко бросил Лингард. Протяжный и спокойный голос невидимого собеседника казался ему оскорбительным и вызывал враждебное чувство. — Не подезжайте, если вы дорожите своей лодкой. Откуда вы? Кто вы? Сколько вас в этой лодке?

После этих настоячивых вопросов на минуту наступило молчание. Тем временем очертания лодки стали несколько более отчетливыми. Она, вероятно, немного продвинулась вперед, ибо теперь она казалась больше и виднелась как раз против того места, где стоял Лингард. Потом опять раздался спокойный голос:

— Я вам все это покажу.

После короткой паузы голос произнес, менее громко, но совершенно ясно:

— Чиркни спичкой о борт. Чиркни сильнее, Джон!

Сверкнул синий огонек, освещая мертвенным светом небольшой кусок окружающей тьмы. В дымном, вспыхивающем пламени очертилась белая, четырехвесельная шлюпка с пятью людьми. Их лица, в этом ярком и зловещем свете как бы покрытые мертвенным налетом и похожие на лица трупов, были повернуты к бригу и выражали большое любопытство. Затем рулевой бросил в воду огонь, который он держал над головой, и тьма, снова кинувшаяся на шлюпку, с сердитым шипением поглотила его.

— Нас пятеро, — сказал спокойный голос из тьмы, которая казалась теперь еще чернее. — Четыре матроса и я. Мы с яхты — с британской яхты...

— Взойдите на борт! — закричал Лингард. — Что вы это сразу не сказали? Я думал-было, что вы — переодетые голландцы с какой-нибудь разведочной канонерки.

— Разве я говорю, как чертов голландец? Приналягте на весла, ребята. Правь к борту, Джон!

Шлюпка под'ехала, тихо ударилась о бриг, и какой-то человек, тяжелый, но ловкий, стал взбираться на борт. На поручне он на минуту остановился и крикнул в лодку:

— Отпихнитесь немного, ребята!

Затем он тяжело прыгнул на палубу и сказал подошедшему Шо:

— Добрый вечер! Вы капитан, сэр?

— Нет. Капитан на корме, — проворчал Шо.

— Идите сюда! Сюда, — крикнул нетерпеливо Лингард.

Малайцы оставили свои посты и молчаливой группой столпились около грот-мачты. Пока незнакомец шел к ожидавшему его капитану, на палубе брига не раздалось ни одного слова. К Лингарду подошел приземистый подвижный человек, притронулся к шляпе и спокойным, тягучим тоном повторил свое приветствие.

— Добрый вечер! Вы капитан, сэр?

— Да, я хозяин брига. В чем дело? Вы отбились от своего корабля? Или что?

— Нет, не отбились. Мы оставили его четыре дня тому назад и все время шли на этой шлюпке на веслах. Люди мои выбились из сил, вода вся вышла. К счастью, мы заметили вас.

— Заметили меня? — воскликнул Лингард. — Когда? В какое время?

— Уж, конечно, не ночью. Мы путались южнее между каких-то островов, гребли, надрываясь, то одним проливом, то другим, стараясь выбраться. Огибая какой-то островок, — совсем голый, похожий на сахарную голову, — я увидел вдаль судно. Я на-спех определил его положение, и мы приналегли, как следует, но нас, должно быть, задерживало какое-то течение, и мы не скоро миновали островок. Пришлось править по звездам, и, клянусь лордом Гарри, я уж начал думать, что упустил вас, — потому что судно, которое я видел, было очевидно ваш бриг.

— Да, наверное. Мы весь день ничего не видели, — подтвердил Лингард. — А где же ваш корабль? — спросил он нетерпеливо.

— Застрял на илистой отмели милях в шестидесяти отсюда. Наша шлюпка уже вторая, которую посылают за помощью. С первой мы распростились во вторник. Сегодня она, должно быть, прошла к северу от вас. На ней старший офицер, которому приказано идти в Сингапур. Я младший; меня послали к проливам в надежде, что я, может быть, встречу с каким-нибудь кораблем. У меня есть письмо от владельца яхты. Нашим господам надоело сидеть на мели, и они хотят помощи.

— На какую же помощь вы здесь рассчитываете?

— Об этом скажет письмо. Нельзя-ли, капитан, попросить у вас воды для моих ребят? Я тоже был бы вам благодарен, если бы вы мне дали чего-нибудь выпить. С полудня мы не выпили ни глотка. Наш боченок почему-то дал течь.

— Позаботьтесь об этом, мистер Шо, — сказал Лингард. — Пожалуйте в каюту, мистер...

— Меня зовут Картером.

— Пожалуйте вниз, м-р Картер, — продолжал Лингард, спускаясь по лестнице.

Слуга зажег висючую лампу и поставил на стол графин и бутылки. Салон, весь выкрашенный в белую краску и с позолоченными картинами, вдоль панелей, имел уютный и веселый вид. Против занавешенных задних окон стоял шкафчик с мраморной крышкой, над которой висело зеркало в позолоченной раме. На полукруглом диване, в глубине, лежали подушки из малинового плюша. Стол был накрыт черной, ярко расшитой индийской скатертью. К бимсам были подвешены мушкеты, дула которых побле-

скивали при свете. Мушкетов было двадцать четыре. Столько же штыков устарелого образца обрамляли двойным поясом меди и стали полированную тиковую обшивку рулевого отделения. Все двери каюты были сняты с петель, и на их месте висели только занавеси. Они были, повидимому, из желтого китайского шелка и зашевелились все разом, когда Лингард и его гость вошли.

Картер одним взглядом подметил все эти подробности, но больше всего его заинтересовал круглый щит, висевший посредине между штыками. На его красном поле был изображен в виде позолоченного рельефа сноп молний, врезающихся между двух заглавных букв «Т. Л.». Лингард с любопытством оглядел своего гостя. Это был молодой человек, казавшийся еще моложе своих лет, с гладким, загорелым детским лицом, искрящимися голубыми глазами, светлыми волосами и небольшими усиками. Лингард заметил его внимательный взгляд, устремленный на щит.

— Ах, вас занимает эта штука... Это подарок строителя моего брига. Лучший из судостроителей. Это имя корабля с моими инициалами. Молния — понимаете? Корабль называется «Молния», а меня зовут Лингард.

— Красивая вещь. Очень украшает каюту, — вежливо пробормотал Картер.

Они выпили, кивнув головой друг другу, и уселись.

— Теперь попрошу письмо, — сказал Лингард.

Картер передал послание через стол и стал смотреть кругом, а Лингард вынул письмо из

незаклеенного конверта, адресованного командиру любого английского судна в Яванском море. Бумага была плотная, с вытисненным заголовком: «Яхта Отшельник». Судя по дате, письмо было написано четыре дня назад. Оно извещало, что в туманную ночь яхта застряла на отмели у берегов Борнео. Берега кругом были низменные. По мнению капитана, ее занесло туда во время прилива весенними течениями. Судя по всему, берег был совершенно пустынный. В течение четырех дней со времени катастрофы они видели издали только два туземных судна, которые не приближались. В заключение владелец яхты обращался с просьбой к капитану всякого отправляющегося в обратный путь судна дать знать о положении яхты в Анжер при проходе через Зондский пролив или сообщить об этом первому встречному английскому или голландскому военному судну. Письмо заканчивалось обычными благодарностями и обещаниями возместить все связанные с этим расходы.

Лингард медленно сложил письмо и сказал:

— Я не иду в Анжер и вообще не буду в тех местах.

— Любой порт подойдет, — сказал Картер.

— Но не тот, куда я иду, — отвечал Лингард, опять развертывая письмо и беспокойно глядя на него. — Да и кроме того, он не очень подробно описывает побережье, и широта обозначена не точно, — продолжал он. — Я не ясно представляю себе, где именно вы сели на мель, а между тем я знаю каждый вершок земли в этих местах.

Картер откашлялся и своим медленным и тягучим тоном начал говорить.

Он скупно передавал факты и в кратких словах описывал приметы побережья, но каждое слово свидетельствовало о точности его наблюдений и указывало на ясное зрение истого моряка, способного быстро схватывать основные черты незнакомой земли и незнакомое море.

Сжато и точно он описывал лабиринт рифов и песчаных отмелей, через который, каким-то чудом, яхта пробралась ночью прежде, чем села на мель.

— Погода на море как-будто достаточно ясная, — заметил он в заключение и остановился, чтобы выпить большой глоток. Лингард, склоняясь над столом, слушал его с нетерпеливым вниманием.

Картер продолжал, сжато и обдуманно:

— К югу, на берегу я заметил несколько высоких деревьев. Кто-то, очевидно имевший какие-то дела в этой бухте, выбелил два из них: крайнее, и другое подальше. Должно быть для приметы... В чем дело, капитан?

Лингард вскочил на ноги. Услышав восклицание Картера, он, однако, снова сел.

— Ничего, ничего... Скажите, сколько у вас на яхте людей?

— Двадцать три, кроме наших господ: владельца яхты, его жены и одного испанского джентльмена, которого они выбрали в Манилле.

— Значит, вы шли из Маниллы?

— Да, из Маниллы в Батавию. Владелец яхты хочет изучить голландскую колониальную систему, чтобы ее изобличить, как он говорит. Поневоле многое слышишь, стоя на вахте, сами знаете. Потом мы идем на Цейлон, где будем

ждать парохода. Владелец вернется в Англию, как и прибыл, сушей, через Египет, а яхта конечно пойдет кругом, мимо мыса Доброй Надежды.

— Дама? — спросил Лингард. — Вы говорите, у вас есть дама на судне? Вы вооружены?

— Не очень-то, — небрежно отвечал Картер. — У нас есть несколько мушкетов и два охотничьих ружья — только и всего. По-моему это слишком много или слишком мало, — прибавил он с легкой улыбкой.

Лингард пристально посмотрел на него.

— Вы шли на этой яхте из самой Англии? — спросил он.

— Нет, я вообще не служил на яхтах. Я поступил на нее в Гонконге, где я лежал в госпитале. Я два года проплавал у китайского побережья.

Он остановился и затем шопотом пояснил:

— На шкунах, торгующих опиумом, — понимаете? К медным пуговицам я не привык. Мое судно оставило меня на берегу, и мне нужна была работа. Я взял это место, но ехать домой мне не очень хотелось; это скучная работа, в особенности со старым Робертсоном на его «Ляйимун». Так звался мой корабль. Вы слышали о нем, капитан?

— Да, да, — поспешно отвечал Лингард. — Слушайте, м-р Картер, каким путем направился в Сингапур ваш старший офицер? Через проливы Рио?

— Вероятно, — отвечал Картер несколько изумленным тоном. — Почему вы спрашиваете?

— Да так, чтобы знать... Что вам, м-р Шо?

— На севере подымается черное облако, сэр. Сейчас начнется ветер.

Шо переминался в дверях, поглядывая на графин.

— Не хотите ли стаканчик? — пригласил его Лингард, подымаясь с места. — Я пойду наверх и посмотрю.

Он вышел на палубу. Шо подошел к столу и в глубоком молчании стал наливать себе вино, прикасаясь к бутылкам с преувеличенной осторожностью, как будто отливал из хрупкого сосуда дозу смертоносного яда. Картер, засунув руки в карман и откинувшись назад, рассматривал его с головы до ног холодным взглядом. Поднеся стакан к губам, Шо пристально поглядел на незнакомца и медленно выпил содержимое.

— Вы ловко умеете вынюхивать ночью корабли, мистер, — обратился он к Картеру, необыкновенно тихо ставя стакан на стол.

— Что же в этом особенного? Я заметил вас как раз после захода солнца.

— Вот, вот... Вы знали, в какую сторону смотреть, — продолжал Шо, не отрывая взгляда от Картера.

— Я смотрел на запад, где еще было светло. Так поступил бы на моем месте всякий рассудительный человек, — отвечал Картер с некоторым нетерпением. — Но что вам собственно надо узнать?

— И вы умеете нахвастать о себе с три короба, а?

— Никогда я не видал такого чудака, — объявил Картер, переходя в свой обычный небрежный тон. — Вы, кажется, чем-то встревожены?

— Я не люблю, чтобы лодки подкрадывались, притом неведомо откуда, к кораблю, когда я стою

на вахте. По части зоркости я не уступлю любому английскому моряку, но я не терплю, когда меня проводят при помощи обмотанных весел и тому подобных неблагородных приемов. Яхтовый офицер, еще бы! Здесьние моря, поди, кишат такими яхтсменами. Позвольте вам заявить, что вы сыграли со мной низкую шутку. Я сказал своему старику, что ничего не было видно на закате, — ничего и не было. Сколько бы вы там ни хвастали на счет закатов и ориентаций, а по-моему вы набрали на нас случайно. Чорта с два! Я знаю, вы на нас наткнулись в слепую, да еще с обмотанными веслами. По вашему, это прилично?

— Если я обмотал весла, так на это у меня были основания. Я хотел проскользнуть мимо бухточки, где стояло какое-то туземное судно. Это было необходимой предосторожностью в такой маленькой лодке, да к тому же без оружия, — как я. Я вас отлично видел, но я не имел намерения кого бы то ни было пугать. Даю вам слово.

— Я хотел бы, чтобы вы попали куда-нибудь в другое место, — проворчал Шо. — Я терпеть не могу, когда меня сажают впросак, благодаря случайностям и подвохам. Вот! Меня зовет старик...

Шо поспешно вышел из каюты и вскоре после этого Лингард спустился вниз и уселся за столом против Картера. Его лицо было серьезно и решительно.

— Сейчас начнется ветер, — сказал он.

— В таком случае, — проговорил Картер, подымаясь, — отдайте мне обратно это письмо, и я опять пушусь в плавание, чтобы отыскать какой-нибудь другой корабль. Я надеюсь, что вы сообщите о нас там, куда вы идете.

— Я поеду к яхте и сохраню письмо, — решительно отвечал Лингард. — Я теперь точно знаю, где она находится, и отправлюсь на выручку. Очень счастливо для вас, что вы наткнулись на меня, м-р Картер. Счастливо для них и для меня, — прибавил он тише.

— Д-да... — задумчиво протянул Картер. — Если вы снимете яхту с мели, вам порядочно перепадет, но я не думаю, чтобы вы могли много сделать. Мне лучше бы остаться здесь и разыскать какую-нибудь канонерку...

— Вы должны вернуться на яхту вместе со мной, — властно заявил Лингард. — Бросьте думать о канонерках.

— Этим я не выполнил бы данного мне поручения, — пояснил Картер. — Мне поручено обратиться к какому-нибудь обратному судну или военному кораблю — это ясно. Я не боюсь проболтаться несколько дней в открытой лодке, только велите наполнить свежей водой мой боченок, капитан, и я удалюсь.

— Вздор, — резко произнес Лингард. — Вы отправитесь со мной показать мне место и... и помочь. Я возьму вашу лодку на буксир.

Картера это, видимо, не убедило. Лингард положил тяжелую руку ему на плечо.

— Послушайте, молодой человек. Я — Том Лингард, и на этих островах нет ни одного белого человека и почти нет туземцев, которые не слышали бы обо мне. Мое счастье занесло вас на мой корабль, и теперь я вас держу, вы должны остаться. Должны!

Это «должны» прозвучало громко и резко, как пистолетный выстрел. Картер отступил на шаг.

— Вы хотите сказать, что задержите меня силой? — спросил он встревоженно.

— Силой? Это зависит от вас. Я не могу позволить вам вступать в разговоры с каким бы то ни было кораблем. Ваша яхта застряла в самом неудобном для меня месте, а ваши шлюпки, разосланные по всем направлениям, притащили бы туда все чертовы канонерки. А между тем спокойнее этого уголка трудно найти. И вздумалось же вам сесть на мель именно в этом месте! Это было мое несчастье, а счастье мое в том, что вы набрали на меня. И за это счастье я буду держаться.

Он опустил на освещенную лампой черную скатерть свой огромный и мускулистый кулак, от которого задребезжали стаканы; сильные пальцы плотно впились в крепкое мясо ладони. Так он держал его минуту, словно для того, чтобы показать Картеру, что не намерен выпускать своего счастья из рук. Затем он продолжал:

— Понимаете ли вы, в какое осиное гнездо попал ваш дурацкий экипаж? Сколько, думаете вы, стоит сейчас их жизнь? Ни одного фартинга, если штил задержит меня здесь еще на сутки. Что вы так удивленно смотрите? Это истинная правда, и может быть даже и теперь, пока мы тут с вами спорим, мы уже опоздали.

Лингард стукнул костяшками по столу, и стаканы, словно проснувшись, тихо и жалобно задребезжали. Картер стоял, прислонившись к шкапу.

Он был ошеломлен неожиданным оборотом разговора; челюсть его слегка опустилась, и глаза, не отрываясь, глядели на лицо Лингарда. Воцарившееся в каюте молчание длилось только

несколько секунд, но напряженно ожидавшему Картеру оно показалось очень долгим. Он вдруг ясно различил в тишине тиканье часов, похожее на биение пульса; казалось, даже их маленькое металлическое сердце, скрытое за циферблатом, начало биться от волнения.

— Канонерка! — вскричал вдруг Лингард, как будто только сейчас, в свете внезапно осенившей его мысли, он понял всю трудность положения. — Если вы не вернетесь туда со мной, очень скоро вам уже не к чему будет возвращаться. Ваша канонерка не найдет там ни одной корабельной щепки, ни одного трупа. Ничего не найдет. Вам нужен не шкипер с канонерки. Вам нужен я. Вы не понимаете своего счастья, а я понимаю свое, понимаю, и — послушайте-ка...

Лингард прикоснулся указательным пальцем к груди Картера и продолжал смягчившимся тоном:

— Я — белый внутри и снаружи и не дам погибнуть безоружным людям, да еще и женщине, если только я в силах им помочь. А если я не помогу — никто не поможет. Понимаете — никто. Слишком мало для этого времени. Но я — человек, как другие. Я не дам погибнуть начатому предприятию, когда этому можно помешать, а здесь как раз такой случай...

Его голос был убедителен, почти нежен. Он держал Картера за пуговицу жакета и слегка тянул его к себе, конфиденциально продолжая:

— Дело в том, м-р Картер, что я скорее застрелил бы вас на месте, чем позволил бы вам подымать тревогу на всем этом море из-за вашей проклятой яхты. Мне приходится принимать в сообра-

жение еще и другие жизни, интересы моих друзей, данные мною обещания, да и себя самого. Я задержу вас у себя, — резко добавил он.

Картер глубоко вздохнул. С палубы доносилось мягкое шлепанье ног, бормотанье, неясные слова поблизости от стеклянной крыши. Ворчливый голос Шо громко скандовал:

— Крепи бомбрамсели, тиндаль.

— Вот так штука! — пробормотал Картер, смотря в пол. — Вы странный человек. Мне приходится верить тому, что вы говорите, если только вы и ваш толстый помощник — не сумасшедшие, сбежавшие из желтого дома и каким-то образом залучившие этот бриг. Ваш помощник искал со мною ссоры за то, что я явился к вам на судно, а теперь вы грозитесь, что скорее застрелите меня, чем отпустите. Не то, чтобы это меня очень беспокоило; рано или поздно вас за это повесят бы; а вы не похожи на человека, которого ждет такой конец. Если даже половина из того, что вы говорите, — правда, то я должен вернуться на яхту как можно скорее. По-моему ваш приезд принесет им мало пользы, а я, может быть, понадоблюсь. Но, во всяком случае, все это очень странно. Можно мне ехать в моей шлюпке?

— Как хотите, — отвечал Лингард. — Но дело в том, что надвигается шквал с дождем.

— Я командую шлюпкой и буду мокнуть вместе с моими ребятами. Дайте нам длинный крепкий трос, капитан.

— Уже сделано. Вы, кажется, моряк рассудительный и сами видите, что вам все равно не удастся улизнуть от меня.

— Вы уж очень уверены в себе, капитан, — протянул Картер. — Если я обрежу канат во время шквала, мы навряд ли увидимся.

— Попробуйте, — сухо сказал Лингард. — Здесь на бриге у меня есть люди, которые смогут видеть вашу лодку в то время, как вы не будете видеть брига. Вы мне нравитесь, но если вы попытаетесь шутить со мной, я вас найду, а когда я вас найду, я вас потоплю. Это так же верно, как то, что я стою здесь.

Картер хлопнул себя по боку и глаза его засверкали.

— Клянусь лордом Гарри! — воскликнул он. — Если бы не матросы, я попробовал бы, хотя бы спорта ради. Вы уверены, что все можете сделать, капитан. Вы можете взбесить святого!

Его добродушие вернулось. Но после короткого взрыва смеха Картер опять стал серьезен.

— Не бойтесь, — сказал Картер. — Я не сбегу. Если предстоит потасовка, как вы, повидимому намекаете, я не намерен оставаться в стороне, поверьте, и...

Он протянул руки вперед, посмотрел на них, слегка взмахнул ими.

— И эта пара рук об этом позаботится, — добавил он, снова беззаботно растягивая слова.

Но хозяин корабля, сидевший опершись обоими локтями о стол и закрыв лицо руками, неожиданно погрузился в задумчивость, столь глубокою и сосредоточенною, что, повидимому, ничего не слышал, ничего не видел и даже не дышал. Вид этого человека, безраздельно поглощенного своими мыслями, поразил Картера больше, чем все происшествие этой ночи. Если бы

его странный хозяин вдруг исчез у него на глазах, он вряд ли бы почувствовал себя более неприятно и одиноко, чем чувствовал себя сейчас в этой каюте, где часы упрямо выстукивали бесполезные минуты штиля, чтобы немного спустя выстукивать, с тем же спокойствием и постоянством, минуты бесцельно бушующего шторма.

III

Подождав немного, Картер вышел на палубу. Небо, море, самый бриг исчезли во тьме непроницаемой, удушливой и как бы осязаемой. По небу неслась огромная туча, точно добираясь до маленького брига. Вот она достигла его и неподвижно повисла над ним. На юге виднелся синеватый трепетный полусвет, слабый и печальный, словно исчезающее воспоминание об угасшем свете звезд. На севере, как бы свидетельствуя о невозможном, невероятном, еще более черное пятно очерчивало на страшной тьме неба центр надвигающегося шквала. Фосфорические сверкания в воде прекратились, и невидимое море лежало немое и тихое, точно оно внезапно умерло от страха.

Картер не мог ничего различить. Он чувствовал, как вокруг него двигались люди, слышал, как они шептались в темноте, точно поверяя друг другу важные или постыдные тайны. Ночь изгладила даже слова, и тайна ее завладела всем окружающим, не оставив ничего, кроме неожиданностей, таившихся вокруг и словно готовых вот-вот схватить людей беззвучной быстротой и страшной хваткой. Даже беззаботный характер молодого

морьяка, служившего на занимавшихся опиной контрабандой кораблях, не мог остаться равнодушным к этой зловещей обстановке. Что представляло собой это судно? Кто такие были эти люди? Что случится завтра с яхтой и с ним самим? Он внезапно почувствовал без каких-либо новых доводов, кроме темноты, что дело во всяком случае скверно, с какого конца ни посмотреть. Эта ничем не объяснимая уверенность на секунду заставила его вздрогнуть. Он крепко сжал створку двери, к которой прислонился.

Голос Шо, раздавшийся над самым ухом Картера, несколько облегчил его неприятное настроение.

— А, это вы, мистер. Вышли, наконец, — медленно произнес помощник капитана. — Нам, видно, придется взять вас на буксир. Необыкновеннейший инцидент. Подкрадывается неизвестно откуда шлюпка и вдруг оказывается долгожданым другом. Вы ведь и есть один из тех друзей, которых поджидал тут шкипер? Не так ли? Нечего скрывать, я знаю больше, чем вы, может быть, думаете. Мы ведь теперь отправляемся в... Ну, не скрывайте же... Отправляемся, гм, гм... Ну, да ведь вы знаете куда?

— Да, я знаю. А вы разве не знаете? — невинно проговорил Картер.

Шо с минуту помолчал.

— Где шкипер? — спросил он наконец.

— Я оставил его внизу. Он как-будто задремал. Где моя шлюпка?

— Ваша шлюпка за кормой. И позвольте вам сказать, что вы так же невежливы, как вы оказались недобросовестны. Совершенно так же.

Картер, спотыкаясь, тронулся к гакаборт, но при первом же шаге наткнулся на чье-то быстро ускользнувшее тело. Ему пришлось в голову, что в такие ночи люди становятся беспомощными. Любой человек, способный поднять кол, мог бы сейчас безнаказанно раздробить ему череп. Картер чувствовал странное раздражение. И, обращаясь к Шо, который, как он предполагал, стоял где-то близко, он громко сказал:

— А мне кажется, что вы и ваш шкипер кончите плохо, прежде чем...

— Я думал, что вы в вашей шлюпке. Вы переменили ваше решение? — раздался низкий голос Лингарда совсем близко от Картера.

Картер, продвигаясь ощупью вдоль поручня, нащупал наконец трюс, который, казалось, по своей собственной воле тянулся в темное пространство за бортом. Он окликнул свою шлюпку и вскоре услышал плеск воды у самого брига. Лодку подтянули к кормовому подзору. Безформенной массой Картер повис на поручне и через миг исчез словно провалившись за пределы вселенной. До Лингарда донеслись слова:

— Держи меня за ногу, Джон!

В шлюпке послышался глухой звук и чей-то голос буркнул:

— Есть!

— Держитесь дальше от подзора, — спокойно предупреждал Лингард, говоря прямо перед собой во тьму ночи. — Бриг может дать задний ход, если этот шквал не подхватит его, как следует.

— Хорошо, хорошо, — раздался вежливый ответ с воды.

Лингард перешел к левому борту и стал пристально глядеть на темную массу приближающихся облаков. Через минуту он отрывисто произнес:

— Подбрасопьте для левого галса, м-р Шо!

И замолчал, стоя лицом к морю.

Тоскливый и пугающий звук, похожий на вздох какого-то огромного животного, несущегося в беззвездном пространстве, пронесся над высокими вертикальными мачтами застывшего брига. Он усилился, затем через минуту смолк, и слышно было, как корабельные снасти, вибрируя, откликаются певучей нотой на грозное рокотание бури. Водная поверхность стала подниматься длинными и медленными волнами, и казалось, что это море дышит глубоко и тревожно. Прошла еще минута, и что-то бурное и безмерное прыгнуло из тьмы на море, зажигая его синевато-бледным светом пены. На бриг налетел первый порыв шквала и, как бичом, хлестнул его брызгами и дождем. Как бы оглушенный внезапностью и свирепостью нападения, корабль с секунду оставался на месте, весь сотрясаясь от киля до кормы. Высоко над головой, затерянные в ночной тьме, бешенно хлопали паруса.

Затем, с громким двойным ударом, похожим на пушечный выстрел, оба марсея сразу надулись и бриг быстро перекачнулся на бок.

Шо с силой швырнуло о подъемное окно, и Лингард, обхвативший рукой поручень, почувствовал, что судно ровно ринулось вперед и палуба несколько выпрямилась; бриг стал развивать скорость и облегчил напор ветра на надутые поверхности парусов. Только пропорциональность линий маленького судна и его совершенная форма дали ему возможность с такой молниеносной быстротой

развить ход; это спасло паруса, а может быть даже и мачты. Лингард глубоко вздохнул и торжественно закричал Шо, с трудом пробиравшемуся к нему сквозь дождь и ветер:

— Он выдержит. Держитесь за все, что подвернется!

Шо попытался говорить, и сейчас же наглотался тепловатой воды, которую ветер забил ему в горло. Бриг мчался среди широких волн, шумно пронесившихся между мачт и пробегавших по палубе с грохотом и яростью водопада. С каждой мачты, с каждого каната хлестали в подветренную сторону неровные потоки воды. Этот поток, казалось, продолжавшийся целую вечность, стал невыносимым—и сразу прекратился. Через какие-нибудь две минуты ливень прошел и теперь, похожий на прямую серую стену, убежал дальше в непроглядную ночь под замолкший шум рассеивающихся облаков. Ветер стал стихать. На севере, у темной линии горизонта, появились три звезды, то подпрыгивая над гребнями волн, то опускаясь вниз, словно головы пловцов. Отступающий край облака, вытянувшийся прямой линией с востока на запад, скользил по небесному своду, похожий на огромную полукруглую заслонку, передвигаемую вниз каким-то огромным механизмом. Вместе с трепетным звездным светом с величественного неба полилась бодрящая свежесть. Небо теперь было торжественное, чистое, и до странности необычное, точно в быстрое мгновение бури была создана новая вселенная. Это было возвращение к жизни, возвращение к пространству; земля выходила из-под савана и снова занимала свое место в обновленной, сверкающей безграничности мира.

Бриг, слегка нагнувшись, ровно бежал вперед под марселями, кливером и контр-бизанью, презрительно расталкивая беспорядочную толпу шумных и взбудораженных волн. Позади него по беспокойной поверхности моря крутилась широкая лента кипящей пены, пронизанная поблескивающими, завывающимися темными кругами, отбрасываемыми рулем. Далеко за кормой, на конце троса, казавшегося не толще нитки и то и дело погружавшегося в клубы пены, виднелся какой-то маленький предмет, длинный и темный, несшийся по белому следу корабля.

Лингард прошел на корму и, опершись обеими руками о гакаборт, стал искать глазами шлюпку Картера. С первого же взгляда он убедился, что шлюпка плыла на конце длинного троса, и, отвернувшись, пристально посмотрел наверх, в подветренную сторону. Было половина первого ночи, и Шо, смененный Васубом, спустился вниз. Уходя, он сказал Лингарду:

— Я уйду, сэр, если вы не собираетесь наддуть ходу.

— Я еще подожду,—озабоченно отвечал Лингард. Шо удалился, негодуя, что таким хорошим ветром не пользуются.

На верхней палубе, темнокожие матросы, обмокшая одежда которых так плотно прилегалась к их дрожавшему телу, точно их выкупали в море, только что окончили уборку и подвязку снастей. Кассаб, подвесив фор-марса-фал на стропку, важно прошел на шкафут к кучке людей, стоявших без дела у спасательной шлюпки. Он внимательно посмотрел на их туповатые лица. Ему сейчас же освободили место.

— Это был большой дождь и могучий ветер, матросы, — наставительно произнес он, — но этому кораблю не страшен никакой ветер. Я это знал, когда я смотрел за парусом, который мне поручен.

Послышался тихий и равнодушный шопот голосов.

Высокая волна, перескочив через борт, хлестнула собравшимся в глаза тяжелыми и колющими, как град, брызгами. Раздались негодующие стоны. Кто-то вздохнул. Кто-то рассмеялся, стуча зубами. Но никто не тронулся с места. Маленький кассаб отер лицо и, под аккомпанимент шипящих волн, продолжал своим скрипучим голосом:

— Слышали вы, как он кричит на ветер? Кричит громче самого ветра. Я сам слышал, когда стоял на носу. Да еще и раньше, за все те долгие годы, которые я прослужил этому белому человеку, я часто слышал, как он выкрикивает волшебные слова. Эти слова спасают от всякой опасности. Я-ва! Это истинная правда. Спросите Васуба, который такой же хажди, как и я.

— А я не раз видел, как корабли белых людей вместе с их мачтами ломались так же, как и наши прау¹, — печально заметил худой, поджарый малый, который дрожал, сидя рядом с кассабом, повесив голову и пытаясь охватить свои лопатки.

— Верно, — согласился кассаб. — Все они дети сатаны, но некоторым посылается небом милость. Хорошо повиноваться таким людям на море или в бою. Я видел, как хозяин этого брига сражался с дикими людьми, которые с'едают своих врагов,—

¹ Прау — парусная лодка. (Примеч. перев.)

они живут далеко на востоке, — и я стоял рядом с ним и без страха наносил удары направо и налево. Ибо чары, которыми он обладает, защищают и его слуг. Я истинно верующий... и сатана не может коснуться моей головы. Но вознаграждение за победу идет от неверных. Шесть лет плавал я с этим белым человеком. Сначала я был за рулевого, ибо я вырос на море, родился на прау и искусен в этой работе. А теперь, так как я хорошо знаю его желания, я заведую всем на этом корабле.

Несколько голосов пробормотало: «верно, верно». Под порывами ветра, то и дело обдаваемые брызгами, матросы стояли анатично и терпеливо. Балансируя на колеблющейся палубе корабля, они все сбились в одну кучу и прижались к большой спасательной шлюпке. И ветер, жужжа между наклоненных мачт, обволакивал своим непрерывным звучанием их темные и молчаливые фигуры.

Нос брига был повернут так, чтобы пройти мимо маленьких островов Кариматской группы. До сих пор их не видно было во тьме, но теперь оба вахтенных одновременно крикнули, что впереди показалась земля. Лингард, стоя с подветренной стороны рулевого колеса, наблюдал первый показавшийся островок. Когда бриг очутился как раз против него, Лингард скомандовал, и Васуб поспешил на верхнюю палубу. Руль положили под ветер, реи грот-мачты медленно выправились, и мокрая парусина грот-марселя, тяжело хлопнув, прилипла к мачте. Блестящий след корабля исчез. Бриг потерял направление и начал окутаться своими концами в быстро набегавшие волны. При каждом

погружении ветер выл в качавшемся рангоуте жалобно и дико.

Когда приготовили лодку к спуску, яхтовая шлюпка, подтягиваемая тросом, появилась с подветренной стороны, подбрасываемая вверх и вниз и обдаваемая пеной. Картер стоял у кормы, ловко балансируя на своем беспорядочно качающемся суденышке. Он дважды окликнул бриг, спрашивая, в чем дело, ибо он не мог различить в темноте, что делали люди, столпившиеся на корме брига. Он не получил ответа, хотя на бриге стоял лицом к нему какой-то человек, и, повидимому, наблюдал за ним. Он собирался было крикнуть в третий раз, как вдруг послышалось громохание талей, затем тяжелый звук упавшего в воду предмета, громкие голоса, глухой скрип, и отделившаяся от корабля темная масса пронеслась мимо него на гребне волны. С секунду он мог видеть на фоне звездного неба очертания лодки, головы людей, лопасти торопливо поднимаемых и опускаемых весел. Затем все исчезло из вида, еще раз появилось вдали в смутных, едва различимых контурах, и наконец совсем скрылось.

— Они спустили лодку! — воскликнул Картер. Он вспомнил, что всего несколько часов тому назад он видел, как среди этих островов шныряли туземные прау. Ему пришло в голову, что надо бы отвязать шлюпку и поехать вслед за лодкой, чтобы выяснить... Но что выяснять? Он сразу отказался от своей идеи. Что мог он сделать?

Мысль, что яхта и ее пассажиры подвергаются какой-то неопределенной, но реальной опасности, овладела им с новой силой, и хотя он был уверен,

что хозяин брига идет яхте на помощь, все же это несколько не успокаивало его. Это только усложняло его тревогу ощущением тайны.

Белый человек, говоривший таким тоном, точно это море принадлежало ему и точно люди, осмелившиеся сесть здесь на мель, тем самым вмешивались в его личные дела, представлялся ему не очень желанным помощником. Лодку спустили для того, чтобы что-то передать на те самые прау, которые он видел и старательно избегал. Это не подлежало никакому сомнению. Мысль эта осенила его сразу. Все это было подозрительно и, однако, все-таки наилучшим образом действий было следовать за бригом и добраться обратно до яхты, чтобы предупредить их... Но предупредить против кого? Не против же капитана «Молнии», который был с ним совершенно откровенен. Предупредить против чего? Картеру пришло в голову, что он не имел ни малейшего представления о том, что именно им грозило, или что могло грозить. Весть об опасности приносил сам их странный освободитель. Опасность грозила, конечно, со стороны туземцев. Это было очевидно. С другой стороны, эта спущенная ночью лодка... Картер выругался. Его замешательство становилось настоящей физической болью, пока он сидел тут у руля, промокший, усталый и бездейственный, подбрасываемый волнами вверх и вниз. Прямо перед его глазами опускался и подымался высокий и черный корпус брига, то и дело с шумом окуная свою корму в пенящуюся воду. С брига до Картера не доносилось ни звука. Бриг казался покинутым, и только фигура внимательно сторожившего человека виднелась у гакаборта.

Картер приказал подплыть ближе к брига и крикнул:

— Алло! Что-нибудь случилось?

Картер дожидался, прислушиваясь. Темная фигура стояла молча. Через некоторое время раздалось короткое «нет».

— Вы еще долго собираетесь тут простоять? — крикнул Картер.

— Не знаю. Вероятно, недолго. Держитесь дальше от брига. Вам придется плохо, если вы не отъедете.

— Трави, Джон, — сказал Картер покорным тоном пожилому матросу, сидевшему на носу.

— Трави. Отъедем подальше. Они что-то не очень разговорчивы там, на бриге.

Не успел он кончить, как веревка вытянулась, и правильные колебания пронесившихся волн отогнали шлюпку от брига. Картер повернулся немного и взглянул на землю. Земля возвышалась с подветренной стороны высоким и неправильным конусом в расстоянии какой-нибудь мили или полуторы. Несмотря на ветер, слышен был шум прибоя, с мерным грохотом разбивавшегося о скалы. Мало-по-малу многодневная усталость возобладала в Картере над тревогой, и он потерял всякое представление о времени, хотя и не вполне забыл окружающее.

По временам, пробуждаясь от этого не столько сна, сколько странного оцепенения, он замечал, что шум прибоя переходит в непрерывный гул, возрастающий порой до громкого воя; что высокий островок кажется теперь больше, и что у его основания виднеется белая кайма пены. На бриге попрежнему не было заметно никакого движения.

Он видел, что ветер стихает, и море вместе с ним, и снова впадал в дремоту.

Когда он открыл глаза, он вдруг с изумлением заметил, что из-за линии берега поднялась к небу какая-то новая яркая звезда, заняла место в блестящем созвездии и сразу исчезла. За ней последовали две других и, достигши той же высоты, одновременно погасли.

— Это ракеты, сэр? — тихо спросил один из матросов.

— Да, ракеты, — буркнул Картер. — Что же за этим последует? — грустно пробормотал он про себя.

Как бы в ответ ему, с сердитым шипеньем, над темным остовом брига стрельнула вверх тонкая полоса огня и, поднявшись, рассыпалась красным каскадом падающих искр. Только одна, белая и сверкающая, одиноко повисла в вышине и, ярко просияв секунду, взорвалась со слабым треском. Сейчас же вслед за этим бриг повернулся по ветру, грот-марсель надулся, и Картер ясно услышал плеск волн, разрезаемых носом судна. Трос натянулся, и шлюпка, вздрогнув, понеслась за бригам.

Нагнувшись вперед, чуткий и внимательный, Картер правил. Матросы сидели на банках друг за другом, поднимая плечи и сгорбившись; несмотря на неудобства положения, они молча терпели и дремали. Править лодкой в волнистом и беспокойном следу, оставляемом кораблем, была нелегкая задача, и Картеру некогда было много раздумывать насчет тревожного будущего и насчет необычности своего собственного положения.

Больше всего он думал теперь о том, чтобы снова увидеть яхту, и с чувством немалого удовле-

творения он заметил, что бриг идет на всех парусах. Во всю остальную часть ночи он сидел, крепко держа руль и не отрывая глаз от призрачной и высокой парусной пирамиды, ровно скользившей впереди и легко покачивавшейся из стороны в сторону.

IV

Было уже за полдень, когда бриг Лингарда, пробираясь по глубоким проливам между коралловых рифов, обогнул на расстоянии пистолетного выстрела низкий песчаный холм, стоявший на самом конце длинной полосы подводных камней, которые высовывали там и сям свои черные головы из-под шипящей пены желтого моря. Лишь только бриг миновал холм, над полосой прибоя и песка, среди утесов, обрисовались черные очертания яхты, перекачнувшейся на бок и неподвижно высившейся на фоне широкого сверкающего мелководья. Ее длинные обнаженные мачты были слегка наклонены, словно она неслась под сильным ветром. Людям, находившимся на бриге, вид ее внушал нечто вроде печали и разочарования, — так силен был контраст между ее мертвой неподвижностью и ее позой, невольно вызывавшей в уме моряка мысль о быстром движении.

— Вот и она, — сказал Шо, одетый в белоснежную пару и только что подошедший с носовой части брига, где он был занят якорями.

— Здорово она застряла, сэр, а? По-моему, она села на ил.

— Да, это ил, — медленно проговорил Лингард, приставляя к глазам подзорную трубку.

Грот долой, м-р Шо, — продолжал он, пристально глядя на яхту. — Нам придется здесь пробираться полегоньку.

Лингард положил трубку и отошел от поручня. В течение целого часа маневрировал он своим маленьким судном в извилистом и узком проходе, манерил с небрежной уверенностью, как будто от взора его не укрывался ни один камень, ни одна песчинка предательского дна. Несмотря на неровный и капризный ветер, он действовал с такой смелостью, что у Шо, стоявшего на носу, захватывало дух от волнения. Когда бриг направлялся на мель, поворот делали лишь после того, как матрос с лотом кричал, что воды под килем не больше трех футов. А когда он приближался к крутым скалам скалы, где лот был бесполезен, руль переключивали не раньше, чем водорез касался пены прибоя. Лингард любил свой бриг так, как любят мужчины: его чувство удовлетворялось лишь тогда, когда сила и качества брига подвергались наибольшему испытанию и выносливость этого последнего достигала крайнего предела. Каждый плеск парусов, натянутых на крепкие тросы, наполнял его сердце острым наслаждением; а нежное ворчание воды вдоль борта, показывавшее, что его несравненный бриг при всех поворотах ни на минуту не терял направления, было для Лингарда более драгоценно, более вдохновляюще, чем были бы для иного мужчины ласковые слова любимой женщины. Именно в такие минуты он и жил напряженной жизнью. Его так переполняла нежность, что ему хотелось прижать к груди свое маленькое судно. Оно было для него целым миром, полным радости, внушавшим безграничную веру.

Люди на яхте, напряженно следившие за этим первым парусным судном, которое они видели со времени своего крушения на безлюдном побережье, скоро заметили с некоторым разочарованием, что это всего только небольшой торговый бриг. Судя по тому, что он осторожно пробирался к ним между рифов, он, вероятно, хотел установить с ними сношения и оказать помощь. По общему мнению моряков, от такого судна нельзя было многого ожидать. Только капитан яхты заметил боцману (который приходился ему двоюродным братом):

— Этот человек хорошо знает здешние места. Это видно по тому, как он маневрирует. Я, признаться, не прочь, чтобы кто-нибудь нам помог. Но когда мы выберемся из этой грязи, Джордж?

Бриг достиг южной окраины той отмели, где застряла яхта. На самом ее краю бриг повернул в последний раз. Как только он лег на другой галс, быстро убавили парусов, и «Молния» начала пробираться к месту своей будущей стоянки, под марселями, нижними стакселями и кливером. Между бригом и яхтой было меньше четверти мили расстояния; но яхта уткнулась в отмель носом к востоку, а бриг двигался в северо-западном направлении и таким образом огибал всю яхту. Лингард видел весь экипаж и всех пассажиров яхты, наблюдавших за его приближением в таком же полном молчании, какое господствовало и на его собственном судне.

Низенький человечек с красным лицом и седыми бакенбардами, стоявший у поручня на шкафуте яхты, махнул ему фуражкой с золотым галуном. Лингард в ответ махнул рукой. Дальше на палубе,

под белым навесом, виднелись фигуры двух мужчин и одной женщины. Один из мужчин и дама были в синем. Другой мужчина, казавшийся очень высоким и стоявший, охватив рукой подпорку навеса, был одет в белое. Лингард различал их совершенно ясно. Они смотрели на бриг в бинокли, поворачивались друг к другу, повидимому, что-то говорили, казались изумленными. Большая собака положила передние лапы на борт, затем, подняв свою крупную черную голову, три раза громко и жалобно пролаяла и скрылась. Когда на яхте заметили, что лодка, шедшая за бригом на буксире, была их собственная шлюпка, всеми овладело волнение. Поднялись руки, стали указывать пальцами, кто-то выкрикнул длинную фразу, ни одного слова из которой нельзя было разобрать. В эту минуту бриг, достигнув западной стороны отмели, начал по диагонали двигаться прочь, удаляясь от яхты и минуя ее корму. Лингард заметил, что люди на яхте покинули свои места и перешли на корму, чтобы долше не терять его из виду.

Когда бриг отошел от отмели почти на милю и оказался на одной линии с кормой яхты, марсели его затрепетали, реи медленно опустились, передний и задний парус свисли вниз, и некоторое время «Молния» со сложенными крыльями спокойно плыла по прозрачной скатерти воды под немим блистающим небом. Затем, с рокошущим шумом, похожим на раскаты отдаленного грома, опустился якорь. С минуту нос еще двигался; под последними дуновениями северного ветра флаг, вывешенный на верхушке мачты, затрепыхал, тихо опал, развернулся опять и наконец повис неподвижно и прямо, словно к нему привесили свинец.

— Мертвый штиль, сэр, — сказал Шо Лингарду. — Опять мертвый штиль. Мы как-раз вовремя добрались в эти странные места.

Некоторое время они стояли рядом, глядя на море и на берег. Бриг стоял в самой середине залива. К северу, на слегка покатом берегу, белыми и черными линиями высились гряды скал. В двух милях от брига виднелся небольшой остров, выдававшийся из воды словно четырехугольная башня огромного потонувшего здания. На востоке берег был низкий, поросший темно-зелеными лесами, на опушке которых были разбросаны манговые деревья. В темной линии его зарослей блестело резко очерченное отверстие, как будто вырезанное ножом. Вода в нем сверкала подобно полированному серебру. Лингард показал на него Шо.

— Это — вход в то место, куда мы направляемся, — сказал он.

Шо смотрел на него, широко раскрыв глаза.

— Я думал, вы шли сюда из-за этой яхты, — пробормотал он в изумлении.

— Ах, яхта, — задумчиво произнес Лингард, не отрывая взгляда от берегового пролома. — Яхта....

Он вдруг топнул ногой.

— Я отдал бы все мое достояние, да еще вдобавок несколько дней жизни, если бы только мне удалось убрать ее отсюда до вечера.

Он успокоился и продолжал смотреть на землю. Из-за стены лесов, неподалеку от залива, невидимый костер изрыгал черные и тяжелые спирали густого дыма, выделявшиеся на ясной синеве неба словно скрученная, зыблущаяся колонна.

— Мы должны прекратить эту забаву, м-р Шо, — отрывисто проговорил Лингард.

— Слушаю, сэр. Какую забаву? — переспросил Шо, изумленно глядя вокруг себя.

— Да этот дым, — нетерпеливо сказал Лингард. — Это сигнал.

— Конечно, сэр; хотя я, признаться, не знаю, как это сделать. Костер, повидимому, горит далеко на берегу. Сигнал к чему, сэр?

— Сигнал не касается нас, — сказал Лингард неожиданно свирепым тоном. — Велите матросам положить в пушку холостой снаряд. Да пусть забьют пж и смажут жерло. Надо, чтобы было погромче. Если старик Иоргенсон услышит выстрел, костер погаснет прежде, чем вы успеете обернуться... Сейчас, м-р Картер!

Как только бриг остановился, шлюпка под'ехала к борту, и Картер ожидал Лингарда, чтобы отвезти его на яхту. Лингард и его помощник подошли к трапу. Шо ожидал приказаний.

— Спустите на воду все лодки, м-р Шо, — говорил Лингард, перекинув одну ногу за поручень и приготавливаясь к спуску, — и поставьте четырехфунтовый фальконет на носу большой шлюпки. Снимите с орудий чехлы, но еще не выкатывайте их. Держите марсели и кливер наготове, может быть, скоро придется трогаться. Теперь, м-р Картер, я к вашим услугам.

— Отваливай, ребята, — сказал Картер, как только Лингард уселся. — Приналягте в последний раз, а потом будете долго отдыхать.

Матросы, ворча, налегли на весла. Их лица осунулись, посерели и были покрыты засохшей солью от водяных брызгов. Их измученный вид свиде-

тельствствовал о том, какому испытанию подверглось их долготерпение. Картер, с опухшими и тяжелыми веками сидел у руля и правил к яхте.

— У бортов вашей яхты довольно воды? — спросил его Лингард.

— Достаточно. От восьми до двенадцати футов, — хрипло отвечал Картер. — Но послушайте, капитан. Где же ваши головорезы? Ведь тут на море так же пусто, как в церкви в будничный день.

Грохочущий выстрел из восемнадцатифунтового орудия, прозвучавший почти над его головой, прервал его слова. Круглое облачко дыма лениво развернулось и повисло в воздухе неподалеку от фока-рея. Лингард, полуобернувшись, смотрел на дым, вившийся над берегом. Картер молчал, сонно глядя на яхту, к которой они приближались. Лингард смотрел на дым с таким напряжением, что почти забыл, где он находится, пока голос Картера, крикнувший над его ухом: «суши весла», не вернул его к действительности.

Они уже были в тени яхты и подплывали к ее трапу. Взглянув на верх, владелец брига увидел лицо джентльмена с длинными бакенбардами и выбритым подбородком, пристально глядевшего на него в монокль, перегнувшись через борт. Становясь ногой на нижнюю ступеньку, Лингард все еще видел, как над берегом подымается густой клуб дыма, но уже через какую-нибудь секунду нижняя часть колонны оторвалась от земли и поднялась над неровной линией деревьев. Затем колонна расплзлась в бесформенную массу, понеслась к морю и одиноким, зловещим облаком поплыла в далекую синеву неба.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Берег Убежища».

I

Берег, у которого маленький бриг стоял на якоре, как бы охраняя высокий остов яхты, ничем не бросался в глаза. Это — земля, лишенная формы. Она тянется вдаль неопределенными очертаниями, без мысов и обрывов, длинная и низкая. Когда резкие порывы северо-восточного муссона гонят над морем косые струи дождя, эту землю едва видно под серым небом; ее темные, неясные очертания кажутся тогда сплошной прямой полосой, расплывающейся в воздухе. В долгую пору безоблачных дней она представляет узкую ленту земли, словно вдавленную в ровную поверхность вод и приплюснутую тяжестью неба, необъятный свод которого, опираясь на нее, очерчивает линию столь же ровную, как морской горизонт.

Несмотря на свою близость к центрам европейского влияния, это побережье было издавна известно среди вооруженных морских бродяг под именем «Берега Убежища». На картах оно не носит никакого названия, и географические справочники

не упоминают о нем, но неудачники-авантюристы безошибочно находят дорогу в его маленькие бухты.

Подступы к нему чрезвычайно трудны для нового человека. Когда на него смотришь с моря, бесчисленные островки, окаймляющие главный остров, сливаются в один сплошной фон без единого отличительного признака, который помог бы найти путь среди запутанных проливов. Можно сказать, что в двадцатимильном поясе моря, окружающем это низкое побережье, гораздо более коралловых рифов, ила, песка и камней, чем самой воды. Именно здесь, среди внешних отмелей, застряла яхта и произошли события, связанные с ее крушением.

В рассеянном свете занимающегося дня светлело на западе морское пространство, — сонное, гладкое, серое, под блеклым небом. Прямая полоса берега отбрасывала тяжелый пояс мрака на мелкие воды, по которым в этот последний час умирающей ночи не проносилось ни единого трепетания рыбки. Низкие купы кустов на песчаных мелях казались огромными в слабых сумерках рассвета.

Вдоль бухты скалистого островка, бесшумные как тени, двигались две фигуры — мужчина и женщина. Через минуту они остановились у самого края воды. Позади них, между цыновок, с которых они поднялись, тихо тлела небольшая кучка догорающих углей.

Они стояли прямо, не шевелясь, и только головы их слегка двигались справа налево, обозревая серую пустыню воды, где вздымался кверху, в двух милях от них, остров севшей на мель яхты, темный и почти бесформенный в предрассветных сумерках.

Обе фигуры смотрели вдаль, не обмениваясь ни звуком. Высокий человек стоял, опершись о длинный ствол ружья; у женщины волосы рассыпались по плечам и почти достигали пояса. Рядом с ними листья ползучих растений, свисавшие с верхушки крутого утеса, не шевелились и в неподвижности своей походили на фестоны из камня. Слабый свет, открывавший глазу только белые песчаные отмели и неясные группы маленьких островков, разбросанных у темной линии берега, глубокое молчание, застывший воздух, — все это еще более подчеркивало одиночество этих двух человеческих существ. Побуждаемые беспокойной надеждой, они поднялись на самой заре, чтобы взглянуть на лицо моря, еще укрытое покрывалом тумана.

— Ничего! — со вздохом произнес наконец мужчина, словно пробуждаясь от долгого раздумья.

Он был одет в куртку из грубого синего ситца, какие обыкновенно носят бедные рыбаки. Куртка была широко расстегнута на его мускулистой груди, темной и гладкой, как бронза. Из-за поношенного саронга, крепко обернутого вокруг бедер, торчал с левого бока выложенный золотом эфес из слоновой кости, насаженный на стальной клинок, которого не постыдился бы никакой раджа. Замок и ложе его ружья блистали серебром. Красный с золотом платок, повязанный на его голове, был из дорогой материи, какую прядут высокорожденные женщины в домах вождей; золотые нити его, однако, потускнели, а шелковая ткань раздергалась на складках.

Мужчина стоял, закинув голову назад и полукрыв веки, скрывавшие блеск его глаз. На лице его не было растительности, нос был короткий,

с подвижными ноздрями, а беспечно добродушная улыбка проложила легкие морщинки у уголков его полных губ. Высокая фигура его дышала небрежным изяществом. Тем не менее, в беспечном лице и в спокойных жестах мужчины чувствовалось внимание и настороженность.

В последний раз окинув залив внимательным взглядом, он повернулся лицом к восходящему солнцу и стал ходить по эластичному песку. Волочившийся по земле приклад его ружья чертил глубокую борозду. Угли совсем заглохли. Он задумчиво взглянул на них и затем крикнул через плечо оставшейся позади него женщине, все смотревшей на море:

— Огонь погас, Иммада.

При звуке его голоса девушка двинулась к цыновкам. Ее черные волосы свисали, как плащ. Ее саронг, нечто вроде юбки, которую носят и мужчины, и женщины, был расцвечен по обычаю страны серыми и красными клетками, но в костюме ее не хватало пояса, шарфа, верхней накидки и женского головного убора. Черная шелковая куртка, похожая на куртку знатного мужчины, была застегнута на груди и плотно прилегала к ее тонкой талии. Край высокого, шитого золотом воротника, подпирал шею. На ней не было ни ручных, ни ножных браслет, и хотя она носила мужскую одежду, при ней не было никакого оружия. Руки ее облегали чрезвычайно узкие рукава, с небольшим разрезом у кистей, золотым шитьем и рядом маленьких золотых пуговиц. Смуглая и подвижная, она шла короткими шагами; на бесстрастном маленьком лице горели оживленные глаза, и дугообразный рот был крепко сжат. Вся

фигура ее, строгая и грациозная, дышала пламенной решимостью юности, — той поры бытия, когда жизненный путь с его надеждами и упованиями только еще начинается.

Это было как раз в день прибытия Лингарда, когда бриг, задержанный штилем, появился на отмелях лишь поздно утром. Мужчина и женщина, надеявшиеся увидеть долго жданный парус с первыми же лучами восходящего солнца, были разочарованы; не зажигая огня, они вернулись к своим цыновкам. У самых ног их виднелся челнок, вытасенный из воды и для большей безопасности привязанный травяным канатом к длинной пике, которая была крепко воткнута в белый песок бухты. Волна прилива тихо лизала опущенную в воду корму.

Женщина закрутила свои черные волосы и укрепила их тонкими деревянными шпильками. Мужчина разлегся во всю длину, оставив рядом с собой место для ружья, точно для друга, и, оперши голову о локоть, смотрел в направлении яхты. В его мечтательных глазах ясно читалась каждая пробегавшая мысль; мысли, повидимому, были не веселые, и взгляд его постепенно приобретал мрачную неподвижность.

— Уже три восхода видели мы на этом острове, и все же друг не приехал, — сказал мужчина, лежа спиной к женщине, сидевшей по ту сторону погасшего костра.

— Да и месяц уже на ущербе, — тихим голосом отвечала она. — А он обещал приехать сюда, когда ночи светлые и вода покрывает отмели по самые кусты.

— Путник знает, когда он отправится в путь, но не знает, когда вернется,—спокойно заметил мужчина.

— Медленно тянутся ночи, когда ждешь,—пробормотала она, вздохнув.

— И иногда ждешь напрасно,—с такой же сдержанностью добавил мужчина. — Может быть, он никогда не вернется.

— Почему?—воскликнула девушка.

— Путь долгий, и сердце может остыть,—послышался спокойный ответ. — Если он не вернется, значит он нас забыл.

— О Хассим, это будет значить, что он умер, — с негодованием крикнула девушка.

Мужчина, продолжая пристально глядеть на море, улыбнулся ее пламенным словам.

Они были брат и сестра, и хотя они походили друг на друга, их семейное сходство как бы поглощалось общностью их расовых черт. Они были родом из Ваджо, а среди малайцев существует поговорка, что для успеха в торговле и мореплавании надо иметь в венах хоть немного ваджской крови. А у этого народа торговля — обозначающая также и «далекое путешествие» — романтическое и почетное занятие. Торговец должен быть смелым и проницательным; он должен сочетать в себе бесстрашие юности и мудрую осторожность старости; он должен быть дипломатом и воином, чтобы обеспечить себе благоволение великих мира и внушать страх злым.

Качества эти, конечно, не считаются необходимыми для лавочника или китайца-разносчика; они необходимы лишь для такого человека, который принадлежит к благородному роду и иногда связан-

ный родством с правителем страны, странствует по морям на собственном судне и с многочисленной дружиной. Такой человек развозит с острова на остров товары и политические новости, передает тайные послания и ценные посылки и так же готов к интригам и битвам, как к купле и продаже. Таков идеал ваджского торговца.

Торговля в этом смысле была излюбленным занятием честолюбивых людей, игравших скрытую, но важную роль во всех национальных восстаниях, религиозных смутах и широких пиратских предприятиях, свергавших с трона не одну туземную династию в течение первой половины последнего столетия и одно время грозивших голландскому владычеству на востоке. Когда, ценой множества крови и золота, на островах был водворен сравнительный мир, профессия эта, хотя и лишилась былых возможностей, все же продолжала привлекать наиболее смелых авантюристов беспокойной расы. Младшие сыновья и родственники раджей пересекали архипелаг по всем направлениям и пробирались на бесчисленные и мало известные острова и на берега Новой Гвинеи, тогда еще совершенно неисследованные, направляясь всюду, куда еще не успела проникнуть европейская торговля, — от Ару до Адже, от Сумбавы до Палавана.

II

В наименее известном из таких уголков,— в маленькой бухте на ново-гвинейском побережье и состоялась первая встреча Лингарда с молодым Пата Хассимом, племянником одного из самых могучих ваджских вождей.

Он был торговцем в том смысле, как это понимают в стране Ваджо, и прибыл в бухту на крепком морском прау, вооруженном двумя пушками, и со свитой молодых сородичей и воинов, чтобы купить оперенья райских птичек для старого тернатского султана. Это была рискованная экспедиция, предпринятая не ради барышей, а из-за дружбы к старому султану, который как-то раз целый месяц оказывал ему широкое гостеприимство в своем уютном тернатском дворце.

Хассим, соблюдая все предосторожности, стал на якорь неподалеку от деревушки и начал торговаться с вероломными дикарями, которые в этом деле служат посредниками. Однажды утром он увидал, как в бухту вошел бриг Лингарда и стал на якорь. Вслед за тем высокий белый человек с отливавшей золотом бородой, вышел из лодки на берег и пошел к поселку совершенно безоружный, хотя и сопровождаемый четырьмя матросами-малайцами.

Хассим был поражен таким хладнокровием и беспечностью. По малайскому обычаю он около часа обсуждал вопрос со своей дружиной, а затем тоже высадился на берег, но с вооруженным эскортом, дабы посмотреть, что из этого выйдет.

Инцидент был в сущности очень простой, — «такой, какой мог бы случиться с каждым», как говорил Лингард. Лингард сошел на берег для того, чтобы разыскать какой-нибудь ручей и пополнить запас воды, и это было единственным мотивом, побудившим его войти в бухту.

Вместе со своими матросами он стоял в самой середине черноволосой, черноликой толпы, показывал ситцевые платки и знаками пытался объяс-

нить цель своего прибытия. Вдруг его шею цапнул дротик, брошенный кем-то сзади; вероятно, его метнул какой-нибудь папуас лишь для того, чтобы удостовериться, можно ли убить или ранить подобное существо, будучи, впрочем, уверен, что этого сделать нельзя. Но один из матросов Лингарда сейчас же ударил экспериментирующего дикаря своим парангом. Три паранга, захваченные на всякий случай для расчистки леса, были единственным оружием, которое взяли с собой матросы.

Смертоносная свалка произошла так внезапно, что Лингард, быстро обернувшись, увидел, что его защитник уже падает к его ногам, пронзенный пиками в трех местах. Васуб, присутствовавший при этой сцене, впоследствии рассказывал эту историю каждую неделю, к ужасу слушателей наглядно демонстрируя, как моргал глазами раненый прежде, чем упасть. Лингард был безоружен. В этом отношении он до конца своих дней оставался неисправимо беззаботен, объясняя, что он слишком вспыльчив, чтобы носить при себе оружие на случай стычки. «А если меня вынудят», добавил он, «я во всяком случае сумею убить человека кулаком; тогда знаешь, что делаешь, и не так-то легко затеешь ссору из-за простого раздражения или страха».

В данном случае он постарался убить одного кулаком наотмашь, а другого схватил за пояс и швырнул в разъяренную голую толпу. «Он бросал людей, как ветер бросает сломанные ветви. Он проложил широкую дорогу через наших врагов», — рассказывал Васуб своим крикливым голосом. По всей вероятности войны отступили перед

Лингардом просто потому, что были поражены его быстрыми движениями и необычным видом.

Воспользовавшись их удивлением и испугом, Лингард, сопровождаемый матросами, бросился по мосткам, устроенным над водой и ведущим к деревне. Они вскочили в одну из хижин, выстроенных из циновок и обломков челноков, и в этом убежище, просвечивавшем насквозь, они имели время перевести дух и в то же время убедиться, что положение их мало улучшилось.

Бывшие в хижине женщины и дети с визгом убежали в лес. На берегу и на мостках воины прыгали и выли, приготавливаясь к решительной атаке. Лингард с досадой заметил, что матрос, оставленный у лодки, повидимому потерял голову, ибо вместо того, чтобы поплыть к кораблю и позвать на помощь, что он вполне мог сделать, он ринулся к маленькому утесу в ста ярдах от берега и изо всех сил пытался взлезть на его отвесный обрыв. Прилив кончился, и у берега оставалась только жидкая грязь; броситься в нее, значило бы идти на верную смерть. Жалкая же хижина не выдержала бы и сильного толчка, а не только осады, и потому не оставалось ничего иного, как ринуться обратно к берегу и захватить лодку. Лингард так и решил поступить, и, вооружившись валявшейся тут же изогнутой палкой, бросился на вылазку во главе своих трех матросов. Далеко обогнав их и подвигаясь вперед бешеными скачками, он понял, насколько отчаянна была его попытка; но не успел он как следует сообразить всю безнадежность положения, как вдруг справа от него раздались два выстрела. Видневшаяся впереди плотная

масса черных тел и курчавых голов дрогнула и расступилась, но еще не разбежалась.

Лингард продолжал свой бег, но теперь он уже бежал с тем воодушевлением, которое придает сангвиническому человеку хотя бы слабая надежда на победу. Издалека слышались крики, затем снова раздался звук выстрела, и мушкетная пуля, ударившись в землю, взрыла песок между ним и его дикими преследователями. Со следующим прыжком он очутился бы как раз посредине толпы, если бы дикари ожидали его натиска; однако, его поднятая рука так и не нашла, на кого опуститься. Он увидел перед собой только черные спины, уносившиеся через траву к опушке леса.

Лингард швырнул палку в ближайшую пару черных плеч и замер на месте. Высокая трава перестала качаться; визги и крики превратились в печальный вой, замиравший в отдалении, и лесистые берега и синяя бухта сразу погрузились в светлую тишину. Быстрота перемены напоминала сон. Внезапно наступившее молчание ошеломило Лингарда.

Лингард крикнул во всю глотку, и матросы, преследовавшие дикарей, остановились и неохотно вернулись назад, сердито глядя на стену джунгли, в которой ни один лист не шевелился. Незнакомцы, своевременное появление которых решило исход схватки, не решались принять участие в преследовании, а остановились всем отрядом на том месте, где только что были дикари.

Лингард и молодой вождь ваджских торговцев встретились под яркими лучами полуденного солнца, среди внимательного молчания их свиты, на том месте, где погиб матрос-малаец.

Лингард прошел вперед и протянул руку; Хассим ответил на этот искренний жест, и первое их рукопожатие произошло над распростертым телом. Казалось, сама судьба потребовала смерти в уплату за самый зловещий из ее даров — за дар дружбы, иногда дающий полное счастье, а иногда губящий целую жизнь.

— Я никогда не забуду этого дня, — воскликнул Лингард сердечным тоном.

Его новый друг спокойно улынулся.

— Ты сожжешь деревню в отместку? — спросил он после короткой паузы, бросив быстрый взгляд на мертвого ласкара, который лежал ничком, с раскинутыми руками, словно жадно хватаясь за эту землю, которую он так мало успел узнать.

Лингард колебался.

— Нет, — сказал он наконец. — Это никому не принесет пользы.

— Верно, — тихо отозвался Хассим. — Этот человек был твой должник, твой раб?

— Раб? — воскликнул Лингард. — Это английский бриг. Раб? Нет. Свободный человек, как и я.

— Гай! Теперь он действительно свободен, — пробормотал малаец, опять взглянув на мертвого матроса. — Но кто же заплатит его родным за его жизнь?

— Если у него есть жена или ребенок, — мой серанг наверное это знает, — я их отыщу, — отвечал Лингард тоном, в котором звучала жалость.

— Ты говоришь, как вождь, — сказал Хассим. — Но наши вожди не идут в битву с голыми руками. Вы смелы, белые люди!

— Это было сумасшествие, настоящее сумасшествие, — запротестовал Лингард, — и этот бедный малый заплатил за него жизнью.

— Он не мог уйти от своей судьбы, — тихо проговорил малаец. — Мне уже больше не удастся торговать в этом месте, — прибавил он весело.

Лингард выразил свое сожаление.

— Ничего не значит, — вежливо сказал Хассим.

Лингард пригласил Хассима и его двух знатных сотоварищей в гости на бриг, и они расстались.

Был тихий вечер, когда малайское судно покинуло свою стоянку у берега и медленно перешло на другой конец бухты к бригу Лингарда. Прау привязали к бригу крепким канатом, и в эту ночь бриг белого человека и прау темнокожего малайца стояли на одном якоре.

При последних лучах заходившего солнца тело убитого ласкара, завернутое по магометанскому обычаю в белый саван, было тихо спущено в спокойные воды того самого залива, на который он впервые взглянул всего несколько часов тому назад.

В тот самый миг, когда мертвец, спущенный на тросах, бесследно исчез в воде, на носу брига сверкнул огонь и раздался громкий выстрел, подхваченный эхом прибрежных лесов и кружащимися стаями морских птиц, которые, громко крича, точно посылали моряку свое дикое вечное «прости». Владелец брига, склонив голову, прошел к корме, сопровождаемый одобрительным шопотом экипажа и столпившихся на палубе гостей. В таких простых актах, выполняемых без задней мысли, по убеждению, сказывалась роман-

тическая сторона характера Лингарда, — та искренняя отзывчивость к призрачным голосам жизни и смерти, которая составляет основу благородной натуры.

Лингард угощал своих гостей до поздней ночи. Матросам прау дали овцу из корабельных запасов, а в каюте, на софе, расселись Хассим и его два друга, сверкавшие золотом, серебром и драгоценными камнями. Лингард вел разговор в тоне сердечной дружбы, а малайцы — с той сдержанной и благовоспитанной вежливостью, которая свойственна высшим классам этого народа. Беседа касалась многих тем и наконец перешла на политику.

— Мне кажется, что ты могучий человек в твоей стране, — сказал Хассим, оглядывая каюту.

— Моя страна лежит в далеком море, где легкие ветры так же сильны, как здесь — бури дождливых месяцев, — отвечал Лингард. Собеседники издали тихие восклицания удивления. — Я оставил ее очень молодым. Насколько я там могуч — право не знаю. Ведь в моей стране одних великих людей столько же, сколько бедняков на всех ваших островах, Туан Хассим. Но здесь тоже моя страна. Это английский бриг, достойный своей родины. И я тут достаточно силен. Я тут раджа. Эта частица моей земли принадлежит всецело мне.

На гостей эти слова произвели впечатление. Они обменялись многозначительными взглядами и кивнули головами.

— Хорошо, хорошо, — сказал наконец Хассим с улыбкой. — Ты возишь с собой по морям и свою землю, и свою силу. Морской раджа! Это хорошо.

Лингард громко расхохотался, гости его улыбнулись.

— Мы знаем, что твоя страна очень сильна, — начал опять Хассим, после некоторой паузы. — Но сильнее-ли она, чем страна голландцев, которые крадут у нас нашу землю?

— Сильнее-ли? — воскликнул Лингард и широко раскрыл ладонь. — Сильнее-ли? Мы могли бы взять их вот так, — и он торжествующе зажал пальцы.

— И они платят вам подать за свою землю? — с интересом спрашивал Хассим.

— Нет, — отвечал Лингард более спокойным тоном. — Это не в обычае белых людей, Туан Хассим. Мы, конечно, могли бы потребовать с них подать но это у нас не в обычае.

— Вот как? — проговорил Хассим с скептической улыбкой. — А они вот сильнее нас и потому требуют с нас подать. И иногда они получают ее, — даже со страны Ваджо, где каждый человек свободен и носит крисс.

Последовало мертвое молчание. Лингард задумчиво глядел перед собой, малайцы невидящим взглядом созерцали пустоту.

— Но мы жжем наш порох между собою, — тихо продолжал Хассим, — и тупим наше оружие друг о друга.

Он вздохнул, помолчал и, перейдя в легкий тон, стал приглашать Лингарда в Ваджо «поторговать и повидаться с друзьями», — объяснил он, прижимая руку к груди и слегка кланяясь.

— Вот именно, приехать, чтобы поторговать с друзьями, — со смехом воскликнул Лингард. — Ведь такой корабль, — Лингард сделал широкий

жест рукой, — все равно, что дом, где много людей скрывается за занавесками. Он также драгоценен, как жена и дети.

Гости поднялись и стали прощаться.

— Ты и твои люди, Панглима Хассим, сделали для меня три выстрела, — серьезным тоном говорил Лингард. — Я послал на твой прау три боченка пороха, — по одному за каждый выстрел. Но мы еще не расквитались.

Глаза малайца засверкали от удовольствия.

— Это поистине дар друга! Приезжай ко мне в гости в мою страну!

— Я обещаю приехать к тебе, — отвечал Лингард, — когда-нибудь.

Спокойная поверхность залива отражала торжественное ночное небо, и бриг и прау казались повисшими среди звезд в неземной тишине и совершенном безмолвии. На палубе обменялись последними рукопожатиями, и малайцы отбыли на свое судно.

На следующий день, вскоре после восхода солнца, когда поднялся утренний ветер, бриг и прау одновременно оставили бухту. Выйдя в море, Лингард поставил все паруса и прошел мимо прау, чтобы попрощаться перед расставанием; действительно, бриг был втрое быстрееходнее. Хассим стоял на высокой корме.

— Счастливого пути, — крикнул Лингард.

— Помни о своем обещании, — ответил Хассим. — И приезжай скорее, — прибавил он, напрягая голос по мере того, как удалялся бриг. — Приезжай скорее, чтобы исполнилось то, что написано в книге судьбы.

Бриг ринулся вперед.

— Что такое? — с недоумением закричал Лингард. — Что такое написано?

Он дожидался ответа. Наконец по воде до него слабо донеслись слова:

— Это никому неизвестно.

III

— Честное слово, я не мог не полюбить этого малого, — воскликнул Лингард, рассказывая про свое приключение и оглядываясь на слушателей, глаза которых сверкали из-за сигарного дыма. Этот бриксгемский юнга, затем шахтер, затем матрос, затем золотоискатель и, наконец, владелец и капитан «лучшего брига во всем океане» знал, что все его слушатели — моряки, купцы и искатели приключений вроде его самого — сочтут его слова не за простое изъяснение чувств, а за высшую похвалу, какую только он мог воздать своему малайскому другу.

— Клянусь небом, я поеду в Ваджо! — крикнул он.

Головы слушателей серьезно закивали в знак одобрения, но один слегка иронический голос произнес:

— Ваше состояние сделано, Том, если вы только об'едете на кривой этого вашего раджу.

— Поезжайте и держите ухо востро, — со смехом подхватил другой.

Некоторая профессиональная зависть была неизбежна, так как страна Ваджо, вследствие хронических смут, была закрыта для белых торговцев; но все же в шутках собеседников не слышалось настоящего недоброжелательства. Они

поднялись, пожали Лингарду руку и разошлись один за другим.

Лингард направился прямо на свое судно и до самого утра размеренным шагом ходил взад и вперед по корме. Вокруг мерцали огни стоявших на якоре кораблей, на берегу мерцали рядами огни зданий, высоко над головой в черном небе мерцали звезды, а внизу, под ногами, мерцали в черной воде рейда их отражения. Все эти бесчисленные сияющие точки были затеряны в необъятной тьме. Раз до него слабо донеслось грохотание цепи какого-то корабля, становящегося на якорь где-то далеко за официальными границами гавани. «Должно быть, капитан не знает здешних мест, — подумал Лингард. — Если бы это был наш брат, он стал бы по середине. Может быть, это судно, идущее с родины». Лингард почему-то испытал чувство жалости при мысли об этом корабле, усталом от долгих странствий и не осмеливающимся приблизиться к месту отдыха. На восходе, когда большое судно с запада, покрытое ржавчиной и посеревшее от морской соли, медленно подходило к гавани, чтобы стать на якорь у берега, Лингард оставил рейд и тронулся к востоку.

Путешествие было долгое. Наконец, в один душный безветренный вечер, после долгой неподвижности в виду земли, Лингард воспользовался легкими порывами капризного ветерка и приблизился к берегам Ваджо.

Как раз в это время разразилась сильная гроза... С характерной для него смелостью он продолжал путь, хотя побережье было ему незнакомо, а ночь была такая, что испугала бы всякого

другого. При каждом сверкании молнии родина Хассима точно прыгала на бриг и сейчас же исчезала, как бы прячась, чтобы через минуту снова прыгнуть из непроглядной тьмы. В течение долгого безветренного дня Лингард со своего мостика внимательно разглядел берег и тщательно заметил расположение земли и опасные места; в тот миг, когда он приказал спустить якорь, было так темно, что голова его была точно закутана шерстяным одеялом — и тем не менее при первой же вспышке молнии оказалось, что бриг стал именно там, где думал Лингард, — у узкой белой бухты, неподалеку от устья реки.

На берегу виднелись группа высоких бамбуковых хижин, поставленных на столбах, маленькая роща пальм, сгибающихся под ураганом подобно стеблям травы, что-то вроде палисада из заостренных бревен, расположенного у самой воды, а вдали — темные, заросшие лесом, холмы, похожие на огромную стену. Через секунду все это исчезало из вида, словно уничтоженное, а мгновение спустя, прежде чем он успевал отвернуться, появлялось вновь под оглушительные раскаты грома. Неподвижная и невредимая под кривыми стрелами пламени, земля эта казалась легендарной страной бессмертных, против которых бессильны ярость и огонь небес.

Неуверенный в твердости дна и боясь, что бешеные порывы берегового ветра могут сорвать бриг с якоря, Лингард остался на палубе охранять свое судно. Держа в руке лотилинь, который сейчас же дал бы ему знать, если бы бриг сдвинулся с места, он стоял у поручня, ослепленный и очаро-

ванный этими мгновенно исчезающими видениями незнакомого берега — видениями, грозящими смутными опасностями и пробуждающими надежды на успех и потому всегда столь привлекательными для каждого истинного искателя приключений. Застывшая неподвижность и глубокое спокойствие этой земли, открывавшейся взору в потоках огня и в грохоте бури, придавали ей особую необычность и загадочность.

Иногда наступали кратковременные промежутки затишья, и даже гром на минуту замолкал, словно для того, чтобы перевести дух. В один из таких промежутков усталый и сонный Лингард начал было дремать, как вдруг ему показалось, что где-то внизу, море заговорило человеческим голосом. Голос сказал: «Хвала богу» — и звучал он тихо, ясно, доверчиво, словно голос ребенка под сводами собора. Лингард вздрогнул и подумал, что он грезит, но в ту же минуту море, совсем близко от него, отчетливо произнесло: «Дайте конец».

Гром попрежнему злобно рокотал. Лингард крикнул вахтенным матросам и стал внимательно смотреть на воду; наконец он различил на волнах около борта повернутое вверх лицо человека. Глаза пловца устремились на него, сверкнули и при вспышке молнии мигнули и закрылись. Все бывшие на палубе матросы засуетились и сразу бросили за борт несколько концов. Секунду спустя человек перелез через поручень и шлепнулся на палубу, точно занесенный порывом ветра. Не успели его поднять, как он уже вспрыгнул на ноги с такой быстротой, что матросы поспешно отпрыгнули назад. В зловеще-синем свете

молнии показались встревоженные лица и окаменевшие фигуры людей. Раздался оглушительный раскат грома. Немного спустя в наступившем молчании, казавшемся бесконечно долгим, раздался незнакомый слабый голос, доносившийся точно издалека:

— Я ищу белаго человека.

— Здесь, — крикнул Лингард.

Он подвел незнакомца, не имевшего на себе ничего, кроме пропитанной водой передней повязки, к лампе каюты, посмотрел на него и сказал:

— Я не знаю тебя.

— Мое имя — Джафир, и я послан к тебе от Пата Хассима, моего вождя и твоего друга. Ты узнаешь это?

Пришелец протянул толстое золотое кольцо с большим изумрудом посередине.

— Да, я видел его на пальце раджи, — сказал Лингард, обеспокоенный.

— Это знак того, что я говорю тебе правду. Хассим велел тебе сказать: «Уезжай и забудь».

— Я не привык забывать, — медленно проговорил Лингард. — Не таковский я человек. Но что это за блажь?

История, переданная Джафиром, была в коротких словах следующая. По возвращении домой после своей встречи с Лингардом, Хассим нашел своего родственника умирающим, причем образовалась сильная партия, желающая свергнуть его законного наследника. Старый раджа Тулла умер поздно ночью, и, как выразился Джафир, прежде чем успело взойти солнце, в далам е раджи люди уже обменивались ударами. Это были предвари-

тельные стычки гражданской войны, подстрекаемой иностранными интригами, — войны, ведшейся в джунглях и на реках, в огороженных крепостях и в лесных засадах. По словам Джафира, обе партии обнаружили большое мужество, а одна из них, кроме того, и непоколебимую преданность делу, заранее обреченному на неудачу. Не прошло и месяца, как Хассим, все еще оставаясь вождем вооруженной шайки, стал беглецом. Тем не менее он продолжал вести войну, смутно надеясь, что приезд Лингарда повернет счастье.

— Неделями мы жили на одном диком рисе и сражались целыми днями, не имея в желудке ничего, кроме воды, — докладывал Джафир с пылом истинного вояки.

Затем он рассказал, как Хассим, постепенно отнесяемый к морю, очутился со своими соратниками на самом берегу, где они оборонялись уже несколько дней за палисадом дереvушки.

— Но каждый день несколько человек исчезало, — признался Джафир. — Они были усталые и голодные, и они уходили есть к врагам. Теперь нас осталось только десять — десять мужчин и одна женщина с сердцем мужчины. Сегодня ночью мы голодаем, а завтра утром умрем. Мы видели издали твой корабль, но ты пришел слишком поздно. Чтобы ты не попал в ловушку и чтобы с тобой не приключилось чего-нибудь плохого, раджа, твой друг, дал мне это кольцо, и я полз на брюхе по песку, и плыл ночью. И теперь я, Джафир, лучший пловец в Ваджо и слуга Хассима, говорю тебе — уезжай и забудь. Так он велел тебе передать. А вот его прощальный дар — возьми его.

Он порывисто схватил Лингарда за руку, сунул в нее кольцо и в первый раз окинул каюту изумленным, но бесстрастным взглядом. Глаза его устремились на полукружие штыков и затем любовно замерли на подвешенных мушкетах. Он крякнул от восторга.

— Я-ва! Вот это — сила! — прошептал он как-бы про себя. — Но она пришла слишком поздно.

— Может быть и не поздно! — воскликнул Лингард.

— Слишком поздно, — повторил Джафир. — Нас всего десять человек, и на рассвете мы пойдем на вылазку и умрем. — Он направился к двери каюты и замешкался там, так как он не привык к замкам и дверным ручкам.

— Что ты хочешь делать? — спросил его Лингард.

— Я поплыву назад, — отвечал Джафир. — Я передал поручение, а ночи уже немного осталось.

— Ты можешь остаться со мной, — сказал Лингард, испытующе глядя на него.

— Хассим ждет, — послышался короткий ответ.

— Он велел тебе воротиться? — спросил Лингард.

— Нет. К чему бы он стал говорить лишнее? — изумленно проговорил Джафир.

Лингард порывисто схватил его за руку.

— Если бы у меня было десять человек таких как ты! — воскликнул он.

— Нас десять, а их двадцать на одного, — просто сказал Джафир.

Лингард отворил дверь.

— Нужно тебе что-нибудь, что я мог бы тебе дать? — спросил он.

Малаец замаялся, и Лингард заметил, что глаза его впали, ребра выдались, лицо совершенно истощено.

— Говори прямо, — настаивал он с улыбкой. — Тот, кто приносит дар, должен получить и вознаграждение...

— Дай мне воды и горсть рису, чтобы у меня хватило сил добраться до берега, — бодро сказал Джафир. — Там, — он кивнул головой на берег, — мы сегодня ничего не ели.

— Ты это получишь. Я подам тебе рис и воду своими собственными руками, — произнес Лингард.

Лингард подал просимое и этим на некоторое время унизил себя во мнении Джафира. Пока посланец, уместившись на полу, неспешно, но деловито, ел, Лингард разрабатывал план действий. Он не знал действительного положения вещей в стране, и потому единственное, что он мог попытаться сделать, было спасти Хассима от непосредственной гибели. С этой целью Лингард хотел спустить большую шлюпку и послать ее к берегу за Хассимом и его людьми. Он достаточно хорошо знал характер малайцев и потому был убежден, что в такую ночь осаждающие, уверенные в успехе и, по словам Джафира, в изобилии снабженные лодками, не будут особенно бдительно сторожить ту часть частокола, которая выходила к морю.

Это доказывал уже один тот факт, что Джафиру удалось уплыть незамеченным. Как

только затихнут молнии, шлюпка может незаметно подплыть к берегу, и осажденные либо прокрадутся к ней поодиночке, либо сделают вылазку, сядут в лодку и доберутся до брига.

План этот Лингард изложил Джафиру, который однако был в эту минуту слишком занят едой и слушал без малейшего интереса. Проглотив последнее зерно риса, он встал, выпил воды, и пробормотал: «Я слышу. Хорошо, я скажу Хассиму» — и, обвязав покрепче передник, приготовился идти.

— Подожди, пока я доплыву до берега, — сказал он, — и когда шлюпка тронется, зажги еще другой фонарь рядом с тем, который сейчас горит, как звезда, над твоим судном. Мы тогда будем знать. Но пошли лодку только тогда, когда молнии станут реже: лодку виднее в воде, чем человека. Скажи матросам, чтобы они держали к пальмовой роще и перестали грести тогда, когда весло, погруженное сильной рукой, коснется дна. Они услышат наш окрик; но если никто из нас не придет, пусть уезжают до рассвета. Вождь может предпочесть смерть, а мы, оставшиеся с ним, все верны ему. Понимаешь, сильный человек?

— Этот малый совсем не глуп, — пробормотал про себя Лингард и затем, когда они остались на палубе одни, добавил: «Но на берегу могут быть враги, Джафир, и они тоже пожалуй станут кричать, чтобы обмануть моих людей. Ты крикни: «Лайтнинг»¹. Запомнишь?

Сначала Джафир подавился этим словом.

— Лай-тинг, — выговорил он наконец. —

¹ Лайтнинг — Молния, название брига. (Примеч. перев.).

Верно я сказал, о, сильный человек? — Миг спустя, он стоял, прямой и темный.

— Верно. Теперь отправляйся, — сказал Лингард, и Джафир прыгнул вниз, стал невидимым еще раньше, чем он достиг воды.

Послышался всплеск, и через минуту слабый голос тихо крикнул: «Лай-тинг. Запомнил». На берег опять налетел шквал. Во вспышках молнии перед Лингардом опять замелькали белая бухта, гнущиеся деревья пальмовой рощи, частокол у моря, далекий лес, родная страна Хассима, загадочная и беззвучная, равнодушно спящая под яростными потоками небесного пламени.

IV

Чужестранец, попавший ныне в Ваджо и заслуживший доверие туземцев, может услышать традиционный рассказ о последней гражданской войне и легенду о вожде и его сестре и о их матери-колдунье, которая, лежа на смертном одре, передала им тайны магического искусства. Особенно сестра вождя, «по виду — дитя, а по бесстрашию — великий воитель», была опытна в волшебованиях.

Их двоюродный брат победил их, потому что — простодушно пояснит рассказчик — «народ Ваджо так храбр, что волшебные чары бессильны против него». «Я сражался в эту войну. Мы прижали их спиной к морю». И затем он станет повествовать трепетным голосом о том, как однажды ночью, «когда бушевала такая гроза, какой никогда не бывало ни до того, ни после», корабль, похожий на корабли белых людей, появился

в виду берега, «как будто приплыв из туч. Он шел» — поведает рассказчик — «на парусах, надувшихся против ветра; величиною он был с остров; молнии сверкали между его мачт, высоких, как гора; на облаках, прямо над ним, горела звезда. Мы сразу поняли, что это была звезда, ибо никакой огонь, зажженный человеческой рукой, не мог бы выдержать того ветра и дождя, какие свирепствовали в ту ночь. Это была такая ночь, что мы, стоявшие на страже, не решились смотреть на море. Дождь лил потоками и бил в глаза. А когда наступил день, корабля нигде не было видно, и в палисаде, где еще накануне сидело в осаде сто или более человек, находившихся в нашей полной власти, не осталось ни души. Вождь Хассим исчез, исчезла и княжна, и до сего дня никто не знает, что с ними стало. Иногда наши торговцы говорят, что слышали о них то тут, то там, но это все рассказы людей, едущих в далекие страны из-за денег. Мы, жители страны, думаем, что корабль уплыл обратно в облака, откуда его вызвали чары княжны. А что касается раджи Хассима и его сестры Мас Иммады, то одни говорят одно, другие другое, и бог один знает, где правда».

Таков традиционный рассказ о посещении Лингардом берегов Бони. Правда заключается в том, что Лингард отбыл в ту же ночь. Когда наступил дождливый рассвет, бриг, под подрифленными парусами и весь заливаемый пеной, уже летел стрелой к югу от залива. Наблюдая за быстрым бегом своего корабля, Лингард тревожно глядел вперед и нераз спрашивал себя, зачем он так гонит бриг под всеми парусами. Волосы его разве-

вались под ветром, голова была полна забот и смутных, новых дум, а послушный бриг, ныряя с волны на волну, неся все вперед и вперед.

Его владелец и командир сам не знал, куда он идет. Лингард только смутно сознавал, что стоит на пороге какого-то большого приключения. Что-то нужно было сделать, и Лингард чувствовал, что ему придется это сделать. От него ждали этого, — ждало море, ждала земля, ждали люди. История войн и страданий, верность Джафира, Хассим и его сестра, ночь, буря, обдаваемый пламенем берег, — все это как будто указывало на какую-то жизнь, властно требовавшую его вмешательства. Больше всего, однако, действовало на Лингарда молчаливое, безграничное, не сомневающееся и, повидимому, не рассуждающее доверие этих людей. Они попали к нему в руки прямо из лап смерти, и теперь пассивно отдались ему, словно на свете и не существовало таких вещей, как сомнение, надежды, желания. Эта поразительная беззаботность налагала на него тяжелый долг.

Он говорил себе, что если бы эти побежденные люди не ждали всего от него одного, они не были бы так безразличны. Их немое спокойствие трогало Лингарда больше, чем самые горячие мольбы. Ни слова, ни шопота, ни вопросительного взгляда. Они не спрашивали. Это льстило ему и отчасти радовало его, ибо, хотя его подсознательное «я» отлично знало, что оно сделает, его рассудок решительно не мог сказать, куда девать израненные и истомленные существа, внезапно брошенные в его руки капризной судьбой.

Он сам встретил беглецов, даже перетащил некоторых из них через поручень. Несмотря на тьму,

только изредка прорезываемую молнией, он догадался, что они все ранены и, глядя на их шатающиеся фигуры, не понимал, как им удалось добраться до увезшей их шлюпки. Самого маленького из воинов он бесцеремонно подхватил на руки и отнес в каюту, а затем, даже не оглядываясь на свою легкую ношу, опять выбежал на палубу, чтобы распорядиться отъездом. Пока он отдавал приказания, он смутно почувствовал, что кто-то стоит рядом с ним. Это был Хассим.

— Я не готов к войне, — поспешно объяснил он, — а завтра, может быть, не будет ветра.

Затем, проводя бриг через опасные места, он на некоторое время забыл всех и все. Но через полчаса бриг уже отплыл далеко от берега. Ветер дул с кормы, и Лингард свободно вздохнул. Только теперь он подошел к двум людям, стоявшим на корме, — в том месте, где в трудные минуты он имел обыкновение беседовать один на один со своим бригам. Хассим вызвал свою сестру из каюты. Они были теперь видны совершенно отчетливо: они стояли рядом, взявшись за руки и глядя на таинственную страну, что при каждом сверкании молнии уходила все дальше и дальше от брига, невредимая под бурей и грозой и с каждой минутой таявшая в пространстве.

— Что я буду делать с ними? — думал Лингард.

Но, повидимому, никто не интересовался тем, что он будет делать. Джафир и восемь других воинов устроились на грот-люке, перевязывали друг другу раны и тихо беседовали, веселые и спокойные, как благовоспитанные дети. Каждый из них сохранил свой крисс, но, чтобы одеть их,

Лингарду пришлось раздать им ситцу из корабельных запасов. Когда он проходил мимо них, все они серьезно глядели ему вслед. Хассим и Имада поселились в каюте. Сестра вождя выходила на воздух только по вечерам, и каждую ночь можно было слышать, как брат и сестра шопотом разговаривали, укрывшись в каком-нибудь темном углу.

Каждый малаец на корабле держался от них в почтительном отдалении.

Лингард, стоя на корме, прислушивался к их тихим голосам, то возвышавшимся, то падавшим в печальном ритме. Иногда женщина вскрикивала, — как будто от гнева или от боли. Лингард затаивал дыхание, и в тишине ночи до него доносился глубокий вздох. Внимательные звезды окружали блуждающий бриг, струя свой свет с немых высот на беззвучное море. Тогда Лингард опять принимался ходить по палубе, бормоча:

— Самый подходящий для этого человек — Белараб. Только оттуда, где он живет, и можно рассчитывать получить помощь. Но найти его, я, пожалуй, не смогу. Ах, если бы хоть на десять минут залучить сюда старика Иоргенсона!

Этот Иоргенсон знал многое из давнего прошлого и жил среди людей, умеющих встречать события настоящего дня, но не заботящихся о том, что случится завтра, и не успевающих вспоминать о вчерашнем. Строго говоря, он и не жил среди них. Он только появлялся время от времени. Проживал он в туземном квартале, с женщиной-туземкой и в туземном домике, посреди огороженного участка, где росли бананы; единственным украшением его жилья были цыновки, печные горшки,

рыболовная сеть на двух шестах и небольшой ящичек из красного дерева с замком и серебряной дощечкой. На дощечке были выгравированы слова: «Капитан Г. К. Иоргенсон. Барк «Дикая Роза».

Это походило на могильную надпись. «Дикая Роза» умерла, как умер и сам капитан Г. К. Иоргенсон, и ящичек для секстанта было единственное, что осталось от них. В обеденное время старик Иоргенсон, суровый и молчаливый, появлялся то на одном, то на другом торговом судне, заходившем в проливы, и стюард-китаец или мулат, не дожидаясь приказаний, хмуро ставил для него лишний прибор. А когда моряки шумной толпой собирались где-нибудь на веранде перед сверкающей батареей бутылок и стаканов, старый Иоргенсон вынырливал откуда-то со ступенек лестницы, словно из морских глубин, подходил слегка дрожащей, стройной походкой, и угощался из первого попавшегося под руку стакана.

— Пью за здоровье всех... Нет, стула не нужно.

Потом он становился позади группы беседующих. Молчание его было столь же красноречиво, как предостережения раба, прислуживавшего за древними пирами. Тело его, разделив судьбу всякой плоти, износилось и обветшало, дух погрузился окончательно в воспоминания о бурном прошлом, но его огромный костлявый остов продолжал жить, точно был сделан из железа. Руки его дрожали, но глаза глядели твердо. Говорили, что он знает все подробности о гибели таинствен-

¹ Стюард — корабельный слуга. (Примеч. перев.)

ных людей и о конце тайнственных предприятий. Сам он был несомненно неудачником, но, как уверяли, он знал секреты, могущие принести немалое богатство; однако, по общему мнению, секреты эти были такого рода, что они вряд ли оказались бы полезными для сколько-нибудь рассудительного человека.

Этот могучий скелет, одетый в выцветший костюм из синего шевита и без всякого признака белья, как-то ухитрялся существовать. Иногда ему предлагали провести через проливы Рио возвращавшееся домой судно. Он принимал работу, но предварительно говорил капитану:

— Вам ненужен лоцман, — здесь можно проехать с закрытыми глазами. Но если я вам нужен, я приду. Десять долларов.

Проведя порученный ему корабль мимо последнего острова, он ехал обратно на челноке тридцать миль с двумя старыми малайцами, бывшими чем-то вроде его свиты. Проехать тридцать миль в море под экваториальным солнцем, да при том еще в скорлупе, в которой нельзя пошевелиться, — это подвиг, для которого нужна выносливость факира и свойства саламандры.

Десять долларов была дешевая цена за такую работу, и его нанимали частенько. А когда приходилось трудно, он занимал пять долларов у первого встречного, замечая при этом: «Я не могу очень скоро расплатиться с вами, но моей старухе надо есть, и если вы захотите что-нибудь узнать, я вам сообщу».

Удивительно, что никто никогда не улыбался в ответ на это «что-нибудь». Обычно говорили:

— Спасибо, старина. Когда мне понадобится что-нибудь разузнать, я обращусь к вам.

Иоргенсон кивал тогда головой и говорил:

— Помните, что если вы, молодежь, не окажетесь такой же закалки, как мы, старики, которые шатались тут в былые времена, — сообщенные мною сведения могут сослужить вам плохую службу.

От этого-то Иоргенсона, имевшего своих любимцев, с которыми он был менее замкнут, Лингард и услышал о «Дарат Эс-Саламе», или «Береге Убежища». Иоргенсон, по его словам, «знал всю подноготную этой страны с тех самых времен, как одетые в белое падрисы стали проповедовать и воевать на Суматре и нагнали на голландцев такого страха, что у них родимчик сделался». Правда, он говорил не «родимчик сделался», но эта парафраза достаточно передает его презрительное выражение. Теперь Лингард пытался припомнить удивительные рассказы Иоргенсона и извлечь из них практические указания; но в памяти его не осталось ничего, кроме общего представления о местонахождении этого побережья, да еще смутной мысли о чрезвычайной трудности подступов к нему. Лингард колебался, и бриг, как-бы отвечая его мыслям, колебался тоже, блуждая по тихим водам то туда, то сюда.

Благодаря такой-то нерешительности большой нью-йоркский корабль, груженный боченками с маслом для Японии и проходивший через Биллитонский пролив, увидел однажды утром красивый бриг, приведенный к ветру в самом фарватере, немного восточнее Кариматы. Худой капитан в сюртуке и его грузный помощник с густыми

усами, сочли, что он слишком красив для британского судна, и удивлялись, зачем командир брига убрал марсель. Большой корабль, с хлопающими парусами, скользил вперед, и когда с него в последний раз взглянули на оставшийся позади бриг, — грот на бриге все еще был обштенен. Но на следующий день плывший из Лондона с грузом чая клипер уже не увидел на этом месте неподвижно стоявшего судна, как бы недоумевавшего, куда ему направиться.

Всю эту ночь Лингард проговорил с Хассимом, пока звезды над их головой огромным потоком искр плыли с востока на запад. Иммада слушала, иногда издавая восклицания, иногда затаив дыхание. Один раз она захлопала в ладоши. Наконец слабо заалела заря восхода.

— Я буду обходиться с тобой, как со своим отцом, — говорил Хассим.

Тяжелая роса покрыла снасти, и потемневшие паруса чернели на бледной синеве неба.

— Ты будешь мне отцом, который подает добрые советы...

— Я буду верным другом, и хочу, чтобы со мной обходились, как с другом, не больше, — перебил его Лингард. — Возьми назад твое кольцо.

— Почему ты презираешь мой дар? — спросил Хассим с печально-иронической улыбкой.

— Возьми его, — сказал Лингард. — Кольцо все равно останется моим. Как могу я забыть, что ты думал о моей безопасности, когда тебе самому грозила смерть? Нам предстоит еще много опасностей. Мы часто будем в разлуке, — чтобы лучше делать общее дело. Если когда-нибудь тебе и Иммаде потребуется немедленная помощь и я

буду неподалеку, пошли мне это кольцо, и я приду к тебе, если буду жив... — Он посмотрел на бледный рассвет. — Я поговорю с Беларабом напрямую, по обычаю белых людей. Я никогда не видел его, но я — сильный человек. Белараб должен помочь нам отвоевать твою страну, а когда мы это сделаем, я последую, чтобы он не ошипал тебя дочиста за свои услуги.

Хассим взял кольцо и склонил голову.

— Нам пора пускаться в путь, — закончил Лингард.

Вдруг он почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Он оглянулся и увидел, что Иммада прижимается лбом к фланели его рубашки.

— Не надо, дитя мое, — сказал он тихо.

Поднявшееся солнце осветило слабо синевшую линию «Берега Убежища». Теперь колебания кончились. Капитан и его бриг, дружно работая, нашли путь к голубому берегу. Солнце еще было высоко над горизонтом, когда бриг бросил якорь на расстоянии пушечного выстрела от мангровой рощи, в том месте, где в течение более чем столетия ни один белый человек не рисковал останавливаться.

Искатели приключений лет двести тому назад несомненно знали это место, ибо они были несведущи и отчаянно смелы. И если духи умерших обитают в местах, где они грешили и трудились при жизни, то в этот вечер они вероятно видели, как длинная восьмивесельная белая лодка, управляемая загорелым бородатым человеком в широкополой соломенной шляпе и с пистолетом за поясом, шла вдоль илистого берега, среди извилистых корней, ища прохода.

Проходила бухта за бухтой, а лодка все еще продолжала ползти вперед, словно чудовищный водяной паук с длинным телом и восемью тонкими ногами... Следили-ли вы своими мертвыми глазами за поисками этого никому неведомого смельчака, вы, забытые тени прошлого, которые некогда в кожаных камзолах и стальных шлемах штурмовали, с длинными рапирами в руках, палисады язычников или с мушкетом на плече охраняли бревенчатые блокгаузы, построенные на берегах судоходных рек? Вы, которые, устав от битв, спали в песке тихих заливов, закутанные в свои фризские плащи и грезя о сказочных алмазах и далекой родине?

— Вот и вход, — сказал Лингард сидевшему рядом Хассиму как раз в тот миг, когда солнце садилось влево от них. — Здесь может пройти корабль. Это наверное тот самый вход, которого мы ищем. И чорт меня побери, если мы не выйдем берлогу Белараба еще до рассвета!

Он налег на руль, и лодка, круто повернув, исчезла с линии берега.

Тени старых авантюристов, быть может, покачали своими призрачными головами и обменялись призрачными улыбками.

V

— Что случилось с Королем Томом? — спрашивали за столом, когда все карты были смешаны в кучу и торговцы, откинувшись в кресла, отдыхали от бешеной игры.

— Том научился держать язык за зубами. Должно быть, затеял какую-нибудь штучку, — подал мнение один из присутствующих.

лучшими друзьями. Вообще, он вернулся гораздо менее компанейским малым, чем был до сих пор. Его визиты в Поселения стали не реже, но гораздо кратковременнее, и когда он приезжал туда, он всегда торопился уехать.

В течение последних двух лет бригу досталось не меньше, чем его хозяину. Быстрый и чистенький, он все время переходил от одного острова к другому. С уединенных высот острова частенько видали, как он белым пятнышком проносился по морю, а сторожа редких маяков, разбросанных по восточному побережью, издали узнавали его по покрою марселей. Бриг плыл то на восток, то на запад; иногда он несся со склоненными мачтами в туман, дождь, бурю, иногда, прямой и с дрожащими парусами, он бежал ровно и неторопливо, подгоняемый легкими и переменчивыми ветрами. То он плыл под сильным муссоном в Бенгальском заливе, то, убаюканный штилем, недвижно лежал в Яванском море, то нежданно появлялся откуда-то из скал, весь облитый лунным светом, изящный и тихий. Путешествия брига служили темой оживленных разговоров вполголоса; разговоры эти, однако, сейчас же замолкали, как только появлялся его владелец.

— Вот и он. Пришел вчера ночью, — шептали сплетничавшие собеседники.

Лингард не замечал бросаемых на него почти-иронических взглядов; он кивал головой и проходил дальше.

— Эй, Том! Неужели вам даже выпить некогда? — кричал кто-нибудь.

Вместо ответа Лингард только качал головой, даже не оглядываясь. Он был уже далеко.

День-два он расхаживал по городу, разодетый и осанистый: появлялся откуда-то из пыльных складов, шагал от Западного банка к портовой конторе, пересекал эспланаду, исчезал в китайских лавках. Рядом с ним шествовал старик Иоргенсон, такой же высокий, как и он, сам, худой, упрямый, выцветший, позабытый, похожий на беспокойного духа, пытающегося снова вступить в жизнь живых.

Лингард игнорировал незадачливого авантюриста, ходившего за ним неотступно, как тень, а Иоргенсон не старался привлечь его внимание. Иоргенсон терпеливо дожидался у дверей контор, исчезал во время вечернего чая, опять появлялся вечером и уже не отходил от Лингарда, пока тот не удалялся спать к себе на бриг. Стоявшие на посту полицейские презрительно смотрели на прищипанный глаз капитана Г. К. Иоргенсона, с барка «Дикая Роза», блуждавшего по набережной или стоявшего целыми часами у берега темного, искрящегося корабельными огнями рейда, — на беспокойного духа, как будто стремившегося перейти обратно реку забвения.

Иногда лодочники, проезжавшие ночью домой мимо темного корпуса брига, слышали громкий тягучий говор американца, доносившийся из подъемного окна каюты. Отрывки произносимых в нос фраз долетали с тихого судна.

— Да, сэр. Мексиканские военные ружья совсем как новые, — по шести штук в ящике... Моя Балтиморская фирма... По сто двадцати патронов на штуку... Как раз подойдет к вашим требованиям. Ну, а музыкальные инструменты вам не подойдут? Кредит? Нет, нет! Наличными... Моя

Балтиморская... Мортиры, вы говорите? Г-м. Это рискованная штука... Десять процентов комиссионных, да и это еще совсем даром...

Время шло, ничего не случалось, или по крайней мере никто ничего не слышал, — и возбуждение мало-по-малу улеглось. С новыми манерами Лингарда свыклись. «Ничего особенного нет», утверждали одни. Другие не соглашались. Но любопытство все же оставалось, и смутные слухи о каком-то готовящемся предприятии следовали за Лингардом по пятам от Рангуна до Гонконга.

Лингард нигде не чувствовал себя так хорошо, как на якорной стоянке во внутреннем кольце отмелей. Центр его жизни переместился на чetyреста миль от Малаккских проливов к Берегу Убежища. Когда он был здесь, он находился как-бы в другой сфере бытия; тут им руководили непосредственные порывы, и громче говорили его желания. Хассим и Иммада приходили на берег и ждали его прибытия на островке. Он всегда расставался с ними с сожалением.

Каждый раз, как он приезжал в Поселения, Иоргенсон ждал его у лодочной пристани и, ничего не говоря, подходил к нему и шел рядом с ним. Они редко обменивались тремя словами в день. Но как-то вечером, месяцев за шесть до последней экспедиции Лингарда, когда они переходили по мосту через канал, где гроздьями были причалены туземные суда, Иоргенсон ускорил шаги и прошел вперед. Была лунная ночь, и ничто не шевелилось вокруг, кроме теней, отбрасываемых высокими облаками. Лингард снял шляпу и глубоко вдохнул в себя теплый ночной ветер.

Вдруг Иоргенсон тихо сказал:

— Новый раджа Туллы курит опиум, и иногда с ним опасно бывает говорить. Влиятельные люди в Ваджо очень недовольны.

— Превосходно! — возбужденным шопотом проговорил Лингард, сразу потерявший свою сдержанность. — Но где вы ухитрились об этом узнать? — спросил он.

Иоргенсон указал пальцем на сгрудившиеся в канале прау, береговые лодки и сампаны, покрытые цыновками и залитые холодным лунным светом; кое-где тусклый фонарь мерцал среди путаницы корм, шестов, мачт и убранных парусов.

— Вот где, — сказал он, пока они шли и их тени, в шляпах и одеждах, тяжело падали на странно-очерченные корабли, которым темнокожие люди вверяют свою судьбу на мелководном море.

— Я сижу с ними, говорю с ними, прихожу и ухожу, когда хочу... Они знают меня, — пора бы, — тридцать пять лет. Некоторые из них дают белому человеку тарелку рису и кусок рыбы. Немного для тридцатипятилетнего знакомства...

С минуту он помолчал.

— Я был когда-то вроде вас, — прибавил он и, положив руку на локоть Лингарда, прошептал: — вы серьезно ввязались в это дело?

— До последнего цента, — спокойно отвечал Лингард, смотря прямо перед собой.

Вода рейда помутнела, и мачты стоящих на якоре кораблей погрузились в тень набежавшего облака.

— Бросьте! — шепнул Иоргенсон.

— Я задолжал, — медленно произнес Лингард.

— Бросьте!

— Никогда в жизни ничего не бросал.

— Бросьте!

— Клянусь богом, не брошу! — воскликнул Лингард, топнув ногой.

Последовала пауза.

— Когда-то я был вроде вас, — проговорил Иоргенсон. — Тридцать пять лет... — Никогда ничего не бросал. То, что вы затеваете — детская игра по сравнению с моими проделками. Поймите это, вы, сильный человек, знаменитый капитан Ленгард с «Молнии»... Вам бы надо было видеть «Дикую Розу»... — прибавил он внезапно задрожавшим голосом.

Лингард перегнулся через решетку мола. Иоргенсон придвинулся ближе к нему.

— Я поджег ее своей собственной рукой, — произнес он. Голос его прервался, как будто он исповедовался в чем-то чудовищном.

— Бедняга, — пробормотал Лингард, глубоко тронутый трагичностью этого беспримерного поступка. — Должно быть, ничего больше не оставалось?

— Я не мог допустить, чтобы она сгнила в каком-нибудь голландском порту, — мрачно сказал Иоргенсон. — Вы слышали когда-нибудь историю с Доусоном?

— Что-то слышал. Впрочем, как следует не помню, — пробормотал Лингард, у которого мурашки пробежали по спине, когда он представил себе свой собственный бриг, медленно гниющий в каком-нибудь голландском порту. — Он ведь, кажется, умер? — рассеянно спросил он, раздумывая тем временем, хватило ли бы у него мужества поджечь бриг в случае крайности.

— Зарезался на берегу у форта Роттердам, — отвечал Иоргенсон.

В лунном свете, то и дело затемнявшемся облаками, худая фигура его колебалась и казалась сотканной из тумана.

— Да. Он нарушил какие-то там правила, а когда его задержали, стал грозить лейтенанту «Кометы» исками об убытках и судебным преследованием. — Конечно, — отвечал негодяй. — Здесь юрисдикция Макассарского округа, и я поведу вашу шкуну туда». А потом, как только они стали подходить к рейду, он на буксире подвел ее к подводным скалам северной стороны. — Трах! Когда она до половины наполнилась водой, он снимает шляпу и отвечает Доусону поклон. «Вот берег, говорит он, — можете туда отправиться и начинать судебное преследование, господин англичанин».

Иоргенсон поднял свою длинную руку и погрозил кулаком месяцу, сейчас же спрятавшемуся за облака.

— Все погибло. Бедняга Доусон несколько месяцев шлялся по улицам босой и в лохмотьях. Потом он как-то выпросил нож у одной сострадающей души, взглянул в последний раз на затонувшую шкуну и...

— Я не вмешиваюсь в дела голландцев, — нетерпеливо перебил его Лингард. — Мне надо только, чтобы Хассим получил обратно то, что ему принадлежит.

— А может быть, голландцы хотят, чтобы было именно так, как сейчас, — возразил Иоргенсон. — Во всяком случае это игра рискованная. Бросьте ее!

— Послушайте, — сказал Лингард. — Я взял этих людей, когда они были при последнем издыхании. Это что-нибудь да значит. Я не должен был бы вмешиваться, и через несколько часов все было бы кончено. А раз я вмешался, значит, я что-то имел в виду, — все равно, понимал я это, или нет. Я в сущности тогда же решил помочь им, хотя сам этого еще не знал. Отлично. Теперь я подтверждаю свое решение и делаю это сознательно. Если спасаешь людей от смерти, — берешь на себе участие в их жизни. По крайней мере, я так на это смотрю.

Иоргенсон покачал головой.

— Глупости, — воскликнул он, но сейчас же дрожащим от любопытства голосом тихо спросил. — Где вы их оставили?

— У Белараба, — едва слышно отвечал Лингард. — Вы его знали когда-то.

— Да, я знал его и его отца, — возбужденным тоном заговорил Иоргенсон. — Кого я только не знал? Я знал Сентота, когда он был королем южного яванского побережья и когда голландцы предложили за его голову такую цену, которая равнялась целому состоянию. Он два раза ночевал на «Дикой Розе», когда ему пришлось туго. Я знал его, всех его вождей, мулл, воинов, старика-регента, который, в конце концов, смалодушествовал и перешел к голландцам. Я знал... — Иоргенсон запнулся, точно слова не шли у него из горла, замолчал и вздохнул. — Отец Белараба убежал со мной, — начал он более спокойным тоном, — и присоединился к падрисам на Суматре. Он стал великим вождем. Белараб был тогда юношей. Вот это было времячко! Я ездил вдоль побережья

и смеялся над крейсерами. Я видел все битвы в стране баттаков, видел, как бежали голландцы. Я был при взятии Сингаля и спасся бегством. Я был тот самый белый, который давал советы мананкабским вождям. В то время обо мне много писали в голландских газетах. Говорили, что я француз, перешедший в магометанство...

Иоргенсон крепко выругался и, упав на железные перила и задыхаясь, стал изливать проклятия по адресу газет.

— Ну, так вот, дело теперь в руках у Белараба, — спокойно сказал Лингард. — На Берегу Убежища он играет главную роль. Конечно, есть и другие. Он разослал гонцов на север и на юг набирать людей.

— Словом, все дьяволы спущены с цепи, — проговорил Иоргенсон. — Вы это начали, и теперь глядите в оба. Глядите в оба!

— Насколько я могу судить, все должно пойти хорошо, — заметил Лингард. — Они все знают, что им нужно делать. Они у меня в руках. Вы не считаете Белараба ненадежным?

— Я не видел его пятнадцать лет. Но дело в том, что вся затея ненадежная, — проворчал Иоргенсон.

— Но я же вам говорю, что я все рассчитал, и промаха быть не может. Было бы лучше, если бы у меня был там белый, который присматривал бы за тем, как идут дела. Там много припасов и оружия, и Белараб несомненно не будет протестовать, если за ним будут наблюдать. Вы нуждаетесь в чем-нибудь? — прибавил Лингард, опуская руку в карман.

— Нет, дома у меня довольно еды, — коротко отвечал Иоргенсон. — Но лучше бросьте эту затею, — с оживлением заговорил он. — Лучше уж сразу броситься в море. Посмотрите на меня. Я выехал из дома восемнадцатилетним мальчиком и могу говорить по-английски, по-голландски, на каждом жаргоне этих островов... Я помню такие вещи, что у вас на голове волосы встали бы дыбом... Но свой родной язык я забыл. Я торговал, сражался, никогда не нарушал слова ни с белыми, ни с туземцами. А посмотрите на меня. Если бы не моя старуха, я умер бы в канаве десять лет тому назад. Все и все оставили меня — молодость, деньги, сила, надежда, даже сон. А она жила с этим обломком!

— Ну, что-ж, это хорошо рекомендует ее, да отчасти и вас, — одобряюще сказал Лингард.

Иоргенсон покачал головой.

— Это-то и есть самое худшее, — медленно и внятно произнес он. — Это конец. Я пришел к ним с другого края земли, они взяли меня — и смотрите, что они из меня сделали.

— Откуда вы родом? — спросил Лингард.

— Из Тромзё, — простонал Иоргенсон. — Мне уж более никогда не увидеть снега, — с рыданием добавил он, закрыв лицо руками.

Лингард молча смотрел на него.

— А почему бы вам не поехать со мной? — произнес он. — Я уже вам говорил, что мне нужен...

— Нет, уж если хотите сломать себе башку, ломайте без меня, — сердито огрызнулся Иоргенсон. — Я старый бездельник, но все же вам не удастся запутать меня в их чортовы дела. У них все по-своему...

— Дело не может не удаться. Я рассчитал каждый шаг и принял меры против всяких случайностей. Я ведь не дурак.

— Нет, вы дурак! Покойной ночи.

— Прощайте! — спокойно отвечал Лингард.

Он пошел на свою лодку, а Иоргенсон отправился вверх по набережной. И когда Лингард был уже далеко от берега, до него издали донесся голос:

— Бросьте это!

— Я ухожу перед рассветом, — крикнул он в ответ, и взошел на бриг.

Когда, после бессонной ночи, Лингард вышел на палубу из каюты, было еще темно. По палубе разгуливала какая-то тощая фигура.

— Я пришел, — хрипло сказал Иоргенсон. — Там ли умирать, здесь ли — все равно. Но если я там умру, помните, что моей старухе надо есть.

Лингард был один из тех немногих людей, которым удалось видеть Иоргенсонову старуху. У нее было коричневое сморщенное лицо со спутанными космами седых волос и несколькими обломками зубов. Законным браком она сочеталась с ним лишь недавно, по настояниям энергичного молодого миссионера из Букит-Тимах. Какова была ее наружность в те давние времена, когда Иоргенсон купил ее за триста долларов и несколько ружей, никто бы не мог угадать. Все, что осталось у нее от молодости, была пара глаз, ясных и печальных, которые в часы одиночества неподвижно глядели в прошлое этих двух жизней. Когда Иоргенсон был по близости, она с беспокойным упорством следила за каждым его движением. А теперь, под саронгом, накинутым на ее

седые волосы, из ее глаз капали невидимые слезы и тело ее, прикурнув в темном углу хижины, медленно качалось взад и вперед.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал Лингард, пожимая руку Иоргенсону. — Она ни в чем не будет нуждаться. Единственное, чего я от вас хочу, это чтобы вы последили за Беларабом в мое отсутствие. Я должен сделать еще один рейс, и тогда мы можем приступить к делу. Я предусмотрел все мелочи, поверьте мне.

Так беспокойная тень капитана Г. К. Иоргенсона опять пересекла реку забвения и снова вернулась в жизнь людей.

VI

Лингард, бросившийся телом и душой в свое большое предприятие, целых два года жил как бы в состоянии опьянения, предвкушая медленно подготовляемую победу. Мысль о неудаче ни разу не приходила ему в голову, и он готов был заплатить любую цену за столь великолепный конец. Дело шло о том, чтобы с торжеством вернуть Хассима в ту страну, которую он увидел однажды ночью под низкими тучами, под непрерывный грохот грома. Как-то раз, после долгого разговора с Хассимом, который, должно быть, в двадцатый раз излагал повесть своих страданий и борьбы, он поднял свою огромную руку, потряс кулаком над головой и крикнул:

— Мы их расшевелим! Мы разбудим эту страну, чорт возьми!

Неведомо для него самого, он выразил в этих словах весь свой идеализм, скрытый под покро-

вом его простодушной силы. Он разбудит страну! Это был его главный побудительный мотив, — мотив, к которому присоединялись потребность в деятельности, примитивное чувство справедливости, благодарность, дружба, сентиментальная жалость к Иммаде, «бедному ребенку», и, наконец, гордое убеждение, что из всех людей, среди которых он вращался, только он один имел возможность и мужество «двинуть, как следует», такое рискованное дело.

Требовались деньги и люди, и он добыл достаточно и тех, и других с того дня, как два года тому назад, с револьвером на поясе и в широкой соломенной шляпе, он на утренней заре неожиданно встретил лицом к лицу таинственного Белараба, совершенно растерявшегося от изумления при виде белого человека.

Солнце еще не успело подняться над лесами острова, но над темной овальной лагуной уже простерлось напоенное светом небо. Тени, покрывавшие обширные поля, светлели и понемногу превращались в полосы белого тумана. Кругом виднелись хижины, ограды, палисады; большие дома, воздвигнутые на высоких сваях и полузакрытые кронами густых плодовых деревьев, казались подвешенными в воздухе.

Таков был вид поселка Белараба, когда Лингард впервые взглянул на него. На этом фоне мелькало множество лиц, окружавших поджарую и закутанную фигуру встретившего его вождя; утренняя тишина была так глубока, что произнесенное шопотом слово «мархаба» (добро пожаловать), которое наконец проронил вождь, донеслось до каждого из его приближенных.

Стоявшие рядом телохранители в черных шапочках и с длинными копьями в руках хранили полное бесстрашие. Через промежутки между домами видно было, как люди бегут к берегу. Группа женщин, столпившихся на низком холме, внимательно смотрела на пришельцев; видны были только их головы, тела были закрыты высокими стеблями маиса. Неподалеку, где-то между хижин, раздался голос невидимой старухи, с визгливой яростью бранившей невидимую девушку.

— Иностранцы? Тебе захотелось поглазеть на иностранцев? Ах, бестыдница! Что же, мне одной, хромой и старой, чистить рис? Поди ты к нечистому со своими иностранцами. Чтоб им пусто было! Чтоб их мечами проткнули! Я старая, старая... В иностранцах проку нет, девушка. Чтоб они сгорели!..

— Добро пожаловать, — важно повторил Белараб, глядя прямо в лицо Лингарду.

Шесть дней пробыл Лингард в поселке Белараба, из которых три ушло на то, чтобы наблюдать друг за другом, ничего не спрашивая и не касаясь ни единым намеком цели посещения. Все это время Лингард валялся на тонких циновках, которыми был устлан пол небольшого бамбукового дома, стоявшего за стенами ограды и украшенного белым флагом с зеленой каймой. Неподалеку от дома высились большие здания с острыми крышами, поднятые на сорок футов над землей на столбах из твердого дерева.

Вдали мерцающей синевой отливали леса, словно леса сновидений. Ближе к морю, пояс больших стволов и переплетшихся кустов тянулся к западному берегу овальной лагуны; и в ясной

чистоте воздуха группы бурых домов, отражаемые в воде или возвышающиеся над волнистою зеленью полей, купы пальм, огороженные плантации, рощи фруктовых деревьев сливались в одну картину, роскошную и привольную. Над зданиями, над людьми, над тихой скатертью вод, над пространствами росистых хлебов, — растилась высокая, чудесная, дышащая миром небо. И ни одна дорога, казалось, не вела в эту страну роскоши и тишины.

Не верилось, что так близко отсюда беспокойное море с его дарами и вечными угрозами. Даже в месяц бурь громкий шум покрытых белыми волнами отмелей оставался где-то высоко в небе и стлался над головой смутным рокотом, то усиливавшимся, то слабевшим. Дувший над землей ветер, казалось, то отбрасывал его вдаль, то доносил ближе, и никто не мог бы сказать, откуда он шел. Он походил на торжественный гул водопада, над лесами, полями, крышами домов и головами людей, над всей этой укромной тишиной цветущего поселка, где спрятались от людских глаз побежденные фанатики, беглецы и изгнанники.

Каждый вечер Белараб в сопровождении экспорта, оставшегося за дверью, входил один в дом своего гостя. Он произносил приветствие, осведомлялся о здоровье и с невозмутимой миной беседовал о незначительных вещах. Но все это время прямой взгляд его умных глаз, казалось, пытался прочесть правду в лице белого человека. Перед заходом солнца, когда становилось прохладно, они гуляли вместе в маленькой рощице у ворот ограды. Провожатые, стоя поодаль в косых солнечных лучах, следили за этими разгу-

ливавшими фигурами, то появлявшимися, то исчезающими за деревьями. Говорилось много слов, но не было сказано ничего, что раскрыло бы мысли собеседников. Перед расставанием они демонстративно жали друг другу руки, и тяжелое хлопанье ворот каждый раз сопровождалось тремя ударами деревянных засовов, вдвигаемых в железные кольца.

На третью ночь Лингарда разбудил легкий шорох, раздавшийся за дверью. На пороге, загорев звезды, появилась черная тень, и к постели Лингарда подошел человек. Его провожатый остался ждать на пороге.

— Не бойся. Я — Белараб, — сказал осторожный голос.

— Я не испугался, — прошептал Лингард. — Опасность грозит тому, кто приходит во тьме и без предупреждения.

— А разве ты не пришел ко мне без предупреждения? Я сказал тебе: «Добро пожаловать», а ведь я легко бы мог сказать: «Убейте его».

— Ты был около меня. Мы умерли бы вместе, — спокойно возразил Лингард.

Белараб дважды прищелкнул языком, и его неясная фигура точно ушла на половину в пол.

— Так не было написано в книге судьбы, — сказал он омертвевшим голосом, сидя со скрещенными ногами у цыновок. — И потому ты мой гость. Пусть слова наши будут так же прямы, как дротик, и короче, чем остаток этой ночи. Чего ты хочешь?

— Во-первых, я желаю тебе долгой жизни, — отвечал Лингард, облакачиваясь и придвигаясь ближе к паре сверкающих глаз, — а во-вторых, я хочу твоей помощи.

Тихий шопот слов, произнесенных в эту ночь, долго оставался в памяти Лингарда, более живучий, чем воспоминание о громком гуле. Он пристально смотрел на звезды, мирно сиявшие в пролете двери; молча выслушав все, что ему говорилось, Белараб, словно зачарованный силой и решимостью белого человека, без утайки раскрыл свое сердце. Он говорил о своей юности, проведенной в свирепых и фантастических войнах, о битвах на холмах, о маршах через леса, о стойком благочестии его людей, о их ненасытной ненависти.

Ни облачка не омрачило благородного блеска звездного прямоугольника, обрамленного глухим мраком шалаша. Белараб шептал о следовавших друг за другом поражениях, о кольце невзгод, сжимавшемся вокруг слабеющей надежды людей и их непреклонного мужества. Он шептал о поражении и бегстве, о днях отчаяния, о бессонных ночах, о бесконечных преследованиях, о растерянном ужасе и ярости детей и женщин, которых убивали за палисадами прежде, чем посаженные могли броситься на вылазку.

— Я видел все это еще раньше, чем вырос, — воскликнул он тихо.

Голос его дрожал. Последовала пауза. Раздался легкий вздох спящего телохранителя, который примостился у порога, скрестив ноги и опустив голову на колена.

— Среди нас был один белый человек, оставшийся с нами до конца, — начал опять Белараб. — Он верно служил нам своей силой, мужеством и мудростью. Это был великий человек. У него

были великие богатства, но еще более великое сердце.

В тихом свете звезд перед Лингардом вдруг мелькнула фигура Иоргенсона — истощенного, поседевшего, занимающего пять долларов, чтобы прокормить свою старуху...

— Он походил на тебя, — продолжал Белараб. — Мы бежали на его корабле и вместе с ним прибыли сюда. Здесь была пустыня. Лес доходил до самой воды, а роскошная трава волновалась над головами высоких людей. Телал, мой отец, умер от тоски. Нас было мало, и мы все чуть не умерли здесь от трудов и печали. На этом самом месте. Враги не знали, куда мы исчезли. Это был берег убежища и голода...

Белараб, то повышая, то понижая голос, продолжал свою повесть. Он рассказывал, как его отчаянные сотоварищи хотели выйти в море и погибнуть, сражаясь с идущими с запада кораблями, — высокими, с большими белыми парусами, — и как он вместо этого заставлял их вести войну с колючими кустарниками, с сорной травой, с высокими, уходившими в небо, деревьями. Лингард, облокотясь о цыновку и глядя в дверь, вспоминал виденные им широкие поля, теперь мирно спящие под ясным светом звезд. Все это сделал этот его спокойный, почти невидимый собеседник, основавший, создавший и укрепивший поселок.

Лингардом овладело изумление. Призрачная, тихо бормотавшая фигура приобретала огромное величие и значительность и казалась воплощением какой-то стихийной силы, вечно мощной и неумирающей.

— И все-таки даже теперь жизнь моя не безопасна, и они смотрят на меня, как на врага, — грустно продолжал Белараб. — Глаза не убивают, не убивают гневные слова; и проклятия бессильны, иначе голландцы не жирели бы, сидя на нашей земле, и я бы не жил сегодня. Ты понимаешь? Ты видал людей, сражавшихся в былые времена? Они не забыли о войнах. Я дал им дома, спокойное сердце, сытое брюхо, — я один. А они исподтишка проклинают мое имя, — они не могут забыть.

Этот человек, говоривший только о войне и насилии, вдруг проявил страстную жажду мира и безопасности. Но его никто не понимал. — Правда, некоторые из тех, которые не хотели понимать, умерли, — добавил он и белые зубы его хищно сверкнули во тьме. Но были еще и другие, которых он не мог убить. О, дураки! Он хотел, чтобы об этой земле и людях, живших на ней, совсем забыли, как если бы их поглотило море. Но у них не было ни разума, ни терпения. Они не могли ждать. Они распевали молитвы по пяти раз в день, но веры не имели.

— Смерть приходит ко всем. Для правоверных — она только конец страданий. Но ведь и вы, белые люди, которые сильнее нас, вы тоже умрете. И хотя рай так же велик, как земля и небо вместе, — он не для вас, не для вас!

Лингард с изумлением слушал эту речь, не издавая ни звука. Спящий телохранитель тихо храпел. После этой невольной вспышки утешительной веры, Белараб продолжал свою речь уже совершенно спокойно. Он объяснил, что ему нужна поддержка, нужна постоянная сила, — какой-нибудь сильный и верный союзник, который внушил бы

почтение непокорным, страх невежественным и укрепил бы его правление. Он стал шарить в темноте, нащупал руку Лингарда, с силой пожал ее выше локтя и отпустил. И Лингард понял, почему его рискованный шаг оказался столь удачным.

За оказание поддержки в виде нескольких пушек и небольшой суммы денег Белараб тут же пообещал помочь в завоевании Ваджо. Он, конечно, сможет найти людей, готовых сражаться. Он пошлет гонцов к друзьям, да и в его округе есть немало беспокойных людей, готовых на любое приключение. Он говорил об этих людях с суровым презрением и с сердитой нежностью, не то завидуя им, не то осмеивая их. Они замучили его своим безумием, своей бесшабашной храбростью, своим нетерпением, но качества эти он порицал как будто только потому, что сам был лишен их благодаря своей роковой мудрости. Люди эти будут сражаться. Когда настанет время, Лингарду стоит только кликнуть клич, и по одному его знаку они пойдут на верную смерть, — эти дураки, которые не могут ждать ни удобного случая для отмщения на земле, ни вечного возмездия в другом мире.

Белараб кончил и выпрямился во весь рост.

— Проснись! — тихо окрикнул он, наклонясь над своим спящим спутником. Их черные тени тронулись, на миг застлали поочередно видневшиеся в двери яркие звезды, и Лингард, не тронувшийся с места, остался один. Он лежал на спине, закрыв рукой глаза.

Три дня спустя, он оставил поселок Белараба, в тихое, безоблачно-мирное утро. Все шлюпки

брига, с вооруженными матросами, вышли на лагуну, чтобы придать большую торжественность заключенному союзу. Глазеющая толпа следила за его величественным отплытием в глубоком молчании и с возрастающим чувством изумления перед тайной его появления. Лодки медленно и ровно пересекали обширную лагуну. Лингард оглянулся. Великая тишина положила руку на землю, небо и людей, на неподвижность неживой и живой природы. Хассим и Иммада, стоя рядом с вождем, подняли руки в знак последнего приветствия, и их далекий жест казался печальным, ненужным, потеряннным в пространстве, словно сигнал, который выкидывают потерпевшие кораблекрушение в тщетной надежде на невозможную помощь.

Лингард уехал, вернулся, снова уехал, и каждый раз эти две фигуры, одиноко стоявшие где-нибудь на песчаной отмели, посылали ему все тот же приветственный или прощальный знак.

Каждое движение их рук как бы все сильнее скрепляло узы привязанности, соединявшие его с ними. Лингард прозаически работал, накапливал деньги для оплаты романтического предприятия, вторгшегося в его жизнь. Деньги текли из его рук, как вода. Немалую часть из них американец переслал своему Балтиморскому торговому дому, но порядочно досталось и импортирующим фирмам в портах Дальнего Востока. Пришлось приобрести быстрый прау, который, под командой Джафира, заходил в малопосещаемые бухты и малоизвестные реки, передавал тайные послания, важные известия и щедрые взятки. Покупка «Эммы» также обошлась в крупную сумму.

«Эмма» представляла потрепанную, рассыпа-

вшуюся старую шкуну, которая на склоне своих дней немало потерпела от своего последнего хозяина — толстого белого торговца с хитрыми и жадными глазами. Этот человек впоследствии хвастался высокой ценой, которую он получил «за эту старую дрянь». «Эмма» незаметно оставила порт вместе с бригам и с тех пор исчезла навсегда. Лингард на буксире ввел ее в бухту и посадил ее на мель в том месте лагуны, которое дальше всего отстояло от поселка Белараба. В то время был сильный подъем воды; когда вода спала, старая шкуна осталась в иле, причем концы ее покоились на двух древесных стволах, а палуба немного нагнулась на бок и придавала «Эмме» вид усталого от тяжелой жизни существа, наконец, обретшего место вечного успокоения. Тут-то и нашел ее через несколько месяцев Иоргенсон, когда, вернувшись к жизни людей, он появился вместе с Лингардом в стране Убежища.

— Это лучше, чем форт на берегу, — говорил Лингард, стоя у гакаборта рядом с Иоргенсоном и глядя поверх лагуны на дома и пальмовые рощи поселка. — Все мои орудия и пороховые заряды тут, неправда ли, хорошая идея? Такого наводнения не повторится может быть долгие годы, а при теперешнем ее положении они могут добраться до нее только с кормы, да и то по одной доске в ряд. Помоему вы будете здесь в полной безопасности. Вы можете защищаться против целой флотилии лодок. Поджечь ее не легко. А лес напротив лучше всякой стены. Ну, как вы думаете?

Иоргенсон хрюкнул в знак согласия. Он смотрел на пустую, запущенную палубу, на оголенные мачты, на мертвое тело полуразрушенного малень-

кого судна, которому не суждено больше видеть моря. Мрачная тень леса падала на него, словно саван; прибрежные кусты шуршали ветвями об его остов, а над обломками брошенного брашпиля тихо покачивались сережки крошечных коричневых цветов.

На старую шкуну переселились соратники Хассима, и Иоргенсон, оставшийся на ней, целыми днями расхаживал от носа к корме, молчаливый и бдительный. В поселке его встретили с изумлением, уважением и боязнью. Белараб часто навещал его. Иногда к белому человеку приходили побеседовать его старые знакомые, которых он знал во дни их юности, в дни борьбы за веру и жизнь. Их голоса были словно эхо бурных событий, таившим бледные чары миновавшей юности. Они кивали своими старыми головами. — Помнишь ли ты нас? — спрашивали они. Иоргенсон все помнил. Он походил на человека, воскресшего из мертвых, у которого вера во всемогущество жизни омрачена черным скептицизмом могилы.

Только иногда непобедимая вера в реальность бытия возвращалась к нему, баюкая и вдохновляя. Он расправлял плечи, выпрямлялся и начинал ходить более твердым шагом. По телу его пробежало тепло, и сердце начинало биться быстрее. В молчаливом возбуждении он вычислял шансы Лингарда на успех и некоторое время жил общей жизнью с этим человеком, которому неведомо было черное отчаяние смерти. Шансов было много, очень много.

— Хотелось бы мне видеть все это, — пылко бормотал Иоргенсон, и его погасшие глаза загорались минутным блеском.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Плен

I

— Некоторые люди ходят по свету с завязанными глазами, — говорил Лингард. — Вы правы, море открыто нам всем. Одни на нем работают, другие валяют дурака. Мне это все равно. Но знайте только одно, — что я никому не позволю мешать моим делам. Вы хотите меня уверить, что вы очень большой человек?

М-р Треверс холодно улыбнулся:

— О, да, я это отлично понимаю, — продолжал Лингард. — Но помните, что вы далеко от дома, а я здесь как в своей родной стихии. Где я нахожусь, там и мой дом. Я только Том Лингард, не больше и не меньше, где бы я ни находился, и если вы хотите узнать, что это значит...

Широкий жест рукой вдоль западного горизонта дополнил фразу, как бы призывая море в свидетели.

Он пробыл на яхте уже больше часа, и визит этот пока вызвал в нем только смутную, нерассу-

ждающую злобу. Самое присутствие этих людей, их беспомощность, их лица, их голоса, их глаза как бы требовали от него помощи, а он не находил в себе ничего, кроме раздражения, готового перейти в насилие. Он ничего не мог объяснить им. Они появились на его горизонте тогда, когда из жизни его исчезли все следы, оставляемые в душе человека расой, воспоминаниями, впечатлениями юности, родной обстановкой. Они смущали его, лишали способности речи. Это походило на то, как если бы он встретился в пустыне с назойливыми призраками.

Лингард смотрел на открытое море, скрестив руки, в злобной задумчивости. Даже внешность выделяла его из всех находившихся на палубе людей. Серая рубашка, синий кушак, засученный рукав полуобнаженной руки, небрежная самоуверенность тона и позы раздражали м-ра Треверса, который, приготавливаясь к помощи официальных властей, смотрел крайне подозрительно на вмешательство этого непонятного человека.

С той минуты, как Лингард появился на яхте, все глаза были устремлены на него. Только Картер, стоявший тут же, облокотясь о перила, тупо глядел на палубу, словно постигнутый дремотой или погруженный в свои мысли. М-р Треверс, стоя на корме, заложил руки в карманы пиджака и не скрывал своей растущей неприязни.

На другой стороне палубы в лонг-шэзе сидела дама. Поза ее дышала равнодушием, и стоявший рядом с ней м-р д'Алькасер полагал, что поза эта характеризует ее общее отношение к жизни. Он познакомился с м-с Треверс несколько лет тому назад, когда был атташе посольства в Лондоне, и

тогда нашел ее интересной хозяйкой. Она ему казалась еще интереснее теперь, с тех пор, как случайная встреча в Манилле и приглашение м-ра Треверса отвезти его в Батавию дали ему возможность изучить различные оттенки презрения, лежавшего, по его мнению, в основе того безразличия, с которым м-с Треверс относилась к скуке и монотонности светского существования.

Некоторых вещей он не мог понять с самого же начала их знакомства, как, например, почему она вышла замуж за м-ра Треверса. Вероятно, исключительно из честолюбия. Он не мог удержаться от мысли, что столь выгодный промах вполне объясняет и ее презрение, и ее примиренность. Встреча в Манилле была для него полной неожиданностью; своему дяде, генерал-губернатору колонии, он объяснил приезд Треверсов тем, что когда англичане терпят неудачу в любви или политике, они принимают путешествие, повидимому, рассчитывая во время своих дальних странствий набраться свежих сил для новой схватки. Что касается его самого, то он считал, хотя этого не высказывал, — что его схватка с судьбой была кончена, хотя он сам тоже путешествовал. В столицах Европы он оставил по себе историю, в которой не было ничего скандального, кроме чрезмерного и слишком явно выражаемого чувства, и ничего особенно трагического, кроме безвременной смерти женщины, блестящие дарования которой были так же мало известны обществу, как и вызванная ею страстная любовь.

Обмен многочисленными любезностями завершился приглашением на яхту, ибо м-ру Треверсу хотелось иметь при себе какого-нибудь

собеседника. Д'Алькасер принял это приглашение с беззаботным равнодушием человека, для которого любой способ бегства от беспощадного врага одинаково хорош. Конечно, длинные монологи о торговле, администрации и политике не обещали особого облегчения его скорби; а ничего иного он не мог и ожидать от м-ра Треверса, вся жизнь и все помыслы которого, чуждые человеческим страстям, были отданы на то, чтобы извлечь из человеческих учреждений наибольшую личную выгоду. Д'Алькасер нашел, однако, что в обществе Эдиты Треверс он может найти некоторое забвение — самый драгоценный для него дар. Она возбуждала в нем любопытство — чувство, которое, как ему казалось, никто на земле не мог в нем воскресить.

Д'Алькасер и м-с Треверс говорили о вещах безразличных и интересных, не связанных с человеческими учреждениями, и имевших лишь отдаленное отношение к человеческим страстям. Тем не менее д'Алькасер заметил в ней способность сочувствовать другим, — способность, обычно развивающуюся в людях, разочарованных жизнью или смертью. Насколько велика ее разочарованность, он не знал, да и не пытался узнать. Эта деликатность вытекала отчасти из рыцарского уважения к женским тайнам, отчасти из убеждения, что глубокое чувство часто совершенно неясно даже для тех, кого оно губит или вдохновляет. Он был уверен, что даже она сама в этом никогда не разберется. Однако, наблюдения над ее душевным состоянием несколько удовлетворяли его любопытство, и он не жалел, что приключившееся с яхтой несчастье продлило их совместную жизнь.

На этой отмени дни проходили так же, как и в других местах, а д'Алькасер ждал облегчения не от многообразия событий, а от простого течения времени. Однако, благодаря монотонности существования на отмелях, часы хотя и продолжали течь, но текли незаметно; и так как каждому человеку свойственно упорствовать в своих чувствах, будь это радость или печаль, то и д'Алькасер, уставший от блужданий, не без удовольствия воображал, что ход вселенной и даже самого времени остановился. Казалось, оно не хотело унести его дальше от его скорби, которая тускнела, но не уменьшалась, подобно всем вообще душевным переживаниям, не исчезающим в пространстве, а лишь заволакивающимся туманом.

II

Д'Алькарс был человек лет сорока, худой и бледный, с ввалившимися глазами и опущенными вниз черными усами. Взгляд его был прямой и пронизательный, и на губах часто пробегала мимолетная улыбка. Он с большим интересом наблюдал Лингарда. Его привлекало в нем неуловимое нечто, — линия, складка кожи, форма глаза, опускание век, изгиб щеки, — та маленькая подробность, которая бывает различной на каждом человеческом лице и придает лицу его подлинное выражение, словно среди всех прочих особенностей, порожденных наследственностью, тайной или случаем, только одна эта черта была сознательно создана живущей в нем душой. Время от времени он наклонялся к м-с Треверс, медленно обмахивавшейся красным веером и говорил что-то;

она отвечала, не глядя на него, ровным тоном и с неподвижным лицом, как будто сквозь завесу невыразимого безразличия, протянутую между нею и всеми остальными людьми, между ее сердцем и смыслом событий, между ее глазами и морем.

М-р Треверс отошел в сторону и осыпал Картера упреками.

— Вы не поняли ваших инструкций, — быстро пробормотал м-р Треверс. — Зачем вы привезли сюда этого человека? Я удивляюсь...

— Бряд ли больше, чем удивлялся я прошлой ночью, — проворчал молодой моряк без всякой почтительности.

— Я вижу теперь, что вы совершенно не пригодны к тому поручению, которое я на вас возложил, — продолжал владелец яхты.

— Не я, а он меня привез, — возразил Картер. — Разве вы сами не слышали, что он говорит, сэр?

— Пустяки! — сердито зашептал м-р Треверс. — Вы представляете себе, чего он собственно хочет?

— По-моему, вчера ночью он хотел меня застрелить в своей каюте, если я...

— Это не относится к делу, — прервал его м-р Треверс. — Вы представляете себе, каковы были мотивы, приведшие его сюда?

Картер поднял на него свои усталые, налившиеся кровью глаза. Лицо его было багрового цвета, кожа шелушилась, точно ее обожгли.

— Я знаю не больше, чем вы, сэр. Вчера ночью он увел меня в свою каюту и сказал, что он скорее застрелит меня на месте, чем поз-

волит мне искать помощи у других. Повидимому, он хочет воспользоваться тем, что яхта села на мель, и получить побольше денег за то, чтобы снять ее.

М-р Треверс отвернулся и на минуту глубоко задумался. Это несчастье, приключившееся на безлюдном побережье, раздражало его, как потеря времени. Чтобы уменьшить эту потерю, он стал приводить в порядок заметки, сделанные им за время года его странствий по востоку. Он послал за помощью; командир яхты, очень перепуганный, робко сказал, что яхта по всей вероятности снимется с мели во время ближайших весенних приливов; д'Алькасер, человек несомненно хорошего происхождения, хотя и не очень твердых принципов, был лучше, чем отсутствие компании, — по крайней мере, он мог составить партию в пикет. М-р Треверс решил ждать. И вдруг этот грубый человек, похожий на картинку из книжки о флибустьерах, вломился в его жизнь и нарушил его покой загадочными намеками на какую-то опасность, намеками нелепыми, но все же тревожащими. А его темные предостережения походили на скрытые угрозы.

У м-ра Треверса был большой, длинный, тщательно выбритый подбородок и голубые, холодные, несколько наивные глаза. Он стоял перед Лингардом бодрый и крепкий, без всяких следов скуки или утомления, словно был рожден неуязвимым. У него было полное, бледное лицо и бесцветная, но совершенно свежая кожа, точно он всю свою жизнь провел в тени.

М-р Треверс думал: «Я должен положить этим нелепым угрозам. Меня не запугаешь, и я вовсе

не намерен платить за услуги, которые мне не нужны».

М-ра Треверса выводило из себя подобное нахальство; сразу, по совершенно непонятным причинам, он почувствовал необыкновенную гордость при мысли о том, что расстроит тайные планы этого человека, — как будто спор их был состязанием, от которого зависела вся его карьера.

Лингард, ни на кого не обращая внимания, продолжал смотреть в море. Он вырос на море, он жил в море; море увлекло его из дома, расширило его мысль, дало работу его рудам. Оно звало к усилиям, сделало его владельцем и капитаном лучшего на морях брига; оно внушило ему веру в себя, в свою силу, в свое счастье — и вдруг, благодаря роковой случайности, вовлекло его в осложнения, грозившие гибелью всем его планам.

Он сказал все, что мог сказать, а ему не верили. Этого уже долго не бывало с ним. Этого вообще до сих пор не бывало. Он чувствовал себя выбитым из колеи, как бы потерявшим свое «я». Он пришел к ним и сказал: «Я хочу вам добра. Я — Том Лингард», — а они не верили! Он был беспомощен перед подобным скептицизмом, ибо он никогда не считал его возможным. Он сказал: «Вы мне мешаете. Вы мешаете делу, от которого я не могу отказаться; но я все улажу, если вы только доверитесь мне, Тому Лингарду». А они все-таки не верили. Это было невыносимо. Но можно было ведь бросить их на произвол судьбы. Почему бы и нет? Он не знал их, не интересовался ими. Чтобы избавиться от них, ему даже не было нужды тронуть их хотя бы пальцем. Все,

что требовалось, — это закрыть глаза и на день — два предоставить события их естественному развитию. А потом он может и совсем забыть, что когда-либо видел их. Это было бы очень легко. Пусть пропадет их неверие, исчезнет их безумие, погибнут их тела... Или это, или конец!

III

Взгляд Лингарда, оторвавшись от молчаливого моря, медленно перешел на теснившиеся впереди фигуры и на внимательные и изумленные лица матросов, лица, никогда не виденные им прежде, но напоминавшие ему былые дни, его юность, его родное море, далекие, полузабытые берега. М-р Треверс тоже тронулся с места, и руку, теревшую левый бакенбард, поднес к карману пиджака, словно собираясь достать нечто ценное. Он быстро подошел к Лингарду.

— Я не могу воспользоваться вашими услугами, — сказал он холодно и решительно.

Лингард с минуту задумчиво посмотрел на него, теребя бороду.

— Может быть, так и лучше, — медленно произнес он, — потому что я вовсе не предлагал вам своих услуг. Я только предложил взять вас к себе на бриг на несколько дней, так как это — единственное, что может дать вам безопасность. Вы все допытываетесь, какие у меня мотивы. Мои мотивы! Если вы не понимаете их, то вам незачем их знать.

Они, еще два часа тому назад не имевшие понятия друг о друге, стояли теперь одий против другогó, как давние и заклятые враги, один низенький,

подвижной, сердитый, другой высокий, громоздкий, с презрительно-гневным взглядом.

Д'Алькасер, не отрывая от них глаз, нагнулся над креслом м-с Треверс.

— Видели вы когда-нибудь, как человек бьется головой о каменную стену? — спросил он.

— Нет, — отвечала м-с Треверс, медленно обмахиваясь веером и смотря прямо перед собой. — Я вообще не знала, что это когда-нибудь случается; обычно люди делают лазейку или обходят кругом, а сами при этом, как ни в чем не бывало, смотрят в другую сторону.

— Вы даете определение дипломатии, — говорил д'Алькасер. — Несомненно, здесь бы не мешало немножко дипломатии. Но наш живописный гость совершенно лишен ее. Мне он очень нравится.

— Уже! — произвела м-с Треверс с улыбкой, слегка коснувшейся ее губ и сейчас же улетевшей.

— Есть симпатии с первого взгляда, как есть любовь с первого взгляда. *Coup de foudre...*

М-с Треверс взглянула на него, и д'Алькасер серьезно продолжал:

— По-моему, это самое настоящее и самое истинное чувство. Человека любишь не за то, что есть в нем, а за нечто, имеющееся в нас, что-то живое в нас самих. — Он слегка ударил себя пальцем по груди. — Это свойство в нас самих, и оно имеется не у всякого. Не всякий достоин прикосновения небесного огня.

— И смерти, — сказала м-с Треверс.

Д'Алькасер слегка пожал плечами.

— Кто знает! Может случиться. Но небесный

огонь всегда привилегия, даже если человек и продолжает жить после того, как его обожгло.

Они замолкли, и до них ясно донесся раздраженный голос м-ра Треверса.

— Я уже сказал вам, что мне вас не нужно. Я отправил гонца к губернатору проливов. Не будьте навязчивы.

Тогда Лингард, стоявший к ним спиной, проворчал что-то, должно быть очень раздражившее м-ра Треверса, ибо голос его повысился еще.

— Я предупреждаю вас, что вы ведете опасную игру. Сэр Джон — мой личный друг. Он пошлет крейсер...

Лингард беззаботно-громко перебил его:

— Крейсер сюда не доберется раньше десяти дней, и потому мне это безразлично. Крейсеров сейчас мало в проливах, да и кроме того, если я вас брошу, меня ведь за это не повесят. А я на это пойду, пойду и на большее. Слышите? И на большее!

Лингард топнул ногой, и м-р Треверс отступил на шаг.

— Запугиванием вы от меня ничего не добьетесь, — сказал он. — Я вас не знаю.

Все, бывшие на палубе, широко раскрыли глаза. Матросы, навалившись друг на друга, глазели, точно стадо овец. М-р Треверс вынул платок и провел им по лбу. Лицо капитана яхты, прислонившегося к грот-мачте, — это был крайний предел, до которого он осмеливался приблизиться к господам, — багровым светом отливало между белыми бакенбардами, подобно горящему углю между двумя комьями снега. Д'Алькасер прошептал:

— Это — ссора. Живописный незнакомец сердится. Он обижен.

Веер м-с Треверс опустил к ней на колени. Она сидела молча, как бы дожидаясь, что еще скажет ее собеседник.

— Как вы думаете, не попытаться ли мне водворить мир? — спросил д'Алькасер.

М-с Треверс не отвечала. Подождав немного, он стал настаивать:

— Как вы думаете, не выступить ли мне в роли посредника — нейтрального, но благожелательного человека? Мне нравится этот бородач.

Тем временем обмен гневными фразами продолжался среди всеобщего смущения.

— Я бросил бы вас, если бы мне не было жаль этих бедных ребят, — яростно проговорил Лингард. — Вы их не спросили, что они на этот счет думают?

— Я никого не спрашиваю, — воскликнул м-р Треверс, брызгая от гнева слюной. — Все здесь зависит от меня.

— Мне жаль их, в таком случае, — произнес Лингард со внезапной задумчивостью и, наклонившись вперед, скрестил руки на груди.

При этих словах м-р Треверс подпрыгнул и, совершенно забывшись, закричал:

— Вы нахал, и больше мне нечего вам сказать.

д'Алькасер пробормотал: «Дело становится серьезно» и сделал было движение вперед. Он не поверил своим ушам, когда услышал, как м-с Треверс быстро и как бы с волнением проговорила:

— Пожалуйста, не ходите. Не останавливайте их. О! Это настоящее, это гнев! Наконец, что-то настоящее!

д'Алькасер остался стоять, прислонившись к поручню.

М-р Треверс протянул руку и очень громко повторил:

— Больше мне нечего сказать. Уходите сейчас же с моего корабля!

Черная собака, растянувшаяся у ног его жены, положив морду на лапы и поблескивая желтыми глазами, сердито заворчала на шум.

М-с Треверс засмеялась легким, веселым смехом, который точно вырвался, скользил, летел стрелой из-за ее белых зубов. д'Алькасер, со скрытым изумлением, серьезно смотрел на нее. Передохнув, она продолжала, со взрывами смеха после каждой фразы:

— Но ведь это... Это такое новое для меня зрелище... Увидеть, наконец, что-то настоящее и человеческое... Они как будто весь свой век дожидались этого случая. Ха-ха-ха! Всю свою жизнь дожидались этого случая. Ха-ха-ха!

Эти странные слова показались д'Алькасеру совершенно правильными. Они бросали неожиданный свет. Он улыбнулся и потом серьезным тоном сказал:

— Эта реальность может зайти слишком далеко. Человек столь живописной внешности способен на все. Позвольте мне...

Он отошел от нее и направился к Лингарду, худой и мешковатый, но во всей своей фигуре, в походке, в каждом движении сохранявший церемонную изысканность.

Почувствовав на своем плече легкое прикосновение, Лингард резко и сердито обернулся. Но, как только он отвел глаза от м-ра Треверса, гнев его

сразу стих, как бы упал к его ногам, подобно сброшенной одежде.

— Извините, — спокойно сказал д'Алькасер. Легкое движение его руки было не более, чем подобием, началом примирительного жеста. — Извините; но это требует доверия с обеих сторон. Дон Мартин, человек влиятельный...

— Я говорил достаточно ясно. Я сказал все, что мог сказать. Честное слово, все, — заявил Лингард с добродушным видом.

— Ах, вот в чем дело! — сказал д'Алькасер в раздумьи. — В таком случае ваша скрытность — результат данного слова, вопрос чести?

Лингард подумал с минуту.

— Можно назвать и так. Но я вообще ничего не должен делать для человека, который не соблаговолил заметить моей руки, когда я ему ее протянул, входя на яхту.

— Вы находитесь в более выгодном положении, чем мы, — отвечал д'Алькасер, — и потому можете проявить благородство и забыть эту оплошность. И если мы скажем друг другу немного более доверия...

— Дорогой д'Алькасер, вы говорите нелепости, — вмешался м-р Треверс спокойным голосом, но с побелевшими губами. — Я приехал в эти места вовсе не для того, чтобы пожимать руки направо и налево и слушать откровенности первого встречного авантюриста.

д'Алькасер отступил назад с едва заметным поклоном Лингарду, который мгновение стоял молча с искривившимся лицом.

— Да, я авантюрист, — воскликнул он. — Если бы я не был авантюристом, мне при-

шлось бы подыхать с голоду или прислуживать у себя в Англии таким господам, как вы. Если бы я не был авантюристом, то все вы наверное лежали бы теперь на палубе вашей яхты с перерезанными глотками.

М-р Треверс только презрительно махнул рукой. Но другие тоже услышали слова Лингарда. Картер был весь внимание, и даже маленький, толстый капитан яхты сообразил, что им грозит какая-то опасность. Он стремительно ринулся на своих коротких ножках к Картеру, потянул его за рукав и заговорил, заикаясь:

— Что он такое говорит? Кто он? Что ему нужно? Разве туземцы здесь не мирные? Мой справочник говорит: «Туземцы мирны на всем этом побережье». — Мой справочник говорит...

Картер взглянул через плечо и нетерпеливо высвободил руку.

— Идите лучше в кладовую, шкипер, это самое подходящее для вас место, и перечтите еще раз этот отрывок о туземцах, — произнес он с нескрываемым презрением к своему начальнику. — Вон видите, уж кое-кто из них плывет к нам, чтобы скушать вас со всеми вашими справочниками. Отойдите и дайте джентльменам подраться.

Затем, обратившись к Лингарду, он протянул:

— Этот ваш сумасшедший помощник послал вашу лодку обратно, да еще с какими-то гостями.

Не успел Лингард толком понять значение этих слов, как головы Хассима и Иммады показались над перилами. Затем появились и их тела, словно постепенно выплывал из воды. С минуту они стояли на краю, оглядываясь на незнакомую обстановку палубы, потом прошли под парусин-

ный навес, защищавший от солнца роскошь и комфорт сложных и непонятных для них существ.

Лингард сейчас же крикнул:

— Какие новости, раджа?

Хассим обвел глазами яхту. Свое ружье он оставил в лодке и пришел безоружный, спокойный, как будто уверенный, что легкая улыбка, игравшая на его губах, будет приятна, как приятный дар. Иммада, почти не видная из-за его спины, шла за ним легкой походкой, плотно прижав локти к телу. Ее густые ресницы широко раскрылись; ее лицо, юное и задумчивое, было робко, но в то же время решительно.

В двух шагах от белых они остановились, и некоторое время никто не говорил ни слова. Хассим значительно взглянул на Лингарда и, легким кивком головы указав на яхту, сказал:

— Тут нет пушек.

— Да, нет, — смущенно отозвался Лингард. Ему пришлось в голову, что впервые за эти два года он совершенно забыл о существовании этих двух людей.

Иммада стояла, потупив глаза, странная и неподвижная. Хассим, совершенно спокойный, разглядывал незнакомые лица, как бы выискивая общие черты или тонкие оттенки различия.

— Что это за новое вторжение? — сердито спросил м-р Треверс.

— Это рыбаки, сэр, — вмешался капитан. — Мы видели, как они три дня плавали тут на челноке. Но по глупости они ничего не отвечали на наши крики. А не мешало бы вам кусочек рыбки на завтрак, — добавил он со лстивой улыбкой и вдруг начал орать во весь голос:

— Эй, Джонни! Рыба? Рыба? Эй! Савэ! Понимаешь — рыба?

Он внезапно смолк и почтительно сказал:

— Не могу ничего втолковать этим дикарям, сэр.

И сейчас же удалился, словно совершив чудо ловкости.

Хассим взглянул на Лингарда.

— Почему белый человек так кричит? — спросил он со страхом.

— Они хотят рыбы, — взбешенным голосом отвечал Лингард.

На лице Хассима немедленно появилось такое крайнее изумление, что Лингард не удержался и разразился коротким и унылым смехом.

— Хотят рыбы! — повторил Хассим недоуменно глядя перед собой. — О, вы, белые люди! Есть рыбу можно, но зачем так шуметь? И зачем ты прислал их сюда без пушек? — Значительно посмотрев на покатуую палубу застрявшей яхты, он добавил, слегка кивнув Лингарду: — и без знания?

— Ты напрасно приехал сюда, Хассим, — сердито сказал Лингард. — Здесь никто ничего не понимает. Они принимают раджу за рыбака.

— Я-ва! Это большая ошибка, ибо вождь десяти бесприютных беглецов значит поистине много меньше, чем староста рыбацкой деревушки, — спокойно заметил Хассим. Иммада вздохнула. — Мы приехали сюда, — добавил он после небольшой паузы, — потому что ты забыл взглянуть на нас, которые ждали тебя, мало спав ночью, а днем смотря горячими глазами на пустую воду у подножья неба.

Не подымая головы, Иммада прошептала:

— Ты ни разу, ни разу не взглянул на нас!

— Глазам моим было слишком много дела, — объяснил Лингард с той терпеливой нежностью, которой дышало все его существо всякий раз, как он говорил с молодой девушкой, и которая стусывала его резкость и смягчала все выражение его лица, подобно призрачному утреннему туману, набрасывающему покрывало нежных чар на неприятную, грубую скалу, затерянную в океане. — Мне приходится теперь смотреть и направо, и налево, как в час большой опасности. — добавил он, и она испуганно шепнула: — Почему? — так тихо, что скорбь этого вопроса как бы растаяла в молчании внимательно слушавших людей, — безответная, неслышанная, непонятная, как скорбь неощутимой мысли.

IV

Д'Алькасер, стоя в стороне, рассматривал их с глубоким и напряженным вниманием. Лингард был словно не в силах оторваться от яхты и, приготовившись уходить, оставался на месте, подобно человеку, обдумывающему фразу, которую он должен сказать на прощание. Это застывшее тело, точно забытое напряженно работающим умом, напоминало Картеру о той минуте, когда, в каюте брига, он видел этого человека один на один, борющегося со своими мыслями, неподвижного, словно зажатого в тиски своей собственной совести.

Мистер Треверс бросил сквозь зубы:

— Сколько времени будет продолжаться это представление? Я ведь сказал, чтобы вы уходили.

— Подумайте об этих беднягах! — прошептал Лингард, бросив быстрый взгляд на столпившихся матросов.

— Вы — из тех людей, которые не внушают мне никакого доверия, — язвительно и тихо произнес м-р Треверс, с непонятным, но очевидным удовольствием. — Вы только зря тратите здесь время.

Лингард покраснел до самых глаз.

— Вы... Вы... — Он заикался и подыскивал оскорбление, но сделал над собой усилие и не произнес его. — Моим временем я плачу за вашу жизнь, — выговорил он наконец.

Лингард заметил внезапное движение среди присутствующих и увидел, что м-с Треверс поднялась с места.

Она порывито направилась к стоявшей на палубе группе и подошла прямо к Иммаде. Хассим отступил в сторону и, как и подобает малайскому джентльмену, смотрел мимо нее, точно ее не было.

М-с Треверс была высокая, гибкая, с свободными движениями. Ее лицо было так ослепительно бело в тени, что отбрасывало как бы сияние вокруг ее головы. На гладкий широкий лоб опускались тяжелым шлемом белокурые волосы, тонкие, как шелк, волнистые, как море, без отсветов и переливов, точно их никогда не касался дневной луч. Белое и гладкое горло, все трепещущее жизнью, и сильная и мощная шея поддерживали это сверкающее лицо и эту бледную массу волос, незнакомых с солнечным светом.

М-с Треверс оживленно проговорила:

— Да ведь это девушка!

М-с Треверс вызвала в д'Алькасере новый прилив любопытства. Налетевший порыв ветра стал трепать парусный полог, и через отвернутое полотнище на палубу ворвался сверкающий свет зыбких мелководий. Показалась обширная равнина блещущего моря, линия далекого горизонта, темная, точно край наплывающей ночи. Линия эта проходила как раз на уровне плеч Эдиты Треверс. Где он видел ее в последний раз? Это было давно, на другом конце мира. Тогда около нее было такое же сверкающее сияние, такие же блещущие пространства. И тоже где-то близко тайлась ночь, выжидающая удобной минуты, чтобы поглотить свет, блеск, мужчин, женщин...

д'Алькасер не мог вспомнить. Он почему-то сразу пришел к убеждению, что из всех известных ему женщин только эта одна была рождена для действия. Каждое ее движение было твердо, спокойно, полно значительности, бесстрашия и моральной красоты. Ее гибкая фигура очерчивалась четкими линиями под смелыми складками простого темно-синего платья.

Ей оставалось пройти только несколько шагов, но, прежде чем она остановилась перед Иммадой, д'Алькасер вспомнил их последнюю встречу. Это было далеко отсюда — на западе, в другом мире; она так мало походила тогда на теперешнюю Эдиту Треверс, что образ ее казался бредовой фантазмагорией. Он видел ее в освещенной перспективе дворцовых покоев, в беспокойном потоке человеческих тел, у стен высоких, как утесы, под высокими потолками, с которых, словно с тропического неба, лились потоки света и тепла на сверкающие мундиры, звезды, бриллианты,

глаза безразличных или скупающих людей, собравшихся на официальный прием. А снаружи была тогда тьма, точно терпеливо ожидавшая чего-то, и покрытое облаками небо, глушившее слабый свет лондонского утра. Этому трудно было поверить.

Лингард, до сих пор глядевший чрезвычайно свирепо, хлопнул себя по боку и, видимо, взволновался.

— Клянусь небом, о вас-то я и позабыл, — озадаченно произнес он.

М-с Треверс пристально смотрела на Иммаду. Светлокудрая и белая, она являла перед этой девушкой с оливковым лицом и черными волосами всю зрелость совершенства, все превосходство цветка над листом, осмысленной фразы над криком, способным выразить только чувство. Огромные пространства и бесчисленные столетия простирались между ними. М-с Треверс глядела на девушку с выражением человека, заглядывающего в свое собственное сердце с любопытством, с безмолвным удивлением, с безмерным состраданием. Лингард предостерегающе сказал:

— Не трогайте ее!

М-с Треверс взглянула на него.

— Разве вы думаете, что я могу обидеть ее? — тихо спросила она.

Мрачное «может быть», сорвавшееся с губ Лингарда, так поразило ее, что она некоторое время стояла молча, не решаясь даже улыбнуться.

— Почти ребенок! И такая хорошенькая! Какое изящное личико... — сказала она.

В этот миг новый глубокий вздох морского ветра поднял и опустил полотнища

тента, так что звук, воздух и свет, казалось, ворвались разом и унесли ее слова в простор. — Я не представляла себе, что у женщины может быть такое очаровательно-нежное лицо.

Голос ее грел, ласкал и странно услаждал душу.

— Такая молодая! И она живет здесь — не так ли? У моря — или где? Живет... — Затем совсем тихо, словно во время речи она отодвинулась на далекое расстояние, м-с Треверс произнесла: — Как она живет?

До сих пор Лингард почти не видел Эдиты Треверс, да и вообще не видел никого, кроме м-ра Треверса. Теперь он смотрел и слушал с чувством, близким к оцепенению. Наконец он попытался собрать свои мысли и заговорил, все еще гневно:

— Какое вам до нее дело? Она знает войну, — а вы знаете ли что-нибудь об этом? Она знает голод, жажду, несчастья — все вещи, ведомые вам только по наслышке. Она стояла лицом к лицу со смертью. Но какое вам дело до всего этого?

— Этот ребенок! — удивленно протянула м-с Треверс.

Иммада подняли на м-с Треверс свои глаза, — черные, как уголь, сверкающие и нежные, как тропическая ночь, — и взгляды обеих женщин, столь различные, столь испытующие, словно касались друг друга и крепко сплетались в интимном соприкосновении. Затем они разошлись.

— Зачем они приехали? Зачем ты показал им дорогу в эти места? — тихо спросила Иммада.

Лингард отрицательно покачал головой.

— Бедная девушка! — проговорила м-с Треверс. — Они все здесь так хороши?

— Кто это — все? — проговорил Лингард. — Вы не нашли бы другой такой, если бы обыскали все эти острова.

— Эдита! — воскликнул Треверс сердито-укоризненным тоном. Все обернулись на него с удивлением.

М-с Треверс спросила:

— Кто она?

Лингард, покраснев, коротко ответил:

— Принцесса.

Он подозрительно оглянулся кругом. Никто не улыбнулся. Д'Алькасер, вежливый и небрежный, близко подошел к миссис Треверс.

— Если эта девушка принцесса, то этот человек — рыцарь, — прошептал он убежденно. — Уверяю вас, рыцарь. Настоящий потомок бессмертных идалго, странствующих по морям. Было-бы хорошо подружиться с ним. Серьезно, я думаю, вам бы следовало...

Оба они отступили в сторону и о чем-то тихо и быстро заговорили.

— Да, вам бы следовало.

— Но что я могу сделать? — перебила она, улавливая мысль налету.

— Скажите что-нибудь.

— Это так необходимо? — спросила она с сомнением.

— Это не повредит, — сказал д'Алькасер с внезапной безпечностью; — друг всегда лучше, чем враг.

— Всегда? — многозначительно повторила она. — Но что я могу сказать?

— Несколько слов, — ответил он; — я думаю, любые слова, произнесенные вашим голосом...

— М-р д'Алькасер!

— А может быть вам достаточно было бы взглянуть на него разок так, чтобы он понял, что вы считаете его не совсем за разбойника, — продолжал он.

— Вы боитесь, м-р д'Алькасер?

— Чрезвычайно, — сказал он, нагибаясь, чтобы поднять ее веер. — Потому-то мне и хочется достичь примирения. И вам не надо бы забывать, что одна из ваших королев однажды не побрезговала ступить на плащ, разостланный вот таким же человеком.

Ее глаза сверкнули, и она вдруг опустила их.

— Я не королева, — холодно сказала она.

— К сожалению, нет, — согласился д'Алькасер, — но ведь за то и у той женщины не было никакого очарования, кроме ее короны.

В это время Лингард, которому что-то говорил Хассим, громко воскликнул:

— Я ни разу до сих пор не видел этих людей.

Иммада крепко схватила брата за руку. М-р Треверс резко обратился к Лингарду:

— Будьте любезны убрать прочь этих туземцев!

— Ни разу! — прошептала Иммада, вне себя от радости.

Д'Алькасер взглянул на Эдиту и сделал шаг вперед.

— Неужели нельзя как-нибудь уладить дело, капитан? — сказал он учтиво. — Вспомните, что здесь не одни мужчины...

— Брось их, и пусть они умирают! — в экстазе вскричала Иммада.

Хотя только один Лингард понял значение этой фразы, все присутствующие почуяли что-то недоброе в молчании, воцарившемся после этих слов.

— Он уходит. Ну, м-с Треверс, — шепнул д'Алькасер.

— Я надеюсь... — порывисто начала было м-с Треверс и вдруг замолкла, как бы испуганная звуками своего голоса.

Лингард остановился.

— Я надеюсь, — опять начала она, — что эта бедная девушка увидит лучшие дни...

М-с Треверс замялась.

— Под вашей охраной, — докончила она. — И я верю, что вы желали нам добра.

— Благодарю вас, — с достоинством произнес Лингард.

— Вы и д'Алькасер совершенно напрасно задерживаете этого господина, — строго заметил м-р Треверс, — и... его друзей.

— Я забыл про вас... Как же теперь быть? Надо... Это трудно... трудно... — бессвязно бормотал Лингард, смотря в синие глаза м-с Треверс и чувствуя, что ум его теряется, словно в созерцании каких-то огромных пространств... — Я... Вы ничего не знаете... Я... вы... не можете... И все вышло из-за этого человека! — разразился он наконец.

Вне себя от гнева, он некоторое время глядел на м-ра Треверса, затем сделал знак рукой и направился к трапу, где Хассим и Иммада терпеливо ожидали его.

— Пойдем, — сказал он и прошел впереди их в лодку. На палубе яхты не слышно было ни звука. Все трое исчезли за бортом один за другим, — бесследно, точно нырнули в море.

V

День тянулся в молчании. М-с Треверс, погруженная в задумчивость, сидела, опустив веер на колени. Д'Алькасер, считавший нужным трактовать происшедший инцидент в примирительном духе, попытался было переубедить владельца яхты, но этот джентльмен, намеренно не понимая его целей, осыпал его таким потоком извинений и сожалений по поводу того, что Д'Алькасер потерял так досадно много времени, «любезно приняв их приглашение», что тот скоро вынужден был оставить эту тему.

— Даже мое уважение к вам, дорогой д'Алькасер, не могло бы склонить меня к тому, чтобы подчиниться такому бесстыдному вымогательству, — заявил Треверс с непоколебимо-добродетельным видом. — Этот человек хотел навязать мне свои услуги, а затем пред'явить огромный счет. В этом весь секрет, будьте уверены. — Монокль м-ра Треверса проницательно заблестел. — Но он немного не дооценил мою рассудительность. И что за дерзость у этого негодяя! Уже одно существование такого человека в наши времена — настоящий позор.

Д'Алькасер удалился и, преисполненный смутных предчувствий, напрасно пытался углубиться в чтение. М-р Треверс беспокойно расхаживал взад и вперед и убеждал себя, что его негодование

исходит из чисто моральных оснований. Ослепительно-яркий день, подобно вынутому из горна раскаленному железу, постепенно терял свой жар и блеск и окрашивался более глубокими тонами. В положенное время два матроса, бесшумно шагая в своих яхтовых башмаках, свернули растянутый тент, и берег, море, темные островки и белые отмели опять открылись взору, немые и настороженные.

Видневшийся впереди бриг с его широко обрамленными реями, пересекающими стройную симметрию высоких мачт, походил на живое существо, готовое в любую минуту выйти из своего изыскающего спокойствия и ринуться в дело.

Двое стюардов в белых жакетах с медными пуговицами вышли на палубу и начали бесшумно накрывать к обеду на верхней раме стеклянной крыши каюты. Солнце уходило к другим странам, к другим морям, к другим людям; его красный диск, склонявшийся по безоблачному небу, обливал яхту прощальными багровыми лучами, игравшими огненными блестками на хрустале и серебре обеденного сервиза, зажигавшими черенки ножей и окрашивавшими в розовый цвет белые тарелки. Над морем тянулся пурпуровый след, точно струя крови на синем щите.

Садясь за стол, м-р Треверс удрученным тоном намекнул, что придется перейти на консервы, так как весь запас свежего провианта, рассчитанный на переход до Батавии, уже съеден. Это было решительно неприятно.

— Впрочем, я путешествую не для личного удовольствия, — прибавил он. — И вера в то, что, жертвуя своим временем и комфортом, я приношу

некоторую пользу человечеству, вознаградит меня за любые лишения.

М-с Треверс и д'Алькасер не были расположены к разговору, и беседа их подобно затихающему ветру, прерывалась долгими паузами после каждой новой вспышки.

Широкое молчание горизонта, глубокий покой всех видимых вещей, окутывали тело и баюкали душу, останавливали и голос, и мысль. Долгое время никто не говорил. Слуги бесшумно прислуживали замолкшим господам.

Вдруг м-р Треверс, как-бы договаривая какую-то мысль, громко пробормотал:

— К сожалению, я должен признать, что я до некоторой степени потерял самообладание. Но вы должны согласиться, что существование такого человека — позор для цивилизации.

На это замечание никто не ответил, и м-р Треверс некоторое время опять почувствовал прилив негодования, в основе которого лежало, словно чудовище в тумане, нелепое чувство личной обиды. Он отстранил рукой поданное блюдо.

— Это побережье, — начал он, — было передано под покровительство Голландии по договору 1820 года. Договор 1820 года создает особые права и обязательства...

Его слушатели живо ощутили настойчивую необходимость не слушать больше.

Д'Алькасер, ерзая на походном стуле, не сводил глаз со стеклянной пробки графина. М-с Треверс отвернулась в сторону, подперла голову рукой и, казалось, думала об очень важных вещах. М-р Треверс все говорил; говорил он монотонно, резким невыразительным голосом,

точно читал прокламацию. Обрывки казенных фраз неудержимо лились в уши его слушателей, как бы погруженных в неполный транс.

Международное соглашение... Обязанность распространять цивилизацию... Неисполнение обязательств... Договор... Каннинг... Здесь д'Алькасер стал было внимательно слушать.

— Впрочем, это покушение, почти забавное по своему нахальству, несколько не влияет на мое мнение. Я никогда не допущу мысли, чтобы над людьми нашего положения кто-либо вздумал учинить насилие. Я хочу остановиться только на общественной стороне этого инцидента...

Тут д'Алькасер перестал слушать и вспомнил встречу Эдиты и Иммады, — конца и начала цветка и листа, фразы и нечленораздельного крика. М-р Треверс продолжал в том же духе, догматически и упрямо. Но конец его речи был произнесен с некоторым одушевлением.

— И если низшая раса должна погибнуть, — это прямая выгода, дальнейший шаг к усовершенствованию общества, что и является истинной целью прогресса.

Он замолк. Закатные отсветы на хрустале и серебре погасли, и окружавшие яхту отмели и побережье, казалось, спокойно ждали наступления ночи. Обед давно уже окончился. Стьюарды терпеливо дожидались в стороне, стоически вынося неудержимый поток слов, словно часовые под проливным дождем.

М-с Треверс первая встала, вышла на корму и стала смотреть на берег. Солнце, уже зашедшее, еще выбрасывало над массой воды снопы неугасимого пламени, а внизу, по обе стороны яхты,

сверкавшая поверхность моря, словно отражая цвет ее глаз, уже окрашивалась темно-фиолетовыми тонами. Д'Алькасер неслышными шагами подошел к м-с Треверс, и некоторое время оба они стояли рядом, опершись о перила и не говоря ни слова.

— Как спокойно! — проговорил наконец д'Алькасер. — М-с Треверс, повидимому, почувствовала, что спокойствие этого вечера было глубже и значительнее, чем обыкновенно. Почти бессознательно она прошептала: «Точно во сне»! Опять последовало долгое молчание; вселенная дышала таким ненарушимым спокойствием, что звуки замирали на губах, точно боясь его потревожить. Небо было прозрачно, как алмаз, и в последних отблесках заката ночь уже расстилала свое покрывало. Что-то трогательное, смягчающее было в ясном конце этого погасавшего дня, дня трепещущего, сверкающего и горячего, умиравшего теперь в бесконечном мире, без шороха, без содрогания, без вдоха, в несокрушимой надежде на грядущее воскресение.

Тени сразу сгустились, и толпой высыпали звезды, рассеивая по черной поверхности воды целый дождь бледных искр. Берег лежал темным, низким поясом, без единого просвета. Корзина на мачте брига очерчивалась над ним расплывчато и неясно.

М-с Треверс заговорила первая:

— Как странно спокойно! Как-будто—пустыня. Кажется, что ни на земле, ни на море нет ни одной живой души.

— Один-то человек уже во всяком случае здесь живет, — шутливо отвечал д'Алькасер, — и если

ему верить, то тут есть и другие люди, преисполненные злонамеренных умыслов.

— А вы думаете — это правда? — спросила м-с Треверс.

Прежде чем ответить, д'Алькасер пытался рассмотреть выражение ее лица, но тьма уже была слишком глубока.

— Как можно разглядеть темную правду в такую темную ночь? — уклончиво пошутил он. — Но если легко верить во зло, то это — здесь или нигде.

М-с Треверс казалась погруженной в раздумье.

— А что такое сам этот человек? — спросила она.

Немного помолчав, д'Алькасер начал тихо говорить.

— Он груб, необычен и совершенно непохож на людей его круга. Он вовсе не таков, каким его рисует себе дон Мартин. Вообще, для меня непонятен. Но ведь он же ваш соотечественник...

М-с Треверс изумилась такому ходу мысли.

— Да, это таков, но вы знаете, — медленно заговорила она, — совершенно... — что я хотела сказать — не представляю себе этого человека. Он не имеет ничего общего с тем человечеством, которое я знаю. Тут не с чего начать. Как этот человек живет? Что он думает? Что делает? Что любит? Что...

— Что он считает принятым, — подсказал д'Алькасер. — Это пояснило бы все остальное.

За ними внезапно появился м-р Треверс с горящей сигарой в зубах. Вынув ее изо рта, он сердито и упрямо заявил, что «никакое подлое запугивание» не помешает ему отправиться на его обычную прогулку. В трехстах ярдах к югу от

яхты находился песчаный остров, с милую длиной, серебристо-белый в темноте, с торчащим пучком сухих кустов, громко шуршавших при малейшем движении тяжелого воздуха. На следующий день после крушения они причалили сюда, «чтобы немножко размять ноги», как выражался капитан. С тех пор каждый вечер, словно пользуясь некоей привилегией или исполняя некий долг, они гуляли там все трое, расхаживая во тьме взад и вперед у самого края воды по влажному песку, гладкому, ровному, эластичному, точно живое тело, и потевшему морской влагой под каждым прикосновением ноги.

Но на этот раз м-ра Треверса сопровождал только д'Алькасер. Они уселись в самую маленькую лодку, и вахтенный матрос отвез их к ближайшей точке острова.

Затем он вернулся. Он взвешел по трапу, и м-с Треверс слышала, как он сказал кому-то на палубе:

— Приказано присмотреть за ними через час.

Шаги его замолкли, и тишина, бездыханная тишина воцарилась на севшем мертвом судне.

VI

Вскоре это абсолютное безжизненное, как бы напивавшее со всех сторон, начало вызывать в м-с Треверс состояние, близкое к галлюцинации. Ей казалось, что она стоит совершенно одна у края времен, на закате дней. Все было недвижно, как будто никогда не наступит рассвет, никогда не погаснут звезды, никогда не подымется солнце. Все было беззвучно, спокойно, мертво, как будто

тьень внешней тьмы, тень непрерывной, вечной ночи, наполняющей вселенную, такой глубокой и необъятной, что затерянные в ней пылающие солнца — только искры, только огненные точки, неутомимая тень, которая, словно подозрение об ужасной истине, омрачает все земное на своем пути, окутала ее, остановилась, чтобы никогда ее не покинуть.

И такая непреложность была в этой иллюзии, такое созвучие с ее собственными мыслями, что когда она прошептала во тьму тихое: «пусть будет так», — ей показалось, что она произнесла одни из тех слов, которыми завершается и заканчивается целая жизнь.

В юности ее часто бранили за романтические идеи. Великая и искренняя страсть казалась ей идеалом и единственным смыслом жизни. Вступив в свет, она убедилась, однако, что идеал этот недостижим, ибо люди слишком рассудительны для того, чтобы быть искренними. Тогда она стала искать правду жизни в преданном и беззаветном служении какой-нибудь самоотверженной идее. Имя м-ра Треверса было у всех на устах; он казался по своим к энтузиазму и преданности делу; и именно это изображение своей непроницаемостью. События за него замуж, нашла, что энтузиазм его ограничивается его собственной карьерой, и с тех пор перестала на что либо надеяться.

Ее супруг, как и следовало ожидать, был смущен этим взаимным непониманием и немало огорчен ее равнодушием к его почтенным идеалам. Тем не менее, он вполне удовлетворялся ее красотой, умом и полезными связями. Ею восхищались, ей

завидовали; она была окружена блеском и поклонением. Так и проходили дни их совместной жизни — блестящие, однообразные, мимолетные, без намека на искренность или увлечение, без проблеска настоящего чувства, даже без сильного горя. Быстро и незаметно они влекли ее все дальше и дальше и привели, наконец, к этому вечеру, к этому берегу, к этому морю, к этому мигу времени и этой точке земной поверхности, где она ясно почувствовала, что пловучая тень непрерывной ночи окончательно надвинулась на нее и останется с ней навеки.

— Пусть будет так! — бросила она с вызывающей покорностью в немую и неподвижную тьму, сплошным пологом висевшую перед ее глазами. Как бы в ответ на ее слова, на фока-рее брига появился фонарь. Он подымался, качаясь, затем застыл в воздухе. Его огненный глаз пронзал непроглядную ночь, разделявшую оба судна, и своим сильным и спокойным лучом освещал, казалось, ее одну.

Ее мысли, словно зачарованная ночная бабочка, невольно направились к этому свету, к этому человеку, к этой девушке, знавшей беду и опасности, видевшей смерть в глазах любимого, завоевавшей любовь этого человека. События сегодняшнего дня были странными сами по себе, но ее художественное чувство особенно поражала та сила, с которой они разыгрались. Они вставали в ее памяти с ясной простотой какой-то бессмертной легенды. Они были таинственны, но она чувствовала, что они безусловно истинны. Они дышали безыскусственным и могучим чувством, таким же точно, какое руководило людьми на заре дней.

На миг м-с Треверс позавидовала судьбе этой скромной, неведомой девушки. Ничто не стояло между ней и правдой ее ощущений. Она могла отдаваться искренним страстям души, — нежности, любви и жестокости... Почему бы, в самом деле, ей не быть также и жестокой? Она наверное знала правду ужаса и правду любви — без всяких искусственных пут, без болезненных ограничений...

М-с Треверс раздумывала, чем могла быть подобная жизнь. Она вдруг почувствовала наплыв той необъяснимой восторженности, которую часто внушает интеллектуальным натурам мысль об их физических качествах. С внезапной радостью она поняла, что и она могла бы вести такое существование, и ей страстно захотелось узнать голую правду вещей, — правду жизни и страсти, похороненную под пылью протекших столетий.

Вдруг она вздрогнула и пришла в себя, точно упала с неба.

За бортом послышалось журчание воды, и из темноты вынырнула какая-то бесформенная масса. Внизу, у ног ее, чей-то голос произнес:

— Я заметил вашу фигуру на фоне неба!

Крик удивления замер на ее губах; она могла только внимательно смотреть вниз. Лингард, один на шлюпке, взмахом весел направил легкую лодку почти к самой корме, положил весла и встал с банки.

Его голова и плечи очертились за бортом, и казалось, будто он стоит на воде. М-с Треверс невольно отпрянула назад.

— Не уходите, — взволнованно заговорил он. — Не говорите громко. Никто не должен знать.

Что воображают ваши спутники, — где они находятся, по их мнению? В доке, у себя дома? А вы...

— Моего мужа нет на яхте, — поспешно прервала она.

— Я знаю.

М-с Треверс несколько перегнулась за перила.

— Значит, вы за нами следите? Зачем это?

— Кто-нибудь должен же за вами следить. Ведь ваш экипаж замечательно бдителен, не правда ли? Как только спустились сумерки, одна из моих лодок все время юлила тут, со стороны кормы. Я поклялся, что не увижу больше никого из вас, не буду больше говорить, буду слеп, глух и нем. И вот я опять здесь.

Тревога и недоверие м-с Треверс исчезли, уступив место жгучему, но спокойному любопытству, какое испытываешь перед лицом неотвратимой судьбы. Она посмотрела вниз на Лингарда. Он стоял, обнажив голову и опершись одной рукой о борт судна, как бы о чем-то глубоко задумавшись.

— Потому что вам надо было еще что-то сообщить нам, — подсказала м-с Треверс.

— Да, — сказал он тихо, не шевелясь.

— Может вы взойдете на яхту и подождете?

— Кто? Я!

Он так быстро поднял голову, что м-с Треверс вздрогнула.

— Мне не о чем с ним говорить, да и вообще я никогда ногой не ступлю на эту яхту. Мне велели убираться — и этого достаточно.

— Он привык, чтобы с ним обращались почти-тельно, — произнесла м-с Треверс после небольшой паузы, — а вы...

— Кто он такой?—просто спросил Лингард.

Казалось, что три эти слова развеяли в одну минуту все ее прошлое, подобно дыму. Они лишали все человечество всякого следа значительности. Она с изумлением заметила, что здесь, в эту ночь, на этот наивно-испытующий вопрос, нельзя было подыскать подходящего ответа.

— Я просил немного,—начал опять Лингард.— Я только просил, чтобы вы все на пять дней перешли ко мне на судно. Вот и все... А разве я похож на лжеца? Но есть вещи, которые я не могу им сказать. Я не могу объяснить этого ни ему, и никому в мире.

Голос его упал.

— Ни даже самому себе, — добавил он, как во сне.

— Мы так долго пробыли здесь, никем не тревожимые, — начала м-с Треверс, слегка волнуясь, — что сейчас как-то не верится в опасность. Во все эти дни мы не видели никого, кроме этих двух людей, которые приезжали за вами. Если вы не можете объяснить...

— Конечно, нельзя требовать, чтобы вы видели через стену, — перебил Лингард. — Этот берег— все равно, что стена, но я-то знаю, что находится по ту сторону... Яхта — здесь! Когда я взглянул на нее, мне представилось, что она оставила Англию всего какой-нибудь час назад. Уж одни ее мачты напомнили мне о старых временах. А потом —лица этих матросов... Мне казалось, что я всех их знаю. Точно моя родина нежданно-негаданно свалилась ко мне. И мне ненавистно было смотреть на всех вас.

— Но если мы подвергаемся здесь опасности, то ведь вас-то это не касается, — проговорила м-с Треверс после паузы, во время которой она старалась проникнуть в тайну страсти, скрытой за словами этого человека. — Наша вторая шлюпка направилась в Проливы, и скоро наверное нам придут помощь.

— Не касается меня! Что, это ваш вахтенный идет на корму? Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я опять являлся сюда просить, хотя бы даже вас. Он идет сюда? Послушайте... Я перехватил вашу вторую шлюпку...

Голова и плечи Лингарда нырнули вниз, словно он погрузился в более густой слой тьмы, реющий под водой.

Вахтенный, намеревавшийся было понежиться в одном из парусиновых кресел, увидел жену хозяина, подошел к лампе, висевшей на шесте полога, сделал вид, что опрашивает ее, и лениво прошел на нос яхты.

— И вы осмелились, — шепнула вниз м-с Треверс напряженным голосом. И тотчас же голова Лингарда опять вынырнула с поднятым лицом.

— Надо было на это пойти или бросить все. Помощь из Проливов все равно пришла бы слишком поздно, если бы я не был в состоянии некоторое время оберечь вас. А если бы я оказался в состоянии сделать это, то я помог бы вам один. Я думал, что встречу рассудительных людей, но ошибся в расчетах. Удивительного тут, впрочем, ничего нет. Вы приехали слишком издалека и не понимаете здешних условий. Так вот, так или иначе, я осмелился. Я послал за вашей второй шлюпкой одного малого, который попытается

арестовать самого губернатора Проливов, если я прикажу. Он это устроит. Может быть, это уже сделано. Вам не на что надеяться. Но я здесь. Вы сказали, что верите в чистоту моих намерений.

— Да, — пробормотала м-с Треверс.

— Вот почему я и хотел рассказать вам все. Надо было начать с дела насчет шлюпки. А теперь что вы обо мне думаете? Ведь я отрезал вас от всего мира. Вы точно канули в воду. Вы шли из одного порта в другой. Кто станет о вас беспокоиться? Кто догадается? Пройдут месяцы, прежде чем власти начнут шевелиться.

— Я понимаю, — сказала спокойно м-с Треверс. — Мы совершенно беспомощны.

— И одни, — добавил Лингард.

Помолчав, м-с Треверс произнесла сдержанно и медленно:

— Но что это значит? Нас ограбят, возьмут в плен?

— Вас убили бы, если бы меня не было здесь.

— Но значит, вы имеете возможность...

— А почему вы еще живы, как вы думаете? — воскликнул Лингард. — Иоргенсон все время уговаривал их там на берегу, — продолжал он, махнув рукой в сторону погруженного во тьму побережья. — Неужели вы полагаете, что он смог бы удержать их, если бы они не ожидали с часа на час моего прибытия? Без моего кулака слова его не значили бы ничего.

Послышался тяжелый удар кулака о борт яхты. Звук исчез в ночной тьме, окутавшей равнодушное море, и равнодушную землю, и ярость, и боль человеческих сердец. М-с Треверс улыбнулась, очав

рованная простым и образным языком собеседника.

Лингард сделал порывистое движение, чтобы сохранить равновесие в неустойчивом челноке. М-с Треверс заговорила медленно, рассеянно; мысли ее были, казалось, так же неясны, как ее чувства.

— А кто такой этот Иоргенсон?—спросила она.

— Человек, самый обыкновенный человек вроде меня.

— Вроде вас?

— Да, вроде меня, — сказал он со странным отвращением, словно допуская мучительную истину. — Рассудительнее, пожалуй, но не такой счастливый. Хотя, с тех пор, как сюда явилась ваша яхта, я начинаю думать, что моим счастьем мне нечего хвастать.

— Но неужели наше присутствие здесь так фатально для вас?

— Для некоторых оно может значить смерть, а для меня, может быть, и хуже, чем смерть. И это зависит от вас, в известном смысле. Подумайте об этом. Мне никогда больше не представится такого случая. Но это еще ничего! Человек, который когда-то спас мне жизнь и которому я дал слово, подумает, что я бросил его на произвол судьбы. Но и это еще ничего! Послушайте! Девушка, наверное, умрет от горя. Это верно, как то, что я стою здесь в лодке и говорю с вами.

— Вы любите ее, — тихо сказала м-с Треверс.

— Как родную дочь, — тихо произнес Лингард.

— Ах, так, — слабо воскликнула м-с Треверс. С минуту они помолчали.

— Послушайте!—начал опять Лингард.—Когда еще мальчишкой, я был юнгой на рыбацьем судне и, бывало, видал людей на яхтах, как вы, вы были мне такие же чужие, как вам—эти малайцы. Я оставил Англию шестнадцать лет назад и изъездил весь свет. Теперь я уже почти забыл свою родину. И что такое для меня все вы, по сравнению с этими двумя? Если бы я сейчас вот тут умер, — разве вы пожалели бы? И разве на родине пожалел бы кто-нибудь? Ни одна душа в целом мире,—кроме вот этих двух.

— Но что же я могу сделать? — спросила она и ждала ответа, перегнувшись за борт.

Он подумал немного, потом поднял голову и тихо заговорил:

— Вы понимаете грозящую вам опасность? Вы боитесь?

— Я, конечно, понимаю смысл ваших слов. Понимаю ли я опасность? — продолжала она. — Нет, решительно не понимаю. И, по правде сказать, совсем не боюсь.

— Вы не боитесь? — разочарованным тоном протянул Лингард. — Может быть, вы мне не верите? А ведь я вам поверил, когда вы сказали, что доверяете мне. Я так надеялся на вас, что вот приехал сюда просить у вас помощи и рассказываю вам то, чего никто не знает.

— Вы не понимаете меня, — порывисто и серьезно проговорила м-с Треверс. — Все это так необычно и внезапно, так странно для меня...

— Ну, конечно. Разве вам знакомы опасности и тревоги? Вам? Но, может быть, если вы все хорошенько обдумаете...

— Вы хотите, чтобы я запугала себя? — М-с Треверс рассмеялась. Эта веселая нотка совершенно не вязалась с его мрачными мыслями и звучала почти жутко. Но ночь вдруг почему-то показалась ему блестящей и теплой, как день. Смех замолк — и снова возвратилась тьма и больно ударила Лингарда в грудь.

— Я не думаю, чтобы это мне удалось! — спокойно закончила м-с Треверс.

— Не думаете? — Лингард смущенно замялся. — Но ведь положение достаточно плохо, — так нлхо, что можно испугаться всерьез. Я не трус, — быстро заговорил он, — но уверяю вас, я не смогу ничего сделать, если вы мне не поможете.

— Вы хотите, чтобы я сделала вид, что очень напугана? — быстро спросила м-с Треверс.

— Вот именно, — сделайте вид... Я, вероятно, прошу от вас слишком много. Ведь вы, должно быть, никогда не притворялись в жизни?

— Нет, — отвечала м-с Треверс после паузы.

Послышавшаяся в ее тоне нотка горечи смутила Лингарда.

— Не обижайтесь, — заговорил он. — У меня есть план, как вас отсюда вызволить. Но это не легко. Смогли бы вы притвориться?

— Может быть и смогла бы, если бы постаралась. Но для чего?

— Вы все должны переехать на мой бриг, — начал он быстро. — Тогда, может быть, дело обойдется без потасовки. Так вот, скажите, что вы хотите этого, что на яхте вы не чувствуете себя в безопасности... Понимаете?

— Понимаю, — задумчиво проговорила м-с Треверс.

— Мой бриг не велик, но салон вполне подойдет для лэди, — с оживлением продолжал Лингард.

— Конечно, в нем ведь уже помещалась принцесса, — спокойно добавила м-с Треверс.

— Я не буду вам мешать.

— Вы меня очень привлекаете.

— Вам вообще никто не будет мешать. Вам даже не придется меня видеть.

— Все это бесспорно удобно, но...

— Я знаю свое место.

— Но я, пожалуй, не смогу убедить, — закончила она.

— Этому я не верю, — бесцеремонно заявил Лингард. — Суть в том, что вы мне не верите. Вы думаете, что только люди вашего круга могут говорить правду.

— Несомненно, — пробормотала она.

— И вы говорите себе — этот малый водится с пиратами, ворами, неграми...

— Послушайте...

— Я никогда не видала таких людей, — продолжал, не слушая, Лингард, — он наверное негодяй.

Лингард замолчал, окончательно смущенный. Через минуту раздался спокойный голос м-с Треверс:

— Вы походите на остальных людей тем, что вы начинаете сердиться, когда не можете сразу поставить на своем.

— Я сержусь! — воскликнул Лингард упавшим голосом. — Вы меня не понимаете. Я ведь думаю и о вас. Мне тяжело...

— Я не верю не вам, а своему собственному влиянию. Вы произвели неблагоприятное впечатление на м-ра Треверса.

— Неблагоприятное впечатление? Он обошелся со мной, как с бродягой! Ну, да не в этом дело. Он ваш муж, а страх близкого человека всегда тяжело видеть. И потому он...

— Что за маккиавелизм!

— Как вы сказали?

— Я только удивилась, где вы могли сделать такое наблюдение. На море?

— Какое наблюдение? — рассеянно переспросил Лингард и продолжал свою мысль. — Стоит вам сказать слово, и все будет сделано.

— Вы так думаете?

— Я убежден в этом. Ведь даже я сам...

— Конечно, — прервала она. — Но вы не думаете, что после такого недружелюбного прощания вам трудно будет возобновить отношения?

— Человек вроде меня на все готов ради денег. Понимаете?

— А вы ничего не имеете против того, чтобы я воспользовалась таким аргументом? — спросила м-с Треверс помолчав.

— Как вы найдете нужным.

Голос его дрожал, и м-с Треверс в смущении слегка отпрянула назад, точно он к ней прикоснулся.

Но, что же собственно за всем этим кроется? — начала недоумевающе м-с Треверс.

— Царство, — стветил Лингард.

М-с Треверс широко раскрыв глаза, перегнулась через борт, и их лица приблизились друг к другу.

— Не для вас самого? — прошептала она.

Он почувствовал, как ее дыхание коснулось его лба, и с секунду оставался неподвижным, совершенно неподвижным, как будто не хотел больше ни двигаться, ни говорить.

— Такие вещи сваливаются неожиданно, — начал он вдруг. — Прежде чем сообразишь, в чем дело, уже уходишь в них с головой. Когда я направился в ту бухту на Новой Гвинее, мне и в голову не приходило, куда меня заведет это путешествие. Я, пожалуй, расскажу вам одну историю. Вы поймете! Только вы!

Лингард запнулся, помолчал и сразу заговорил, как бы бросая в ночную тьму свои видения последних двух лет, и м-с Треверс казалось, что слова его вычерчиваются огненными знаками.

VII

Рассказ Лингарда поражал, как открытие нового мира. Ее точно водили по границам какого-то захватывающего существования, и она заглядывала туда через искренний энтузиазм рассказчика. Героизм чувств скрывал нелепую преувеличенность этой благодарности, этой дружбы, этой необъятной преданности, а непоколебимая решимость придавала туманным завоевательным планам Лингарда размеры большого предприятия. Самые знаменитые авантюристы истории вряд ли были больше увлечены своими мечтами о покорении вселенной.

Время от времени он прерывал свой рассказ, как бывает при разговоре со старым другом. «Как вы поступили бы на моем месте?» — спрашивал

он и сейчас же спешил дальше, не дожидаясь ответа.

В рассказе его м-с Треверс поразило величие страсти и красота врожденной любви к людям, нашедший себе и предмет, и способ проявления. Поразила нежность, скрывавшаяся за грубой порывистостью и направлявшаяся на то, чтобы защищать человеческие существа от их собственной судьбы. Быть может, ее ненависть к условностям, убивающим искренние порывы, особенно обострила ее восприимчивость к тому великому и глубокому, что кроется под человеческими безумствами, какую бы разнообразную форму ни принимали они в различных местах и в различные эпохи.

Что из того, что рассказчик был всего на всего бродячий моряк, царство, о котором он говорил, — джунгли, люди — лесные дикари. жизни — никому неведомые? Его простая душа была захвачена величием идеи, и к этим пламенным порывам не примешивалось ничего пошлого.

Как только м-с Треверс поняла это, рассказ стал находить отклик в смелости ее собственных мыслей, она поддавалась очарованию и забыла, где она находится.

Она забыла, что она сама участвует в этой повести, которая представлялась ей далекой от нее, все равно — правда или вымысел, живущий только в образной речи и в том отклике, который она встречала в ее чувствах.

Лингард останвился.

Минута наступившей тишины дала ей возможность подумать. Вначале единственное, что ей пришло в голову, была несколько давящая мысль, что

в истории этого человека есть нечто, имеющее значение и для нее самой. Впервые за все это время у нее мелькнула мысль о смерти и опасности. Может быть, именно в этом заключалась для нее значительность рассказа? И вдруг она остро почувствовала, что предприятие Лингарда уже вовлекло целиком ее самое, как вовлекают людей стихийные катастрофы.

Он опять заговорил. Он молчал не больше минуты, но м-с Треверс казалось, что прошли годы — так по-новому воспринимала она теперь его слова. Ею овладело глубокое волнение, точно его приезд сюда и доверие, которое он ей оказывал, были событиями ужасающей важности. Она с тревогой начинала сознавать, что это сливалось с ее собственной жизнью и в то же время было частью рассказанной истории. До слуха ее долетали странные имена: Белараб, Даман, Тенга, Нинграт. Они теперь входили в ее существование, и она со страхом чувствовала, что не в состоянии связать эти имена ни с каким человеческим образом. Они стояли особняком, как бы написанные на пологие ночи. Они принимали символические формы. Они завладевали ее чувствами. М-с Треверс задумчиво шептала: «Белараб, Даман, Нинграт» — и эти варварские звуки дышали, казалось, какой-то необыкновенной силой, хранили в себе роковой смысл, таили безумие.

— У каждого из них большие счета с белыми... Но что мне до этого? Мне надо было достать людей, готовых сражаться. Я рисковал жизнью, чтобы добраться до них. Я дал им обещания, которые должен выполнить, или... вы понимаете теперь, почему я велел перехватить вашу шляпку? Я так

глубоко вовлечен в это предприятие, что мне нет никакого дела до всех сэров Джонов на свете. Когда у меня есть работа, я ни о чем другом не думаю. Но я дал вам один шанс спасения: — хороший шанс. Я должен был это сделать. Но я, видите ли, не достаточно походил на джентльмена. Да, да, в этом все дело. И, однако, я отлично знаю, что такое джентльмен. Я жил с джентльменами долгие годы. Я дружил с ними: — на золотых приисках и в других местах, где человек показывает свое подлинное нутро. Некоторые из них еще и теперь пишут мне письма из дому, потому что я... Ну, да нечего об этом говорить. Да, я знаю как поступает джентльмен. Он хорошо обходится с незнакомыми людьми, он не считает человека лжецом, пока это не доказано, он держит раз данное слово... Я поступаю именно так. Пока я жив, ни одного волоса не спадет с вашей головы.

М-с Треверс успела несколько прийти в себя, но при этих словах ею овладело такое ощущение неуверенности и тревоги, какое охватывает людей при первом толчке землетрясения. Вслед за этим все ее чувства застыли в ожидании. Она молчала. Лингард подумал, что она ему не верит.

— Слушайте! Ну, как вы думаете, что меня заставило приехать сюда и говорить с вами? Хассим, вернее раджа Туллы, спросил меня сегодня: «что ты будешь делать с этими твоими земляками»? Он еще, повидимому, думает, что я сам для чего-то привел вас сюда, — ведь этим туземцам иной раз приходят в голову самые нелепые мысли! Так взбесят, что невольно выругаешься. — Лингард выругался. — Он считает вас моими земляками. В какой это степени вы мои земляки? Скажите

мне, в какой степени? У меня с вами так же мало общего, как у вас со мной. Ну, скажите, какой чистенький господчик из вашего общества стал бы, например, там, в Англии, рисковать жизнью, чтобы спасти от гибели рыбацью барку?

Несмотря на смутное чувство опасности, гнездившееся в ее сознании, м-с Треверс не приходила в голову мысль о смерти. Наоборот, она ощущала необыкновенный прилив жизненности. В ней забродили неведомые доселе силы, как будто жизнь проснулась в ней только сейчас. Скрытая во тьме опасность не давала еще о себе знать и не вызывала в ней ужаса, но за то воочию обнаружился перед ней простые и мощные страсти человеческой души, волновавшие и чаровавшие своей новизной. Перед ней был человек, ничего не скрывавший. Она спросила

— И все-таки вы приехали сюда?

— Да, — отвечал он, — ради вас... Ради вас одной.

Прилив, заливавший отмели, отдался спокойным звуком о руль яхты.

— Я не хочу, чтобы я одна оказалась спасенной.

— Тогда вы должны сами перетащить их как-нибудь на бриг, — мрачно сказал Лингард. — Бриг — вон. Я, мои пушки, мои люди — в вашем распоряжении. Вы знаете, что надо делать.

— Попытаюсь, — отвечала м-с Треверс.

— Отлично. Если вам не удастся, мне будет очень жаль этих бедняг, которые дрыхнут у вас в трюме. Но этого, конечно, не может быть. Следите за тем фонарем на бриге. Я нарочно велел его поднять. Опасность, может быть, ближе, чем мы думаем. Я послал на разведки две лодки, и если

они привезут дурные вести, фонарь будет спущен. Итак, подумайте обо всем этом. Я рассказал вам то, чего не рассказывал никому. Подумайте и обо мне. Я рассказал вам, потому что не мог иначе.

Лингард отпихнулся ногой от яхты и исчез из глаз м-с Треверс. Журчащий звук замолк в отдалении.

Она отошла от борта. Фонарь и звезды слабо освещали темную палубу. Этот вечер походил на вчерашний — на все предыдущие вечера.

— Неужели все это может быть? — спрашивала она себя. — Нет, но это правда.

Она села на складное кресло, чтобы думать, но могла только вспоминать. Она вскочила. Ей послышалось, что кто-то слабо окликает яхту.

«Не он ли зовет»? Она прислушалась и, ничего не услышав, рассердилась на себя за то, что ей чудятся звуки.

«Он сказал, что доверяет мне. В чем же грозящая нам опасность? И где эта опасность?» — раздумывала она.

С передней части яхты стали приближаться шаги. Над лестницей, ведущей в каюту, смутно обрисовалась фигура вахтенного матроса. Он тихо свистнул и удалился. Глухие стуки на дне лодки сменились всплесками весел. Ночь скоро поглотила эти легкие звуки. М-с Треверс опять уселась. Она чувствовала себя гораздо спокойнее.

Она вообще имела способность и мужество додумывать до конца свои мысли. До возвращения мужа она все равно ничего не могла предпринять. Да и кроме того, не предостережения Лингарда подействовали на нее. На нее подействовало то, что этот человек раскрыл ей всего себя, без малей-

шей утайки. Она ясно видела его желания, его затруднения, его сомнения, его привязанности, его порывистость, его безумие; жизнь, слагавшаяся из этих страстей, была, быть может, беспокойна, но отнюдь не пошла. У м-с Треверс был достаточно возвышенный ум, чтобы смотреть на него иначе, чем с чисто человеческой точки зрения. Раз он доверял ей (странно: — почему он вздумал довериться ей? Не ошибся ли он?), она добросовестно примет его доверие. Ей вдруг пришло на мысль, что из всех людей, которых она когда-либо встречала, этого она знала лучше всех. Она почувствовала удивление, сменившееся глубокой печалью. Но это было ее личное несчастье.

Она перестала думать и внимательно прислушивалась, не возвращается ли шлюпка. Предстоявшая ей задача тревожила ее. Тишина была мертвая, и м-с Треверс казалось, что она затеряна в пустоте. Кто-то на середине палубы протяжно зевнул и произнес: «О господи, господи!» Чей-то голос спросил: «Они еще не вернулись»? В ответ кто-то пробурчал: «Нет».

Лингард трогал м-с Треверс, потому что он был так понятен. «Как проста его жизнь!» думала она. Она не скрывала от себя, что он стоял особняком от человеческого общества, что ему не было там места. Как это хорошо! Вот, наконец, настоящее человеческое существо; голая правда вещей, оказывается, не так уж далека, несмотря на столетия культуры. М-с Треверс подумала, что этот человек своим поступком в сущности сразу лишил ее всех привилегий, которые ей давали общественное положение, богатство, прошлое. «Я беспомощна. Что у меня осталось»? — спра-

шивала она себя. «Ничего». Можно было бы сказать — «внешность», — но м-с Треверс была еще слишком полна искусственности, чтобы подумать о красоте, которая ведь тоже входит, как необходимая часть, в неприкрашенную правду вещей.

Она обернулась и увидела, что фонарь на бриге горит сильным спокойным пламенем: — яркое пятно на звездном пологe, разостлавшемся над берегом. Послышался глухой удар, как будто от лодки, стукнувшейся о борт. Они вернулись! М-с Треверс поднялась, до крайности взволнованная. Что ей сказать? Как начать? Говорить ли вообще? Ведь это будет нелепо, ее слова будут похожи на сказку. Она не решится! Один миг ей казалось, что она сходит с ума.

Кто-то взбежал по трапу. Чтобы выиграть время, м-с Треверс прошла на корму. Фонарь брига ярко сверкал, и пламя его казалось огромным среди далеких солнц, разбросанных в беспредельности ночи.

М-с Треверс пристально смотрела на него. «Я ничего не скажу ему», думала она. «Это невозможно. Впрочем, нет, — я скажу все». Она ждала, что с минуты на минуту послышится голос ее мужа. Напряжение становилось невыносимым. Она понимала, что должна решить сейчас. Кто-то на палубе быстро и возбужденно заговорил. М-с Треверс надеялась, что д'Алькасер заговорит первым и таким образом отсрочит роковой миг. Чей-то голос грубо произнес: Что там такое? Несмотря на волнение, она сразу узнала голос Картера, потому что обратила внимание на этого молодого человека, не походившего на остальной

экипаж. Она решила, в конце концов, что лучше всего начать в шутовском духе... А, может быть, лучше притвориться испуганной? В эту минуту фонарь задрожал, и м-с Треверс похолодела, точно у нее на глазах обвалился небесный свод. Губы ее раскрылись, готовые крикнуть. Фонарь сразу упал на несколько футов, замигал и погас. Вся нерешительность ее сразу прошла. Этот первый сигнал об опасности наполнил все ее существо совершенно необычным для нее возбуждением. Нужно сейчас же что-то предпринять. Ей почему-то стало стыдно, что она колебалась так долго.

М-с Треверс быстро двинулась вперед и, пройдя к фонарю, столкнулась лицом к лицу с Картером, направлявшимся к корме. Оба остановились в свете фонаря, взглянули и были поражены выражением лиц друг друга. Их глаза были широко раскрыты.

— Вы видели? — спросила она, начиная дрожать.

— Как вы об этом узнали? — удивленно воскликнул Картер.

М-с Треверс оглянулась и увидела, что весь экипаж был уже на палубе.

— Фонарь спущен, — пролепетала она.

— Джентльмены пропали, — сказал Картер. Затем, видя, что она не понимает, он объяснил: — Их похитили с отмели, — продолжал он, пристально глядя на нее, чтобы увидеть, как она примет это. Она казалась спокойной.

— Похитили, как пару баранов. Даже ни одного крика не было слышно! — возмущенно воскликнул он. — Но, впрочем, отмель длинная,

и они, может быть, находились на другом ее конце. Вы были на палубе, сударыня?

— Да, — пробормотала м-с Треверс. — Вот здесь, на этом кресле.

— Мы все были внизу. Мне необходимо было отдохнуть немного. Когда я взошел на верх, оказалось, что вахтенный спит. Он божится, что не спал, но я это знаю отлично. Кроме вас никто не мог услышать никакого шума. Но, может быть, вы спали? — спросил он почтительно.

— Да... Нет... Я должно быть спала, — слабо ответила она.

VIII

Разговор с миссис Треверс, напряженная тревога и крайняя усталость вывели Лингарда из равновесия. Возвратившись на бриг, он спросил о Хассиме и услышал в ответ, что раджа и его сестра уехали на своем челноке и обещали вернуться к полуночи. Посланные на разведки шлюпки еще не вернулись. Лингард прошел к себе в каюту и, закрыв глаза, бросился на койку. «Я должен заснуть, или я сойду с ума», — подумал он.

Временами он чувствовал безграничное доверие к м-с Треверс и вспоминал ее лицо. Через секунду лицо начало куда-то уплывать, он усиленно старался удерживать в воображении ее образ — и вдруг ему становилось до очевидно-сти ясно, что он погибнет, если не предоставит этим людям исчезнуть бесследно с лица земли.

— Ведь все слышали, как этот человек приказывал мне убираться с его корабля, — думал он

и мысленно созерцал мрачную картину предстоящего избиения. — И, однако, я сказал ей, что ни один волос с головы ее не упадет. Ни один волос.

При воспоминании об этих словах ему почему-то сразу становилось легко.

Время от времени от крайнего утомления он переставал думать, и в мозгу его зияла черная пустота; в одно из таких мгновений он заснул и потерял всякое представление о внешнем мире — так полно и внезапно, точно его свалили с ног ударом по голове.

Когда он, еще не совсем проснувшись, присел на постели, он с тревогой подумал, что проспал всю ночь напролет. В салоне горела лампа, и на фоне отбрасываемого ею светлого пятна он ясно увидел из двери своей каюты прошедшую мимо фигуру м-с Треверс.

— Значит, они все-таки переехали на бриг, — подумал он. — Почему же меня не позвали?

Он бросился в салон. Никого!

Взглянув на часы под стеклянной крышей, он с досадой увидел, что они остановились, а он еще недавно слышал глухое биение механизма. Тогда они шли! Он проспал наверное не больше десяти минут. Он наверное был на бриге не больше двадцати минут!

Значит, ему только почудилось; он никого не видел. Однако, он помнил поворот головы, линию затылка, цвет волос, движение проходящей фигуры.

Он уныло вернулся в каюту, бормоча: «Сегодня мне уж больше не заснуть» — и сейчас же вышел оттуда, держа в руках несколько листов бумаги, исписанных крупным угловатым почерком, Это

было письмо Иоргенсона, отправленное три дня тому назад с Хассимом. Лингард уже прочитал его дважды, но теперь он оправил лампу и принялся читать в третий раз.

На красном щите над его головой золотой сноп молний, извивающийся между его инициалами, казалось, метил ему прямо в затылок, когда он сидел, положив голые локти на стол и всматриваясь в помятые листы.

Письмо гласило следующее:

«Хассим и Иммада сегодня ночью отправляются искать вас. Вы не приехали в срок, и с каждым днем положение делается хуже и хуже. Десять дней тому назад трое из людей Белараба, собиравшие на островах черепаший яйца, вернулись с известием, что на илистых отмелях застрял корабль. Белараб сейчас же распорядился, чтобы ни один из людей не выходил из лагуны. В поселке поднялась суматоха.

«Я думаю, это, должно быть, какая-нибудь дурацкая торговая шкуна. Впрочем, когда вы получите это письмо, вам уже все будет известно. Может быть, вы скажете, что мне самому надо было бы поехать на море и посмотреть. Но, не говоря уже о том, что Белараб запретил выходить из лагуны, — а я должен подавать другим пример послушания, — все ваше состояние, Том, находится тут, на «Эмме», и я не могу ее оставить ни на полдня. Хассим ходил на совет, который собирался каждый вечер за оградой Белараба. Их святой, Нинграт, рекомендовал разгромить судно. Хассим стал ему выговаривать и указал, что корабль вероятно прислан вами, так как до

сих пор еще ни один белый не заходил в эти места. Белараб поддержал Хассима. Нинграт очень рассердился и стал упрекать Белараба, что тот дает ему мало опиума. Он начал свою речь: «Сын мой!» а кончил: «О, ты хуже, чем неверный!» Началось смятение. Приверженцы Тенги хотели было вмешаться, а ведь вы знаете, какие отношения между Тенгой и Беларабом. Тенга всегда хотел прогнать Белараба и имел на это недурные шансы, пока не появились вы и не вооружили телохранителей Белараба мушкетами. Но все-таки Хассиму удалось утишить ссору, и на этот раз дело обошлось без членовредительства. На следующий день, в пятницу, Нинграт, после молитвы в мечети, стал говорить с народом. Он блеял и дергался, как старый козел, и предсказывал народу несчастья, разорения и гибель, если этих белых отпустят. Он сумасшедший, но они считают его за святого, да, кроме того, в молодости он целые годы воевал с голландцами. Шесть телохранителей Белараба прошли по улице с заряженными мушкетами, и толпа рассеялась. Приверженцы Тенги утащили Нинграта в ограду своего господина. Если бы не ждали вас с минуты на минуту, в этот вечер несомненно загорелся бы бой. Помоему жаль, что правитель страны Белараб, а не Тенга. Смелому и предусмотрительному человеку, как бы ни был он вероломен, всегда можно доверять до известного предела. А от Белараба нельзя добиться никакого толка. Мир! Мир! Вы знаете, на этом он помешан. А это лишает его рассудительности, и он неожиданно-негаданно может ввязаться в войну. В конце концов, это может ему стоить жизни. Но Тенга еще не чувствует себя

достаточно сильным, и Белараб по моему совету разоружил всех жителей деревни. Его воины обходили все хижины и силой отбирали все огнестрельное оружие и все пики, какие только находили. Женщины, конечно, визжали и бранились, но сопротивления никто не оказывал. Несколько человек убежало в лес с оружием. Заметьте это обстоятельство. Это значит, что кроме Белараба, есть еще другая сила в поселке. Возрастающая сила Тенги.

«Четыре дня тому назад я был у Тенги. Он сидел на берегу и топориком обстругивал какую-то дощечку, а раб держал над его головой зонт. Забавы ради он строит лодку. При виде меня он бросил топор, взял меня за руку и провел в тень. Он признался, что послал двух хороших пловцов следить за севшим на мель кораблем. Они прокрались в залив на челноке, а когда доехали до морского берега, переплывали с отмели на отмель и добрались ярдов на пятьдесят до шкуны. Что это за шкуна, я не могу дознаться. Разведчики сообщили, что на борту ее трое вождей — и один с блестящим глазом, один худой в белом платье, и третий без всякой растительности на лице и одетый совсем иначе. Может быть, это женщина. Я не знаю, что подумать. Хотел бы я, чтобы вы были здесь. После долгой болтовни Тенга сказал: «Шесть лет назад я был правителем страны, и меня прогнали голландцы. Страна была маленькая, но они не брезгают ничем. Они сделали вид, что отдают ее моему племяннику — да горит он в геене! Они убили бы меня, если б я не убежал. Здесь я ничто, но я помню прежнее. Белые люди там, на отмели, не могут убежать, и их немного.

Наверное будет и кое-какая добыча. Я отдал бы ее моим людям, ибо они последовали за мной в несчастии и я их вождь, а мой отец был вождем их отцов». Я указал ему на неосторожность этого шага. Он отвечал: «Мертвые ничего не скажут». На это я сказал, что люди, ничего не знающие, все равно ничего не могут рассказать. С минуту Тенга помолчал и потом сказал: «По-твоему, мы не должны трогать их, потому что их кожа похожа на твою и убить их было бы дурно, а между тем по требованию белых мы можем воевать с людьми одного с нами цвета и одной веры, и это по-твоему хорошо. Я пообещал Туану Лингарду двадцать воинов и один прау для войны в Ваджо. Воины мои хороши, а прау быстр и силен». Я должен признаться, Том, что его прау действительно лучший из всех, какие я видел. Я сказал, что вы ему хорошо заплатили за помощь. «Я тоже заплачу», отвечал он, «если ты дашь мне несколько ружей и немного пороха для моих людей. Мы с тобой сообща разделим добычу с этого корабля, а Туан Лингард ничего не узнает. Это ведь пустяки. У тебя много ружей и пороха». Он имел в виду припасы на «Эмме». Я отвечал ему напрямик, и мы разгорячились; наконец он дал мне понять, что так как у него сорок воинов, а у меня только десять воинов Хассима, чтобы защищать «Эмму», то он легко мог бы захватить все силой. «И тогда», добавил он, «я был бы так силен, что все были бы на моей стороне». В течение дальнейшего разговора выяснилось, что многие считают, что с вами стряслось несчастье и вы больше здесь не покажетесь. Я тогда понял, что положение серьезно и поспешил вернуться на

«Эмму». Но я сделал вид, что ничего не боюсь, смеялся и благодарил Тенгу за то, что он предупредил меня насчет своих намерений, относительно меня и «Эммы». Тут он чуть не подавился своим бетелем и, вонзив в меня свои маленькие глаза, пробормотал: «Даже ящерица дает мухе время произнести молитву». Я повернулся к нему спиной и был очень рад, что меня не угостили в спину дроптиком. С тех пор я не с'езжал с «Эммы»...

IX

Письмо затем подробно рассказывало об интригах Тенги и нерешительности Белараба и о состоянии общественного мнения. Оно отмечало каждое колебание настроений и каждое событие с такой серьезностью, точно повествовало о кризисе целой империи. Тень Иоргенсона действительно вошла в жизнь людей. Старый авантюрист обнаруживал полное понимание важности деталей и как бы отдавал свои глаза к услугам другого человека, который должен был распутывать узел. Лингард представлял себе положение так отчетливо, точно он все это время сам жил в поселке Белараба, и был очень благодарен Иоргенсону. Но так как он переживал это не изо дня в день, а от фразы к фразе, то быстрое чередование событий ошеломило его. Иногда: он сердито ворчал или с удивлением восклицал: «Что такое»? — и опять перечитывал несколько строчек или целую страницу. К концу письма он нахмурился и стал ерзать на месте. В конце послания говорилось: «...и я начал было думать, что мне удастся предотвратить осложнения до вашего приезда или до

отъезда этой проклятой белой шкуны, как вдруг, в тот самый день, когда его ждали, с севера прибыл шериф Даман с двумя илланунскими прау. Он похож на араба. Мне совершенно очевидно, что с обоими илланунскими пангерансами (вождями) он сделает все, что захочет. Оба прау большие и вооружены. Они вошли в бухту с флагами и знаменами, под грохот гонгов и барабанов; на них стояло много вооруженных воинов, которые размахивали мечами и испускали воинственные крики. Это отличный отряд для вас, но нелепый Белараб не хотел принять Дамана. Тогда Даман направился к Тенге, который долго говорил с ним. От Тенги он направился на борт «Эммы», и я сейчас же понял, что что-то готовится.

Он начал с того, что попросил у меня аммуницию и оружие, которое они должны получить от вас. Он сказал, что хочет немедленно поехать в Ваджо, так как должен выехать на несколько дней раньше вас. Я отвечал, что все это правда, но что я не могу выдать порох и аммуницию до вашего приезда. Он начал говорить о вас и наметнул, что, может быть, вы никогда не приедете. «Да это и неважно», добавил он, «раджа Хассим и княжна Иммада здесь, и мы стали бы сражаться за них, если бы даже ни одного белого не осталось во всем свете. Но мы должны иметь оружие». Потом он как будто совсем забыл обо мне и стал говорить с Хассимом, а я сидел и слушал. Он хвастался, как хорошо миновал Брунийское побережье, мимо которого в течение долгих лет не проходил ни один илланунский прау.

Иммада просила, чтобы я выдал им оружие. Девушка вне себя от страха, что что-нибудь может

помешать экспедиции в Ваджо. Она во что бы то ни стало хочет отвоевать свою страну. Хассим сдержан, но очень озабочен. Даман от меня ничего не получил, и в тот же вечер Белараб приказал его прау покинуть лагуну. Он не верит илланунам — и неудивительно. Шериф Даман удалися послушно, как ягненок. У него нет пороха. Когда его прау проходили мимо «Эммы», он крикнул мне, что будет вас ждать в заливе. Тенга дал ему проводника. Все это, по-моему, очень странно.

Теперь прау раз'езжают между островками. Даман ходит к Тенге. Тенга был у меня, как добрый друг, и убеждал дать Даману порох и ружья. Они как-то воздействовали и на Белараба. Он был у меня вчера вечером и советовал то же самое. Ему хочется, чтобы иллануны поскорее уехали из этих мест, и он думает, что как только они разграбят шкуну, они сейчас же уедут. Ему больше ничего не нужно. Иммада была в гостях у женщины Белараба и провела две ночи в его ограде. Младшая жена Белараба — он женился шесть недель назад — поддерживает Тенгу, потому что думает, что Белараб получит часть добычи. Она забрала себе в башку, что на шкуне много шелка и драгоценностей. От приставания Тенги и нашептываний своих собственных женщин Белараб совсем потерял голову и в конце концов решил пойти на богомолье к могиле отца. Последние два дня он был в отсутствии — отправился на могилу. Так как место это очень нездоровое, то по возвращении он, наверное, заболеет лихорадкой и тогда уже не будет ни к чему годен. Тенга часто зажигает большие костры, — должно быть, сигнализируют Даману. Я хожу на берег с людьми Хассима и тушу

их. Это может каждую минуту привести к драке, потому что воины Тенги смотрят на нас очень косо. Не знаю, что будет дальше. Хассим тверд и верен, как сталь. Иммада очень горюет. Они передадут вам много подробностей, которые мне некогда описывать».

Последний листок письма выпал из пальцев Лингарда. С минуту он сидел, не двигаясь, и смотрел прямо перед собой и затем вышел на палубу.

— Вернулись ли наши лодки? — спросил он Шо, разгуливавшего у капитанского мостика.

— Нет, сэр. Я все время их жду, — отвечал недовольно его помощник.

— Опустите передний фонарь! — вдруг распорядился Лингард по-малайски.

— Тут что-то нечисто, — пробормотал про себя Шо, отошел к поручням и стал хмуро смотреть на море. Через минуту он проговорил:

— На яхте, кажется, поднялась суматоха. По палубе ходят с фонарем. Там, может быть, что-нибудь случилось, — как вы думаете, сэр?

— Ничего не случилось. Я знаю, в чем дело, — сказал Лингард радостным тоном. «Она устроила это», подумал он.

Он вернулся в салон, отложил в сторону письмо Иоргенсона и выдвинул ящик стола. Ящик был полон патронов. Лингард снял с козел мушкет, зарядил его, потом снял другой и третий. Он забивал пыжи с дикой радостью. Шомполы звенели и подпрыгивали. Ему казалось, что он делает часть какой-то работы, в которой принимает участие и та женщина. «Она устроила это», — мысленно повторял он. «Она будет сидеть в салоне. Она будет спать в моей каюте. Я не стыжусь

своего брига — клянусь небом, нет! Я буду держаться в стороне, не буду подходить к ним, как я обещал. Теперь нам говорить не о чем. Я рассказал ей все. Больше рассказывать нечего».

Он почувствовал жгучую тяжесть в груди, во всем теле, как будто все его жилы налились расплавленным свинцом.

— Я сниму яхту с мели. Потребуется три, четыре дня, может быть, неделя, — соображал Лингард. Лингард решил, что потребуется не меньше недели. Пока яхта не будет снята, он будет видеть м-с Треверс каждый день. Он, конечно, не будет надоедать, но ведь он как ни как хозяин и владелец брига. Он вовсе не намерен прятаться на своей собственной палубе, точно выпоротый щенок.

— Яхта будет готова не раньше, чем через десять дней. Я сниму с нее весь балласт. Я с нее все сдеру, даже нижние мачты, честное слово. Надо действовать наверняка. Потом еще неделю на оснастку, — и прощайте. Лучше бы мне их никогда не видеть. Прощайте — навсегда! Им надо сидеть дома, не то что мне... А ведь в другом месте она не стала бы меня слушать. Но что это за женщина! Вот это настоящая женщина! До последнего ноготка! Я пожму ей руку на прощании. Да, просто возьму ее за руку, когда она будет уезжать. Почему бы и нет? На этом бриге я хозяин, нисколько не хуже всякого другого, лучше всякого другого, лучше всякого на свете.

Он услышал у себя над головой быстрые шаги Шо и его оклик:

— Что там? Лодка?

Послышался неясный ответ.

«Одна из моих лодок вернулась», подумал Лингард. «Может быть, известия насчет Дамана. Пусть его брыкается. Я покажу ей, что воюю не хуже, чем управляю бригам. Два прау. Всего два прау. По мне, хоть двадцать! Я прогоню их к морю, потоплю, пройду по ним килем моего брига и скажу ей: смотрите, вы, бесстрашная женщина, как это делается».

Он почувствовал себя легко. Ему показалось, что его подхватил вихрь восстания и что он беспомощен, как перышко в урагане. Он вздрогнул.

Руки его повисли, и он пристально уставился глазами на стол с выражением человека, ошеломленного роковой вестью.

Шо, отправившийся на шкафут, чтобы встретить ожидаемую им шлюпку, наткнулся на Картера, поспешно шедшего к корме.

— Алло! Это опять вы? — быстро проговорил Шо, загоразивая ему дорогу.

— Да, я приехал с яхты, — нетерпеливо отвечал Картер.

— Ну, конечно, откуда же еще вам приехать? А что вам надо?

— Мне надо видеть вашего шкипера.

— Нельзя, — злобно заявил Шо. — Он лег спать.

— Он ждет меня! — воскликнул Картер, топая ногой. — Мне надо рассказать ему, что случилось.

— Не волнуйтесь, молодой человек, — покровительственно сказал Шо. — Он все знает.

Оба молчали в темноте.

Картер, повидимому, растерялся, и Шо, хотя несколько удивленный, наслаждался произведенным им эффектом.

— Да, чорт возьми, я так и думал, — пробормотал Картер про себя. Затем своим небрежным, тягучим тоном спросил: — Вы тоже, может быть, знаете?

— А что ж бы вы думали? Вы полагаете, я здесь чучелом стою? Не зря же я помощник капитана.

— Ну, конечно, не зря, — не без горечи признал Картер. — Люди занимаются всякими странными делами, чтобы заработать на хлеб, да и я сам не очень разборчив на этот счет. Но я не один раз подумал бы прежде, чем поступил бы на ваше место.

— На что это вы намекаете? Мое место? Вы не годитесь для него, вы, яхтовый лакей, обманщик в ливрее!

— Что там такое? Наша лодка вернулась? — послышался с кормы голос Лингарда. — Пошлите ко мне сейчас же матроса, который был за главного.

— Это с яхты прислали, — начал медленно Шо.

— С яхты? Сейчас же зажгите фонари на шкафуте. Велите спустить трап. Пошевеливайся, серанг. М-р Шо... Зажгите факелы на корме. Посветите лодкам, которые сейчас придут с яхты. Стюард! Где стюард? Сейчас же разбудите его.

Голые ноги зашаркали около Картера. Со всех концов быстро заскользили тени.

— Готовы факелы? Где же вахтенный? — кричал Лингард по-английски и по-малайски. — Сюда идите! Прикрепите фонарь на шест — есть? И высуньте за борт. Так! Держите наготове концы для шлюпок! М-р Шо, нам нужно побольше света!

— Слушаю, сэр, — откликнулся Шо, но не двигался с места, точно ошеломленный порывистостью своего начальника.

— Да. Именно света, мы в нем очень нуждаемся, — прошептал про себя Картер. — Обманщик! А себя как вы величаете? — громко обратился он к Шо.

Красноватое пламя освещало Лингарда с головы до ног. Голова его была обнажена, и в колеблющемся свете факелов лицо его казалось свирепым и постоянно меняющимся.

— Чего он хочет? — подумал Картер; на него произвел впечатление хищный и дикий вид этой фигуры. «Он как-то изменился с тех пор, как я его в первый раз видел», рассуждал он.

Ему показалось, что перемена значительная, не то, чтобы к худшему, нет, — но... Лингард улыбнулся ему с кормы.

Он подошел к Лингарду и без дальних околичностей рассказал, что случилось.

— М-с Треверс велела мне сейчас же ехать к вам. Она, понятно, очень взволнована, — протянул он, глядя на Лингарда. Лингард сдвинул брови.

— Матросы тоже боятся, — продолжал Картер. — Они воображают, что дикари или вообще те, кто похитил хозяина, бросятся на яхту с минуты на минуту. Я сам этого не думаю, но...

— Да, это мало вероятно, — пробормотал Лингард.

— Вы наверное все об этом знаете, — холодно продолжал Картер. — Матросы здорово перепугались и не без основания. Да я их за это и не браню. У нас на яхте даже столовых ножей и то

не хватает. Одна сигнальная пушка. Привычные вояки и те бы растерялись.

— Тут нет никакого недоразумения? — спросил Лингард.

— Нет, — разве что джентльмены захотели поиграть с нами в прятки. Матрос говорил, что он десять минут ждал у обычного места, потом медленно поехал вдоль отмели, рассчитывая их увидеть. Он заметил ствол дерева, очевидно занесенного туда водой, и когда он проезжал мимо, какой-то человек выскочил оттуда, швырнул в него палкой и убежал. Он сейчас же отехал от берега и начал кричать: «Вы здесь, сэр»? Никто не отвечал. Он слышал, как шуршали кусты и точно кто-то шептался. Было очень темно. Крикнув несколько раз и подождав немного, он, наконец, перетрусил и поехал обратно к яхте. Все это совершенно ясно. Единственно, что мне неясно, — это живы они или нет. Я не говорил об этом м-с Треверс. Вы, конечно, оставите это про себя.

— Я не думаю, чтоб их убили, — медленно произнес Лингард, как будто думая о другом.

— Ну, раз вы так говорите, значит все благополучно, — задумчиво сказал Картер.

— Как вы сказали? — рассеянно переспросил Лингард. — В матроса бросили палкой? Копьем!

— Да, копьем, — подтвердил Картер. — Но я ничего не говорил. Мне только интересно, не бросили ли такой палкой в хозяина, вот и все. Но я думаю, вам лучше известно, капитан.

Лингард забрал в пальцы бороду, о чем-то напряженно думал.

Пламя фонарей ярко освещало его прямую фигуру и наклоненную голову.

— Вы, должно быть, думаете, что это я подстроил? — резко спросил он, не глядя на собеседника.

Картер поглядел на него с откровенным любопытством.

— Видите ли, капитан, м-с Треверс разболтала мне кое-что на счет нашей шлюпки, которая уехала со старшим офицером. Вы ее перехватили, не так ли? Как она это разузнала, один бог-ведает. Она пожалела, что сказала это, но для меня это не было особенной новостью. Я ведь кое-что соображаю. Вот, например, ракеты, которые вы пускали вчера ночью... Лучше бы я откусил себе язык, чем рассказал вам о нашей первой шлюпке. Но вы захватили меня врасплох. Вы это и сами понимаете. Я так и сказал ей, когда она спросила, что произошло между вами и мной на этом бриге двадцать четыре часа тому назад. Теперь положение вдруг изменилось, настолько изменилось, что перепугалась бы любая женщина. Впрочем, м-с Треверс лучше всякого мужчины. Остальные здорово перетрусили, — ведь, во-первых, ночь, а во-вторых, они к таким штукам не привыкли. Но у нее есть что-то на уме. Вообще, я ее не разберу, — Картер остановился, передернул плечами, и добавил: — да и вас не разберу, капитан.

— Так вот что вас тревожит, — медленно произнес Лингард.

— Да, капитан. Вам все это ясно? Перехватывают лодки, похищают джентльменов. Это, конечно, забавно, но вам все это ясно? Старый Робертсон был не особенно щепетилен, но и он...

— Яснее ясного, — горячо воскликнул Лингард.

— Я не могу бросить...

Он оборвал фразу. Картер ждал. Матросы с факелами в руках стояли неподвижно, отворотившись от огня, и ближняя мачта, озаряемая снизу колеблющимся пламенем, вздымалась в темное небо, словно высокая колонна. Убегавшие вверх тросы терялись во мраке ночи, но где-то высоко белел свернутый парус, и конец реи, точно висящий в воздухе, светился словно своим собственным светом. В ночном воздухе не проносилось ни одного дуновения ветерка.

— Не можете бросить... — повторил Картер спокойно шаркая ногами.

— Не могу бросить никого, — закончил Лингард. — Не могу. Это ясно, как божий день. Не могу. Никого и ничего.

Лингард пристально смотрел куда-то вдаль. Взглянув на него, Картер, точно понявший что-то, пробормотал: «Это плохо», и в его тоне, вопреки его воле, сквозила нотка смутного сострадания.

В душе у Картера царила растерянность, а в окружавшей его обстановке он чувствовал какую-то тайну. Ничего подобного он не испытывал, когда служил у старика Робертсона на шкуне «Ляйимун». А ведь он видал некоторые странные вещи и даже принимал в них участие. Тогда он не вполне понимал их, но знал, что вообще их можно понять. А это дело было непонятно. Он чуял тут какую-то особенную тонкость, раздражавшую его. Он был встревожен, словно встретился с чем-то магическим, что придавало осложнениям их путешествия особенное значение, непостижимое умом, но тем не менее ясно чувствовавшееся во фразах,

в жестах, в событиях и будившее в душе странную жуть.

Но он не принадлежал к людям, анализирующим свои переживания, да и кроме того он не имел на это времени. Ему надо было отвечать на вопросы Лингарда относительно яхты. М-с Треверс? Нельзя сказать, чтобы она была испугана. У нее повидимому что-то есть на уме. Несомненно есть. Матросы перепугались. Станут-ли они драться? Если к тому вынудят обстоятельства, всякий станет драться, все равно: напуган он или нет. По крайней мере, он знает это по себе. Конечно, хорошо бы иметь на этот случай нечто лучшее, чем железный лом. Однако...

Картер замолчал и повидимому взвешивал, какие шансы успеха могут быть у людей, вооруженных ломом.

— Зачем вы непременно хотите втянуть нас в драку? — вдруг спросил он. Лингард вздрогнул.

— Вовсе не хочу. Я вас не стал бы об этом просить.

— Никто не может угадать, что вам взбредет на ум, капитан, — отвечал Картер. — Ведь всего двадцать четыре часа тому назад вы хотели пристрелить меня.

— Я только сказал, что скорее застрелю вас, чем позволю вам подымать тревогу и создавать мне затруднения, — объяснил Лингард.

— Да, день на день не походит, — проворчал Картер. — Но я-то почему знаю ваши намерения? По-моему вы сами изо всех сил создаете себе затруднения.

— Хорошо, допустим, что так, — мрачно проговорил Лингард. — Но как вы думаете, стали бы

сражаться ваши матросы, если бы мы их вооружили?

— За кого сражаться? За себя или за вас? — спросил Картер.

— За женщину, — вскричал Лингард. — Вы забываете, что на яхте есть женщина. О мужчинах я не забочусь вот ни на столько.

Картер добросовестно сообразал:

— Только не сегодня, — сказал он наконец. — Среди матросов найдется один-два дельных парня, но остальные совсем повесили носы. Не сегодня. Если вы хотите, чтобы они сражались, дайте им немного прийти в себя.

Картер добросовестно и отчасти недоверчиво стал излагать факты и высказывать свои соображения. Он ничего не мог понять, но чувствовал настоящее желание помочь этому человеку. Иногда ему казалось это необходимым в интересах дела, иногда желательным из политических соображений, а иногда всякая подобная попытка представлялась ему безумием, которое все равно ничему не повредит, ибо сам он совершенно бесничен что-либо сделать. И тогда он чувствовал гнев и нащупывал в кармане рукоятку заряженного пистолета. Он взял с собой это оружие, когда м-с Треверс велела ему ехать на бриг. — Если он захочет что-нибудь со мной сделать, я выпалю в него и постараюсь удрать, — объяснял он ей поспешно.

Он отлично помнил, какой испуг выразился на лице м-с Треверс. Конечно, женщина вроде нее не привыкла к таким разговорам. Вообще, слушать ее было бесполезно, — разве только из вежливости. Нет, пуганая ворона куста боится.

Он теперь не даст себя увезти и не позволит, чтоб его задирали.

— Я не дам себя одурачить. Я вам понадобится, м-с Треверс, — сказал он, — и я обещаю вам не стрелять из этой штуки, если он меня не вынудит к этому.

Он проявил юношескую твердость и не уступил ее просьбам, хотя ее необычное волнение несколько озадачивало его. Когда лодка уже отъехала на порядочное расстояние от яхты, она крикнула ему вслед:

— Не стреляйте! Вы не понимаете, в чем дело. Ее голос, слабо доносившийся из тьмы, тронул его. Он напоминал жалобный крик.

— Пошевеливайся, ребята, — поторопил он матросов.

Он был достаточно рассудителен, решителен и юн и потому почти желал, чтобы «до этого дошло». Он предусмотрительно велел матросам держаться у самой кормы брига.

— Если я вдруг шлепнусь в шлюпку, сейчас же отпихивайтесь и гребите изо всех сил.

Сейчас ему почему-то не очень хотелось стрелять, но он все же мысленно повторял свое решение, чтобы оно как-нибудь не ускользнуло от него и не погибло в море сомнений.

— Не лучше ли мне сейчас же ехать обратно на яхту? — спросил он мягко. Не получив ответа, он продолжал в раздумье: — М-с Треверс приказала мне передать вам, что она вам верит, что бы ни случилось. Она, вероятно, дожидается ответа.

— Она верит мне, — повторил Лингард. Глаза его сверкали.

При каждом трепетании огней массивные тени палубы качались из стороны в сторону. Там и сям виднелись неподвижные фигуры людей с темными лицами и сверкающими белками.

Картер осторожно сунул руку в карман.

— Ну, что же, капитан? — допытывался Картер. Он вовсе не хотел, чтоб над ним издевались. Пусть м-с Треверс верит, кому хочет.

— Есть у вас какое-нибудь письмо для меня? — спросил Лингард, быстро шагая вперед.

Картер, настороженный, отступил назад, чтобы не очутиться к Лингарду слишком близко. Шо наблюдал за ним со стороны; полные щеки его дрожали, глаза точно готовы были выскочить из орбит, и рот широко раскрылся, как будто Шо вот-вот задохнется от любопытства, удивления и негодования.

— Письма нет, — ответил Картер тихо и спокойно.

Лингард был словно разбужен выстрелом. Казалось, что тяжелая и мрачная туча упала из ночи ему на лоб и быстро опять исчезла в ночи, и, когда она скрылась, он был так спокоен, его взгляд так ясен, его лицо так уверенно, что трудно было поверить, что сердце этого человека за секунду перед этим пережило муку унижения и страха. Он грустно улыбнулся:

— Что это у вас там спрятано, молодой человек? — спросил он со спокойным и добродушным смирением. — Нож или пистолет?

— Пистолет, — отвечал Картер. — Вы удивлены, капитан? — Картер горячился, ибо внутри его подымалось чувство раскаяния, тихое и неудержимое, как прилив. — Кто из нас первый начал эти

штуки? — Картер вынул руку из кармана и повысил голос. — Вы что-то замышляете, чего я не могу понять. Вы не ведете дело напрямик.

Факелы над их головами светились ровно, и тени палубы в эту минуту глубокой тишины казались такими же застывшими, как и люди.

— По вашему, я не откровенен? — задумчиво сказал Лингард.

Картер кивнул головой. Он сердился на тот оборот, какой принимало дело, и на то, что в нем самом растет желание сдать это человеку.

— Но м-с Треверс мне верит, — с тихим торжеством продолжал Лингард, точно выставляя неопровержимый аргумент.

— Да, она так говорит, — проворчал Картер. — Я ее предупреждал. Она — ребенок. Они там все, как малые ребята. Вы это знаете, и я это знаю. Я слышал о людях вашего склада: вы готовы были бы всех нас вышвырнуть за борт, если бы вам это было выгодно. Вот что я думаю.

— И это все?

Картер слегка кивнул головой и отвернулся. Наступило молчание. Лингард оглядел бриг. Освещенная часть судна, покрытая сверху балдахином ночи, была видна во всех деталях. На лицо его повеяло легкое дуновение. Воздух дрожал, но отметили, затерянные во тьме и молчании, не подавали никаких признаков жизни.

Тишина давила Лингарда. Мир его стремлений и надежд, казалось, умер, исчез. Его желаниям не было места в этой темной вселенной, поглотившей и море, и берег, и его упования. И тут же, в том месте, где до сих пор безраздельно господствовала его смелая душа, очутился какой-то юноша,

готовый его застрелить за предполагаемое вероломство. Этот юноша приехал, чтобы его застрелить! Хорошо, нечего сказать! Лингард слишком устал, чтобы смеяться, да и перспектива быть застреленным — вполне реальная, ибо молодежь все делает сплеча — раздражала его. Здесь все было полно противоречий. Нельзя было разобрать, кто враг, и кто союзник. Осложнения, связанные с этой несчастной яхтой, так близко столкнули его с чужими людьми, что он точно чувствовал их прикосновения в своей собственной груди.

— Хотел меня пристрелить! Малый не промах, чорт возьми! И, однако, я верю ему больше, чем кому бы то ни было другому на этой яхте.

Думая так, он смотрел на Картера, кусавшего себе губы и раздраженного долгим молчанием. Когда они наконец заговорили, они успокоились и почувствовали облегчение, точно вышли на свежий воздух из жарко натопленной комнаты. Когда Картер распростился и спустился в шлюпку, он уже принял план, предложенный Лингардом по отношению к экипажу. Он чувствовал теперь к Лингарду почти полное доверие. Это была одна из нелепостей положения, которую приходилось признать, но которую нельзя было понять.

— Ну, что же, я сейчас говорю с вами напрямик, а? — спросил Лингард.

— Как будто напрямик, — сдержанно согласился Картер. — Во всяком случае, пока что я буду действовать с вами.

— М-с Треверс верит мне, — снова заметил Лингард.

— Чорт меня побери! — воскликнул Картер, вдруг давая ход какому-то внутреннему убежде-

нию. — А я ведь предостерегал ее насчет вас. Послушайте, вы, капитан, дьявол, а не человек. Как вы этого достигли?

— Я сам доверился ей, — отвечал Лингард.

— Когда? Как? Где? — залепетал пораженный Картер.

— Вы и без того слишком много знаете, — спокойно произнес Лингард. — Не будем терять времени зря. Я приеду вслед за вами.

Картер тихо свистнул.

— В вас обоих я не разберусь, — крикнул он, быстро перелезая через борт.

Шо воспользовался удобным случаем и подошел к Лингарду, начав нерешительно:

— Два слова, сэр.

Помощник заявил, что он почтенный человек. Он объяснялся громким, но неровным голосом. Он человек женатый, имеет детей и ненавидит все незаконное. Свет играл на его тучной фигуре, он бросил на палубу свою грибовидную шляпу, он смело говорил правду. Седые усы торчали воинственно, глаза смотрели беспокойно. Широко размахивая своими толстыми короткими руками и то и дело прижимая их к животу, он заявлял, что он служил старшим офицером на английских судах, пользовался безукоризненной репутацией и, как он надеялся, «знал свое дело». Он мирный человек, и только; он ничего не имеет против того, чтобы выйти немножко из рамок закона, когда дело идет о разных там неграх, «которых надо учить вежливому обращению и уму-разуму», да и сам он при случае задавал им трепку, но здесь замешаны белые — джентльмены и лэди, — не говоря уже об экипаже.

Он еще никогда не говорил так с начальством. В эту минуту вырвались наружу его рассудительность, его убеждения, его принципы, сознание своего превосходства и раздражение, копившееся годами против всех плохих капитанов, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Еще никогда ему не представлялось такого удобного случая показать себя. Теперь капитан у него на веревочке, и он заставит его поплясать. Шо был убежден, что он при этом совершает весьма смелый акт, ибо считал себя попавшим в лапы отчаянного и незаконного человека.

К его смелости примешивался и некоторый расчет. Ему пришло в голову, что, может быть, господа с яхты услышат, как он стоял за них. Это могло пойти на пользу человеку, нуждающемуся в протекции. «Хозяин яхты очень напуган. Он джентльмен, и деньги для него ничего не стоят». Поэтому Шо с горячностью заявил, что он не будет соучастником в этом деле. Те, кто никогда не ездит на родину, кому, может быть, и ехать-то некуда, могут поступать, как им угодно. Но он этого не может. У него есть жена, семья, маленький домик, купленный на трудовые деньги. Он совершает по морю правильные рейсы из Англии и в Англию, а не шатается зря, обнимаясь с первым встречным негром и ставя ловушки для порядочных людей.

Один из матросов, державших факелы, вздохнул и переступил с ноги на ногу. Это движение, нарушившее его застывшую неподвижность, было так неожиданно, словно статуя сошла со своего места. Шо злобно взглянул на провинившегося и заговорил о судебных инстанциях, следствиях и

правах граждан; затем, с бесстрашием мудреца, он намекнул на неизбежность и неудобство того, что дело раскроется.

— За эту штуку каждому попадет по пятнадцати лет тюрьмы, а у меня есть сын, который еще не видал своего отца. Хорошо ему меня отрекомендуют, когда он подрастет! Невинные страдают вместе с вами, жена умрет с горя, если не с голоду. Дом продадут.

Он чувствовал, что находится под угрозой какой-то таинственной несправедливости, и начал терять голову. Чего он хотел, так это остаться нетронутым, чтобы он мог себя чтить и гордиться собой. Это было высоконравственное желание, но в охватившей его тревоге его природная грубость шумно выскочила наружу, как чорт из люка.

Он пошлет к чорту всю эту комедию, раскроет интригу, встанет за честных людей и, поклявшись на библии, расскажет всему миру... и когда он остановился, чтобы перевести дух, все кругом было безмолвно и тихо. Гонимые порывом благородного воодушевления, его слова мчались, как пыль под ветром, и исчезали в темноте моря. И в великом, невозмутимом мраке раздался его слова о том, что он «умывает руки».

— А бриг? — спросил вдруг Лингард.

Шо смутился. На секунду в нем заговорил моряк.

— Бриг, бриг... — пробормотал он. — С бригом все в порядке.

Про бриг ничего худого сказать нельзя. Конечно, это не большой корабль, с которыми он привык иметь дело, — в своем роде, это лучшее судно, которое он когда-либо... И вдруг, словно спохва-

тившись, он стал утверждать, что его в сущности заманили сюда обманом, вроде как опоили. Честное слово! Заманили на корабль, мало чем отличающийся от пиратской шхуны. Да, это настоящая пиратская шхуна. Это так же верно, как то, что его зовут Шо. Он произнес это, широко раскрыв глаза, как сова.

Лингард молча сносил эти оскорбления, не прерывая своего помощника ни одним словом. Глупая суетливость этого человека тянула его за душу.

Судьба точно нарочно посылала к нему дураков со всех концов земли. Человеку вроде Шо ведь ничего не расскажешь. Да и никому не расскажешь. Слепыми они сюда приехали и слепыми уедут. Неохотно, но без колебаний, Лингард признал, что если его вынудят обстоятельства, ему придется спасти этих двух. Для этой цели, может быть, надо будет на некоторое время оставить бриг. И тогда придется оставить судно с этим человеком, его помощником. Он нанял его сам, чтобы соблюсти страховое условие, чтобы иметь кого-нибудь около, с кем можно бы перемолвиться словом. И как только такие дураки попадают на море! Оставить на него бриг, этот бриг! Невозможно...

С самого захода солнца на отмелях начал подыматься ветер. Сначала во тьме слышались его терпеливые шопоты, его полузадушенные вздохи; а теперь вдруг он ударил резво и сильно, словно победоносно прорвав тянувшийся на северо-востоке пояс затишья. Пригибаемое к низу пламя факелов горело синеватыми, горизонтальными, шумными струями, похожими на развевающиеся флаги. Тени на палубе затанцовали и затолкали

друг друга, точно стараясь убежать с обреченного судна. Тьма, до сих пор отталкиваемая вверх блестящими огнями, тяжело навалилась на бриг, и люди закачались, точно готовые упасть под черными, бесшумно падающими руинами.

Смутные силуэты брига, мачт, снастей, казалось, дрожали перед лицом грозящей гибели — и вдруг тьма опять отпрянула вверх, тени вернулись на свои места, люди стояли прямо, со спокойными смуглыми лицами и сверкающими белками. Гибель миновала. Во внезапно затихшем воздухе тягуче разнеслись окрики трех голосов.

— Эй, бриг, бросьте нам канат!

Это прибыла с яхты первая шлюпка. Она медленно вошла в круг пурпурного света, плававший вокруг брига на черной воде. Двое матросов сидели на веслах, а посредине, на гряде парусиновых вещевых мешков, неуклюже восседал третий, опершись о груз обеими руками. Висевший на корме фонарь обдавал все зловещим светом, и в его пламени медленно подплывавшая к бригу шлюпка имела почему-то подозрительный и жалкий вид. Наполнявший ее невзрачный груз имел такой вид, точно он был украден этими людьми, похожими на спасшихся после кораблекрушения. У руля стоял Картер и, правя ногой, улыбался с юношеским сарказмом.

— Вот и мы! — крикнул он Лингарду. — Вы таки настояли на своем, капитан. Я решил сам приехать с этой первой драгоценной порцией...

— Правьте кругом! Бриг качает, — перебил его Лингард.

— Хорошо, хорошо... Мы постараемся не сломать бриг. Мы погибли бы, если бы... Отпихи-

вайся, Джон, отпихивайся, старина, если ты дорожишь своей соленой шкурой. Я люблю этого малого, — продолжал Картер, стоя рядом с Лингардом и глядя на лодку, быстро выгружаемую малайцами и белыми. — Мне он нравится. Он не принадлежит к экипажу яхты. Они выбрали его где-то по дороге. Посмотрите-ка на это чучело, — точно вырезан из корабельных брусьев, нем, как рыба, мрачен, как идущий ко дну обломок. Он в моем вкусе. Все остальные женаты, или собираются жениться, или не прочь жениться, или жалеют, что не женились. У каждого за спиной юбка. Только и разговору, что о женах и детях. Ну, потарапливайтесь там! Мне не трудно было снять их с яхты. Они ведь еще ни разу не видали, как крадут джентльменов. Это перековырнуло все их понятия насчет того, что значит сесть на мель. Впрочем, и мои понятия насчет этого тоже несколько спутались, а я ведь видал виды.

В этом ребяческом порыве к болтовне обнаруживалось его возбуждение. Показывая на растущую грудку мешков и постельных принадлежностей, он продолжал:

— Смотрите! Они хотят мягко спать. Когда спать хорошо, думается о доме. О доме! Подумайте, капитан, эти ребята не могут забыть о доме. Не то, что мы с вами...

Лингард сделал движение.

— Я сбежал из дому вот таким мальчишкой. Отец у меня лоцман. Из-за такой работы, правда, стоит оставаться дома. Мать иногда пишет, но она обходится и без меня. В семье у нас четырнадцать человек, — восемь еще живут с родителями. Ничего, старуха Англия не обезлюдеет с такими

семейками... Пусть умирают, кому надо. Но, слушайте, капитан, довольно уловок! Будем вести дело на чистоту.

Лингард уверил его, что так это и будет. Ведь именно для этого он и хотел, чтобы экипаж яхты перебрался на его бриг, прибавил он. Затем спокойно и серьезно он осведомился, все ли еще у Картера в кармане пистолет.

— Нечего об этом говорить, — поспешно заговорил молодой человек. — Вспомните, кто первый начал. Быть застреленным, это еще ничего. Но меня злило, что вы мне грозили. Ну, да это уже все кончилось, и, право, я не знаю, зачем я взял с собой эту штуку. Большого я пока не скажу. Пусть сначала все выяснится так или иначе. На этом пока сговоримся, а?

Густо покраснев, он отложил окончательный приговор и с благородством юности решил на время удержать свою карающую руку.

Лингарда, очевидно, несколько облегчил этот разговор. Он медленно склонил голову. Ничего, так оно и нужно. Ему казалось, что, доверяя свою жизнь поведению этого юноши, он уравновешивает в своем уме множество тайных замыслов.

Это было неприятно и горько, как бывает всякое искупление. Он, Лингард, тоже держал в руках человеческую жизнь — и немало смертей; но на весах его совести смерти эти весили не больше перышка. Он не мог чувствовать иначе, потому что тогда растратилась бы вся его сила, а этого он не мог позволить. Этого не должно быть. Единственное, что он мог сделать, это добавить еще один риск к той массе рисков, которые он уже взял на себя. Он теперь понимал, что

капля воды, упавшая в океан, ведет к большим последствиям. Самое его желание, непобежденное, но изгнанное, оставило то привычное место, где он всегда слышал его голос. Он видел свою цель, видел самого себя, свое прошлое, свое будущее, — но все это было смешано и неясно, подобно формам, какие видит в темноте напряженный глаз путешественника.

X

Когда Лингард пошел к лодке, чтобы последовать за уплывшим на яхту Картером. Васуб спустился перед ним по трапу с мачтой и парусом на плечах. Старик легко прыгнул в лодку и стал готовить ее к путешествию.

Лингард привык плавать один по лагунам в этой маленькой лодке. У нее была небольшая мачта и небольшой парус, она легко подымала двоих и без труда пробиралась по таким местам, где воды было всего на несколько дюймов. В ней он мог обходиться без команды и, если ветер падал, в ней можно было передвигаться на паре весел по мелководью. Кругом было так много островков и песчаных отмелей, что, в случае внезапной бури, всегда имелась защита от ветра; а когда он хотел выйти на берег, он мог втаскивать ее за собой на канате, словно дитя-гигант игрушечную лодку. В этой лодке он обычно и ездил во время посещения бригам отмелей. Однажды его застиг сильный ветер, и он, идя в брод, донес челнок на голове до ближайшего песчаного островка, где и провел два дня. Вокруг мелководное море вздымало яростные волны,

а в трех милях, сквозь пену и туман, виднелся бриг, то появлявшийся, то исчезающий; его высокие мачты качались и как-будто касались плачущего, грустного, серого неба.

Всякий раз, как он появлялся в этом челноке на лагуне, Иоргенсон, уже знавший о прибытии брига по глухому выстрелу сигнальной пушки, и сейчас же начинавший наблюдать за проходом, бормотал про себя: «Вот и Том в своей скорлупе». По форме и по цвету своей темной полированной обшивки она и в самом деле походила на половинку ореховой скорлупы. Плечи и голова пассажира высоко выдавались над ее бортами; несмотря на тяжелый вес Лингарда, она смело взбиралась на крутые валы, легко соскакивала в углубления и иногда со спокойной ловкостью перепрыгивала через короткую волну. В ней было что-то, располагающее к доверию, и она напоминала осторожную горную лошадку, везущую по трудным тропинкам всадника большего, чем она сама.

Васуб отер банки, приладил мачту и парус, укрепил уключины. Лингард посмотрел сверху на худые плечи старого слуги, озаренные неверным, но живым светом. Васуб трудился ради удобства своего начальника, и от его поглощенности этой работой на Лингарда повеяло утешением дружеской услуги. Наконец старик, что-то почтительно пробормотав, поднял голову; на его сморщенном лице, украшенном дюжиной щетинистых волосков, свисавших над губами, было несколько усталое, но удовлетворенное выражение, и слегка раскосые глаза метнули вверх скромный взгляд, как бы на что-то осторожно намекая. Лингард

понял этот молчаливый вызов на откровенность и, сходя в лодку, проговорил:

— Время сейчас опасное.

Лингард сел и взялся за весла. Васуб продолжал держать лодку за борт, рассчитывая на дальнейшие откровенности. Он пять лет прослужил на бриге, и Лингард это отлично помнил. Этот старик был тесно связан с жизнью брига и с его собственной и в нужные моменты был всегда наготове, молча ожидая приказаний; он слепо верил в могущество Лингарда и беспрекословно подчинялся его воле. Можно ли на него положиться теперь?

— Нам понадобится мужество и верность, — добавил Лингард испытующе.

— Меня знает много людей, — с готовностью подхватил старик, словно давно дожидаясь случая, чтобы заговорить. — Смотри, Туан, я на всякий случай налил воды в маленький боченок на корме.

— Я тоже тебя знаю, — сказал Лингард.

— Ты знаешь и ветер, и море, — воскликнул серанг. — Ветер и море верно служат сильному человеку. Я был пилигримом и во многих местах слышал слова мудрости, и я говорю тебе, Туан, что силен тот, кто знает скрытое в вещах и в людях. Ты долго пробудешь в отсутствии, Туан?

— Я скоро вернусь вместе с остальными белыми. Это только начало. Слушай, Васуб! Даман, сын собаки, взял в плен двух людей моего народа. Лицо мое омрачилось.

— Це-це! Жестоко и дурно он поступил! Не следует обижать друга или брата друга, а то придет возмездие, быстрое, как наводнение. Но илла-

нунский вождь и не может быть иным. Много видел мои старые глаза, но никогда еще я не видел, чтобы тигр переменял свои полосы. Я-ва! Тигр этого не может. Такова мудрость у нас, невежественных малайцев. Но мудрость белых Туанов велика. Они думают, что если с тигром поговорить, то он может...— Васуб не закончил и энергичным деловым тоном добавил: — Руль лежит под задней банкой на тот случай, если Туан захочет итти под парусами. Ветер не затихнет до заката. — И опять его голос изменился, точно две души поочередно влетали и вылетали из его тела. — Нет, нет. Сначала надо убить тигра, а потом уже можно без страха считать полосы на его спине, одну за другой, вот так.

Он вытянул худой смуглый палец, и в его горле послышался безрадостный звук, точно там забрякала побрякушка.

— С ним много других негодяев, — сказал Лингард.

— Нет, Туан. Они следуют за своими вождями, как мы следуем за тобой. Это так и должно быть.

Лингард подумал с минуту.

— Значит, мои люди последуют за мной, — сказал он.

— Они простые, глупые калаши, — с презрительным сожалением сказал Васуб. — Некоторые из них понимают не больше, чем дикие люди из лесов. Вот, например, Сали, глупый сын моей сестры, который по твоей милости назначен к рулю. Неразумие его безмерно, но зрение его хорошо — почти так же хорошо, как у меня, который вследствие молитв и многих упражнений умеет заглядывать в самую темную ночь.

Лингард тихо рассмеялся и затем серьезно взглянул на серанга.

Над их головой матрос наклонил в сторону факел, и мелкий дождь искр поплыл книзу и погас, не долетев до воды.

— Так, значит, ты можешь видеть во тьме, серанг? Ну, тогда загляни и говори. Скажи — воевать или не воевать? Оружие или слова? Которая глупость лучше? Ну, что-же ты видишь?

— Темно, темно, — прошептал наконец Васуб испуганно. — Бывают такие ночи... — Он покачал головой и забормотал: — Смотри, Туан, течение повернулось. Да, Туан, повернулось. — Лингард взглянул вниз на скользящую воду. Она быстро двигалась мимо борта судна, и в освещенном круге, отбрасываемом кормовыми фонарями, ясно виднелись полосы пены. Искрились пузырьки, появлялись темные и сверкающие полосы и убежали за корму без журчания, без шума, без жалобы, без шороха. Мягкая неустойчивость течения чаровала глаз и приводила на ум мысль о неизбежном. Волны, пробежавшие через одинокое пятно света, походили на вечный поток времени. Когда Лингард взглянул вверх, он не мог отделаться от смущающего впечатления, которое вызвал в нем этот бесшумный бег вод. С минуту ему казалось, как будто затерянное во мраке пятно света, бриг, лодка, скрытый от глаз берег, отмели и самая тьма вокруг и над головой, словом, все видимое и невидимое тихо скользило через необозримые мрачные пространства. Он сделал над собой усилие — и все остановилось, и только пена и пузырьки неустанно бежали вперед, неподвластные его воле.

— Так ты говоришь, течение повернулось, серанг? Может быть, может быть, — закончил Лингард про себя.

— Да, Туан. Разве ты не видишь этого своими глазами? — с тревожной серьезностью проговорил Васуб. — Смотри... И я думаю, что если прау, который идет с юга, направить умело по этому течению, то он подойдет к борту нашего брига тихо, как бесплотная тень.

— И нас захватят врасплох, — ты это хочешь сказать?

— Даман хитер, и илланунский народ кровожаден. Ночь им ничего не значит. И они храбры. Разве они не родились среди битв и разве они не слушают своих злых сердец даже, когда не научились еще говорить? И у них будут вожди, между тем как ты, Туан, как раз теперь уезжаешь от нас.

— Ты не хочешь, чтобы я уезжал? — спросил Лингард.

Некоторое время Васуб внимательно вслушивался в тишину ночи.

— Как мы можем сражаться без вождя? — заговорил Васуб. — Храбрость у людей бывает оттого, что они верят в победу. А что бы стали делать бедные калаша, сыновья земледельцев и рыбаков, недавно взятые и ничего не знающие? Они верят в твою силу и могущество, а иначе... И разве белые, которые только что приехали, вступились бы за тебя? Они здесь, как рыба на сковородке. Я-ва! Кто принесет вести, кто узнает правду, кто, может статься, привезет твое тело? Ты едешь один, Туан!

— Сражаться мы не должны. Это было бы

несчастьем, — настойчиво проговорил Лингард. — Есть кровь, которую нельзя проливать.

— Послушай, Туан, — с горячностью воскликнул Васуб. — Вот теперь вода течет отсюда. — Он указал головой на челнок. — Вода течет и в назначенное время она возвратится. И если бы между отливом и приливом в море пролили всю кровь земли, море не поднялось бы и на палец.

— А мир был бы другой. Ты этого не понимаешь, серанг. Отпихни-ка лодку.

— Сейчас, — сказал старый малаец, и лицо его опять приняло бесстрастное выражение. — Туан знает, когда надо уезжать, а перед твердым шагом смерть иногда отступает, как испуганная змея. Туан должен был бы взять с собою верного слугу, не глупого юношу, а человека пожившего, с твердым сердцем, который спокойно шел бы за ним и все наблюдал. Да. Человека спокойного, с быстрым взглядом, как у меня. Может быть, с оружием, — я ведь умею наносить удары.

Лингард заглянул в близко наклонившееся к нему морщинистое лицо и в старые пронизательные глаза. Они странно сверкали. Нагнувшаяся к нему фигура Васуба выражала внимание и напряженность. И тут же рядом жуткой, темной, непроницаемой стеной стояла ночь. Помощь была бесполезна. Тьма, с которой ему приходилось сражаться, была слишком неощутима, чтобы ее можно было разбить ударом, слишком густа, чтобы глаз мог в нее проникнуть. И все-таки эти слова верного слуги, хотя и бесполезные, почему-то ободряли и успокаивали Лингарда. Он испытал на миг чувство гордости; его неразумное и непонятное сердце почувствовало кратковременное

облегчение и уже не сжималось тягостным предчувствием, а билось сильно и свободно, благородное за преданность.

На смутном фоне его собственных растерянных чувств преданность этого человека была ясной точкой, как бы факелом, поднятым во тьме ночи. Факел бесценный, конечно, но бесполезный, — слишком маленький, слишком слабый, слишком одинокий. Он не рассеивал таинственной тьмы, которая спустилась на его судьбу и мешала его глазам видеть дело его рук. Скорбь поражения обьяла мир.

— А что бы стал делать Васуб? — спросил Лингард.

— Я мог бы крикнуть: «Берегись, Туан!»

— Ну, а как же ты думаешь насчет моих магических слов, которые устранят опасность? Впрочем, тебе, вероятно, все равно пришлось бы умереть. Вероломство тоже сильное волшебство, как ты сам когда-то сказал.

— Да, Туан, судьба, может быть, велела бы твоему слуге умереть. Но я, Васуб, был сыном свободного человека, был воином раджей, был беглецом, рабом, пилигримом, искателем жемчуга и серангом на кораблях белых людей... У меня было слишком много господ, слишком много. Ты — последний.

После короткой паузы Васуб сказал, почти безразлично:

— Если тебе надо ехать, Туан, возьми меня с собой.

Лингард подумал.

— Бесполезно, — проговорил он. — Бесполезно, серанг. Довольно и одной жизни, чтобы

заплатить за человеческое безумие, а у тебя ведь есть дом.

— Два дома, Туан. Но я уже давно не сидел на его лестнице, мирно беседуя с соседями. — Да. Два дома. Один в... — Лингард слабо улыбнулся. — Туан, позволь мне ехать с тобой.

— Нет. Ты сказал, серанг: Я здесь один. Это правда, и один я поеду сегодня. Но сначала мне нужно привезти сюда белых людей. Оттолкни лодку. Васуб!

— Готов, Туан? Берегись!

Васуб перегнулся, протянул руки и оттолкнул лодку. Лингард взял весла и, удаляясь от брига, смотрел на освещенную корму. Он ясно видел хмурого и мрачного Шо, тяжело нагнувшегося над перилами, матросов с факелами, прямых и неподвижных, головы у борта, глаза, пристально смотревшие вслед за ним. Нос брига был окутан мутным сероватым туманом, смесью света и тьмы. На прямых мачтах лежали неровные отблески огней, и клоты исчезали вверху, как бы пронзая тяжелую массу неподвижных испарений. Бриг был прекрасен. Глаза Лингарда с любовью смотрели на судно, покоившееся на воде и окруженное облачным ореолом; оно точно висело в воздухе, между невидимым небом и невидимым морем. Лингард отвернулся, ему было тяжело смотреть на бриг в эту минуту расставания. Скоро его маленькая лодка миновала освещенную полосу воды, и очень низко, на западе, в черной пустоте, он завидел фонарь, слабо горевший на корме яхты и похожий на закатывающуюся звезду, бесконечно, недостижимо далекую, принадлежащую к другому миру.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Дар отмелей

I

М-с Треверс Лингард отвез с яхты один, в маленькой лодке. Все время, пока продолжалась погрузка, и до того момента, когда последний матрос оставил судно, он стоял рядом с ней, высокий и безмолвный. Только после того, как бормочущие и тревожные голоса отплывавших в лодках матросов совершенно замолкли вдали, раздался его серьезный голос:

— Идите за мной. — Она пошла за ним, и их шаги глухо и гулко отдавались на пустой палубе. На верхней ступеньке трапа он обернулся и сказал очень тихо:

— Осторожнее.

Он вошел в лодку и стал ждать. Ему показалось, что миссис Треверс несколько испугана темнотой. Он крепко схватил ее за руку и произнес:

— Я вас держу.

М-с Треверс вошла, ничего не видя, слепо доверяясь его руководству, и упала на заднюю банку, тяжело дыша.

Послышался легкий всплеск и неясные очертания покинутой яхты нераздельно слились с ночным мраком.

Он греб, сидя лицом к ней. М-с Треверс была закутана в плащ с капюшоном, и прямо над ее головой виднелся свет медленно угасавшего кормового фонаря покинутой яхты. Фонарь вдруг погас, и контуры оставленного судна растаяли. Яхта исчезла, словно сон, и вместе с этим сном исчезли, казалось, и события последних суток. Закутанная фигура, темневшая перед Лингардом, была тоже частью этого сна. Фигура не говорила, не двигалась; еще минута — и она пропадет. Лингард пытался припомнить черты м-с Треверс, сидевшей в лодке в двух футах от него. Ему представлялось, что с призрачной шхуны он захватил с собой не женщину, а воспоминание — мучительный образ человеческого существа, которое он никогда более не увидит.

При каждом взмахе коротких весел м-с Треверс чувствовала, как лодка прыгала вперед; Лингард часто оглядывался через плечо, чтобы ориентироваться.

— Вы будете в безопасности на бриге, — произнес он.

М-с Треверс молчала.

Сон! Сон! Лингард с силой налегал на весла, и вода шумно ударялась о борта лодки. Красноватые отсветы далеких факелов проникали под капюшон м-с Треверс. У сна было бледное лицо, у воспоминания были глаза.

— Мне пришлось самому приехать за вами, — продолжал он.

— Я этого ожидала.

Это были первые ее слова за время их третьей встречи.

— А между тем я поклялся, — и перед вами, — что нога моя больше не будет на вашей яхте.

— С вашей стороны было очень любезно... — начала она.

— Но я об этом почему-то позабыл, — просто сказал Лингард.

— Я этого и ожидала от вас, — повторила она.

Лингард сделал два быстрых гребка и мягко спросил:

— А что еще вы ожидаете от меня?

— Всего.

Лингард огибал в это время корму брига и должен был осматриваться по сторонам. Затем он повернулся к ней.

— И вы мне верите! — воскликнул он.

— Мне хотелось бы вам верить, потому что...

Над их головой чей-то голос вскричал по-малайски:

— Капитан едет.

Звуки незнакомого языка прервали слова м-с Треверс. Лингард сложил весла, и они подехали к высокому борту брига. Совсем близко показалось чье-то пристально глядевшее лицо, и черные пальцы ухватились за край лодки. М-с Треверс встала, качаясь.

— Осторожнее, — опять сказал Лингард, но на этот раз, в свете фонарей, почему-то не предложил ей помощи. Она взошла по трапу одна, и Лингард последовал за нею.

Шканцы кишели людьми двух рас. Лингард и м-с Треверс быстро пересекли палубу, проходя

между расступавшимися группами. Лингард распахнул дверь каюты, но сам остался на палубе, чтобы расспросить на счет своих лодок.

Они вернулись, пока он был на яхте, и ездившие с ними два матроса пришли с докладом. Лодка, посланная на север, ничего не видела. Лодка, посланная на юг для осмотра островков, доехала почти до прау Дамана. На берегу горело несколько костров, а экипаж обоих прау расположился лагерем на песчаной косе. Воины варили пищу. Лодка под'ехала так близко, что слышны были голоса. На краю косы стоял часовой, время от времени перекликавшийся с сидящими у костров воинами. Лингард поинтересовался, как им удалось остаться незамеченными.

— Нас укрывала ночь, — отвечал матрос своим глухим, рычащим голосом. Он не мог сказать, есть ли в лагере Дамана белые люди. Зачем бы им там быть? Потом неожиданно у их лодки появился челнок раджи и его сестры. Раджа Хассим шепотом приказал им сейчас же ехать на бриг и сообщить Туану, что они видели. Он сказал также, что скоро приедет сам и привезет новости. Они повиновались, ибо раджа, как мы все знаем, вполне осведомлен насчет планов Туана.

— Довольно, — вдруг воскликнул Лингард.

Матрос с минуту смотрел на него и потом отошел, не говоря ни слова. Лингард сердито глядел ему вслед. В мире появилась какая-то новая сила, завладевшая человеческой речью, сообщавшая ей иронию, вставлявшая мрачные намеки. Слова матроса насчет человека, «вполне осведомленного о его планах», взволновали Лингарда и заставили его нахмуриться. Он понял, что теперь он и сам

не уверен в своих планах и вряд ли когда-нибудь обретет свою прежнюю уверенность. Новая сила опутала своими чарами не только слова говоривших с ним, но и события, и окружающих его людей, и руководившие им мысли, и владевшие им чувства. Все они оставались тем же, чем были, — внешней поверхностью жизни, на которой свободная, побеждающая воля человека пролагала свой путь. Еще вчера всех их можно было легко различать, побеждать и презирать; но теперь другая сила, пришедшая в мир, погрузила их во мрак, подчинила какой-то темной, неисповедимой цели.

II

С некоторым усилием овладев собой, Лингард приказал погасить на бриге все огни. Теперь, когда экипаж яхты был весь перевезен, темнота представлялась во всех отношениях полезной. Приказ свой Лингард отдал инстинктивно, так как чувствовал, что при данных обстоятельствах это была наиболее целесообразная мера. Мысли его были прикованы к каюте брига, где дожидалась женщина. Он провел рукой по глазам, как бы готовясь к могучему душевному усилию. Вокруг него раздавались возбужденные голоса белых, которых еще утром он так страстно хотел перетащить к себе. Сейчас они были у него; но случай, неудача, дурацкое упорство, разрушили его планы. Ему надо пойти переговорить с м-с Треверс. Эта перспектива смущала его. Он не принадлежал к числу людей, умеющих излагать свои мысли. Высказаться на-чистоту было для него

гигантской задачей, требующей отчаянных усилий. «Я должен переговорить с ней на-чистоту», прошептал он про себя. Он не был уверен ни в себе, ни в ней. Он не был уверен ни в ком и ни в чем; но он отчетливо сознавал, что ему хочется взглянуть на нее.

Когда он направился к двери каюты, оба факела погасли, и черный свод ночи, отдаваемый до сих пор огнями, упал вниз и окутал тьмой всю палубу. Послышался тревожный гул голосов.

— Алло! — окликали друг друга приехавшие матросы. — Ни зги не видать. — Ну, а теперь что будет? — настойчиво спрашивал чей-то голос. — Надо еще чего-нибудь ждать.

Лингард, уже подошедший к двери каюты, остановился и слушал, точно дожидаясь, что ему подскажут удачную мысль.

— Чем ты недоволен? Ты лучше благодари судьбу, — говорил кто-то. — Да, на сегодняшнюю ночь все это очень хорошо, — начал голос.

— Ну и чего же ворчать? — убеждал другой. — Бог даст, все доберемся домой. — Я в этом не очень-то уверен. Второй помощник говорит... — Мало ли что он там говорит. Капитан этого брига нас выручит. Жена хозяина с ним поговорит, а деньги, ты знаешь — все.

Голоса приближались и раздавались ясно, совсем близко от Лингарда.

— Ну, а если эти дикари подожгут яхту? Им ведь никто не может помешать. — Ну, и пусть поджигают. Мы сможем уехать и на этом бриге. Бриг хороший: есть и пушки, и все. Домой на нем вполне доберемся. А ты что скажешь, Джон?

— Ничего не скажу. Мне все равно, — отозвался третий голос, тихий и спокойный.

— Значит тебе все равно — ко дну ли итти, или домой ехать? Не ври, пожалуйста!

— По-моему мы все рано или поздно пойдем ко дну. А как — это неважно.

— Уф! Ты бы и на клоуна в цирке и то тоску нагнал. Что скажет моя миссис, если я не вернусь?

— Выйдет замуж за другого — вот и все. Дураков много.

В наступившем молчании раздался спокойный, невеселый смех. Лингард, держась за ручку двери, стоял на месте. Кто-то заворчал:

— Я терпеть не могу, когда меня ночью перевозят на чужой корабль. Где у них тут пресная вода? У этих глупых негров ничего толком не разберешь. На нас тут смотрят, как на скот. Видно, нам долго придется валяться на этой палубе.

Первый голос неподалеку от Лингарда осторожно заговорил:

— Довольно странно, что этот бриг пришел сюда неожиданно нежданно. И капитан его — что это за птица?

— Это один из тех шкиперов, что шатаются всюду, куда придется. Бриг, кажется, принадлежит ему. Он ездит и глядит, не подвернется ли что под руку. Мой шуринок много лет служил на военном судне в этих морях и порассказал мне, какие вещи творятся в этих проклятых местах. Может быть, он и врал. Ведь матросы военных судов любят рассказывать небылицы. А на этого шкипера мне наплевать. Пусть себе делает, что хочет, а нам думать о нем нечего. Когда мы отсюда выберемся, мы его наверное ни разу и не увидим.

— А сможет ли, он помочь хозяину? — опять спросил первый голос.

— Не знаю, сможет ли он, но что мы ничего не можем сделать, это я знаю. Может быть, хозяин сейчас уже валяется где-нибудь с раздробленной башкой. Говорят, здешние дикари на этот счет мастера. А мне хозяина жаль.

— Конечно, жаль, — одобчительно подхватил другой.

— Может быть, он не приготовился к смерти, бедняга, — начал опять рассудительный голос. Послышался вздох.

— Если для него можно что-нибудь сделать, его жена все наладит с этим шкипером. С божьей помощью, он, может быть, ей и окажет услугу.

Лингард повернул дверную ручку, вошел и захлопнул за собою дверь.

— Я к вашим услугам, — проговорил он после некоторого молчания, устремив взгляд на м-с Треверс.

Висячая лампа ярко освещала каюту. М-с Треверс сбросила капюшон. Свет, заливавший маленькое помещение, окутывал ее, прижимался к ней, словно являясь частью ее самой. На ее лице не было тени: сверкающее, непроницаемое, оно было как бы заперто на замок от всех внешних впечатлений.

В бессознательном восторге Лингард смотрел на это видение, такое поражающее, такое непонятное, словно вдруг пришедшее в его жизнь из каких-то неведомых миров. Нельзя было угадать ее мысли, узнать ее чувства, понять ее горе и радости. Но она знала все, что было у него на сердце. Он сам все рассказал ей, побуждаемый

внезапным порывом, полный отчаяния, нелепой надежды, непостижимого доверия. Он сказал то, чего никому не говорил на земле; только самому себе он, может быть, неразговаривал об этом, но менее ясно, без слов. Он говорил ей, а она молча слушала. Она слушала, склоняясь через поручень, пока наконец ее дыхание не коснулось его лба. Лингард вспомнил все это и испытал на минуту чувство гордого полета и невыразимой печали. Он сделал над собою усилие и снова заговорил.

— Вы слышали, что я сказал? Вот я здесь, пришел.

— А каких слов вы от меня ждете? — спросила она. — Разве нужно и разве можно что-нибудь сказать?

— Нет, — отвечал он. — Главное уже сказано. Я знаю, чего вы от меня ждете. Вы ждете всего.

— Да, всего, — повторила она, помолчала и тихо прибавила: — и это самое меньшее.

Лингард задумался.

— Удивительно, до чего я не люблю этого человека, — размышлял он вполголоса.

— Вспомните, что эти двое людей ни в чем не виноваты, — начала м-с Треверс, немного наклонившись вперед.

— Я тоже не виноват. Да и вообще во всем мире никто не виноват. Видали вы когда-нибудь виноватого мужчину или виноватую женщину? И все-таки им приходится нести свою судьбу.

— Я надеюсь на ваше благородство, — сказала м-с Треверс.

— В отношении вас?

— Ну, хотя бы в отношении меня. Да, если хотите — только в отношении меня.

— Только в отношении вас! Но ведь вы все знаете! — Голос Лингарда упал. — Вы хотите себе счастья.

Она сделала нетерпеливое движение, и рука ее, лежащая на столе, конвульсивно сжалась.

— Я хочу, чтобы мне вернули мужа, — резко проговорила она.

— Да, да. Я именно это и хотел сказать, — пробормотал Лингард со странной мягкостью.

М-с Треверс пытливо взглянула на него. Его душевная простота, его могучая фигура невольно покоряли. Он не был посредственным человеком. Все, что угодно, но только не посредственным человеком. Очарование беззаконности окутывало его всего, подобно небу, окутывающему безграничный океан. Он был одинок, опасен, романтичен. В нем таились преступления, самозабвение, нежность, преданность, и безумное увлечение идеей. Ей пришло в голову, что из всех людей этого одного она знает лучше всех и в то же время не могла бы угадать, что он сделает или скажет через минуту.

— Вы подарили мне ваше доверие, — отчетливо проговорила м-с Треверс — Теперь я хочу, чтобы вы дали мне жизнь этих двух людей, которых вы не знаете, которых вы забудете завтра. Это можно сделать, и это должно сделать. Вы не можете отказать мне в этом. — Она ждала.

— Почему я не могу отказать? — мрачно прошептал Лингард, не глядя на нее.

— И вы еще спрашиваете! — воскликнула она.

Лингард не произнес ни звука. Он, повидимому, не находил слов.

— И вы еще спрашиваете! Ах! Разве вы не видите, что у меня нет царства, которое я могла бы завоевать?

III

Легкое изменение в лице, почти сейчас же исчезнувшее, показывало, что Лингард услышал этот страстный крик, вырвавшийся у нее под влиянием душевной муки. Он попрежнему не говорил ни слова. М-с Треверс ясно сознавала всю трудность положения, сложного не только по внешней обстановке, но и по чувствам, им вызываемым.

Минутами ей думалось, что это только сказка; и она казалась себе самой какой-то женщиной из баллады, просящей о даровании жизни невинным пленникам.

Спасти жизнь м-ра Треверса и м-ра д'Алькасера было больше, чем долг — это была необходимость, повелительная потребность, непреодолимое веление. И, однако, чтобы почувствовать к ним жалость, ей приходилось думать об ужасах жестокой и безвестной смерти, между тем, как при одном взгляде на Лингарда, сердце сжималось мучительным сочувствием. Те были жалки, а он, жертва своих собственных необыкновенных порывов, казался трагическим, чарующим и вместе с тем виновным.

Лингард поднял голову. За дверью послышался шопот, и в каюту вошли Хассим и Иммада.

М-с Треверс взглянула на Лингарда, потому что из всех лиц в каюте только его лицо было понятно ей.

Хассим сейчас же начал говорить. Когда он кончил, Иммада глубоко вздохнула, и воцарилось молчание. Лингард обратился к м-с Треверс.

— Джентльмены живы. Раджа Хассим — вот этот — видел их всего два часа тому назад. Их видел и девушка. Пока что, они здоровы и невредимы. А теперь...

Он не закончил. М-с Треверс, опершись на локоть, поднесла руку к глазам.

— Вы должны ненавидеть нас, — сказала она.

— Вас! — М-с Треверс показалось, что в тоне его зазвучала нота презрения. — Я ненавижу самого себя.

— За что? — чуть слышно спросила она.

— За то, что я сам себя не понимаю. За то, что я не понимаю, что такое нашло на меня с того утра. Тогда я был взбешен... Только взбешен.

— А теперь?

— Теперь я... несчастен, — отвечал он.

Наступила пауза. М-с Треверс с удивлением заметила, что этот человек проник в самые скрытые тайники ее сострадания. Вдруг Лингард сильно ударил кулаком по столу, так что тяжелые мушкетеры задрожали на своих ремнях.

Хассим что-то сказал серьезным тоном. Иммада издала стон.

— Я верила вам еще до того... до того, как вы доверились мне, — начала м-с Треверс. — Вы это могли сами заметить. Не правда ли?

Лингард пристально взглянул на нее.

— Вы не первый человек, который мне верит, — сказал он.

Хассим, опираясь спиной о запертую дверь, внимательно наблюдал за Лингардом, а темные

и грустные глаза Иммады впились в лицо белой женщины. М-с Треверс чувствовала, что она вступила в единоборство с ними, что она оспаривает у них силу и преданность этого человека. Взглянув на Лингарда, она увидела в его чертах не бесстрашие, не увлечение, не строгость вождя, не бесжалостность мечтателя, а только блаженное самозабвение. Он как-будто наслаждался каким-то глубоким и совершенно новым для него ощущением.

И вдруг, посредине своего призыва к его великодушию, посредине фразы м-с Треверс запнулась, заметив, что предметом его восторженного созерцания была она.

— Не смотри на нее! — воскликнула Иммада. — О господин, отвернись от этой женщины! — Хассим обхватил рукой шею девушки. Ее голос стал глуше. — Смотри на нас, господин!

Хассим притянул Иммаду к себе и прикрыл ее рот рукой. Иммада сначала немного отбивалась, точно пойманная птичка, а потом утихла и положила голову брату на плечо, беззвучно рыдая.

— Что они говорят? — спросила м-с Треверс со слабой и тревожной улыбкой. — Что они могут говорить? Невыносимо думать, что их слова, которые для меня лишены смысла, может быть, прямо доходят до вашего сердца...

— Отвернись от этой женщины, — прошептал Лингард, не шевелясь.

М-с Треверс вздохнула.

— Да, тяжело думать, что меня, которая хочет вас тронуть, вы понимаете хуже, чем их. И, однако, я говорю на языке вашего детства. На этом же языке говорит тот человек — пленник,

которому не откуда ждать помощи, кроме как от вас его благородства.

Лингард покачал головой. М-с Треверс с тревогой посмотрела на него.

— Тогда от ваших воспоминаний, — сказала она и была поражена выражением глубокой печали на его лице.

— Воспоминаний? — воскликнул он. — Вы хотите их знать?

Она слушала, слегка, раскрыв губы.

— Я вам скажу.

— Бедность, тяжелый труд и смерть, — продолжал он очень спокойно. — Вот, я вам сказал, а вы не понимаете. Так оно и есть между нами. Вы говорите мне, я говорю вам, и мы не понимаем.

М-с Треверс опустила глаза.

— Что мне вам сказать, — проговорила она. — Что мне делать? Я не могу сдать. Подумайте! Неужели в вашей памяти не осталось ни одного лица, ни одного голоса, ни одного имени? Неужели там нет ничего, кроме озлобленности?

— Озлобленности там нет, — пробормотал он.

— Брат, у меня сердце замирает от страха, — шептала Иммада.

Лингард, услышав ее шопот, быстро обернулся.

— В таком случае, их надо спасти! — воскликнула м-с Треверс. — О, я знала...

— Успокой свой страх, потерпи, — бросил Хассим своей сестре.

— Их надо спасти. Вы этого хотите? — вдруг громко произнес Лингард.

Он испытывал чувство, какое бывает у пловца, делающего последнее сверхчеловеческое усилие,

чтобы достичь берега, и вдруг замечающего, что подводным течением его уносит обратно в море. Ну, что же, он отдастся во власть этого таинственного потока. Он поплывет быстро, и увидит конец, блаженное и страшное завершение жизни...

К этому восторженному состоянию, которое у него почему-то всегда сопутствовало удаче, примешивалось упорство. Он не мог отказаться от своих планов, лелеяемых целые годы и ставших мечтой его жизни; существовать без них для него было так же невозможно, как жить без сердца. Лингард твердо держался за свое предприятие, сделавшее его, как он думал, тем, чем он был.

Он обдумывал предстоящую ему задачу смело и хладнокровно, уверенный в своей силе. Ему надо было спасти не этих двух людей, а себя самого. Когда он смотрел на положение с этой точки зрения, оно уже не казалось запутанным.

Хассим рассказал ему, что оба белых были отведены в лагерь Дамана. Молодой раджа оставил свою сестру в челноке, вышел на берег и пополз к самому краю того освещенного пространства, где горели костры илланунов. Даман сидел отдельно у большого костра.

Около песчаной косы на мелком месте стояли два прау; по краю косы расхаживал часовой, следивший за огнями брига. Воины в лагере оживленно шептались. Хассим вернулся к своему челноку. Затем он и Иммада осторожно проехали мимо прау, с которых доносились женские голоса, и приблизились к другому концу лагеря. На воду падал свет больших костров, и пришлось ехать тихо и все время держаться в отдалении. Потом Хассим опять вышел на берег и пополз к кострам.

По обычаю илланунов, во время военной экспедиции у каждого прау имелся небольшой челнок. Эти челноки, легкие и подвижные, были теперь вытащены на песок, неподалеку от главного костра, и отбрасывали от себя густые тени. Хассим подполз к более крупному из них, встал на цыпочки, и из-за его бортов принялся осматривать лагерь. Смутный говор людей напоминал жужжание насекомых в лесу. На одном из прау плакал ребенок, и женщина стала кого-то сердито звать с берега. Хассим обнажил свой крисс и держал его наготове.

— Вскоре, — продолжал он, — среди костров показалось двое белых. Они размахивали руками и что-то говорили, время от времени останавливаясь. Они подошли к Даману, и короткий человек, с волосами на лице, долго и серьезно что-то толковал ему, а Даман, скрестив ноги, сидел на коврике с кораном на коленях, покачиваясь из стороны в сторону, и читал нараспев священные стихи.

Илланунские вожди, которые до сих пор лежали на земле, закутанные в плащи, приподнялись и стали смотреть на белых. Кончив говорить, низенький человек посмотрел на них и топнул ногой. Он, должно быть, сердился, что его никто не понимает. Потом он вдруг опечалился и закрыл лицо руками. Высокий человек положил ему руку на плечо и что-то шепнул на ухо. Сухие поленья костров потрескивали, и иллануны тут же спали, варили пищу, разговаривали, но все время держали оружие подле себя. Двое вооруженных подошли к пленникам, посмотрели на них и вернулись к своим кострам. Белые опу-

стились на землю против Дамана. Их платье было испачкано, и в волосах у них был песок. Высокий человек потерял шляпу; стекло в глазу низенького человека очень сильно сверкало, спина его была в грязи, а один рукав разорван до локтя.

Все это Хассим рассмотрел и потом незаметно вернулся к той части берега, где Иммада дожидалась его в лодке. Иллануны, уверенные, что с моря им нечего опасаться, очень плохо сторожили пленников, и если бы только Хассим мог поговорить с пленниками, их наверное было бы легко увести. Но они не поняли бы ни его слов, ни его знаков. Хассим посоветовался с сестрой. Иммада что-то печально шепнула; у их ног прибой плескал не громче, чем их голоса.

Верность Хассима была непреклонной, но теперь вместо бодрящей надежды им все больше и больше овладевало сомнение. Он хотел добыть сведения для своего друга, который так могуществен и который, должно быть, сумеет быть постоянным. Когда, в сопровождении Иммады, он опять приблизился к лагерю, на этот раз открыто, — их появление не вызвало особого удивления. Вожди илланунов отлично знали, что раджа, за которого, с помощью бога, они должны были сражаться, находится на отмелях в ожидании приезда белого человека, — человека с большими богатствами и со многим оружием, служившего ему. Даман, один понимавший истинное положение вещей, невозмутимо приветствовал их. Хассим сел на ковре справа от него, и началось совещание. Оно велось вполголоса, короткими и внешне небрежными фразами, с долгими безмолвными промежутками. Иммада прижалась

к брату и, опершись рукой о его плечо, внимательно и спокойно слушала, как и подобает ваджской принцессе, привыкшей совещаться с воинами и приближенными в минуты опасности и в часы важных решений. Сердце ее быстро билось. Белые люди молча смотрели на эти два знакомые лица, словно через пропасть. Четыре илланунских вождя сидели один подле другого. Плащи упали с их плеч и лежали за ними на песке; перед ними были воткнуты четыре длинные пики, на которых висели небольшие продолговатые щиты с резьбой по краям, окрашенные в темно-пурпуровый цвет. Даман протянул руку и указал на пленников. Лица белых людей были очень спокойны. Даман смотрел на них молча и возбужденно, как смотрят люди, волнуемые сильной страстью.

Коран в шелковом переплете на красном шнурке висел у него на сердце. Как раз под кораном, из-под складки саронга высывалась рукоятка крисса, сделанная из простого рога. Сгущавшиеся облака тяжелой и темной массой висели над огнями костров.

— Между мной и белыми кровь, — с жаром проговорил Даман.

Илланунские вожди оставались бесстрастными. Кровь была между ними и всем человечеством. Хассим спокойно заметил, что есть один белый, с которым бы следовало дружить; впрочем, Даман, кажется, его друг. Даман улыбнулся, полукрыв глаза. Да, он друг белого человека, но не раб его. Иллануны, играя рукоятками мечей, вполголоса выразили свое одобрение. — И зачем эти белые заехали так далеко от своей земли? —

продолжал Даман. — Великий белый человек, которого все здесь знают, не нуждается в них. Они никому не нужны. По стопам их идут несчастья. Они похожи на людей, которых правители посылают на разведки в далекие страны говорить о мире и заключать договоры. А это всегда — начало великих скорбей. Иллануны находятся далеко от своей родины, куда белые не осмеливаются заглядывать, и потому в открытом море они могут воевать, с кем угодно. Эти люди приехали что-то высматривать. Но что им тут высматривать? Разве в их собственной стране не на что смотреть?

Даман говорил тихим и насмешливым тоном. Груды тлеющих углей постепенно темнели; костер, горевший перед вождем, опал и в конце речи Дамана стал гаснуть. На берегу бухты подымались, двигались и шептались стройные фигуры. Там и сям над черными головами поблескивали красными отблесками острия пик.

— Иллануны ищут на море добычу, — закончил Даман. — Этим занимались их отцы и отцы их отцов, ибо они были бесстрашны и привыкли смотреть смерти в лицо, — послышался тихий смех. — Мы бьем и идем дальше, — сказал чей-то ликующий голос. — Мы живем и умираем с оружием в руках.

Иллануны вскочили. Они топали по земле ногами и размахивали обнаженными мечами над головой пленников. Начался крик. Когда волнение немного улеглось, Даман поднялся, в своем плаще, закрывавшем его до ног, и опять заговорил, высказывая свое мнение. Белые люди сидели на песке и поворачивали глаза от лица к лицу.

словно стараясь понять. В конце концов решили отправить пленников в лагуну и передать их судьбу на усмотрение властителя этой страны. Иллануны хотели только разграбить яхту. Им не было дела до того, что станет с белыми людьми.

— Но Даману это не все равно, — прибавил Хассим. — Далеко не все равно, Туан.

Хассим узнал также, что в поселке волнение, точно накануне войны.

Белараб со своими воинами расположился лагерем у могилы отца, в низине, что лежит далеко за полями. Ограда его была заперта, и на верандах расположенных в ней домов никто не появлялся. Только подымавшийся на них дым показывал, что там живут люди. Сторонники Тенги расхаживали по поселку и всячески задирали мирных жителей. Народом овладело великое безумие, такое же сильное, как любовь, как пыл битвы, как желание пролить кровь. И на всех напал страх. Большой дым, который подымался сегодня утром над прибрежными лесами, очевидно, был сигналом Тенги Даману, но что он значил, Хассим не мог узнать. Хассим боялся за Иоргенсона. Пока одну из лодок готовили к отправке пленников на лагуну, он и его сестра тихонько ушли из лагеря и уехали в своем челноке. Отсвет огней брига на облаках указывал им путь через отмели. Но не успели они проехать и полпути, как огни погасли и мрак стал еще гуще, чем раньше.

— Но мрак этот не больше, чем мрак, окутывающий его ум, — прибавил Хассим. Он глядел на белых, спокойно и молча сидевших под

остриями мечей; глядел на Дамана и слушал его гневные слова; теперь он смотрел на своего белого друга — и не понимает, чем все это кончится. Можно видеть лица людей, но видеть их судьбы, начертанные на их челе, никому не дано. Больше ему сказать нечего, и все, что он говорил — до последнего слова правда.

IV

Лингард все это повторил м-с Треверс. Ее мужество, ее рассудительность, быстрота ее соображения, цвет ее глаз, бесстрашие взгляда, — все это вызывало в нем восхищение и энтузиазм. Она поддерживала его. С каждой минутой эта роковая иллюзия все крепче облежала его душу, словно одежда, сотканная из света, словно оружие, выкованное из огня.

Он не хотел смотреть в лицо действительности. Вся его жизнь вплоть до этого дня была борьбой с событиями ясными и понятными. Но теперь он не мог трезво взглянуть на свое положение.

М-с Треверс, подождав немного, спросила, какое значение имеют вести, принесенные Хассимом, и только этот вопрос заставил работать остановившуюся мысль Лингарда.

Лингард несколько не сомневался, что Даман намеренно дал ему возможность узнать о судьбе пленников. Вот почему Даман приветливо встретил Хассима, дал ему выслушать решение и позволил ему уйти из лагеря. Во всем этом была одна цель: дать понять Лингарду, что ему нельзя добираться до пленников, пока он будет оставаться

на бриге. А бриг — это его сила. Удалить его с брига — все равно, что обезоружить его.

— Вы меня понимаете, м-с Треверс? — спросил Лингард. — Они боятся меня потому, что я умею драться на этом бриге. Они боятся брига потому, что, когда я на нем, бриг и я — одно. Вооруженный человек, так сказать. Без брига я безоружен, без меня он безвреден. Так по крайней мере думает Даман. Он знает не все, но он недалек от истины. Он думает, что если я посажу людей на лодки и поеду за белыми, в лагуну, его иллануны наверное захватят их яхту, а может быть и бриг. А если я останусь на бриге, он задержит белых у себя и сможет поставить любые условия. Белараб несомненно верит мне, но Даман не верит ни одному человеку на земле. Он просто не понимает, как можно доверять кому бы то ни было, потому что сам он только и делает, что строит кому-нибудь козни. Он приехал мне на помощь, а как только увидел, что меня нет, начал интриговать вместе с Тенгой.

— Даман сделал теперь ловкий ход — гораздо более ловкий, чем сам он думает. Почему? Я вам скажу, почему. Потому что у меня. Тома Лингарда, нет на бриге ни одного белого, которому я мог бы довериться. Ни одного. Вся ваша команда так же думает. Ваша яхта меня точно сглазила. Мне не верит никто. Господи боже! До чего я дожил! Даже эти двое — посмотрите на них! — я говорю вам, посмотрите на них! Клянусь небом, они сомневаются во мне! Во мне!

Он указал на Хассима и Иммаду. Девушка казалась испуганной. Хассим смотрел спокойно

и умно, с бесконечным терпением. Голос Лингарда вдруг упал:

— И, ей богу, они, может быть, правы! Кто знает? Вы? Вы знаете? Они ждали годы! Смотрите. Они ждут с тяжелым сердцем. Вы думаете, мне все равно? Может быть, мне надо было скрыть все, никому не говорить — никому! — даже вам! Может быть, они ждут того, чего никогда уже не будет?

М-с Треверс встала с места и быстро обошла кругом стола.

— Но, может быть, надо дать что-нибудь этому Даману или остальным? — спросила она. — Мы могли бы дать им больше, чем они ожидают. Я и мой муж...

— Не говорите мне о вашем муже, — грубо перебил Лингард. — Вы не знаете, что делаете. — Она встретила темный гнев его взгляда.

— Но я должна, — с жаром настаивала она.

— Должна, — сказал он задумчиво; он заметил, что она только на полголовы ниже его ростом.

— Должны! О, да! Конечно, вы должны. Должны! Да. Но я не желаю слушать! Дать! Что вы можете дать? Пусть у вас все сокровища мира. Нет! Вы ничего не можете дать...

— Я думала о ваших интересах, когда говорила, — прервала его м-с Треверс.

Глаза его опустились вниз, скользя вдоль линии ее плеч.

— Обо мне! — повторил он.

Они говорили почти шопотом. На палубе над их головой раздались медленные шаги. Лингард повернулся к подъемному окну.

— Эй, кто там! Есть ветер?

С минуту все было тихо. Затем кто-то спокойно отвечал:

— Небольшой ветер с севера. — После короткой паузы голос прибавил: — Темно, хоть глаз выколи.

— Да, темно, — пробормотал Лингард. Он чувствовал, что должен что-то сделать. Сейчас. Немедленно. Мир ждет. Мир, полный страха и надежд. Но что же делать? Вместо того, чтобы ответить себе на этот вопрос, Лингард смотрел на матовые косы м-с Треверс и с любопытством созерцал локоны у ее шеи. Но что же делать? Ведь бриг оставить не на кого.

Отвечавший ему голос принадлежал Картеру.

— Вот видите, он следит за мной, — сказал Лингард.

М-с Треверс покачала головой и попыталась улыбнуться. Стоявший на верху человек кашлянул.

— Нет, — продолжал Лингард, — вы должны понять, что вы не можете ничего дать.

Человек, повидимому, оставшийся у окна, спокойно сказал:

— Если я вам понадобится, м-с Треверс, я тут.

Хассим и Иммада взглянули вверх.

— Ну, вот видите, — воскликнул Лингард. — Я вам говорил, что он следит за мной. На моем же судне... Право, даже не верится

— Велите ему сойти вниз, — сказал он, помолчав.

М-с Треверс позвала Картера, и голос ее показался Лингарду и очень нежным и очень повелительным.

— Этот бриг я люблю больше всего на свете, — продолжал он. — Больше всего на свете. Если бы я его потерял, мне негде было бы стать на земле. Но вы этого не понимаете, не можете понять.

Картер вошел и тщательно запер за собой дверь. Он спокойно оглядел присутствующих.

— Все спокойно? — спросил Лингард.

— Спокойно, если угодно, — ответил он. — Но стоит вам высунуть голову за дверь, чтобы услышать, как все они на шканцах храпят вповалку, словно дома нет жен, а на море пиратов.

— Послушайте, — сказал Лингард. — Я только что узнал, что не могу положиться на своего помощника.

— Вот как? — протянул Картер. — Я не очень этому удивляюсь. Он, правда, не храпит, но это, вероятно, потому, что он слишком глуп, чтобы спать. Он только что сейчас подстерг меня на корме и сказал что-то вроде того, что дурное общество портит хорошие манеры. Кажется, я это уже где-то слышал, но сейчас это как-будто не к месту. И, кроме того, пытался дать мне понять, что, если сам он не испорчен, то это не ваша вина. Как будто мне есть дело до этого! Он так же глуп, как толст. А может быть, притворяется.

Картер засмеялся и прислонился к дверному косяку. Лингард посмотрел на женщину, которая так много ожидала от него, и в свете, который словно исходил от нее, ему показалось, что он, во главе вооруженных лодок, атакует поселок Белараба. Он мог сжечь поселение до тла и всех их, до единого, угнать в леса. Да, он мог. Он испытывал внезапно удивление и смутный ужас

при мысли о разрушительной мощи своей собственной воли. Он мог отдать ей массу жизней. Он только вчера увидел ее, а между тем ему казалось, что всю свою жизнь он только дожидался ее знака.

М-с Треверс сидела молча. Лингард стал обдумывать план атаки.

Он видел пламя, дым, а затем самого себе, — одного, среди бесформенных развалин, на берегу шепчущего и вздымающего моря. Он вздрогнул и махнул рукой.

— Нет, я не могу отдать вам все эти жизни, — воскликнул он.

И прежде чем м-с Треверс могла понять значение этих слов, он объяснил ей, что для спасения пленников ему придется идти одному на берег. Он не может пустить в ход силу оружия.

— Вы понимаете, почему, — добавил он.

— Да, — слабо отозвалась м-с Треверс.

Он сам должен рискнуть. Если только Белараб поймет свои настоящие интересы, все будет хорошо.

— Только мне до него добраться, а там я его уже уговорю, — размышлял он вслух, — ведь эти два года он держался у власти только благодаря мне. И он это знает и чувствует. Только вот допустят ли меня до Белараба?

Лингард задумался.

— Не посмеет, — вдруг воскликнул он.

М-с Треверс слушала, полуоткрыв рот.

Картер не двинул ни одним мускулом своего юного, спокойного лица. Только когда Лингард подошел к нему вплотную и, сверкнув глазами, тихо спросил: — Могли бы вы сражаться на этом

бриге? — нечто вроде улыбки заиграло у его светлых усов.

— Во всяком случае, я могу попытаться, — отвечал он и едва слышно прибавил: — Конечно, только ради вот этой лэди.

Лингард покачнулся, словно его ударили в грудь.

— Я имел в виду бриг,* — сказал он тихо.

— М-с Треверс будет на бриге, — возразил Картер.

— Как? Ну, да, конечно на бриге. Где же еще? — пробормотал Лингард.

Картер посмотрел на него с изумлением. —

— Сражаться, говорите вы? — медленно сказал он. — Ну, что же, испытайте меня.

— Хорошо, — отвечал Лингард.

Он вышел из каюты и позвал: — Серанг!

Тонкий, надтреснутый голос тотчас же откликнулся: — Туан! — и дверь захлопнулась.

— Вы верите ему, миссис Треверс? — быстро спросил Картер.

— А вы нет? Почему? — ответила она.

— Я не могу его понять. Будь это другой человек, я сказал бы, что он пьян, — произнес Картер. — Зачем он вообще здесь, — он и его бриг? Простите мою смелость, но — вы пообещали ему что-нибудь?

— Да, — пообещала! — воскликнула миссис Треверс с горечью, так удивившей Картера, что он с минуту хранил молчание.

— Тем лучше, — сказал он наконец. — Пусть он покажет, что может сделать, и тогда...

— Вот, возьмите это, — сказал Лингард, входя и что-то ощупывая у себя на шее.

Картер машинально протянул руку.

— Для чего это? — спросил он, смотря на маленький медный ключик, привязанный на тонкой цепочке.

— Это от порохового склада. Откидной трап тут, под столом. Человек, у которого этот ключ, командует бригам, пока меня нет. Серанг понимает. Жизнь брига теперь в ваших руках.

Картер посмотрел на лежавший в его ладони ключик.

— Я сейчас говорил м-с Треверс, что я не могу вполне доверять вам.

— Я знаю, — презрительно перебил Лингард. — Вы ведь до сих пор носите в кармане свой дурацкий пистолет, чтобы вышибить у меня мозги. Мне какое дело? Я думаю о брига. Мне кажется, я не ошибаюсь в вас. Вы подойдете.

— Что же, может быть, — скромно пробормотал Картер.

— Не поступайте опрометчиво, — тревожно говорил Лингард. — Если вам придется драться, действуйте и руками, и головой. Если есть ветер, деритесь на ходу. Если они попытаются атаковать в штить, старайтесь задержать их ружейным огнем. Соображайте и... — Он пристально посмотрел Картеру в глаза; его губы беззвучно шевелились, словно он вдруг онемел. — Обо мне не думайте. Что вам за дело, кто я такой? Думайте о корабле! — воскликнул он. — Не погубите его! Не погубите его!

Страстность его голоса поразила слушателей; некоторое время они хранили глубокое молчание.

— Хорошо, — согласился наконец Картер. — Я буду заботиться о вашем брига, как о моем

собственном. Но мне хотелось бы знать, в чем тут дело? Послушайте, вы куда-то уезжаете? И один?

— Да, один.

— Хорошо. Но имейте в виду, что если вы сюда вернетесь с толпой ваших черномазых друзей, клянусь небом, я не подпущу вас к вашему брига и на расстояние голоса. Ну, что же, оставляете вы мне теперь ключ?

— Капитан Лингард, — вмешалась вдруг миссис Треверс. — Не лучше ли было бы рассказать ему все?

— Рассказать ему все? — повторил Лингард. — Все! Еще вчера это можно было бы сделать. Еще вчера. Какое там вчера! Шесть часов тому назад, шесть часов тому назад я мог бы кое-что ему рассказать. Вы это слышали. А теперь — кончено. Скажите ему. Мне больше нечего рассказывать.

Лингард склонил голову и замолчал. М-с Треверс, собиравшаяся было сделать жест протеста, вдруг уронила руки. Лингард взглянул Картеру в лицо.

— Оставьте ключ у себя, — сказал он спокойно, — а когда наступит время, действуйте. Я вас уполномочиваю.

— Мне все-таки хотелось бы знать, в чем тут дело, — снова пробормотал Картер, — и на сколько дней вы оставляете нас, капитан?

Лингард не отвечал. Картер немного подождал и опять заговорил.

— Вы должны сказать, сэр. Мне это надо знать хоть приблизительно. На два-три дня?

Лингард вздрогнул.

— Дня? — повторил он. — Дня? Вы это хотите знать? Два... три дня... что говорил старик... может быть... навсегда.

Это было сказано так тихо, что слышал только один Картер.

— Что вы говорите? — прошептал он. — Лингард кивнул.

— Дождитесь, пока можете, а потом уходите, — сказал он тем же еле слышным голосом.

— Куда?

— Куда хотите, в ближайший порт, в любой порт.

— Хорошо. Это, по крайней мере, ясно, — с невозмутимым добродушием заметил молодой человек.

— Я иду, Хассим! — начал Лингард, и малаец медленно склонил голову и не поднимал ее, пока Лингард не кончил говорить. Он не выразил ни удивления, ни какого-либо иного чувства, пока Лингард в сжатых и быстрых словах сообщал ему о своем намерении самолично освободить пленников. Когда Лингард закончил словами:

— И ты должен постараться помочь мне в трудную минуту, раджа Хассим, — он взглянул на него и сказал:

— Хорошо. Ты до сих пор ни о чем меня не просил. — Он улыбнулся своему белому другу. Было что-то лукавое в этой улыбке и еще большая твердость в снова замерших губах.

Иммада сделала шаг вперед. В ее черных расширенных глазах, устремленных на Лингарда, был ужас. Дрожащим голосом, который невольно заронил во всех присутствующих смутную тревогу, она воскликнула:

— Он погибнет, Хассим! Он погибнет один!

— Нет, — сказал Хассим. — Сегодня вечером страхи твои так же напрасны, как и утроем. Он не погибнет один.

Ее веки вдруг опустились, и из-под полузакрытых ресниц беззвучно закапали слезы. Лингард нахмурился, и в каждой складке его лба, казалось, зародились мрачные мысли.

— Помни, Хассим, — когда я пообещал вернуть тебе твою страну, ты пообещал мне быть другом каждому белому. Другом каждому белому из моего народа, навеки!

— У меня хорошая память, Туан, — сказал Хассим. — Я еще не стал правителем своей страны, но каждый человек правитель над своим сердцем. Обещания благородного человека живут до тех пор, пока живет он сам.

— Прощайте, — обратился Лингард к миссис Треверс. — Здесь вы будете в безопасности. — Он оглядел всю каюту.

— Я уезжаю, — опять начал он и остановился.

Рука миссис Треверс, слегка опиравшаяся о стол, чуть-чуть задрожала.

— Это ради вас... Да. Только ради вас... И, кажется, не может быть...

Ему казалось, что он прощается со всем миром, что он навеки расстанется с самим собой.

Миссис Треверс не проронила ни звука, но Иммада бросилась между ними и вскричала:

— Ты жестокая женщина! Ты гонишь его оттуда, где его сила. Ты бросаешь безумие в его сердце! О, слепая, безжалостная, бесстыдная!

— Иммада, — раздался спокойный голос Хассима.

Никто не шевелился.

— Что она сказала мне? — пролепетала м-с Треверс, и повторила еще раз глухим голосом: — Что она сказала?

— Простите ей, — сказал Лингард. — Она боится за меня...

— Это по поводу вашего отъезда? — быстро прервала миссис Треверс.

— Да, из-за этого. И вы должны простить ее.

Он отвернулся, словно в смущении, и вдруг его охватило неудержимое желание еще раз взглянуть на эту женщину. В миг разлуки он охватил ее своим взглядом, словно человек, который держит в руках бесценное, оспариваемое другими, сокровище. Легкий румянец, понемногу заливший лицо м-с Треверс, сообщил ее чертам необычайное и странное оживление.

— Вам грозит опасность? — тревожно спросила она.

— Ничего особенного, — с небрежным жестом отвечал Лингард. — Не стоит об этом думать. Я бывал и не в таких переделках.

Он хлопнул в ладоши и ждал, пока за спиной его не растворилась дверь.

— Стюард, пистолеты.

Муллат, в туфлях и в переднике до самого подбородка, бесшумно заскользил по каюте с таким видом, словно для него присутствующие не существовали.

«Почему у меня так болит сердце?» мысленно спрашивала себя м-с Треверс, смотря на недвижимую фигуру Лингарда. И сколько времени будет продолжаться эта ноющая боль? Или это навсегда?..

— Сколько зарядов положить вам, сэр? — спросил стюард, когда Лингард взял у него пистолеты и пробовал курки, положив свежие пистоны.

— На этот раз ничего не надо, стюард.

Муллат подал ему красный шелковый платок, записную книжку, портсигар. Лингард повязал платок вокруг шеи, повидимому, решив одеться так, как он обычно одевался во время экскурсий на берег. Он даже посмотрел, положены ли сигары в портсигар.

— Шляпу, сэр? — спросил мулат.

Лингард нахлобучил шляпу на голову.

— Слушайся эту леди, стюард, пока я не вернусь. Эта каюта ее, слышишь?

Он приготовился итти, но ноги его точно прилипли к полу.

— Я еду с вами, — вдруг объявила м-с Треверс непоколебимо-решительным тоном.

Лингард не взглянул на нее, даже не поднял глаз. Он не сказал ничего. И только после того, как Картер воскликнул: — Это невозможно, м-с Треверс! — Лингард, не двинувшись с места, прошептал про себя: «Конечно».

М-с Треверс натянула на голову капюшон, и лицо ее в рамке черной ткани стало неестественно белым; только фиолетово-синие глаза ее загадочно темнели на этой режущей белизне. Картер порывисто шагнул вперед.

— Вы не знаете этого человека, — почти закричал он.

— Я знаю его, — сказала она и, видя в лице Картера упрек и недоверие, медленно и отчетливо произнесла: — Я уверена, что в его жизни нет ни

одной мысли, ни одного действия, которых бы я не знала.

— Правда, правда! — пробормотал Лингард.

Картер со стоном всплеснул руками.

— Отойдите, — прозвучал над его ухом голос, похожий на ворчание грома, и руку его сжали так, что затрещали кости. Картер вырвался.

— М-с Треверс отойдите! — воскликнул он. Но оба они уже исчезли в открытую дверь, и даже шум их шагов замер в отдалении. Картер дико озирался кругом, словно ища помощи.

— Кто этот человек, стюард? Кто этот сумасшедший дьявол? — спрашивал он вне себя.

Холодный философский тон ответа смутил его.

— Не мое дело об этом беспокоиться, сэр, да, я думаю, и не ваше.

— Как, не мое! — закричал Картер. — Да ведь он увез леди!

Стюард критическим взором окинул лампу и привернул фитиль.

— Вот так, — промямлил он.

— Господи! Но что же мне делать? — продолжал Картер, смотря на Хассима и Иммаду, которые шептались и ответили ему невидящим взглядом.

Он ринулся на палубу. Ночь, точно подстерегавшая, разом ослепила его. Он споткнулся обо что-то мягкое, пихнул ногой что-то твердое и бросился к поручню.

— Вернитесь! — кричал он. — Вернитесь, капитан! М-с Треверс! Или позвольте мне ехать с вами.

Он прислушивался. Свежий ветер обвевал ему щеки. На глазах у него словно лежала черная повязка.

— Уехали... — простонал он, совершенно подавленный, и вдруг услышал издали голос миссис Треверс.

— Защищайте бриг, — донеслось до него. Повелительная грусть, сквозившая в этих словах, раздавшихся из безбрежности темной вселенной, пронзила дрожью все фибры его тела.

— Защищайте, защищайте бриг...

— Не сделаю ни чорта, если вы не вернетесь, — в отчаянии закричал Картер. — М-с Треверс...

— ...как если бы... я сама... была... на бриге... продолжал в восходящей каденции удалявшийся голос, слабый, но чудесно отчетливый и повелительный.

Картер больше не кричал. Сначала он еще пытался различить во тьме очертания лодки, но скоро отказался и отошел от поручня. От тяжести его шагов царивший на палубе тяжелый мрак как-будто заколебался, словно лужа, в которую ступили, поплыл в сторону, стал расслаиваться. Темные пятна отбегали назад и увертывались в сторону, торопливо шаркали голые ноги, слышались замиравшие голоса.

— Малайцы! — проговорил Картер. — Весь бриг на ногах.

С минуту он прислушивался к храпу белых матросов, спавших рядами, головами к корме. У самых его ног завизжала черная собака, привязанная к кольцу, забрякала цепочкой, зацарапала когтями, точно тоскуя в незнакомой обстановке и прося человеческого внимания. Картер нагнулся и почувствовал, что его лизнули в лицо.

— Алло, старина! — Картер, потрепав шерстистые бока, погладил гладкую голову. — Слав-

ный пес, Ровер! Ложись, ну, ложись же, собачка! Ты не понимаешь, куда попал? — Собака присмирела. — Ну, и я тоже не понимаю, — прошептал он.

Таким натурам, как Картер, помогает то, что они терпеть не могут ломать голову над сложными вопросами. Он сказал себе, что скоро все выяснится, и этим положил конец дальнейшим думам. Если бы он был старше, он понял бы, что при данных обстоятельствах он бессилен; но он был слишком молод, чтобы составить себе общую картину, и взглянуть на все со стороны. Все эти непонятные события очень озабочивали его, но ведь, с другой стороны, у него был ключ от порохового склада, да и к Лингарду он чувствовал невольную симпатию. В этом последнем отношении его мнение окончательно установилось, а это значительно облегчало решение, особенно после того мучительного душевного борения, которое он недавно испытывал. Когда он вместе с Шо спустился в каюту, он не мог подавить чувства радости и даже слегка улыбнулся насмешливой улыбкой.

— Уехал, говорите вы? И увез с собой леди? — громко рассуждал Шо, стоя в дверях. — Что же, несколько не удивляюсь. Чего ж иного и ожидать от человека, который оставляет судно на рейде и не только не дает инструкций своему помощнику, но не удостоивает его ни единым словом. Да еще ночью. Это ясно показывает, что это за гусь. Разве так обращаются со старшим помощником? Он, должно быть, взъерепенился из-за маленькой стычки, которая у нас произошла как раз перед вашим приездом. Я отрезал ему правду-матушку... Ну, да все равно. Есть закон, и этого

для меня достаточно. Пока его нет, я здесь капитан. И если в скором времени он не угодит в ту или иную тюрьму ее величества, я вам разрешаю называть меня голландцем. Помните мои слова.

Шо с видом хозяина прошел к столу, сел и медленно, самодержавным оком, оглядел каюту. Вдруг глаза его окаменели от негодования и изумления, и, тыкая своим толстым, трясущимся пальцем, он хрипло воскликнул:

— Негры! В салоне! В салоне!

Казалось, он лишился дара речи. Все время, что он был в каюте, Хассим глядел на него в задумчивом и выжидательном молчании.

— Я этого не допущу, — продолжал он искренним голосом. — Чорт возьми! Я слишком уважаю себя!

Он решительно поднялся с места, и глаза его, преисполненные строгости и важности, чуть не выкатились из орбит.

— Вон отсюда! — заорал он вдруг, делая шаг вперед.

— Что вы такое делаете, мистер? — вмешался стьюард, всовывая голову в дверь. — Это друзья капитана.

— Укажи мне твоих друзей, и я тебе скажу... — начал было Шо наставительно, но вдруг перешел в увещательный тон. — Не суй свою рожу куда не надо, судомой. Они не мои друзья. Я не бродяга. Я знаю, что мне надо. Вон! — зашипел он свирепо.

Хассим быстрым движением ухватился за рукоятку своего крисса.

Шо надул щеки и нахмурился.

— Смотрите, он подденет вас, как поросенка на вертел! — произнес Картер, не двигая ни одним мускулом.

— А вам это будет очень приятно, не так ли? — горько сказал Шо. Равнодушная улыбка Картера совершенно ошеломила его своим ледяным бесстрастием. В примитивной душе помощника капитана расовая гордость сразу сменилась горьким унижением.

— О господи! Что за несчастье? И за что свалилось это на меня? — застонал Шо и, усевшись, охватил свою седую голову обеими руками.

Картер посторонился, чтобы пропустить Иммаду, которая, по знаку брата, направилась к двери. Она на секунду замялась, взглянула на Картера, и вышла. Хассим, готовый к защите, дождался, пока она уйдет. Когда она исчезла за порогом, Хассим выпустил из рук рукоятку крисса, осмотрел всю каюту, как бы желая навек запечатлеть ее в памяти, и бесшумным шагом удалился.

Хассим и Иммада вошли в ту самую тьму, которая несколько минут тому назад окутала и укрыла встревоженные души Лингарда и Эдиты. Но для этих двух свет, из которого их прогнали, обозначал обманутые надежды, и его беспощадно-спокойная яркость казалась горькой насмешкой, как усталому, тонущему пловцу — горящий на берегу огонь. Они оглянулись: света уже не было. Картер запер за ними дверь, чтобы наедине объясниться с Шо. Он хотел прийти к какому-нибудь компромиссу с номинальным капитаном брига, но Шо был так деморализован совершенно необычными для него покушениями на его респек-

табельность, что юный защитник брига ничего от него не добился, кроме жалоб и богохульств; бриг спал, и доносившиеся из каюты голоса — громогласные упреки Шо, обращенные к небу, и ровные и тягучие увещания Картера — сливались в один приглушенный и непрерывный ропот.

Вахтенные матросы на шкафуте, напряженно вглядывавшиеся в темноту, и внимательно прислушивавшиеся в сторону моря, слышали у себя за спиной этот странный шум, походивший на ссору. Васуб, проводив Хассима и Иммаду до их челнока, ходил взад и вперед по палубе судна. Небо было беззвездное, на воде не виднелось ни одного отсвета. Не было ни горизонта, ни очертаний, ни форм, — ничего, на что мог бы устремиться глаз или опереться рука. Мрак, бесконечный во времени и безграничный в пространстве, залил весь мир, как губительное наводнение.

Ветер затих, и некоторое время маленькая лодка держалась по близости брига. Невидимый парус слабо трепетал, таинственный, и лодка подымалась и опускалась на зыбких волнах, точно на дышащей груди живого существа. Лингард, положив руку на румпель, сидел прямо, молчаливый и бдительный. М-с Треверс плотно закуталась в плащ.

Взор их тонул в глубокой черной пустоте, но лодка все еще была так близко от брига, что жалобный вой собаки и сердитое ляганье ее цепочки доносились до их слуха, полные гнева и тоски. Потом в ночной тишине раздался пронзительный лай, перешедший в тихий визг, словно перед животным проходили невидимые людям призраки и, вдохновенное душою ночи, оно

в своей тоскливой жалобе инстинктивно изливало страх перед будущим, боязнь подстерегающей смерти, ужас перед теньями.

Неподалеку от лодки Хассим и Иммада в своем челноке бросили весла и сидели в оцепенении. Тревожные порывы ветра словно вливали им в сердце тонкий смертоносный яд.

— Видел ты глаза белой женщины? — воскликнула девушка. Она громко всплеснула ладонями и сидела, протянув сжатые руки.

— О Хассим! Видел ты, как они сверкают из-под ее бровей, точно лучи света, что пробегают в древесной чаще? Они пронзили меня насквозь. Я содрогалась при звуке его голоса. Я видела, как она шла за ним... И мне кажется, что она не живет на земле... что все это — волшебство.

Иммада сетовала в ночи. Хассим молчал. У него не было иллюзий, и будь на месте Лингарда кто-нибудь другой, он счел бы все эти поступки безумием и самоубийством. Треверса и д'Алькасера он принимал за могущественных раджей, может быть родственников той женщины, что правит Англией. Но почему им понадобилось приехать сюда и мешать его воцарению, он решительно не понимал. Он беспокоился за Лингарда. Его не особенно трогало то, что Лингард рисковал из-за него жизнью, дабы ссора из-за этих белых не погубила задуманного предприятия. С его точки зрения Лингард не мог иначе поступить. Ведь сам он был не кто иной, как раджа Хассим, а тот, другой — человек с сильным сердцем, с сильной рукой, с гордым мужеством, могущественный настолько, что он мог защищать высокорожденных принцев, и, прежде

всего, его друг. Речи Иммады вызвали у него улыбку, затерявшуюся во тьме, как и ее слова.

— Забудь свои тревоги, сестра, — ласково сказал он, — а то мы, пожалуй, опоздаем.

Сегодня должны разыграться решительные события. Хассим подумал о своих воинах, находившихся на «Эмме»; он хотел бы, чтобы они были поближе и могли слышать его голос. Он пожалел, что рядом с ним не было Джафира, человека, некогда отнесшего его другу послание, которое он считал тогда последним. Но оно не оказалось последним. Он остался жить для новых надежд и новых тревог. Может быть, ему еще придется составлять другое послание, когда смерть руками вооруженных врагов постучит в его дверь. Ветер стал крепчать. Челнок ровно понесся по вздымающимся валам, двигавшимся вдоль берега. Плыли они медленно. У Иммады устали не столько руки, сколько сердце, а Хассим, бесшумно погружая весло, оглядывался направо и налево и старался разглядеть смутные очертания островков. Лодка брига, теперь уже далеко обогнавшая челнок, быстро бежала под парусом, направляясь к узкому и извилистому проходу между берегом и южными отмелями, за которыми начиналась бухта и внутренняя лагуна.

Так беспокойные души блуждали по водам в эту ночь. Над их головами расстилалось густое покрывало облаков и отрезывало их от остальной вселенной. Иногда миссис Треверс казалась во мраке, что они движутся с головокружительной быстротой, а по временам ей чудилось, что лодка стоит на месте, что весь мир стоит на месте и только ее фантазия, свободная от оков, блу-

ждает по неведомым пространствам. Лингард неподвижно сидел рядом с ней и правил, определяя направление по ветру. Вот он заметил впереди призрачное мерцание бледного света, который земля словно отбрасывала в однообразный мрак небес. Шлюпка приближалась к морскому разливу.

Смутный гул прибоя стал громче.

— Сколько времени еще мы будем так плыть? — тихо спросила миссис Треверс.

В ответ на ее вопрос голос, которого она не узнала, произнес: «Всегда». Голос звучал безлично, точно он никому не принадлежал. Сердце ее быстро забилося.

— Капитан Лингард! — воскликнула она.

— Да. Что? — нервно переспросил он, словно просыпаясь от сна.

— Я спрашиваю вас, сколько времени мы будем так плыть? — повторила она отчетливо.

— Если ветер не утихнет, мы придем в лагуну вскоре после рассвета. Это будет как раз во-время. Я оставлю вас на шхуне вместе с Йоргенсоном.

— А вы? Что вы будете делать? — спросила она.

Ответ пришел несразу.

— Я сделаю, что могу. — Последовало новое молчание. — Все, что могу, — добавил он.

Ветер стих, и парус заплоскался.

— Я совершенно уверена в вас, — сказала миссис Треверс. — Но уверены-ли вы в успехе?

— Нет.

Миссис Треверс ясно поняла бессмысленность своего вопроса. В каких-нибудь несколько часов она была оторвана от всего ясного и привычного

и брошена в мир невероятностей. Эта мысль, вместо того, чтобы усилить ее тревогу, почему-то успокаивала ее: Она испытывала не сомнение, не страх, а что-то совсем другое, — может быть, просто сильную усталость.

До нее донесся звук глухого удара, шедший точно со дна моря. Она ощутила его, как легкое сотрясение. Это была волна, разбившаяся об отмели: беловатые отсветы, видневшиеся уже давно, теперь сверкали и маячили белыми полосами совсем неподалеку от лодки. Все это — слабые пятна света, тихий гул, точно от огромного падающего здания — происходило где-то за пределами ее жизни, окруженной непроницаемым мраком и мертвым молчанием. Ветер порывисто ударил ей в голову и затих. Парус опал, потом вздрогнул, надулся, опять опал; все быстрее чередующиеся ощущения головокружительной скорости и полной неподвижности превратились наконец в странное состояние, где стремительный бег и глубокое спокойствие как-то сливались в одно. Погруженный во мрак мир окутывал ее своей расслабляющей лаской, — мягкой и в то же время разрушительной. Душой ее овладела истома. Для нее ничто уже не существовало, даже воспоминания исчезли в небытии. И она была довольна, что ничего нет.

Лингард, все время ощущавший соприкосновение их тел на узкой банке лодки, почувствовал вдруг, как голова женщины опустилась на его плечо. Он весь с'ежился, застыл, точно пытаясь перед лицом грозящей опасности спрятать жизнь в бездыханной неподвижности своего тела. Лодка тихо опускалась и подымалась. Прямо перед ней

лежали рифы, у подножия которых кружилась и шипела пена, точно в гигантском котле. Ветер с минуту мощно гнал лодку прямо на них, потом вдруг перестал и бросил ее на произвол течения. Лингард, словно зачарованный, глядел на эту борьбу утесов, то заливаемых водой, то снова выходящих на поверхность, с вечно победоносным и вечно побеждаемым морем. Это зрелище напоминало ему то, что творилось в его собственной душе. Поддерживаемая его рукой, м-с Треверс спала, прижавшись к его плечу и словно целиком доверившись его силе. Отмели Берега Убежища давали ему первое слабое обещание успеха — крепкую опору, которая была ему нужна для его дела. Отмели приютили его грезы; их голос успокаивал его, навевал трепетный восторг, сулил удачу его мечтам. Никогда не было на свете такой благородной дружбы... Масса белой пены, крутившейся вокруг какого-то черного центра, беззвучно скользнула около борта лодки... Эта женщина, которую он держал в руках как пленницу, была дана ему тоже отмелями.

На дальней отмели красным отблеском засветились огни лагеря Дамана и сейчас же пропали, точно фонарь, мигнувший на секунду над ровной поверхностью воды. Это напомнило ему о существовании тех двух мужчин, пленников. Если лодка, увозящая их в лагуну, покинула отмель вскоре после ухода Хассима из лагеря Дамана, д'Алькасер и Треверс должны бы уже быть теперь далеко в бухте.

Лингард с отвращением гнал от себя всякую мысль о действии, ибо каждый шаг, какой бы он ни предпринял, ускорил бы миг его разлуки

с этой женщиной, которой он поверил всю тайну своей жизни.

А она спала. Она могла спать! Лингард взглянул на нее, как глядят на беспечно дремлющего ребенка, но все существо его билось буйным восторгом. Вокруг них среди рифов шипел прибой, журчала вода между камнями, кидаясь на скалы с мрачным рокотом, похожим на обещания, прощания, мольбы. Издалека, из непроглядной ночи донесся гул моря, разбивающегося об отмели. И он чувствовал близость женщины с таким напряжением, что не слышал ничего.

Вдруг он подумал о смерти.

— Проснитесь! — крикнул он ей, резко поворачиваясь на скамейке.

Миссис Треверс вздрогнула, брызги воды хлестнули ей в глаза и каплями потекли по щекам. Она чувствовала их на губах, теплые и горько-соленые, как слезы. Шипящая волна подбросила лодку вверх, за ней последовала другая и еще другая, и лодка, все время поворачиваясь, заскользила под ветром по ровной поверхности.

— Миновали риф, — облегченно проговорил Лингард.

— А разве нам грозила опасность? — шопотом спросила миссис Треверс.

— Ветер утих, и нас отнесло очень близко к утесам, — объяснил Лингард. — Мне пришлось вас разбудить. Вам было бы не совсем удобно проснуться в воде.

Значит, она спала! Ей не верилось, что она могла смежить глаза в этой маленькой лодке, в таком беспокойном море, в такую опасную минуту.

Сидевший рядом с ней человек наклонился вперед, протянул руку, и лодка, под порывом набежавшего ветра, пошла гладко и ровно. Прямо перед ними зловеще высилась неподвижная черная масса. Она обратила на нее внимание Лингарда.

— Посмотрите на это ужасное облако!

— Это облако — берег, и через минуту мы уже войдем во внутреннюю бухту, — сказал спокойно Лингард. М-с Треверс стала смотреть.

Итак, это была земля! Земля эта казалась миссис Треверс еще менее ощутимой, чем облако; зловещей, неподвижной тенью она лежала над беспокойным морем, укрывая в своем лоне мятущихся людей, которые представлялись ей не более реальными, чем фантастические тени.

V

Более всего поразило м-с Треверс в Иоргенсоне его странное, как бы отрешенное от земли выражение. Он так долго находился вне жизни, что его высокое костлявое тело, неторопливые механические движения, застывшее лицо и ничего не выражающие глаза дышали непобедимым равнодушием ко всем возможным неожиданностям этого мира. Это подобие человека, как бы воскрешенного властным заклятием, прошло по палубе словно мертвого корабля и с неземным равнодушием повернуло к ней пару впавших неживых глаз. Еще никто никогда не смотрел на м-с Треверс с таким странным, абсолютным безразличием. Но он не вызвал в ней неприятного чувства. В свете раннего утра, облаченный в безу-

коризненно чистое платье, под которым как будто не было человеческого тела, свежесвыбранный (впавшие и бесцветные щеки Иоргенсона всегда лоснились, точно он брился каждые два часа), он казался таким незапятнанным, словно это был чистый дух, избавленный от грязных соприкосновений с материальным миром. Он смущал, но не вызывал отвращения. С приехавшими он не поздоровался.

— Вы устроили на борту шкуны настоящую лестницу, — обратился к нему Лингард. — Нам было очень удобно всходить по ней, но не думаете ли вы, что в случае нападения...

— Я думал...

Не было ничего бесстрастнее голоса капитана Г. К. Иоргенсона, бывшего командира барка «Дикая Роза», с той поры, как он переплыл обратно Воды Забвения и снова вступил в мир людей.

— Я думал... но так как я не рассчитываю заводить здесь неприятности...

— Ах, не рассчитываете заводить неприятности... — перебил Лингард.

— Нет. Я считаю их бесполезными. А вы, Король Том?

— Может быть, мне и придется завести их.

— Значит, вы сюда приехали на этой вашей шлюпочке, чтобы заварить тут кашу, так что ли?

— Что с вами? Разве вы меня не знаете, Иоргенсон?

— Я думал, что знаю. Но разве я мог подумывать, что такой человек, как вы, отправится в военную экспедицию вместе с женщиной?

— Эта лэди — миссис Треверс, — сказал Лингард, — жена одного из тех злополучных джентльменов, которых вчера захватил Даман... А это — Иоргенсон, тот мой приятель, о котором я вам говорил, миссис Треверс.

Миссис Треверс слабо улыбнулась. Ее глаза блуждали кругом, и непривычность обстановки, жадное любопытство, внутренняя борьба придавали ее лицу такое выражение, точно она недавно появилась на свет и наивно изумлялась неожиданностям бытия. Между этими двумя мужчинами она казалась неопытной и юной. Лингард смотрел на нее с той бессознательной смесью нежности и удивления, с которой некоторые мужчины глядят на молодых девушек. В его позе совершенно не чувствовался завоеватель царств. Иоргенсон попрежнему хранил свой отрешенный вид и как будто ничего не видел и не слышал. Но, повидимому, он каким-то образом был в курсе событий этого мира, ибо совершенно естественным тоном спросил:

— Как она оттуда выбралась?

— Лэди не была на отмели, — коротко объяснил Лингард.

— На какой отмели? — рассеянно произнес Иоргенсон. — А яхта разграблена, Том?

— Ничего подобного, — ответил Лингард.

— Много убитых? — спросил Иоргенсон.

— Я говорю вам, что ничего подобного, — нетерпеливо сказал Лингард.

— Ах, вот как! Битвы, значит, не было? — проговорил Иоргенсон без малейшего признака оживления.

— Нет.

— А ведь вы любите сражаться, Том.

— Выслушайте меня, Иоргенсон. Все сложилось так, что прежде, чем дошло до боя, воевать было уже слишком поздно.

Лингард обернулся к м-с Треверс, оглядывавшейся вокруг со слабой улыбкой.

— Когда я вечером говорил с вами с лодки, было уже слишком поздно. В сущности для битвы вообще не было случая. Я все рассказал вам о себе, м-с Треверс, и вы знаете, что я говорю правду. Ах, если бы вы были одна на яхте!

— Да, — отозвалась м-с Треверс. — Но я была не одна.

Лингард опустил голову. В искрящейся свежести утра уже чуялась надвигающаяся дневная жара. Улыбка исчезла с губ Эдиты Треверс, и глаза ее остановились на склоненной голове Лингарда. Если бы Иоргенсон взглянул на нее, он прочел бы в ее глазах не любопытствующее, а несколько загадочное выражение. Но Иоргенсон не смотрел ни на что. Точно откликаясь откуда-то из глубины своего мертвого прошлого, он спросил:

— Что там осталось, Том? И что вообще там делается?

— Яхта сидит на мели, бриг мой стоит на якоре, а на отмели расположилась сотня илланунских разбойников с тремя вождями и двумя прау. Может быть, впрочем, Даман направился теперь на яхту.

— Нет, — уверенно произнес Иоргенсон,

— Значит, он приехал сюда и самолично привез пленников. — воскликнули Лингард.

— Высадился при свете факелов, — отчетливо произнесла тень капитана Иоргенсона, бывшего

командира барка «Дикая Роза». Он указал рукой на другой берег лагуны, и м-с Треверс повернула голову в этом направлении.

Там все было светлым и пустынным.

Глаза, блуждавшие по блестящей, темной водной скатерти и по берегу белой бухты, не замечали никакого признака жизни. Человеческие жилища были затеряны в тени плодовых деревьев и замаскированы хлебными полями и банановыми плантациями. У берега виднелись очертания двух огороженных бревнами фортов, между которыми, на широкой открытой площадке, темнела коричневая крыша огромного длинного здания, точно подвешенного в воздухе. На здании развевался большой четырехугольный флаг. Что-то сверкало белым пламенем: это был резной коралловый конек на крыше мечети, отражавший лучи солнца. Над крышами домов, наполовину скрытыми зеленью, над искрящимися полями и темными пальмовыми рощами веяли белые и красные флажки. Такой вид могло иметь поселение, разрушенное и потом брошенное своими обитателями. Лингард указал на ограду с правой стороны.

— Вон там находится ваш супруг, — сказал он м-с Треверс.

— А кто другой? — раздался за их спиной голос Иоргенсона. Он тоже смотрел в эту сторону своими странными невидящими глазами.

— Испанский джентльмен, кажется, так, м-с Треверс? — полувопросом ответил Лингард.

— Трудно поверить, что там кто-нибудь есть, — заметила м-с Треверс.

— Вы видели их обоих, Иоргенсон? — спросил Лингард.

— Не мог различить никого. Слишком далеко. Слишком темно.

На самом деле, за час до рассвета, Иоргенсон не видел ничего, кроме далекого пламени факелов, а громкие крики возбужденной толпы доносились до него лишь слабым беспорядочным гулом. Вскоре огни тронулись процессией через рощицу в огороженные бревнами палисады. Далекие огни растаяли в рассеивающейся тьме, и гул невидимой толпы сразу смолк, точно унесенный тенями ночи. А когда забрезжил свет, Иоргенсон увидел только одинокий берег и призрачные очертания привычных деревьев и человеческих хижин. И потом он наблюдал, как под яркими красками рассвета поселок, вставленный в темную рамку леса, отливал разнообразными оттенками.

Миссис Треверс, прислонившись к перилам шхуны, стояла как статуя. Лицо ее потеряло всю свою подвижность, и щеки были мертвенно белы, как будто вся кровь отхлынула из тела к сердцу и осталась там. Даже губы потеряли свой естественный цвет. Лингард грубо схватил ее за руку.

— Не надо, миссис Треверс. Зачем так пугаться? Если вы не верите мне, послушайте, что говорит Иоргенсон.

— Да, спр-Еите меня, — пробормотал Иоргенсон в седые усы.

— Говорите прямо, Иоргенсон. Как вы думаете, живы эти джентльмены?

— Конечно, — отрезал Иоргенсон разочарованно, словно он ожидал гораздо более трудного вопроса.

— Подвергается их жизнь неминуемой опасности?

— Конечно, нет, — сказал Иоргенсон.

Лингард отвернулся от своего оракула.

— Вы слышали, что он сказал, м-с Треверс. Вы можете верить каждому его слову. В этом поселке, — продолжал он, указывая на немую пустыню лагуны, — нет ни одной мысли, ни одного намерения, которых бы этот человек не знал, как свои собственные.

— Я знаю. Спросите меня, — машинально пробормотал Иоргенсон.

Миссис Треверс не сказала ничего, но сделала легкое движение; ее неподвижная фигура зашаталась. Лингард крепко ухватил ее за талию. Она повидимому не заметила этого, пока не повернула головы и не увидела, что лицо Лингарда находится совсем близко от нее. Его встревоженные глаза смотрели на нее так пристально, что она закрыла веки, точно женщина, падающая в обморок.

Она, почувствовала, что рука Лингарда еще крепче охватила ее. Когда она открыла глаза, на лице ее показалась краска. На его тревожный взор она ответила таким спокойным и в то же время, сама того не зная, таким оживленным взглядом, что в свете его все прошлое Лингарда как бы сразу ушло в тень.

— Не думайте, пожалуйста, что это обморок, — совершенно спокойно проговорила она.

Она показала Лингарду холодной, как лед.

— Отлично, — согласился он с покорной улыбкой. — Только раньше, чем я вас отпущу, пожалуйста, возьмитесь за поручень.

Она принужденно улыбнулась.

— Какое недоверие, — заметила она и некоторое время не шевелилась. Наконец, словно делая уступку, она кончиками пальцев коснулась поручня. Лингард понемногу отвел свою руку. — И, пожалуйста, не смотрите на меня, как на «слабое существо», как на деликатную даму, какой вы меня воображаете, — сказала она, смотря на Лингарда и касаясь поручня протянутой рукой. — Пожалуйста, постарайтесь отделаться от вашего представления о том, чем должна быть женщина вроде меня. Я, может быть, так же сильна, как вы сами, капитан Лингард. То-есть буквально. В смысле телесной силы.

— Вы думаете, я не заметил этого давно? — услышала она его протестующий, глубокий голос.

— А что касается храбрости, — продолжала м-с Треверс, при чем выражение ее лица очаровательно колебалось между хмуростью и улыбкой, — то разве я не говорила вам совсем недавно, еще вчера вечером, что я могу вообразить себя испуганной. Помните, когда вы просили меня разыгрывать страх. Не думайте, что я постыдилась бы играть роль, но это мне просто не удалось бы. Да, даже ради завоевания кому-то царства, и то не удалось бы. Вы меня понимаете?

— Бог вас знает! — отвечал Лингард с неожиданным вздохом. — Люди вроде вас, должно быть, сделаны из другого теста.

— Что за нелепости!

— Я не хочу сказать, что вы лучше или хуже. Или что то или другое тесто плохое. Я хочу только сказать, что вы совсем другая. Это чувствуешь. Вот и все.

— Да, вот и все, — повторила м-с Треверс. — И сейчас, если я поддаюсь волнению, это было вовсе не потому, чтобы я боялась за других. Мне было страшно. Мои страхи не могут даже уложиться ни в какую определенную картину. Вы, должно быть, считаете меня отъявленно бессердечной, что я вам так говорю.

Лингард молчал. Ему нечего было говорить. Он просто слушал слова м-с Треверс, как будто только ради одного их звука.

— Я с вами откровенна, — продолжала она. — Я ведь ничего не знаю о дикости, о насилии, об убийстве. Я никогда в жизни не видела мертвого тела. Вероятно, на мои нервы подействовал этот свет, эта тишина, эта загадочная пустынность. Что значит это удивительное спокойствие, в котором мы очутились? Тут только вы и я — совершенно одни.

Лингард покачал головой. Из-за ее полураскрытых, улыбающихся губ блестела узкая полоска сверкающих зубов. Вся ее горячая речь в конце концов свелась к этому признанию их товарищеского сотрудничества перед лицом неведомого. В этой улыбке чувствовалось немного беспомощности, и это его трогало. В трех футах от них чистенькая и костлявая тень Иоргенсона пристально смотрела в пространство.

— Да, вы сильная, — сказал Лингард. — Но просидеть всю ночь в маленькой лодке не так-то легко. Я удивляюсь, что у вас совсем не затекло тело.

— Нисколько не затекло. — прервала она с улыбкой. — Я в самом деле очень сильная жен-

щина, — серьезно прибавила она. — Вы это должны иметь в виду, что бы ни случилось.

Лингард бросил на нее восхищенный взгляд. Но тень Иоргенсона, быть может, услышав издали слово «женщина», со свойственной всем вообще теням непринужденностью, вдруг преисполнилась громкого, хотя и бесстрастного негодования.

— Женщина! Во том-то и дело! Этого только не хватало... Вы, Том Лингард, красноглазый Том, Король Том, — или какими еще прозвищами вас там величали, — оставляете оружие за двадцать миль от себя, бросаете своих людей, свой бриг, в котором вся ваша сила, приезжаете сюда и болтаете о войне — с голыми руками, да еще с женщиной на буксире! Ну, ну!..

— Не забывайте, Иоргенсон, что лэди вас слышит, — раздраженно заметил Лингард. — Он не хочет быть грубым, — громко обратился он к м-с Треверс с таким видом, точно Иоргенсон был действительно бесплотной и бесчувственной галлюцинацией. — Он просто забыл о вас.

— Женщина нисколько не оскорблена. Я ничего не имею против такого обращения.

— Ничего не забыл! — пробормотал Иоргенсон с какою-то уверенностью призрака, словно ради собственного удовлетворения. — До чего мы дошли!

— Это я настояла на том, чтобы поехать с капитаном Лингардом, — попыталась смягчить Иоргенсона м-с Треверс.

— Вот, вот, так я и знал! До чего мы дошли! Разве у Короля Тома нет собственной головы? Что с ним приключилось? Оставить бриг, когда тут же рядом за отмелью дожидаются сто двад-

цать отъявленных пиратов на двух прау. Вы и на этом настаивали, да? Он, значит, отдался в руки незнакомой женщины?

Иоргенсон, казалось, задавал эти вопросы самому себе. М-с Треверс заметила пустой взгляд, обращенный внутрь голоса, мертвенное отсутствие оживления. Но это почему-то облегчало разговор с ним.

— Нет, это я в его руках, — возразила м-с Треверс.

Никто бы не догадался, что Иоргенсон слышал хотя одно слово из этого красноречивого заявления, если бы он не обратился к Лингарду с вопросом, столь же безразличным, как и все его речи.

— Зачем же вы ее сюда привезли?

— Вы не понимаете. Ну, просто оттого, что так следовало. Один из пленников муж этой дамы.

— Гм, да... — пробормотал Иоргенсон. — А кто другой?

— Ее хороший друг; мы говорили вам.

— Бедный м-р д'Алькасер, — вставила м-с Треверс. — Как он поплатился за то, что принял наше приглашение! Но он, в сущности, только знакомый.

— Я почти не заметил его, — мрачно проговорил Лингард. — Но когда я приехал к вам на яхту, он стоял за вашим креслом и говорил с вами, как очень хороший друг.

— Мы очень хорошо понимаем друг друга, — сказала м-с Треверс, беря в руку лежавшую на поручне подзорную трубу. — Мне всегда нравились его откровенность, его верность.

— Что он сделал? — спросил Лингард.

— Любил... — тихо сказала м-с Треверс. — Но это очень старая история,

М-с Треверс приставила подзорную трубу к глазам, поддерживая ее вытянутой рукой, и Лингард забыл о д'Алькасере, любуясь твердостью ее позы и полной неподвижностью тяжелого прибора. Она была тверда, как скала, после всех этих волнений и всей этой усталости.

М-с Треверс инстинктивно направила трубу на вход в лагуну. В рамке леса гладкая вода сверкала, как серебро. Вдруг на этом блистающем фоне показалось темное пятнышко. Она не сразу поймала его опять, и тогда увидела, так близко, что его, казалось, можно было окликнуть, челнок с двумя людьми. Она ясно видела, как, сверкая на солнце, поднимались и опускались мокрые весла. Лицо Иммады было видно так отчетливо, как будто девушка смотрела прямо в отверстие подзорной трубы. Вождь и его сестра, проведя ночью несколько часов за отмелью, вехали в лагуну и теперь направлялись прямо к шкуне. Они были уже так близко, что их можно было бы заметить невооруженным глазом, если бы кто-нибудь смотрел в этом направлении. Но о них никто и не думал. Они продолжали существовать, может быть, только в памяти старика Иоргенсона, да и та по большей части была занята таинственными секретами недавно покинутой им могилы.

М-с Треверс опустила подзорную трубу. Лингард, точно очнувшись от сна, проговорил:

— М-р д'Алькасер... Любил... Ну, да, почему бы ему и не любить?

М-с Треверс заглянула в насупленное лицо Лингарда.

— Дело, конечно, не только в этом, — сказала она. — Во первых, он знал, как любить, а во вто-

рых... Но вы ведь не знаете, как неестественны и пусты некоторые жизни. М-р д'Алькасер, впрочем, жил другой жизнью. Его преданность можно было ценить.

— Вы, видно, немало о нем знаете, — с завистью проговорил Лингард. — Чему вы улыбаетесь?

Она продолжала улыбаться ему. Длинная медная труба у ее плеча сияла золотом, рядом с бледной светлостью ее непокрытой головы.

— Одной мысли, — отвечала м-с Треверс, говоря все так же тихо, как будто слова ее могли нарушить сосредоточенность капитана Иоргенсона. — Я подумала, что, несмотря на мое долгое знакомство с д'Алькасером, я не знаю о нем и половины того, что знаю о вас.

— Это невозможно — возразил Лингард. — Хотя он и испанец, но он человек вашего круга.

— Одним миром мазан, — проговорила м-с Треверс с легкой иронией.

— Он ведь, кажется, хотел помирить меня и вашего мужа? — продолжал Лингард. — Я тогда, правда, был очень раздражен и почти не обратил на него внимания, но он мне понравился. Больше всего мне понравилось то, как он бросил свою попытку. Это было сделано по-джентльменски. Вы понимаете, что я хочу сказать, м-с Треверс?

— Да, вполне.

— Ну, конечно, вы-то это поймете, — просто согласился Лингард. — Тогда я был очень взбешен и не мог ни с кем говорить. Я уехал к себе на бриг и оставался там, не зная, что делать, и посылая всех вас на дно морское. Но не поймите меня неверно, м-с Треверс. На дно морское я посылал только вас, господ. Против матросов я ничего

не имею. Они бы мне сразу поверили. И вот я все бесился и бесился, до тех пор...

— До девяти часов вечера или около того, — невозмутимо подсказала м-с Треверс.

— Нет. До тех пор, пока я не вспомнил о вас, — невинно поправил ее Лингард.

— Значит, до тех пор вы совершенно забыли о моем существовании? А на яхте вы ведь со мной говорили, — помните?

— Разве? Да, кажется, говорил. Но что я вам сказал?

— Вы мне сказали, чтобы я не прикасалась к смуглой принцессе, — с коротким смехом отвечала м-с Треверс.

Настроение ее сразу изменилось, как будто среди легкомысленного разговора она вдруг вспомнила о действительном положении вещей.

— Но я, право, не собиралась причинить никакого вреда вашей принцессе Грезе. Но посмотрите, она положительно преследует вас!

Лингард взглянул на север и едва не вскрикнул от досады на самого себя. Уже второй раз он ловил себя на том, что совершенно забывал о существовании Хассима и Иммады. Челнок был теперь совсем близко, и его пассажиры могли ясно различить лица трех людей, стоявших у борта «Эммы». Иммада опустила весло и вскрикнула:

— Опять эта белая женщина!

Брат ее оглянулся через плечо, и челнок сразу остановился, точно по волшебству.

— Они для меня не греза, — упрямо произнес Лингард.

М-с Треверс отвернулась и стала глядеть на далекий берег. Невооруженному глазу берег казался

голым и пустым и под лучами солнца дрожал и колебался, точно раскрашенная декорация, опущенная над неизвестной сценой.

— Раджа Хассим едет, Иоргенсон. Я думал, он останется на берегу.

М-с Треверс услышала за спиной слова Лингарда и бормотанье Иоргенсона. Она медленно поднесла к глазу подзорную трубку и направила ее на берег.

Теперь она ясно различала цвета флажков, веявших над коричневыми крышами поселка, видела, как колеблются пальмы, чернеют тени леса и сверкает зажженная солнцем белая песчаная бухта, жутко загадочная в своем молчании. Она обвела весь берег и уже собиралась положить трубку, как вдруг из-за массивного палисада в блестящую неподвижность пейзажа вышел человек в длинном белом халате и огромном черном тюрбане, увенчивавшем смуглое лицо. В ярком сиянии солнца, он медленно прохаживался по берегу, важный и зловещий, и во внезапном появлении, в одиночестве этой загадочной фигуры, точно из восточной сказки, чувствовалось что-то жуткое и угрожающее.

Невольно вздрогнув, м-с Треверс положила трубку. За спиной ее раздался низкий, певучий голос, страстно изливавший целый поток непонятных слов. Хассим и Иммада вошли на шкуну и говорили с Лингардом. Да! было невыносимо сознавать, что эта мягкая речь, не имевшая для нее никакого смысла, может быть, льется прямо в сердце этому человеку.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

Вопрос чести и вопрос страсти.

— Можно войти?

— Да, — ответил голос, — дверь открыта.

На двери была деревянная щеколда. М-р Треверс поднял ее и вошел.

— Почему вы думали, что я заперлась? Я, кажется, вообще никогда не запираюсь.

Мистер Треверс затворил за собой дверь.

— Нет, до этого вы еще не доходили, — сказал он далеко не примирительным тоном.

В этой комнате, составлявшей часть деревянной рубки и имевшей вместо окна четырехугольное отверстие без стекла, но с полуприкрытым ставнем, м-с Треверс было видно не очень хорошо. Она сидела в кресле, распустив волосы, беспорядочно свисавшие через спинку. Наступила пауза.

Снаружи доносились мерные шаги двух матросов, расхаживавших по палубе мертвого корабля и подчиненных мертвой тени Иоргенсона.

Когда Иоргенсон принял «Эмму» под свое командование, он приказал сколотить на ее задней части рубку, где помещался и он сам, и Лингард, когда тот приезжал на Берег Убежища. Узким корридорм рубка разделялась на две половины. На половине Лингарда стояла походная кровать, досчатый столик, бамбуковое кресло и матросский сундук, который Лингард как-то привез с собою. Кроме этих предметов, да маленького зеркала ценой в полкроны, приколоченного к стене, в комнате не было ничего. Что имелось на половине Иоргенсона, — никто не знал, но по наружным признакам можно было предполагать наличие бритвенного прибора.

Постройка этого примитивного сооружения подсказывалась скорее соображениями приличия, чем соображениями удобства. Белые должны были иметь отдельное помещение; этого требовал этикет, — но Лингард был совершенно точен, когда он сказал м-с Треверс, что он ни разу не спал здесь. Он привык спать на палубе. А что касается до Иоргенсона, то он вообще не спал или спал очень мало. Он не столько командовал «Эммой», сколько бродил по ней, как беспокойный дух. Его белый костюм всю ночь мелькал от носа к корме; иногда Иоргенсон замирал на месте и стоял целыми часами, молча созерцая сверкающие воды лагуны. Глаза м-ра Треверса, понемногу привыкшие к темноте, стали теперь различать не одну только густую волну медвяных волос м-с Треверс. Он видел ее лицо, темные брови и глаза, казавшиеся черными в полусвете комнаты.

— Да вы и не могли бы тут запереться. Тут нет ни замка, ни засовов, — сказал он.

— Я, право, не заметила, есть или нет. Я сумею оберечь себя и без замков и засовов.

— Рад слышать, — хмуро проговорил м-р Треверс и замолчал, глядя на сидевшую в кресле женщину. — Вы, повидимому, развлекаетесь вашими излюбленными маскарадными костюмами, — продолжал он с иронией.

М-с Треверс сидела, закинув руки за голову. Широкие соскользнувшие назад рукава обнажали ее руки по самые плечи. На ней был надет малайский жакет из тонкого ситца, без воротника и с широким вырезом на шее, застегнутый пряжками из чеканного серебра. Юбку, которую она носила на яхте, она заменила синим клетчатым, шитым золотом, саронгом. Глаза м-ра Треверса медленно переходили от одной части костюма к другой и наконец остановились на качающейся обнаженной ноге, с которой свисала легкая кожаная сандалия.

— У меня не было другого костюма, — отвечала м-с Треверс. — Мое платье было невыносимо тяжелое. Я промокла насквозь, пока ехала сюда. И когда мне показали эти вещи...

— Явившиеся как бы по волшебству, — пробормотал м-р Треверс тоном, слишком мрачным для сарказма.

— Нет, явившиеся из того вон сундука. Там есть очень красивые материи.

— Не сомневаюсь! Этот человек не побрезгает ограбить туземца.

М-р Треверс уселся на сундук.

— Самый подходящий костюм для этого фарса — продолжал он. — Но неужели вы намерены выходить в нем днем на палубу?

— Конечно, намерена, — отвечала м-с Треверс. — Д'Алькасер меня в нем уже видел и насколько не был шокирован.

— На вашем месте я бы нацепил на щиколки бубенчики, чтобы они звенели на ходу.

— Бубенчики вовсе не необходимы, — скучающим тоном проговорила м-с Треверс, продолжая пристально глядеть вверх и точно думая о чем-то совершенно постороннем.

— Как вы думаете, сколько времени будет продолжаться этот фарс? — перешел к другой теме м-р Треверс.

М-с Треверс отняла руки от головы, взглянула на него и сразу изменила позу.

— Что вы хотите сказать? Какой фарс?

— Да тот самый, который со мной разыгрывают.

— Вы все еще так думаете?

— Не только думаю, — я в этом глубоко уверен. Именно со мной. Это прямо что-то зловещее.

М-р Треверс продолжал, опустив глаза, непримиримым голосом.

— Я должен вам сказать, что когда я увидел вас во дворе в толпе туземцев и под руку с этим человеком, я был поражен.

— Я тоже имела зловещий вид? — спросила м-с Треверс, поворачивая голову к мужу. — И все-таки, уверяю вас, я была рада, очень рада, что вы в безопасности, по крайней мере, на время. Выгадать время для нас самое главное.

— Я не знаю, был ли я в опасности, — размышлял вслух м-р Треверс. — Не знаю, в безопасности ли я теперь. Ничего не знаю. Все это представляется мне отвратительным фарсом.

В его тоне было что-то новое, заставлявшее его жену смотреть на него с живым интересом. Было очевидно, что огорчение его вызвано не страхом, и м-с Треверс начала было уже испытывать некоторое беспокойство, как вдруг он ледяным голосом произнес:

— Впрочем, вам об этом лучше судить.

Она снова откинулась в кресле, спокойно сложив руки на коленях.

— А вы предпочли бы, чтобы я оставалась на яхте, по близости от тех самых дикарей, которые захватили вас? Или вы думаете, что и их тоже подговорили разыграть фарс?

— Безусловно уверен. — М-р Треверс поднял голову, но голоса не повысил. — Вы должны были бы оставаться на яхте среди белых людей, ваших слуг, вашего экипажа, которые обязаны умереть за вас.

— Не знаю, почему они обязаны умереть за меня, и не думаю, чтобы я имела право просить их о такой жертве. Впрочем, я не сомневаюсь, чтобы они это сделали. А может быть вы предпочитали бы, чтобы я окончательно поселилась на бриге? Мы были там в полной безопасности. Я настаивала на переезде сюда только для того, чтобы быть ближе к вам и принять какие-нибудь меры... Но если вы хотите, чтобы я объяснила вам свои мотивы, я, пожалуй, ничего не смогу сказать. Я просто не могла оставаться там жить целые дни без всяких известий, мучаясь всевозможными страхами... До тех пор, пока мы не приехали сюда, мы даже не знали, живы ли вы и д'Алькасер. Вас ведь могли убить там же на берегу после отъезда раджи Хассима и его сестры. Или могли убить, пока

везли по реке. Я хотела узнать все сразу — и уехала в чем была, ни минуты не медля.

— Да.. и вы даже не подумали отложить в мешок несколько вещей для меня. Конечно... впрочем, вы были в состоянии возбуждения. Вы, может быть, смотрели на положение так трагически, что вообще считали излишним подумать о моем костюме.

— Я сделала это под впечатлением минуты и не могла поступить иначе. Верите вы мне хоть в этом?

М-р Треверс взглянул жене в лицо; оно было ясное и спокойное. До сих пор в его голосе слышалось тупое раздражение, теперь в нем зазвучала некоторая важность.

— Нет. Я знаю по опыту, знаю наверное, что вы лишены тех чувств, которые свойственны вашему происхождению, вашему общественному положению, тому классу, к которому вы принадлежите. Это открытие было самым тяжелым разочарованием моей жизни. Я решил никогда не говорить об этом, но вы сами создали эти обстоятельства. Это отнюдь не торжественные обстоятельства. Я вовсе не смотрю на них так торжественно. Все это очень неприятно и очень унижительно. Но все это случилось. Вы никогда серьезно не интересовались моей деятельностью, которая составляет отличительную черту и ценность моей жизни. Почему в вас вдруг проснулось чувство ко мне, как к человеку, — я не понимаю.

— И потому вы меня не одобряете, — ровным голосом резюмировала м-с Треверс. — Но уверяю вас, вы вполне могли бы меня одобрить. Мои чувства были совершенно светского характера,

совершенно такие же, какими бы они были на глазах у общества. Мы все же муж и жена. Что я тревожусь за вас — это только прилично. Даже человек, которого вы так не любите (между прочим, эта нелюбовь — самое сильное чувство, которое я когда-либо у вас замечала), даже он и то нашел мое поведение вполне приличным. Это были его собственные слова. Оно было настолько прилично, что он даже ничего не мог возразить против моего плана.

М-р Треверс беспокойно заерзал на стуле.

— Мне кажется, Эдита, что если бы вы были мужчиной, вы вели бы крайне беспорядочный образ жизни. Вы были бы авантюристом — в моральном смысле слова. Я был очень огорчен, когда понял это. Вы презираете серьезную сторону жизни, презираете идеи и стремления той общественной среды, к которой вы принадлежите.

Он умолк, потому что его жена снова закинула руки за голову и не смотрела на него.

— Это совершенно очевидно — снова начал он. — Мы жили в избранном обществе, а вы всегда относились к нему так отрицательно. Вы никогда не считали важным достижение высокого положения, личный успех. Я не припомню случая, чтобы вы сочувствовали когда-нибудь политическому или общественному успеху. Я вообще не понимаю, чего вы ожидали от жизни.

— Во всяком случае, я не ожидала от вас такой речи. А что же касается моих ожиданий вообще, то я, должно быть, была глупа.

— О, нет, только не это, — серьезно возразил мистер Треверс. — Это не глупость. — Он поды-

скивал слово.—По-моему... это своего рода упрямство. Я предпочитал не думать об этом прискорбном различии в наших взглядах, которое, конечно, не мог предвидеть, пока мы не...

Мистером Треверсом овладело какое-то торжественное смущение. Миссис Треверс, опершись головой на руку, пристально смотрела на голую стену рубки.

— Вы обвиняете меня в глубоком девическом двоедушии, не так ли? — Тихо спросила она.

Горячий и неподвижный воздух комнаты был точно весь надушен тонким ароматом, исходящим от распущенных волос миссис Треверс. Мистер Треверс уклонился от прямого ответа на вопрос, показавшийся ему грубым и даже не совсем приличным.

— В то время я вероятно был немного выбит из колеи и не обнаружил должной проницательности и рассудительности, — отвечал он. — Тогда мне не хватало критических способностей, — признался он. Но, даже делая это признание, он не взглянул на жену и потому не заметил легкой улыбки, заигравшей на губах миссис Треверс. Скептицизм этой улыбки был так глубок, что его нельзя было выразить ничем, кроме легчайшего намека. Поэтому миссис Треверс ничего не сказала, и мистер Треверс продолжал, как бы думая вслух:

— Конечно, ваше поведение было безупречно. Но вы составили себе ужасную репутацию, — вас считали надменной, насмешливой. Вы вызывали недоверие в лучших людях и никогда не были популярны.

— Я скучала, — проговорила миссис Треверс, точно припоминая и попрежнему подпирая голову рукой.

Мистер Треверс вдруг вскочил с матросского ящика, словно укушенный осой, однако все же сохраняя до известной степени свою медлительную важность.

— Суть в том, Эдита, что вы в душе примитивны.

Миссис Треверс встала и, направляя волосы неспешным движением рук, задумчиво проронила:

— Не вполне цивилизована.

— Не вполне дисциплинированы, — поправил мистер Треверс, подумав.

Миссис Треверс опустила руки и обернулась к мужу.

— Нет, уж во всяком случае не это. — со странной серьезностью возразила она. — Я самое дисциплинированное существо на свете. Я готова сказать, что моя дисциплинированность не оставалась ни перед чем, кроме разве самоубийства. Но вы вряд-ли меня поймете.

На лице мистера Треверса показалась легкая гримаса.

— Я и не буду пытаться вас понять, — сказал он. — Это похоже на то, что мог бы сказать варвар, ненавидящий утонченность и сдержанность более благородной жизни. У вас это звучит, как намеренно дурной тон. Я вообще часто удивлялся вашим вкусам. Вы всегда любили крайние мнения, экзотические костюмы, отчаянные характеры, романтических людей — вроде д'Алькасера...

— Бедный мистер д'Алькасер... — прошептала миссис Треверс.

— Человек без всякой идеи о долге и полезности, — сердито проговорил мистер Треверс. — Почему вы его жалеете?»

— Почему? Да потому, что он очутился в этом положении исключительно благодаря своей любезности. От своего путешествия с нами он не мог ждать ни политических, ни каких-либо иных выгод. Вы вероятно пригласили его для того, чтобы нарушить наше одиночество, которое начало становиться вам скучным.

— Я никогда не скучаю, — объявил мистер Треверс. — Д'Алькасер повидимому принял приглашение с радостью. И, кроме того, он испанец, а потому трата времени для него ничего не значит.

— Трата времени! — с негодованием повторила миссис Треверс. — За его любезность ему может быть придется поплатиться жизнью.

Мистер Треверс не мог скрыть своего гнева.

— Ах, я и забыл ваши нелепые страхи, — сказал он, стиснув зубы. — Д'Алькасер — испанец, и ничего больше. К этому подлому фарсу он относится совершенно равнодушно. У вырождающихся рас есть своя особая философия.

— В этом положении он проявляет большое достоинство.

— Не знаю, где тут достоинство. По-моему, это просто недостаток уважения к самому себе.

— Почему вы так думаете? Только потому, что он спокоен, вежлив и осторожен в своих суждениях? Что касается вас, Мартин, то позвольте мне вам сказать, что ваши злоключения вы сносите не очень-то хорошо.

— Я не привык к этому манерничанью, которое так любят иностранцы, и вовсе не намерен скрывать свои чувства.

— Вы просто злитесь, — сказала она.

Миссис Треверс обернулась и посмотрела мужу в лицо.

Мистер Треверс слегка тряхнул головой, как бы пропуская это слово мимо ушей.

— Я оскорблен, — заявил он.

В его тоне послышалось что-то вроде настоящего страдания.

— Уверяю вас, — сказала миссис Треверс серьезно (она была сострадательна), — что этот странный Лингард совершенно не представляет себе, насколько вы значительное лицо. Он не знает ни вашего общественного положения, ни вашего политического влияния, ни ваших планов.

Мистер Треверс стал слушать с некоторым вниманием.

— А разве вы не могли бы ему это рассказать? — спросил он.

— Это было бы совершенно бесполезно. Он думает только о своем собственном положении и о своем влиянии. Он вышел из низшего класса...

— Он — животное, — упрямо проговорил мистер Треверс.

Муж и жена с минуту глядели друг другу в глаза.

— Да, — медленно произнесла миссис Треверс, — я ведь и забыла, что вы решили не скрывать ваших чувств. — В ее голосе послышалась нотка презрения. — Но знаете, что я вам скажу? — Миссис Треверс приблизила голову к смотревшему на нее бледному небритому лицу. — Я думаю, что при

всем вашему слепом презрению вы достаточно хорошо понимаете этого человека и потому отлично знаете, что можете предаваться вашему негодованию с полной безопасностью. Слышите? С полной безопасностью.

Она сейчас же пожалела, что это сказала. В самом деле, здесь, в Восточном архипелаге, полном темных козней и воинственных замыслов, было нелепо относиться к выходкам мистера Треверса с большей страстностью, чем она относилась к ним в искусственной обстановке большого города. В конце концов, она хотела только спасти его жизнь, а не утончить его восприимчивость. Мистер Треверс раскрыл рот и, не произнеся ни слова, снова закрыл его. Миссис Треверс отвернулась к прибитому на стене зеркалу.

— Эдита, где тут правда? — слышался за ней его голос.

В голосе мистера Треверса чувствовался страх неповоротливого ума, инстинктивно боящегося малоизвестных мест и новых открытий. Миссис Треверс оглянулась через плечо и проговорила:

— Правда на поверхности, уверяю вас. Только на поверхности.

Она, опять отвернувшись к зеркалу, где ее лицо встретилось с черными глазами и легкой дымкой волос под ровным лбом. Слова ее не произвели, однако, никакого действия.

— Скажите, пожалуйста, Эдита, что все это значит — воскликнул он. — Почему этот человек не извиняется передо мной? Почему нас держат здесь? Почему мы не уезжаем? Почему он не увез меня обратно на яхту? Чего он от меня хочет? Как он добился нашего освобождения от этих людей

на берегу, которые, по его словам, намеревались нас зарезать? Почему они отдали нас ему?

Миссис Треверс принялась закручивать волосы.

— Все это вытекает из высших соображений местной политики. Конфликт личных интересов. Взаимное недоверие партий, интриги отдельных лиц, — вы, ведь, знаете к каким неожиданностям все это приводит. Он воспользовался всем этим. Прежде всего ему надо было не освободить вас, а добиться того, чтобы вас отдали под его надзор. Его значение здесь очень велико; и поверьте, что ваша безопасность зависит не столько от его силы, которую он не может применить, сколько от его умения использовать свое влияние. Если бы вы захотели с ним поговорить, я уверена, что он рассказал бы вам все, что может.

— Мне вовсе не интересно слушать рассказы об его проделках. Но вас-то он посвятил во все это?

— Вполне, — подтвердила миссис Треверс, смотря в зеркало.

— Чем объясняется ваше влияние на этого человека? Выходит, как будто, что наша судьба в ваших руках.

— Ваша судьба не в моих и даже не в его руках. Тут имеется некоторое затруднение морального характера, из которого надо выйти.

— Этика шантажа, — с неожиданным сарказмом пояснил мистер Треверс.

У его жены мелькнула мысль, что, может быть, она знает его хуже, чем думала. Словно блестящая и торжественная кора твердых приличий слегка треснула, там и тут, от напряжения, обнаруживая простую бестолковость рядового смерт-

ного. Но треснула только внешность; удивительная глупость осталась, как была. Ей стало ясно, что дальнейшие споры совершенно бесполезны, и, окончив прическу, миссис Треверс сказала:

— Мне кажется, нам лучше выйти на палубу.

— Как, в этом костюме? — протянул мистер Треверс, потупив глаза.

— Ну, конечно, в этом. Это уже теперь не новость. Да кто мог бы здесь быть шокирован?

Мистер Треверс ничего не отвечал. Миссис Треверс верно определила его отношение к окружающему. Он злился на невыносимые оскорбления, которые причиняли ему люди, вещи и события, злился на слова и даже на взгляды, ощущавшиеся им, как физическая боль, как нечистое прикосновение. Он не показывал этого слишком явно, но злился.

— И позвольте вам сказать, — продолжала его жена, — что этого костюма не постыдилась бы принцесса. Он такого качества и стиля и сделан из такого материала, которые обычай предписывает для женщин самого благородного происхождения. В той стране, как мне передавали, женщины стоят на одном уровне с мужчинами. Этот костюм предназначался в подарок настоящей принцессе. Его выбрал для этого ребенка, Иммады, капитан Лингард...

Мистер Треверс произнес какой-то неопределенный звук, похожий не то на стон, не то на хрюканье.

— Должна же я как-нибудь называть его, и я думала, что это имя будет наименее оскорбительно для вашего слуха. В конце концов, этот человек существует. Но на некотором протяжении

земной поверхности его зовут также Королем Томом. Д'Алькасеру очень нравится это прозвище. Он находит, что, по своей простоте и почтительности, он замечательно подходит этому человеку. И если вы предпочитаете...

— Я предпочитаю не слышать ничего, — перебил мистер Треверс. — Ни одного звука. Даже от вас, пока я не смогу опять действовать свободно. Слова вообще меня не трогают, и мне безразличны и ваши зловещие предупреждения, и ваши легкомысленные настроения, которым вы считаете приличным предаваться в присутствии человека, жизнь которого, по вашим словам, висит на ниточке.

— Я этого ни минуты не забываю. И я не только знаю, что она висит на ниточке, но также знаю и крепость этой ниточки. Это вообще удивительная ниточка; ее спряла та самая судьба, которая сделала вас таким, каков вы есть.

Мистер Треверс почувствовал себя глубоко оскорбленным. Так к нему еще никто не обращался. В тоне слов слышалось сомнение в его ценности. И он, мистер Треверс, прожил с этой женщиной целых восемь лет! Он хмуро проворчал:

— Вы говорите, как язычница.

Это было порицание достаточно сильное, но миссис Треверс повидимому не расслышала его, ибо она оживленно продолжала:

— Не могу же я думать об этом с утра до вечера и, запершись в этой комнате, оплакивать нашу злосчастную судьбу. Это было бы нездорово. Пойдемте на палубу.

— У вас вид настоящей дикарки в этом

костюме, — продолжал с нескрываемым отвращением мистер Треверс.

У миссис Треверс было тяжело на душе, но все, что ни говорил ее муж, почему-то вызывало ее на легкомысленный тон.

— Если я не похожу на воронье пугало, я вполне удовлетворена, — небрежно бросила она и посмотрела в направлении его мрачного взгляда, устремленного на ее обнаженные ноги. Она остановилась. — Ах, вот в чем дело... Ну, что же, если хотите я могу надеть чулки. Но имейте в виду, что я должна их очень беречь. У меня здесь только одна единственная пара. Я вымыла их сегодня утром в умывальной комнате, которую они устроили на корме. Сейчас они сушатся на поручне. Пожалуйста возьмите их и передайте мне, когда вы пройдете на палубу.

Мистер Треверс круто повернулся и вышел на палубу, не говоря ни слова. Лишь только миссис Треверс осталась одна, она прижала руки к вискам и почувствовала некоторое облегчение от этого искреннего жеста отчаяния. Мерные и ритмические шаги двух человек, гулявших по палубе, ясно доносились до нее. Люди эти очевидно ходили нога в ногу и спокойно, дружески разговаривали. Она ясно различала шаг человека, жизненная орбита которого была всего дальше от ее собственной. И все-таки эти орбиты пересеклись. Несколько дней тому назад она не знала о его существовании, а теперь она могла бы узнать его шаги в шуме целой толпы. Это было невероятно. И в полусвете ее душного убежища с губ ее слеза нерешительная, испуганная улыбка. Потом она вышла на палубу.

II

Большую часть палубы «Эммы» занимала искусно сооруженная четырехугольная решетка из легких шестов и тонкой фанеры; стены этой воздушной постройки были затянуты муслином. Рамы с натянутым коленкором, служившие вместо дверей, были прикрыты целой системой занавесок, предназначенных для того, чтобы охранить помещение от москитов, которые от заката до восхода целыми тучами носились у берегов лагуны. Весь пол под прозрачным потолком был устлан тонкими циновками. Все это было придумано Лингардом и Иоргенсоном для удобства миссис Треверс, которая должна была оставаться на «Эмме» вплоть до окончательного решения судьбы обоих путешественников, да впрочем и всех остальных обитателей шхуны. Скоро непрошенные и роковые гости Лингарда научились быстро вскакивать в это помещение и выскакивать из него. Мистер д'Алькасер выполнял этот подвиг не торопясь, почти небрежно, но не хуже других. Все признавали, что он ни разу не впустил с собой ни одного москита. Мистер Треверс выпрыгивал поспешно и без грации, и всякий раз повидимому раздражался. Миссис Треверс делала это по-своему, с большой, казалось бессознательной, ловкостью. В помещении был устроен стол и поставлены плетеные кресла, разысканные Иоргенсоном где-то в трюме. Недра «Эммы» заключали в себе всевозможные вещи. Они служили одновременно и товарным складом, и арсеналом, обслуживавшим политические предприятия. В них имелся порох, кипы коленкора, ситца,

шелка, мешки риса и медные пушки. Там было все необходимое для того, чтобы убивать и подкупать людей, чтобы воздействовать на их жадность и страх, чтобы предпринимать походы и организовывать отряды, чтобы кормить друзей и поражать врагов. И богатство, и власть хранились в этом погибшем судне, неспособном к плаванию, лишенном мачт, загроможденном неуклюжими постройками из досок и муслиновых ширм.

За муслиновыми ширмами жили европейцы. Днем они виднелись точно из-за полосы тумана, а вечером в блеске зажженных внутри ламп они казались темными фантомами, окруженными светящейся стеной. Об эту стену разбивались все атаки миллионных полчищ москитов, налетающих из прибрежных лесов.

Огороженные этими прозрачными стенами, непрощенные гости Лингарда двигались, сидели, жестикулировали, разговаривали; а ночью, когда гасились все лампы, кроме одной, их вытянувшиеся на походных кроватях тела, прикрытые белыми простынями, напоминали положенные на носилки трупы. Обед происходил в этом же помещении, которое все называли — и вовсе не в насмешку — «клеткой». За обедом присутствовал обыкновенно и Лингард, смотревший на эту пытку, как на долг вежливости. Он и не представлял себе, как раздражало его присутствие мистера Треверса, слишком последовательного, чтобы вносить в свое обращение какие бы то ни было оттенки. Мистер Треверс был непоколебимо убежден, что он является жертвой бандита, добивающегося от него выкупа на каких-то непонятных условиях. Это убеждение, озлоблявшее его

до последней степени, ни на минуту не покидало мистера Треверса; оно составляло предмет его постоянных размышлений и как бы пристало к самому его телу. Оно сквозило в его хмурых глазах, в его жестах, в его зловещем молчании.

Этот моральный удар отозвался даже на здоровье мистера Треверса. У него появились нервные боли, сонливость и припадки ярости, которые он сдерживал, но которые втайне очень пугали его. Цвет лица его стал желтым, а глаза налились кровью — результат трехдневного пребывания в ограде Белараба, где его окуривало дымом от костров. Его глаза вообще были очень чувствительны к внешним условиям. Красивые черные глаза д'Алькасера обнаружили больше выносливости, и его внешность мало отличалась от обычной. Д'Алькасер с благодарностью принял предложенный Иоргенсоном синий фланелевый пиджак, вполне подошедший ему, ибо оба они были почти одинакового роста и сложения, хотя, конечно, д'Алькасер, со своей спокойной живостью и всегда настороженным умом, не был похож на Иоргенсона, который, не будучи в полном смысле слова «macabre», все же походил на бездушный, хоть и неугомонный труп. Друг с другом они почти никогда не разговаривали; разговаривать с Иоргенсоном вообще была вещь невозможная, и даже Лингард никогда не пытался совершить такой подвиг. Он только предлагал Иоргенсону вопросы, вроде того, как чародей вопрошает вызванную тень, или давал ему краткие указания, какие можно бы давать чудесно сделанному автомату. Единственным собеседником Лингарда на «Эмме» был д'Алькасер. Д'Алькасер обращался

с Лингардом, как всякий человек хорошего общества, привыкший вносить естественность даже в условности. Из чувства приличия, а может быть и из природной деликатности, д'Алькасер не проявлял ни малейшего любопытства и все время сохранял ровный, спокойно-учтивый тон, часто смягчаемый легкими улыбками, которые нередко не имели прямого отношения к его словам, но придавали им участливый и ласковый оттенок. Касались же эти слова только нейтральных тем.

Только один раз Лингард заметил в д'Алькасере более глубокое понимание положения. Это было на другой день после того, как в ограде Белараба велись переговоры насчет временного возвращения пленников. Как миссис Треверс сказала своему мужу, шаг этот был подсказан Лингарду соперничеством партий и общим настроением поселка, выбитого из колеи отсутствием человека, который, по крайней мере номинально, являлся самым сильным вождем и правителем на Береге Убежища. Белараб все еще оставался у могилы отца. Может быть, этот разочарованный и мирный человек удалился туда для того, чтобы размышлять о беспокойной природе человека и о неблагодарности своей задачи; может быть, ему просто хотелось погулять в находившемся там чистом пруде, поесть плодов, росших там в особенном изобилии, и предаться на досуге религиозным упражнениям; как бы то ни было, его отсутствие чрезвычайно осложнило дело. Правда, благодаря его престижу и установившимся привычкам подчинения, пленников отвели прямо в ограду Белараба. Хотя и отсутствующий, Белараб все еще перевешивал влияние Тенги, тайных целей которого никто не

знал; Тенга был общителен, болтлив, откровенен и воинственен, но он не был, как Белараб, признанным служителем бога, знаменитым своей благотворительностью и неукоснительным благочестием. У него не было отца, которого чтили, как святого. Но Белараб отсутствовал, и его репутация строгого и меланхолического аскета, — ибо благочестие неизбежно сопровождается строгостью, — не могла оказать должного влияния. Хорошо было только то, что он взял с собой свою последнюю жену, ту самую женщину, о которой Иоргенсон писал в своем письме, и которая настаивала на убийстве белых и грабеже яхты, не по природной злобе, а потому что ей хотелось драгоценностей и шелков, подобающих ее юному возрасту и высокому сану. Белараб избрал ее в подруги своего уединения, и Лингард был этому очень рад. Влияния ее на Белараба он, впрочем, не боялся. Он знал Белараба достаточно хорошо. Никакие слова, просьбы, упреки и нашептывания фаворитки не могли воздействовать на решения или нерешительность этого араба, все время колебавшегося между противоположными стремлениями и доводами. Лингард опасался вообще не его действий. Опасность заключалась в его молчаливом колебании, в его равнодушии и спокойствии. Белараб мог просто оставить своих белых друзей лицом к лицу с беспокойными элементами, против которых Лингард мог пустить в ход только силу. А сила в данном случае обозначала бы крушение всех его планов и надежд и, что еще хуже, являлась бы чем-то вроде измены по отношению к Хассиму и Иммаде, этим беглецам, которых он в бурную ночь вырвал из пасти

смерти и которых он обещал с торжеством вернуть в родную землю, которую он видел всего только раз, недвижно спящую под гневом пламенных небес.

В день их совместного — к великому отвращению Иоргенсона — прибытия на «Эмму», у Лингарда с миссис Треверс, как только она отдохнула, был долгий, оживленный и странный разговор. Стоявший перед ними вопрос был как будто не очень сложный, но в конце беседы оба они почувствовали себя совершенно обессиленными. Миссис Треверс не нужно было уже посвящать в факты и детали, — она знала их слишком хорошо. С другой стороны, ей не приходилось ни решать, ни просить, ибо положение не зависело от их воли. Но она устала следить за страстной внутренней борьбой, разрывавшей душу этого человека, такого отчаянно смелого и, несмотря на всю его горячность, такого сдержанного. Это заставляло ее забывать стоявшие на очереди злобы дня. Это не была пьеса, разыгрываемая на сцене, — и все же она ловила себя на том, что смотрит на Лингарда с затаенным дыханием, как смотрят на гениального актера, выступающего в какой-нибудь простой и захватывающей драме. В миссис Треверс невольно рождался отклик на стихийную борьбу сил, мучивших этот прямой ум, это бесхитростное сердце. Ей передавались его сомнения и его чувства, как будто во всем этом деле его личность была единственным предметом, достойным внимания. И, однако, что общего было у нее с этой непонятной и варварской обстановкой? Решительно ничего. К несчастью этот человек посвятил ее в свои затруднения, очевидно подпав под обаяние

ее личности. Это льстило ей, это даже трогало ее. Миссис Треверс испытывала нечто вроде благодарности и ответной симпатии, какая рождается между равными по силе людьми, признавшими ценность друг друга. И все-таки ей было жаль, что она не осталась в неведении вроде мистера Треверса или даже д'Алькасера. Впрочем, относительно последнего нельзя было угадать, сколько точного, безотчетного, проникновенного понимания скрывается под его невозмутимой внешностью.

Д'Алькасера можно было бы заподозрить в чем угодно, только не в невежестве или глупости. Ничего определенного он, конечно, не мог узнать, не мог даже уяснить себе голые факты, но в течение этих нескольких дней он, должно быть, смутно учуял положение. Он был острым и проницательным наблюдателем, несмотря на всю свою изолированность от жизни, — изолированность, впрочем, совершенно иного порядка, чем бесстрастная отрешенность Иоргенсона. Миссис Треверс очень хотелось разделить с д'Алькасером бремя (ибо это было бремя), возложенное на нее рассказами Лингарда. Ведь она не вызывала Лингарда на откровенность, да и сам Лингард не обязал ее хранить рассказанное в тайне. Таких обязательств даже не подразумевалось. Он не говорил ей, что она — единственный человек, которому он желал бы поведать свою историю.

Он только сказал, что она — единственный человек, которому он сам мог рассказать все это, ибо никто другой не смог бы вызвать его на откровенность. Смысл его слов был только таков. Ее бы очень облегчило, если бы она передала эту

историю д'Алькасеру и таким образом вышла из того романтического мира, где она оказалась запертой один на один с Лингардом. Кроме того, и свою ответственность она разделила бы с другим, понимающим, человеком. Тем не менее она почему-то была не в силах на это решиться, словно боясь, что, разговаривая с д'Алькасером о Лингарде, она выдаст свой внутренний мир. Это было чувство смутного беспокойства, настолько, однако, сильное, что она испытывала его даже тогда, когда говорила с Лингардом при д'Алькасере. Дело, конечно, не в том, что д'Алькасер позволял бы себе пристально смотреть на них или хотя бы украдкой бросать на них взгляд. Но он, может быть, намеренно отворачивался, — да, это было бы еще оскорбительнее.

— Я просто глупа, — прошептала про себя миссис Треверс с глубоким, спокойным убеждением. Но, прежде чем выйти на палубу, она подождала, пока шаги двух собеседников остановились у рубки, потом разошлись в разные стороны и замерли. Она вышла немного спустя, после того, как на палубу прошел мистер Треверс.

На всем внешнем мире лежала печать ясного спокойствия, точно намеренно подчеркивавшего хаос людских столкновений. Мистер Треверс удалился с палубы в клетку, где он и в самом деле походил на пленника и вообще казался совсем не на своем месте. Д'Алькасер тоже ушел туда, но хранил независимый вид. Это не было позированием. Как и мистер Треверс, он сидел в плетеном кресле, приняв почти такую-же позу; но в этой позе чувствовалось что-то совсем другое, не вязавшееся с мыслью о плене. Да и кроме того,

д'Алькасер никогда и нигде не казался не на своем месте.

Чтобы подольше сохранить свои европейские башмаки, миссис Треверс надела пару кожаных сандалий, извлеченных из того же матросского сундука. Она прикрепила их к ступням, но при ходьбе они все же стучали о палубу. Эта часть костюма казалась ей наиболее экзотической. Ей пришлось несколько изменить свою обычную походку, и теперь она ходила быстрыми, короткими шагами, вроде Иммады. «Помимо всего прочего, я еще отнимаю у девушки ее платье», — подумала она. Она уже знала, что девушка такого высокого ранга, как Иммада, не стала бы носить платье, которое носила другая.

Услышав легкий стук сандалий миссис Треверс, д'Алькасер оглянулся назад, но сейчас же повернул голову обратно. Миссис Треверс облокотилась о поручень, подперла голову рукой и стала бесцельно смотреть на спокойную поверхность лагуны.

Она стояла спиной к клетке, к передней части палубы и к полосе ближнего леса. Огромные стволы деревьев высились темными неправильными колоннами, перевитыми стеблями вьющихся растений. Погруженный в сумрак лес был так близко от берега, что, склоняясь за борт, она могла видеть в хрустальной глади воды его темные опрокинутые отражения, четко выделявшиеся на фоне отраженного синего неба. Это было похоже на синюю бездну, просвечивающую сквозь прозрачную пленку. И та же неподвижная бездна открывалась глазу в залитой солнцем, никому неведомой лагуне. Миссис Треверс остро почувствовала свое одино-

чество. Она казалась себе единственным живым существом ее породы, двигавшимся в этом таинственном мире; здесь она была как бы бесправным и беззащитным призраком, в конце концов вынужденным сдаться господствующим здесь силам. В этом одиночестве чувствовалась катастрофическая напряженность. Вокруг м-с Треверс был начертан какой-то магический круг, который отрезывал ее от мира, но отнюдь не охранял. Позади нее вдруг послышались знакомые шаги. Она не повернула головы.

С тех пор, как «джентльмены», как их называл Лингард, появились на палубе «Эммы», м-с Треверс и Лингард не обмолвились ни одним сколько-нибудь значительным словом.

Когда Лингард решил вести дело путем мирных переговоров, м-с Треверс спросила его, на что он рассчитывает.

— На мое счастье, — отвечал он.

В действительности он рассчитывал на свой престиж, но если бы он даже и знал это слово, он не произнес бы его, ибо оно звучало бы похвальбой. Впрочем, он и действительно верил в свое счастье. Никто, ни белые, ни темнокожие, не сомневались в данном им слове, и это, конечно, было немалым преимуществом в предстоящих переговорах. Но все же окончательный исход зависел только от удачи. Он так и сказал м-с Треверс при прощании, когда Йоргенсон уже ждал его в лодке, которая должна была отвезти его через лагуну в поселок Белараба.

Испуганная его решением и той неуверенностью, которая сквозила в брошенной Лингардом фразе: «Я думаю, что я смогу это сделать»,

м-с Треверс уронила руку в его широко раскрытую сильную ладонь, где опытный хиромант увидел бы не одну только линию счастья. Лингард тихо пожал ее руку. Она молча смотрела на него. Он подождал и необычно мягким голосом проговорил:

— Ну, что же, пожелайте мне удачи!

Она ничего не говорила, и Лингард, все еще державший м-с Треверс за руку, удивлялся ее колебанию. М-с Треверс не могла отпустить его, а Лингард не знал, что ему сказать. Наконец м-с Треверс решила еще раз пустить в ход свое влияние.

— Я поеду с вами, — решительно заявила она. — Я не могу ждать здесь целыми часами в полной неизвестности.

Он вдруг уронил ее руку, точно обожженный.

— О, да, конечно, — смущенно согласился он.

Ведь один из пленников был ее муж! Такая женщина и не могла поступить иначе. Возразить было нечего, но он все же колебался.

— Вы думаете, что мое присутствие может все испортить? Но я уверяю вас, что мне тоже везет... Не меньше, чем вам, — прибавила она с улыбкой.

— О, да, мы оба счастливые люди, — пробормотал он.

— Я считаю себя счастливой, потому что встретила такого человека, как вы, — человека, готового сражаться за мое... за наше дело, — горячо воскликнула м-с Треверс. — Что было бы с нами, если бы не было вас? Вы должны мне позволить поехать с вами.

Он вторично подчинился ее желанию сопровождать ее. Ведь даже если бы дело приняло

плохой оборот, с ним и Иоргенсоном она была бы в большей безопасности, чем здесь, на «Эмме», под защитой нескольких малайских воинов. Лингард подумал, что надо бы захватить пистолеты, которые он намеренно оставил на судне, ибо считал, что на важное совещание лучше ехать совсем безоружным. Пистолеты лежали тут же, на поручне, но он, в конце концов, не взял их. Четыре выстрела все равно ничему не помогут. Они не помогут, если рушится создаваемый им мир. На счет этого он, однако, ничего не сказал м-с Треверс, но занялся тем, чтобы изменить ее наружность. Перед м-с Треверс открыли хранившийся на рубке матросский сундук, и она с интересом стала рассматривать его содержимое. Лингард протянул ей коленкорovou накидку с застежками из драгоценных камней, какую носят малайские женщины. Эту накидку м-с Треверс должна была надеть поверх своего европейского костюма. М-с Треверс молча подчинилась. Затем Лингард вытащил длинный белый шелковый шарф, вышитый по краям и на концах, и попросил ее закутать им голову, так, чтобы не видно было ничего, кроме глаз.

— Мы ведь едем к магометанам,—объяснил он.

— Понимаю. Вы хотите, чтобы я имела респектабельный вид, — пошутила она.

— Дело в том, м-с Треверс, что большинство здешних жителей, а главари и подавно, ни разу в жизни не видали белой женщины. Но, может быть, вам больше нравится один из тех шарфов? Их тут целых три.

— Нет, этот достаточно хорош. Все они очень роскошны. Очевидно, принцессу надо отправлять

в ее страну в наивозможном великолепии. Какой вы заботливый человек, капитан Лингард! Это дитя было бы очень растрогано, если бы оно знало о ваших приготовлениях... Ну, что же, так хорошо?

— Да, хорошо, — отвечал Лингард, отводя глаза в сторону.

М-с Треверс последовала за ним в лодку. Малайцы молча уставились на нее. Иоргенсон, угловатый и застывший, не подавал никаких признаков жизни, даже не шевелил глазами. Лингард усадил ее у руля и сел рядом.

Жгучее солнце светило так, что в блеске его исчезали все цвета.

Лодка быстро плыла по блистающей поверхности лагуны и скоро пристала к коралловому берегу бухты, похожему на раскаленный добела металлический полумесяц. Все трое вышли. Иоргенсон важно раскрыл над головой м-с Треверс белый зонтик, и она шла между двух мужчин: ошеломленная, как бы во сне, и ощущая землю только подошвами. Все было тихо, пусто, раскаленно, фантастично. Когда открылись ворота ограды, она заметила молчаливую, настороженную толпу, массу бронзовых тел, задрапированных в цветные ткани. Люди теснились под тенью трех высоких лесных великанов, оставленных внутри палисада. Под их широкими ветвями холодно поблескивали широкие клинки пик, украшенных пучками из конского волоса.

Слева, несколько строений на сваях с длинными верандами и огромными крышами высоко вставали над толпой и, словно рея в ярком свете, казались менее вещественными, чем их тяжелые

тени. Лингард, указывая на одно из самых небольших строений, сказал вполголоса:

— Здесь я прожил две недели, когда в первый раз был у Белараба, — и м-с Треверс еще живее ощутила, что все это — сон, когда заметила за перилами веранды две фигуры в кольчугах и в остроконечных шлемах с белыми и черными перьями, на страже запертой двери. Неподалеку стояла высокая скамья, покрытая турецким ковром. Лингард провел к ней м-с Треверс. Иоргенсон спокойно закрыл зонт. И как только она уселась между своими двумя спутниками, вся толпа разом пала ниц, и в глубине двора она увидела одинокого человека, прислонившегося к гладкому стволу дерева.

Его голова была повязана белой тканью, концы которой спускались ему на грудь, обрамляя худое, смуглое, с большими глазами лицо. Полосатый шелковый плащ спускался до самых ног, и в отдалении он казался высоким и таинственным; его прямая и небрежная поза дышала самоуверенностью и силой.

Лингард, слегка нагнувшись, шепнул на ухо м-с Треверс, что этот человек, державшийся вдали и игравший повидимому главную роль, был Даман, вождь илланунов, тот самый, который приказал захватить пленников. Два диких полуобнаженных человека, покрытые украшениями и амулетами, повязанные красно-золотыми платками и сидевшие у его ног с обнаженными мечами на коленях, были пангерансы, которым он поручил исполнить приказ и привести пленников в лагуну. Два воина в кольчугах, стоявшие на страже у дверей небольшого дома, были телохранители Бела-

раба, появлявшиеся только в исключительных случаях. Их присутствие указывало на то, что пленники находятся у Белараба, и это было хорошим признаком, пока что. К сожалению, сам великий вождь отсутствовал.

Лингард принял официальную позу. М-с Треверс стала смотреть на большой двор с бесконечными рядами сидевших на земле людей. У нее слегка закружилась голова.

Толпа замерла. Даже глаза, затененные пестрыми головными платками, остановились. На фоне сверкающей лагуны и бледного раскаленного неба четко выделялся черный силуэт пальмы. М-с Треверс удивлялась, почему нет Хассима и Имады. Впрочем, девушка могла быть где-нибудь в доме, вместе с женщинами Белараба.

Вскоре принесли другую скамейку, на которую уселись пять человек с круглыми, важными лицами, одетые в роскошные шелковые и бархатные, шитые золотом, плащи. Руки их покоились на коленях; один из них, облаченный в белый плащ и большой почти черный тюрбан, наклонился вперед и сидел, опершись головой на руку. Щеки его были впалые, и глаза не отрывались от пола, словно боясь взглянуть на неверную женщину.

Вдруг по толпе пробежал тихий шопот. Лингард выпрямился и принял бесстрастно-внимательную позу. Переговоры начались; велись они тихим голосом, в полутонах, с длинными паузами. Все воины неподвижно сидели на земле и только стоявшая вдали фигура Дамана высилась над всем собранием. Но и у Дамана м-с Треверс не могла подметить никаких жестов. И раздававшийся

вокруг нее певучий шопот окутывал все окружающее атмосферой мира и спокойствия.

Она не понимала ни одного слова, и это почему-то успокаивало ее. Иногда наступало молчание, и Лингард шептал:

— Дело не так-то легко.

Тишина была такая мертвая, что можно было слышать шелест голубиных крыльев в ветвях высоких деревьев. Затем вдруг начинал речь один из сидевших на скамье, и полная неподвижность лица делала его слова еще более загадочными. Только настороженное выражение глаз показывало, что говоривший обращался не к самому себе, а к Лингарду, время от времени бросавшему в ответ несколько слов, то с серьезным выражением лица, то с улыбкой. Обычно вслед за этим среди присутствующих раздавался шопот, означавший как будто одобрение, — и снова воцарялось задумчивое молчание, и толпа казалась еще более застывшей, чем раньше.

Когда Лингард шепнул м-с Треверс, что теперь его черед говорить, она подумала, что он подымет с повелительным жестом. Но он не встал. Он говорил сидя, и вибрирующий голос его, хотя и сдерживаемый, разносился далеко кругом. Он говорил и говорил, — а солнце, взбираясь по безоблачному небу, перемещало тень деревьев и сквозь густую листву изливало потоки горячего света на головы толпы. Иногда раздавался ропот. Тогда Лингард останавливался и, бесстрашно глядя на собрание, ждал, пока водворится тишина. Один или два раза ропот превращался в громкий гул, и Иоргенсон что-то бормотал про себя. Даман попрежнему стоял в тени дерева, над рядами

голов, скрестив руки на груди. Край белой ткани скрывал его лоб, а у ног его, как бронзовые идола с мечами на коленях, сидели два илланунских вождя, изукрашенные амулетами, яркими перьями, раковинами, ожерельями из зубов, когтей и сверкающих бус. И даже перья их головных уборов не шевелились.

— Судах! Кончено!

Головы задвигались, сидячие тела закачались из стороны в сторону. Лингард кончил. С минуту он продолжал сидеть, оглядывая толпу; потом встал вместе с Иоргенсоном и м-с Треверс, и все собрание в беспорядке поднялось с мест.

Несколько приближенных Белараба, молодые широколицые люди, одетые во что-то вроде мундиров из клетчатого саронга, черной шелковой куртки и красной шапочки набекрень, кичливе прошли сквозь смешавшуюся толпу и выстроились в два ряда перед недвижимым Даманом и его илланунскими вождями в воинственных уборах.

Старейшины оставили свою скамью и подошли к белым с приветливыми улыбками и почтительными жестами. Судя по их поведению, они были настроены примирительно, и только человек в большом тюрбане упрямо держался в отдалении, вперив глаза в землю.

— Сделано, — прошептал Лингард.

— Это было очень трудно? — спросила м-с Треверс.

— Нет, — отвечал он, сознавая в глубине души, что хотя он и пустил в ход весь свой престиж и использовал до последних пределов обаяние своего богатства и страх перед своим именем, он все же добился только оттяжки окончательного реше-

ния. Он предложил м-с Треверс руку, приговорясь увести ее, но вдруг застыл на месте.

Властным жестом Даман раздвинул ряды воинов Белараба в красных шапочках, и направился к белым. В толпе воцарилось изумленное молчание.

Раздавшиеся ряды опять сомкнулись за ним. Илланунские вожди, несмотря на свой свирепый вид, осмотрительно не двинулись с места. Для этого не потребовалось и тихого предостерегающего шопота Дамана. Он шел один. Из-под складок его плаща высовывались эфес меча и ручки двух пистолетов. На груди на красном шелковом шнурке висел коран в бархатном переплете. Общий вид его был величествен и воинствен, движения спокойны, взгляд решительный. Он держался прямо, с какой-то торжественной скромностью.

Лингард поспешно предупредил м-с Треверс, что этот человек встречается с белыми и что, если он захочет обменяться с ней рукопожатием, она должна предварительно прикрыть свою руку концом шарфа.

— Почему? — спросила она. — Таковы правила приличия?

— Да, так будет лучше. — отвечал Лингард.

Через секунду м-с Треверс почувствовала, как ее обернутую руку тихо пожали тонкие смуглые пальцы и сама себя почувствовала совсем по-восточному, когда, закутанная по глаза, она встретилась с блестящим черным взглядом предводителя морских разбойников. Но это длилось только миг, потому что Даман сейчас же отвернулся от нее и подал руку Лингарду.

— Велика твоя сила, — сказал он приятным голосом. — Белые люди будут тебе выданы.

— Да, их отдадут под мой надзор, — с вежливой улыбкой отвечал Лингард, но не разгоняя хмурых морщин, легших на его лоб при приближении Дамана.

Он взглянул через плечо на группу воинов, эскортировавших пленников, которых только-что вывели на двор.

Видя, что Даман как бы загораживает Лингарду дорогу, они остановились и плотным кольцом окружили обоих белых.

Даман равнодушно взглянул в том же направлении.

— Они были моими гостями, — пробормотал он. — Да позволит аллах, чтобы я скоро пришел к тебе узнать о них... Как друг, — прибавил он после маленькой паузы.

— И да позволит аллах, чтобы ты не ушел с пустыми руками, — отвечал Лингард, разглаживая морщины. — Ведь не для одних же ссор суждено встретиться тебе и мне. Разве ты предпочел бы, чтобы их отдали под надзор Тенге?

— Тенга толст и коварен, — с презрением отвечал Даман. — Он просто лавочник, который хочет быть вождем. Он — ничто. А мы с тобой — люди, имеющие силу. Но слушай. Людские сердца изменчивы, и вожди зависят от своих воинов. А ум простых людей неустойчив, желания их непостоянны, и мыслям их верить нельзя. Говорят, что ты великий вождь. Не забывай, что я тоже вождь вооруженных людей.

— Я слышал о тебе, — спокойно отвечал Лингард.

Даман уставился в землю. Вдруг, широко раскрыв глаза, он взглянул на Лингарда и проговорил:

— Но сам ты это видишь?

М-с Треверс, слегка опершейся рукой о руку Лингарда, показалось, будто она участвует в пышно поставленной экзотической опере, на блестяще освещенной сцене, под аккомпанимент не музыки, а разнообразных звуков всепроникающей тишины.

— Да, вижу, — отвечал Лингард странно конфиденциальным тоном. — Но в руках великого вождя есть и сила.

М-с Треверс заметила, что ноздри Дамана слабо задрожали, как будто под влиянием сильного волнения. Поддерживавшая ее рука Лингарда в белом рукаве оставалась твердой, как мрамор. Даже не глядя на него, она чувствовала, что он мог бы одним движением раздавить эту нервную фигуру, в которой веяло дыхание пустыни, где скитались на верблюдах его кочевники-предки.

— Сила в руках аллаха, — сказал Даман, и лицо его сразу потеряло оживление. Он умолк.

— Это правда, — ответил Лингард.

Даман с тонкой улыбкой продолжал:

— Но он награждает людей по своей воле и дает успех даже тем, кто не принадлежит к истинной вере.

— Раз такова воля аллаха, ты не должен питать злобы к ним в своем сердце.

Тихое восклицание: «против этих-то людей!» и пренебрежительный жест смуглой худой руки из-под складки плаща были почти понятны

м-с Треверс, таким выразительным презрением дышали они. Лингарду они обрисовали еще яснее характер союзника, добытого для него дипломатией Белараба. Но это высокомерное равнодушие не вполне успокаивало его. Он больше верил эгоизму людей. Даман согласился помогать ему только потому, что рассчитывал получить богатство и почетный пост в отвоеванном королевстве. Его отец и дед (о которых Иоргенсон писал, что их повесили ради примера двенадцать лет тому назад), были друзьями султанов, советниками правителей, богатыми купцами, финансировавшими пиратские экспедиции. Из чувства ненависти Даман стал добровольным изгнанником и жил в каком-то уединенном убежище, пока Белараб не извлек его оттуда.

В немногих словах Лингард объяснил Даману, что его воинам не грозит никакой опасности, пока они не будут ничего предпринимать против застрывшей на мели яхты.

Как и предполагал Лингард, захват пленников был вызван страхом и желанием обезопасить себя заложниками на случай возможных осложнений.

Застрывшая яхта вызвала у Дамана подозрения. Ему казалось, что теперь нарушена тайна, окутывавшая эти места. Ведь вообще верить белому человеку, хотя бы и совсем оторвавшемуся от своего народа, настоящее безумие. В данном случае, может быть, это был просто заговор, имевший целью запутать Дамана. Бриг Лингарда представлялся ему могущественным орудием войны. Даман растерялся и захватил двух белых в заложники, но, не доверяя своим диким воинам, поспешил передать их под охрану Белараба. Отсутствие

Белараба, отказ Йоргенсона немедленно передать ему обещанные припасы и аммуницию, положение дел в поселке — все это нагоняло на него смутный страх. А теперь еще белый человек одной силой своей речи добился обратной выдачи пленников. Даман был изумлен и испуган таким влиянием. Он прожил долгие годы отшельником в одном из самых диких уголков архипелага, и теперь ему казалось, что он со всех сторон опутан интригами. Но такой союзник, как Лингард, представлял большую цену, и Даман вовсе не хотел с ним ссориться. Поэтому он пока решил поверить Лингарду на слово, что ничто не грозит его людям, расположившимся на отмели. Он внимательно слушал и точно запоминал медленные речи Лингарда. Сила этого безоружного великана казалась ему огромной. Он тихо склонил голову.

— Аллах наше прибежище, — пробормотал он, подчиняясь неизбежности.

М-с Треверс он представлялся не живым человеком, а хорошим этюдом, фантастическим образом свирепой и утонченной души, который яркими красками набросал художник. Его тонкая подулыбка была необыкновенна, острая, как наточенная сталь, пронизательная до боли. Весь двор теперь был во власти палящего солнца и населен тенями: очертания фигур, оттенки их одежд сразу выцвели под его беспощадными лучами. Даже коричневые крыши и стены и те ослепительно сверкали. Даман отошел в сторону и перестал улыбаться. М-с Треверс, опершись на руку Лингарда, пошла вперед среди жгучего зноя, такого сильного, что его как-будто можно было обонять, щупать рукой, пробовать на язык.

Она точно плыла в нем, поддерживаемая Лингардом.

— Где они? — спросила она.

— Они идут за нами, — отвечал Лингард. Он был так уверен в выдаче пленников, что даже ни разу не оглянулся, пока они не дошли до лодки.

Группа воинов раздалась направо и налево, и м-р Треверс с д'Алькасером выступили вперед, странные и нереальные, словно свои собственные двойники.

М-р Треверс не дал понять ни одним жестом, что он замечает присутствие жены: очевидно, это было ему очень неприятно. Д'Алькасер шел улыбаясь, с таким видом, точно он находился в салоне.

С немногими веслами, тяжелая европейская лодка медленно двигалась по воде, казавшейся бледной и сияющей, как небо над ней. Йоргенсон поместился на носу. Остальные белые — на задних банках, при чем освобожденные пленники посредине. Вдруг Лингард заговорил:

— Я должен вас предупредить обоих, что дело еще не кончено. Вас отпустили на мое честное слово.

Мистер Треверс отвернулся. Д'Алькасер вежливо слушал. В течение всего пути не было больше произнесено ни одного слова.

Оба пленника взошли на корабль первыми. Лингард остался сзади, чтобы помочь м-с Треверс подняться по трапу. Она крепко пожала ему руку и, взглянув ему в лицо, проговорила:

— Это был удивительный успех.

Его восхищенный взгляд оставался некоторое время неподвижным, как будто она ничего не сказала. Затем он восторженно прошептал:

— Вы понимаете все.

Она отвернулась от него и должна была высовывать свою руку, которую он не отпускал. У Лингарда кружилась голова, точно он падал с огромной высоты.

III

М-с Треверс, остро чувствуя, что за нею стоит Лингард, смотрел на лагуну. Немного времени спустя, Лингард сделал шаг вперед и, подойдя к поручню, стал рядом с ней. М-с Треверс продолжала смотреть на воду, отливавшую под лучами заката темным пурпуром.

— Почему вы избегаете меня с тех пор, как мы вернулись из ограды? — глухо спросила она.

— Мне нечего вам рассказать, пока не приедут с новостями раджа Хассим и Иммада, — таким же голосом ответил Лингард. — Удалась ли Хассиму его миссия? Подействуют ли на Белараба его доводы? Согласится ли он выйти из своей скорлупы? Скоро ли вернется Хассим? Все это неизвестно... Оттуда до меня не доходит ни звука. Может быть, Белараб тронулся в путь два дня тому назад и теперь приближается к поселку. Может быть, он расположился станом на полдороге под влиянием какого-нибудь минутного каприза. А может быть, он теперь уже в поселке. Что мы его не видели, это ничего не значит. Дорога от холмов проходит не около бухты.

Он нервно схватил подозрную трубу и направил ее на потемневшую ограду. Солнце уже спустилось за леса. На светло-зеленой кайме нижнего края неба контуры древесных вершин отсвечивали

золотом. Вверху бледный пурпур зари переходил в темную лазурь вечернего неба. Вечерние тени сгустились над лагуной, опускаясь на борта «Эммы» и на дальний берег. Лингард положил трубку.

— М-р д'Алькасер тоже почему-то избегает меня, — сказала м-с Треверс. — Вы с ним очень подружились, капитан Лингард.

— Да, он очень приятный человек, — рассеянно прооронил Лингард, — но иногда он говорит странные вещи. Вчера он, например, спросил, есть ли тут игральные карты, а когда я спросил, — чтобы что-нибудь сказать, — любит ли он карточную игру, он рассказал мне, с этой своей улыбкой, вычитанную им историю об осужденных на смерть узниках, которые перед казнью играли в карты со своими тюремщиками, чтобы скоротать время.

— А вы что сказали?

— Я сказал, что карты, должно быть есть; Иоргенсон должен знать. Потом спросил, не смотрит ли он на меня, как на тюремщика. Он стал очень жалеть и извиняться, что рассказал этот анекдот.

— Это было жестоко с вашей стороны, капитан Лингард.

— Это у меня вырвалось ненарочно, и мы тут же посмеялись.

М-с Треверс оперлась о поручень и опустила голову на руки. Каждая поза этой женщины почему-то глубоко действовала на Лингарда. Он вздохнул. Наступила долгая пауза.

— Я очень хотела бы понимать слово в слово то, что говорилось в то утро.

— В то утро? — повторил Лингард. — В какое утро?

— Когда я шла из поселка Белараба во главе процессии, капитан Лингард, под руку с вами. Мне представлялось, что я иду по блестящей сцене в какой-нибудь роскошно поставленной опере, которую зрители смотрят с замиранием. Вы не можете себе представить, каким нереальным все это казалось и как сама себе я казалась выдуманной! Совсем как в опере...

— Понимаю. Одно время я работал на золотых приисках. Иногда нам приходилось наезжать в Мельбурн с набитыми карманами... и я как-то раз попал на одно такое представление. Конечно, оно, должно быть, было не такое пышное, как те, что вам приходилось видеть. Там играли под музыку и все время пели.

— Каким выдуманным, должно быть, вам все это казалось, — сказала м-с Треверс, не глядя на него. — Вы не помните название этой оперы?

— Нет. По правде сказать, я и не интересовался ее названием. Никто из нас.

— Я не буду спрашивать вас о ее содержании. Вам, наверное, оно представлялось сплошной нелепостью. Ведь только в сказках люди постоянно поют.

— Эти люди не всегда пели от радости. — простодушно возразил Лингард. — Впрочем, сказок я не знаю.

— В сказках по большей части рассказывается о принцессах, — тихо проговорила м-с Треверс.

Лингард не расслышал. Он наклонил ухо, но м-с Треверс не смотрела на него. и он не стал просить ее повторить.

— Сказки только для детей, — сказал он. — А эта вещь с музыкой, м-с Треверс, о которой я говорю, была не для детей, уверяю вас. Из всех представлений, что я видел, оно показалось мне самым правдивым.. Более правдивым, чем сама жизнь.

М-с Треверс вспомнила, как пусты бывают оперные либретто, и была несколько тронута такой бесхитростной восприимчивостью. Это походило на то, как если бы изголодавшийся человек стал восхвалять прелести сухой корки хлеба.

— Вы, наверное, забыли себя, когда слушали эту оперу, — заметила она.

— Да, она меня увлекла. Вам, наверное, знакомо это чувство.

— Нет, я даже ребенком не испытывала таких чувств, — сказала м-с Треверс.

Лингарду показалось, что в этих словах зазвучало чувство превосходства. Он слегка нагнул голову. Что она говорила, было для него несущественно. Всего приятнее ему было то, что она не смотрит на него; это давало ему возможность вволю смотреть на линию ее щеки, на ее маленькое ухо, наполовину скрытое колечком тонких волос, на ее открытую шею. Вся ее фигура была непостижимое, поразительное чудо, действовавшее не столько на его глаза, сколько на какую-то другую внутреннюю сторону его «я», независящую от его чувств. Ему ни на минуту не приходило в голову, что она далека от него. Неосязаема, может быть, но вовсе не далека. Ее духовная сущность была ему понятна, и лишь ее материальная оболочка вызывала в нем благоговейное изумление.

— Нет, — начала опять м-с Треверс. — Я никогда не могла увлекаться историями и забывать о себе. Это не в моей натуре. Даже в то утро, на берегу, когда дело касалось меня так близко, я и то не могла забыть себя.

— Вы держали себя превосходно, — сказал Лингард, с улыбкой глядя на ее затылок, на ее уши, на выбившиеся из-под прически волосы, на уголки ее глаз.

Ее темные ресницы слегка трепетали, и тонкий румянец щек ощущался скорее, как аромат, чем как цвет.

— Вы одобрили мое поведение.

— Вы вели себя именно так, как надо. Честное слово, они все с ума посходили, когда они поняли, кто вы такая!

— Я должна бы чувствовать себя польщенной. Но я вам признаюсь, что я чувствовала себя тогда, как в маскараде, несколько сердилась, и вообще была выбита из колеи. Мне, должно быть, помогало то, что я желала угодить.

— Не могу сказать, чтобы вы им особенно угодили, — сказал Лингард. — Они были скорее испуганы.

— Я хотела угодить вам, а не им, — небрежно уронила м-с Треверс.

С берега донесся слабый, хриплый и нетерпеливый крик птицы, точно звавший поскорее ночь. В сгуставшихся сумерках лицо Лингарда темнело. Лимонно-желтые и эфирно-зеленоватые отблески исчезли с неба, и теперь оно все заволочлось темным, зловещим багрянцем. Солнце совсем опустилось за черным пологом леса, и золотистой бахромы уже не было видно.

— Да, я тогда ощущала самое себя до нелепости остро, — продолжала м-с Треверс, тоном светского разговора. — Вероятно, благодаря этому костюму, который вы заставили меня надеть поверх моего европейского платья. Вы знаете, я чувствую себя в нем совершенно естественно, хотя эти вещи неполно ко мне подходят. Эти шелковые рукава немного жмут, плечи точно связаны, а сарафг до невозможности короток. По праву он должен был бы покрывать мне ноги. Но мне нравится, что этот костюм дает свободу движений. В жизни вообще мне редко доставалось то, что мне нравится.

— Мне что-то не верится, — сказал Лингард. — Если-бы это говорили не вы...

— Я это не всякому сказала бы, — проговорила миссис Треверс, на минуту повернув голову к Лингарду и потом опять отвертываясь к потемневшей лагуне. Где-то вдаль слабо мигали два огонька, не то на берегу, не то дальше, у опушки далекого леса. Наверху начали появляться звезды, но свет их был еще слаб и как будто не мог дойти до лагуны.

Только на западе, сквозь багровый туман заката, ярко сияла заходившая планета.

— Считалось, что мне вредно пользоваться свободой. Так, по крайней мере, мне говорили. Но я подозреваю, что это было просто-на-просто неприятно другим.

— Я думал... — начал Лингард, замаялся и остановился. Ему казалось непонятным, что находились люди, не желавшие сделать приятное этой женщине. Горечь ее тона поразила его. Повидимому, миссис Треверс не очень интересовала

лась узнать, что он хотел сказать. Подождав немного, она прибавила:

— Ко мне так относились не только в детстве. Детство я вообще плохо помню. Я, должно быть, была очень несносным ребенком.

Лингард пытался представить ее себе ребенком. Это оказывалось трудным. Ее совершенная красота, казалось, пришла в мир окончательно сложившейся, зрелой, без всяких недоделанностей или недостатков. Он не знал детей ее класса. Дети, которых он знал, играли на деревенской улице, бегали по берегу бухты. Он сам был таким ребенком. Конечно, потом он видал и других детей, но только издалека, да и то это были не английские дети. Ее же детство, как и его собственное, прошло в Англии, и потому-то так трудно было его вообразить. Он не знал даже, где она жила ребенком — в городе или в деревне, и видала-ли она в детстве море. И разве подобный ребенок мог быть несносным? Но он вспомнил, что дитя, которое бранят, бывает очень несчастным, и сказал:

— Мне жаль вас.

Миссис Треверс рассмеялась. Человеческие фигуры в муслиновой клетке превратились в мутные тени. Видно было, как д'Алькасер встал и начал ходить. Систематическое молчание мистера Треверса, может быть, вызывавшееся и болезнью, раздражало его, хотя речи его хозяина никогда особенно не развлекали и не успокаивали его.

— Вы очень добры. Вы, вообще, умеете чувствовать симпатию к людям, но, в конце концов, я не уверена, на кого именно направлены ваши

симпатии — на меня или на ваших горемычных друзей? — сказала миссис Треверс.

— На ребенка — серьезно сказал Лингард, игнорируя насмешливость тона. — Детям приходится особенно плохо.

— Но разве вы знаете что-нибудь о детях? — спросила она.

— Знаю по себе, — отвечал он несколько удивленно.

Миссис Треверс почувствовала смущение. Она тоже не могла представить себе его детства, как будто он заявился на свет в полноте физических и умственных сил; это показалось ей наивным, и она рассмеялась. Лингард не произнес ни звука.

— Не сердитесь, — сказала она. — Мне бы и в голову не пришло смеяться над вашими чувствами. Ваши чувства вообще — самое серьезное, с чем я когда-либо встречалась. Я смеялась над собой, над одним странным открытием, которое я сделала.

— Когда вы были ребенком? — спросил Лингард, помолчав.

— О, нет, долгое время спустя. Ребенок не мог бы сделать такого открытия. Знаете, в чем наибольшая разница между нами? Вот в чем. С самого детства я только и делала, что смотрела на представление, но ни на одну минуту меня не обманывали ни побрякушки, ни шум, ни все вообще, происходившее на сцене. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Лингард помолчал.

— Так что ж? Мы больше не дети. — В его голосе была бесконечная нежность. — Но если вы были несчастны, вы с тех пор наверное воз-

наградили себя. Такой женщине, как вы, стоит только сделать знак...

— Чтобы все с перепугу бросились на колени?

— О, нет, не с перепугу, — улыбнулся Лингард и сразу перешел на деловой тон. — Ваш супруг... — Он замялся, и миссис Треверс воспользовалась этим, чтобы холодно вставить:

— Его зовут мистер Треверс.

Лингард не знал, как это понять. Ему пришло в голову, что он сказал что-то невежливое. Но как ему называть этого человека? Ведь он же действительно был ее муж. Мысль эта была ему неприятна, потому что этот человек относился к нему с нелепой и желчной враждебностью. В то же самое время он сознавал, что и вражда, и дружба мистера Треверса были ему одинаково безразличны. Он почему-то почувствовал внезапную досаду.

— Да. Я именно его имею в виду, — уронил он презрительно. — Мне не особенно нравится это имя, и я стараюсь по возможности не говорить о нем. Если бы он не был вашим супругом, я ни одного часа не выдержал бы его обращения. Вы знаете, что случилось бы с ним, если бы он не был вашим мужем?

— Нет, — ответила миссис Треверс. — А вы знаете, капитан Лингард?

— Не совсем, — согласился он. — Но, во всяком случае, нечто весьма неприятное, поверьте.

— Не думаю, чтобы его теперешнее положение было ему приятно, — заметила миссис Треверс.

Лингард отрывисто рассмеялся.

— Я вообще, кажется, не в силах сделать для него что-либо приятное, — серьезным тоном

сказал он. — Извините за откровенность, миссис Треверс, но мне иногда очень трудно оставаться с ним вежливым. В жизни мне со многим приходилось мириться, только не с презрением.

— Вполне верю, — сказала миссис Треверс. — Ведь ваши друзья называют вас, кажется, Королем Томом?

— Мне безразлично, как они ко мне относятся. У меня нет друзей. Но, действительно, они меня так называют.

— У вас нет друзей?

— Ни одного. У человека вроде меня не бывает близких людей.

— Это вполне возможно, — проговорила про себя миссис Треверс.

— Даже Иоргенсона я не могу назвать приятелем. Старый чудак Иоргенсон! А ведь он тоже зовет меня Королем Томом. Видите, как это мало значит.

— Да, я знаю. Я слышала. У этого бедняги нет тона, а ведь от тона многое зависит. А что, если бы я стала называть вас Королем Томом, когда мы наедине? — предложила миссис Треверс, и в мутной, бесцветной тьме голос ее звучал нерешительно.

Она молчала, облокотясь о поручень и опустив голову на руки. Она как-будто забыла то, что сказала. Рядом с ней тихий голос проговорил:

— Попробуйте, как это выйдет.

Миссис Треверс не шевельнулась. В темной лагуне слабо мигали отраженные звезды.

— Ну, что же, я скажу, — проговорила она в звездное пространство, мягким, и понемногу менявшимся голосом. — Я надеюсь, что вы не

пожалее о том дне, в который вы покинули свое безрадостное одиночество и заговорили со мной, Король Том. Сколько дней прошло с тех пор! Теперь еще один день прошел. Скажите, сколько их будет еще? Этих слепящих дней и беззвучных ночей?

— Терпение! — прошептал он. — Не задавайте мне вопросов, на которые никто не может ответить.

— Почему мы знаем, что возможно и что невозможно? — прошептала она со странным пренебрежением. — Угадать нельзя. Но я только скажу вам, что каждый лишний день делает для меня положение все более и более невыносимым.

От этого грустного шопота Лингарда ударило в грудь точно кинжалом.

— Что мне вам сказать? — с каким-то отчаянием проговорил он. — Помните только одно, что с каждым закатом ждать остается все меньше и меньше. Как вы думаете, я хочу, чтобы вы были здесь?

Горький смешок улетел в звездный простор. Миссис Треверс почувствовала, как Лингард быстро отодвинулся от нее. Она ни на волос не изменила своей позы. Она услышала, что из «клетки» выходит д'Алькасер.

Своим холемым голосом он шутливо спросил:

— У вас был интересный разговор? Может быть, вы мне что-нибудь расскажете о нем?

— Мистер д'Алькасер, вы любопытны.

— Согласитесь, — в нашем положении... Ведь вы наше единственное прибежище.

— Вы хотите знать, о чем мы говорили, — сказала миссис Треверс, слегка поворачиваясь

к д'Алькасеру, лица которого почти нельзя было различить. — Мы говорили об опере, о реальных и иллюзиях сцены, о костюмах, об именах, и так далее в том же роде.

— Словом, о неважных вещах, — вежливо резюмировал д'Алькасер.

Миссис Треверс тронулась, и он уступил ей дорогу. В клетке два малайских матроса вешали круглые фонари, свет которых падал на склоненную голову сидевшего в кресле мистера Треверса.

Когда все собрались к ужину, Иоргенсон появился из небытия — он всегда появлялся неожиданно — и известил сквозь муслин, что капитан Лингард извиняется, но в этот вечер он не может присоединиться к компании. Сейчас же после этого он исчез. С этого момента вплоть до той минуты, когда ужин кончился и принесли постели, собравшиеся не обменялись и двадцатью словами. Странность их положения очень затрудняла всякую попытку обмена мыслями; а кроме того, у каждого были мысли, которые было явно бесполезно сообщать другим. Мистер Треверс предавался своим оскорбленным чувствам. Он не столько скорбел, сколько тупо и уныло бесился. Невозможность как-либо проявить себя отравляла ему душу. Д'Алькасер чувствовал себя совершенно сбитым с толку. Хотя и оторванный от жизни людей почти так же, как Иоргенсон, он все же интересовался ходом событий и не вполне потерял инстинкт самосохранения.

Он не вполне понимал все происходившее, но он принадлежал к тем людям, которые ни при

каких обстоятельствах не теряются. По натуре он был добродушен, и его обычная мягкая улыбка вполне выражала его истинное лицо. Его характер, скорее европейский, чем испанский, отличался тем истинным благородством, которое располагает человека приписывать другим его собственные хорошие черты и совершенно не руководствуется каким бы то ни было классовым чувством. Он считал Лингарда честным человеком и никогда не пытался налепить ему ту или другую этикетку; одно только, — он находил его интересной личностью. Внешний вид и манеры этого моряка внушали ему уважение, еще усиливавшееся благодаря тому, что в Лингарде не было ничего типического. Лингард был вполне индивидуален. Природная проницательность подсказывала д'Алькасеру, что многие знаменитые морские авантюристы были, вероятно, гораздо менее достойны, чем Лингард, потому что они были менее непосредственны. Этими мыслями д'Алькасер, однако, не делился с миссис Треверс; он вообще избегал говорить с ней о Лингарде, ибо считал ее достаточно умной, чтобы ясно понять его собственное мнение об этом человеке. В его оценке, правда, были тонкие оттенки, но ведь и сама миссис Треверс отличалась утонченным умом, и потому не было никакой нужды слишком углубляться в психологические детали их авантюры. Сама она, по видимому, тоже избегала всякого разговора о Лингарде и его роли в их судьбе. Д'Алькасер не понимал отношений между ними, но отлично сознавал, что они были связаны каким-то внутренним сродством, неясным даже для них самих. Всякий раз, как он видел

их вместе, его тянуло наблюдать за ними, и он нередко уступал искушению. Ведь когда жизнь человека зависит от чьих-то непонятных для него действий, границы допустимого невольно расширяются. Он часто видел, как они разговаривали, и в их встречах, позах, расставаниях он всегда подмечал что-то характерное, свойственное только им одним: — как если бы они были созданы друг для друга.

Д'Алькасер только не мог понять, почему миссис Треверс уклонилась от ответа на его естественный вопрос о теме ее разговора с роковым человеком. Опера, костюмы, имена, — все это конечно, вздор. Она могла бы выдумать что либо более правдоподобное или просто сказать, что это не его дело. Она знала, что он бы не обиделся. Ведь ее несколько загадочные отношения с Лингардом он принимал всецело, без вопросов, как если бы они были предрешены от начала дней. Впрочем, он не сердился на миссис Треверс. Может быть, она сказала ему правду. Она могла говорить о чем угодно, хотя бы на самые неподходящие темы, и все равно Лингард стал бы слушать ее, затаив дыхание. И самого Лингарда она могла заставить говорить о любых вещах, — об опере, костюмах, Шекспире, игре на стаканах... Женщины, действительно достойные этого имени, проделывают такие штуки из каприза, или по особым тайным соображениям. Такие женщины удивительны. Они обычно оказываются на высоте положения перед лицом опасных событий, разрешающихся иногда комедией, иногда трагедией, но во всяком случае тревожных даже для невинных зрителей.

Мысли д'Алькасера были лишены горечи и даже иронии. Человек одной большой страсти, он любил всех вообще женщин, наблюдал ли он их в порыве чувства, или в припадке жестокости, или под влиянием глупых или умных порывов. Все это он принимал, как должное, — серьезно и снисходительно.

Слова миссис Треверс насчет оперы, костюмов и так далее он истолковал, как просьбу не касаться их беседы, и потому весь вечер промолчал.

После ужина он подошел к миссис Треверс и спокойно заметил:

— По-моему, Роковой Человек хорошо сделал, что не присоединился к нам сегодня вечером. Мы ужинали, как картезианские монахи.

— Вы имеете в виду наше молчание?

— Оно было ненарушаемо. Если бы на нас лежал вечный обет, мы не могли бы исполнить его лучше.

— Вы скучали?

— *Pas du tout*, — заявил д'Алькасер с комической серьезностью. — Я не ощущал ничего. Я находился в состоянии блаженного безразличия и был, вероятно, самым счастливым из трех, если только вы, миссис Треверс, тоже не...

— Вы совершенно напрасно стараетесь поймать мои мысли, мистер д'Алькасер. Если бы я раскрыла их вам, вы пришли бы в ужас.

— Мысли — только выражение чувств. Я восхищаюсь той бесстрастной маской, под которою вы умеете скрывать ужасы, которые, по вашим словам, таятся в вашей груди. По вашему лицу ни о чем нельзя было судить,

— Вы всегда говорите лестные вещи.

— Сударыня, мои похвалы идут от глубины души. Я давно отказался от всякого желания быть приятным. И я не собирался читать в ваших мыслях. Что бы обо мне ни думали, вы можете быть уверены в моем безусловном уважении к вашим тайнам. Да, и, кроме того, вы так хорошо умеете носить маску, что вам нечего беспокоиться. Роковой Человек в этом отношении далеко уступает вам.

— Что за претенциозное имя! Вы его называете так в глаза, мистер д'Алькасер?

— Нет, у меня на это не хватает нахальства, — спокойно сознался д'Алькасер. — И, кроме того, оно слишком громко для повседневного употребления. Он так наивен, что мог бы принять это за шутку, а, между тем, я совсем не шучу. Вообще, я должен сознаться, что я далеко не в шутливом настроении. Но он совершенно не знает людей нашего круга. А когда я подумаю, как мало мы знаем людей вроде него, я прихожу к мысли, что лучше всего его звать капитаном Лингардом. Это обычно, rispetтабельно и во всех отношениях удовлетворительно, — ведь «капитан» это самый невыразительный из всех титулов. Что такое «капитан»? Решительно всякий может быть капитаном, и к Лингарду этот титул подходит так же, как и всякий другой. А, между тем, он заслуживает совершенно своеобразного, выразительного имени, которое бы гармонировало с его личностью, с его простой и романтической личностью.

Он заметил, что мистер Треверс внимательно глядит на него. Они поспешно отвели глаза друг от друга.

— Ему бы понравилась ваша оценка, — небрежно бросила миссис Треверс.

— Я боюсь, что он отнесся бы к ней с презрением.

— С презрением! Да ведь это и есть его настоящая сущность.

— Вы, повидимому, хорошо понимаете его, миссис Треверс. У женщин есть талант понимания, — по крайней мере, по отношению к интересующим их вещам. Это объясняется тем, что они не боятся давать волю воображению, когда оно начинает у них работать. Мужчина более боязлив в этом отношении. Женщины же рождены смелыми и обычно несутся вперед, не останавливаясь, и чем больше тьма, которую они хотят исследовать, тем больше их мужество.

— Вы серьезно думаете, что я люблю ходить во тьме?

— Я говорил вообще, иначе это было бы невежливостью. Да, тьма — это лучший друг женщины. Они любят ее потому, что смелы. Но за то внезапный луч света сбивает их с толку. Говоря вообще, если они и не добираются до всей правды, то всегда подходят довольно близко к ней.

Миссис Треверс внимательно слушала. После того, как д'Алькасер кончил, она некоторое время молчала и затем небрежно сказала, что в этой области у нее были чрезвычайно интересные наблюдения. Ее воспитанный собеседник подавил движение любопытства и учтиво воскликнул:

— Вот как! Интересные наблюдения! Как вам удалось создать для этого подходящую обстановку?

Миссис Треверс это показалось слишком.

— Неужели вы думаете, что я намеренно создавала ее? — с негодованием воскликнула она. — Да и как я могла бы ее создать?

Мистер д'Алькасер, словно рассуждая сам с собой, пробормотал, что женщины редко могут сказать, как они «создали ее», на что миссис Треверс скучающим тоном заметила, что каждый мужчина ограничен по своему.

— Да, — согласился д'Алькасер, — в этом смысле у нашего брата больше разнообразия. С известной точки зрения, это для нас выгодно... Мы интересуемся... Я-то, конечно, вас не интересую, миссис Треверс. • Но вот, например, Роковой Человек?

— О, да, — прошептала миссис Треверс.

— Понимаю... — сказал д'Алькасер тоном таинственного проникновения. — Скажите, неужели его глупость так колоссальна?

— Она всецело объясняется его мечтами, которые далеко не плохи и создали ему его собственный мир.

— Да, я так и думал, — пробормотал д'Алькасер. — Но, знаете ли, миссис Треверс, на мой взгляд это мало утешительно. Мир грез... Это очень плохо, очень опасно. Это почти фатально, миссис Треверс!

— Почему вы так опечалены? Почему вы считаете дурным, если человек живет в мире грез?

— Потому, что мне не улыбается перспектива быть принесенным в жертву этим маврам. Я не оптимист, вроде нашего друга, мистера Треверса, — продолжал он, понизив голос и кивая головой в сторону мистера Треверса, беспомощно с'ежившегося в своем кресле. — Я вовсе не считаю это

фарсом, и мне почему то очень не хочется, чтобы эти великолепные варвары после напыщенных бесед перерезали мне глотку. Почему именно мне этого не хочется, не сумею вам сказать. Если хотите, можете объяснять это нелепой слабостью.

Миссис Треверс слегка подвинулась в своем кресле, подняв руки к голове, и в смутном свете фонарей д'Алькасер увидел, как волна ее сияющих волос упала и рассыпалась по ее плечам. Она захватила ее руками, казавшимися очень белыми, и, слегка наклонив голову, начала заплетать косу.

— Вы ужасны! — сказал д'Алькасер, следя за движением ее пальцев.

— Почему? — спросила она.

— В вас есть обреченность. Вы тоже жертва грех.

— Но не мавров? — спокойно проговорила миссис Треверс, принимаясь за вторую косу.

д'Алькасер ждал, пока она кончит. За нею ее прозрачная тень на муслине воспроизводила малейшие ее движения. д'Алькасер стал смотреть в сторону.

— О, нет, ни один варвар вас не коснется. Если дело дойдет до этого, я думаю, что он убьет вас собственными руками.

Прошла минута, прежде чем д'Алькасер решился взглянуть на нее. Она откинулась назад, руки ее упали на колени, и голова с заплетенными косами вдруг совершенно изменила свое выражение. В ее мечтательно опущенном лице появилось что то средневековое, аскетическое.

д'Алькасер ждал, затаив дыхание. Миссис Треверс не двигалась. Со своими блестящими застеж-

ками, золотыми вышивками и переливающим шелком шарфа она напоминала фигуру, сошедшую со старого портрета. Только шея ее сверкала ослепительной белизной в красноватом свете фонарей. д'Алькасер почувствовал что-то вроде благоговейного изумления. Он уже собирался уходить, как вдруг миссис Треверс, нисколько не меняя позы, проговорила:

— Я сказала ему, что с каждым днем нам становится все труднее и труднее. Вы сами видите, что положение невозможное.

д'Алькасер бросил быстрый взгляд на другой край клетки, где спал мистер Треверс, сжавшись в комочек и всем своим взъерошенным видом напоминая заболевшую птицу. Очертания его фигуры терялись в полумраке, и только на макушке головы блестела лысина.

— Да, — прошептал он, — это очень печально... Я понимаю ваше беспокойство, миссис Треверс, но...

— Я боюсь, — сказала она.

Он подумал несколько мгновений.

— Что же он вам ответил? — тихо спросил он.

— Он отвечал: «терпение».

д'Алькасер рассмеялся.

— Да, смейтесь, — взволнованно проговорила миссис Треверс.

— Я потому и смеюсь, — прошептал он. — Терпение! Неужели он не понимает, как ужасно ждать?

— Не знаю. Он сказал и ушел, — сказала миссис Треверс.

Миссис Треверс посмотрела на свои сложенные на коленях руки и тревожно воскликнула:

— Чем это по вашему кончится, мистер д'Алькасер?

— Ага, вы, наконец, задали себе этот вопрос. Случится неизбежное. И вы, может быть, лучше всех знаете это неизбежное.

— Нет. Я до сих пор не понимаю, что он, в конце концов, сделает.

— Что он сделает, я сказать не могу. Но что с ним будет, — это я знаю.

— С ним, говорите вы? С ним! — воскликнула она.

— Он разобьет себе сердце, — отчетливо произнес д'Алькасер, слегка наклоняясь над ее креслом. Он сам испугался своей смелости и молча ждал, что будет.

— *Grouez-vous?* — протянула, наконец, миссис Треверс таким холодным и ленивым тоном, что д'Алькасер вздрогнул.

Неужели она так жестока, спрашивал себя он. Неужели она не замечает ничего и никого кроме себя? Неужели ей неведомо самое обыкновенное сострадание? Ее, конечно, нельзя было заподозрить в глупости; но она, может быть, принадлежала к тем бессердечным женщинам ее класса, которые не считаются ни с чем, кроме своих собственных чувств. Д'Алькасер был шокирован и в то же время несколько обрадован: он, очевидно, зашел в своих догадках слишком далеко. К счастью, миссис Треверс не оскорбилась — она не была вульгарно мелочной. Эта мысль доставила д'Алькасеру удовольствие, ибо он не привык ожидать от людей многого. Но он не знал, как вести себя дальше: после его выпада и того приема, который встретила его смелость, не оставалось,

повидимому, ничего иного, как переменить разговор. Миссис Треверс сидела, не шевелясь. «Я сделаю вид, будто подумал, что она заснула», сказал себе д'Алькасер, замышляя отступление.

Он не знал, что миссис Треверс просто старалась вернуть себе самообладание. Его слова ошеломили ее. Это холодное и небрежное «*grouez-vous?*» было последним усилием умирающей воли, и когда оно, как слабая защита, слетело с ее губ, миссис Треверс точно застыла и потеряла способность речи. «Д'Алькасер заметил», — думала она, оцепенев от волнения. — «Что же он заметил еще?» Она не чувствовала ни страха, ни смущения, — ничего, кроме покорности. После ошеломляющего удара наступило глубокое спокойствие. По ее телу разлилась приятная теплота. Если бы д'Алькасер мог разглядеть при этом тусклом свете ее лицо, он увидел бы, как на ее губах вспыхнула фаталистическая улыбка. Но д'Алькасер был слишком деликатен для подобного любопытства, да, кроме того, и его внимание в этот момент было отвлечено в другую сторону. Послышались тихие восклицания, на палубе «Эммы» началось какое-то движение, и даже снаружи, за бортом, как будто раздался шум.

— Странные звуки, — сказал д'Алькасер.

— Да, я слышу, — с трудом проговорила миссис Треверс.

За клеткой заскользили неясные тени, забегали босоногие малайцы, зашелестели малайские слова...

— Повидимому, причалила лодка, — проговорил д'Алькасер, внимательно прислушиваясь. —

Не знаю, что бы это могло быть. В нашем положении...

— Это может значить все, что угодно, — договорила миссис Треверс.

— Джафир приехал, — раздался чей-то голос на другом конце шкуны, и среди непонятных звуков настороженное ухо д'Алькасера уловило слово «сурат».

— Привезли какое-то известие, — пояснил д'Алькасер. — Они сейчас позовут капитана Лингарда. Интересно, какие грезы или какие думы они нарушат.

Д'Алькасер говорил небрежным тоном и смотрел на миссис Треверс, которая слегка изменила свое положение. И поза, и тон были так спокойны, точно они плыли на яхте, в полной безопасности.

— Вам он, конечно, все расскажет. Вы не чувствуете волнения, миссис Треверс?

— Меня просили быть терпеливой, — все так же спокойно отвечала она. — Я могу ждать. Ждать, вероятно, придется до утра.

— Сейчас еще не очень поздно, — сказал он. — Мы ведь привыкли жить без времени. Но, может быть, как раз сейчас-то и настал роковой час.

— У вас такое чувство?

— У меня такое чувство уже довольно давно. Сначала это волновало, а теперь не очень. Я пользовался этим временем, чтобы пересмотреть всю свою жизнь.

— Да разве это возможно?

— Возможно, и я должен сказать, что это не так уж скучно. Как видите, я еще жив, но я в сущности покончил с жизнью и не знаю, куда себя деть. Я хотел бы сделать только одну вещь.

Я хотел бы выразить вам мою благодарность за ваше дружеское расположение в прошлом, когда я так часто видал вас в Лондоне. Я всегда чувствовал, что вы брали меня таким, каков я есть. Вы были ко мне так добры, что это возвышало меня в собственных глазах. Но я боюсь наскучить вам, миссис Треверс.

— Вы еще никогда не заставляли меня скучать, — по крайней мере, в прошлом. А что касается настоящего, то я прошу вас не уходить. Пожалуйста, останьтесь со мной. Ведь еще рано, и нам нечего делать вид, что мы хотим спать.

Д'Алькасер пододвинул стул к креслу миссис Треверс и уселся.

— Да, вот насчет этого рокового часа, — заговорил он. — Я хочу попросить вас об одном одолжении, миссис Треверс. Я не прошу вас рассказывать всего, — ведь конечный исход будет достаточно ясен. Но я хотел бы, чтобы вы дали мне предостережение, если дело будет обстоять плохо. Я тогда заблаговременно приготовлюсь и возьму себя в руки. Вы, например, могли бы воспользоваться тем моментом, когда я смотрю на вас, и приложить левую руку ко лбу. Вот так. Вы никогда не делаете этого жеста, и потому...

— Иоргенсон! — раздался голос Лингарда на носу, где вдруг появился фонарь. После небольшой паузы снова послышался его голос:

— Сюда!

Потянулись безмолвные минуты. Миссис Треверс, откинувшись в кресло, и д'Алькасер на своем стуле ждали, не говоря ни слова. Скоро среди неясных шопотов, носившихся по темной палубе «Эммы», застучали твердые шаги, и у

муслиновой ширмы появился Лингард с фонарем в руках.

— Выйдите, пожалуйста, сюда. Мне надо поговорить с вами, — громко сказал он. — Не вы, а лэди, — прибавил он властно, видя, что д'Алькасер поспешно поднимается с места. — Мне надо миссис Треверс.

— Ну, конечно, — пробормотал про себя д'Алькасер. Отворяя перед миссис Треверс дверь клетки, он шепнул ей: — Это и есть роковой час.

Миссис Треверс быстро скользнула мимо него, не подав и виду, что слышала его слова. В задней части палубы, между клеткой и рубкой, ее дождался Лингард с фонарем в руке. Больше никого не было видно, но д'Алькасер слышал, что в неосвещенных местах безмолвно двигались возбужденные люди. При приближении миссис Треверс Лингард поднял фонарь и сказал:

— У меня есть новости, которые я должен вам сообщить. Пойдемте в рубку.

В свете поднятого фонаря, окруженные со всех сторон глубокой тенью, их головы казались странным, символическим видением. Д'Алькасер слышал, как миссис Треверс проговорила: «Я предпочла бы не слушать ваши новости» тоном, немало удивившим чуткого наблюдателя. Он подумал, что она переутомлена, и положение начало сказываться на ее нервах. Но этот тон не походил на тон испуганного человека. «Может быть, надменность?» — пришло ему в голову. Дальше он думать не стал. Этот друг женщин был деликатен даже в мыслях. Он отошел вглубь клетки и без удивления увидел, как миссис Треверс, следуя за Лингардом, вошла в рубку.

Лингард поставил тусклый фонарь на стол и тяжело опустился на матросский сундук с видом сильно уставшего человека. Его фланелевая рубашка была растегнута у ворота, пиджак был скинут. Миссис Треверс стояла перед ним высокая и прямая, окутанная складками своей пестрой экзотической одежды.

— Вы тоже хотите бросить меня? — сказал Лингард. — Теперь этого уже нельзя сделать.

— Я не думала бросать вас. Я даже не понимаю, что вы хотите сказать вашим вопросом. Да и вообще есть многое, чего мне нельзя сделать. Скажите лучше, что я могу сделать? И понимаете ли вы сами, чего вы от меня хотите?

— Вы можете позволить мне глядеть на вас? Вы можете слушать меня? Вы можете говорить со мной?

— Сказать по правде, я никогда не уклонялась от всего этого. Вы сами вынудили меня...

— Я вынудил вас? — воскликнул Лингард.

— Ну, конечно, я сама была во всем виновата. Мне, вероятно, приснилось, что вы ночью приехали ко мне с вашими невозможными рассказам. Разве я могла отослать вас прочь?

— Я хотел бы, чтобы вы тогда прогнали меня. Почему вы меня не прогнали?

— Вы хотите, чтобы я говорила вам комплименты? Хотите, чтобы я сказала вам, что перед вами нельзя устоять? Я не могла прогнать вас. Но вы-то почему приехали ко мне исповедываться?

Помолчав, Лингард заговорил короткими, отрывистыми фразами.

муслиновой ширмы появился Лингард с фонарем в руках.

— Выйдите, пожалуйста, сюда. Мне надо поговорить с вами, — громко сказал он. — Не вы, а лэди, — прибавил он властно, видя, что д'Алькасер поспешно поднимается с места. — Мне надо миссис Треверс.

— Ну, конечно, — пробормотал про себя д'Алькасер. Отворяя перед миссис Треверс дверь клетки, он шепнул ей: — Это и есть роковой час.

Миссис Треверс быстро скользнула мимо него, не подав и виду, что слышала его слова. В задней части палубы, между клеткой и рубкой, ее дождался Лингард с фонарем в руке. Больше никого не было видно, но д'Алькасер слышал, что в неосвещенных местах безмолвно двигались возбужденные люди. При приближении миссис Треверс Лингард поднял фонарь и сказал:

— У меня есть новости, которые я должен вам сообщить. Пойдемте в рубку.

В свете поднятого фонаря, окруженные со всех сторон глубокой тенью, их головы казались странным, символическим видением. Д'Алькасер слышал, как миссис Треверс проговорила: «Я предпочла бы не слушать ваши новости» тоном, немало удивившим чуткого наблюдателя. Он подумал, что она переутомлена, и положение начало сказываться на ее нервах. Но этот тон не походил на тон испуганного человека. «Может быть, надменность?» — пришло ему в голову. Дальше он думать не стал. Этот друг женщин был деликатен даже в мыслях. Он отошел вглубь клетки и без удивления увидел, как миссис Треверс, следуя за Лингардом, вошла в рубку.

IV

Лингард поставил тусклый фонарь на стол и тяжело опустился на матросский сундук с видом сильно уставшего человека. Его фланелевая рубашка была растегнута у ворота, пиджак был скинут. Миссис Треверс стояла перед ним высокая и прямая, окутанная складками своей пестрой экзотической одежды.

— Вы тоже хотите бросить меня? — сказал Лингард. — Теперь этого уже нельзя сделать.

— Я не думала бросать вас. Я даже не понимаю, что вы хотите сказать вашим вопросом. Да и вообще есть многое, чего мне нельзя сделать. Скажите лучше, что я могу сделать? И понимаете ли вы сами, чего вы от меня хотите?

— Вы можете позволить мне глядеть на вас? Вы можете слушать меня? Вы можете говорить со мной?

— Сказать по правде, я никогда не уклонялась от всего этого. Вы сами вынудили меня...

— Я вынудил вас? — воскликнул Лингард.

— Ну, конечно, я сама была во всем виновата. Мне, вероятно, приснилось, что вы ночью приехали ко мне с вашими невозможными рассказами. Разве я могла отослать вас прочь?

— Я хотел бы, чтобы вы тогда прогнали меня. Почему вы меня не прогнали?

— Вы хотите, чтобы я говорила вам комплименты? Хотите, чтобы я сказала вам, что перед вами нельзя устоять? Я не могла прогнать вас. Но вы-то почему приехали ко мне исповедываться?

Помолчав, Лингард заговорил короткими, отрывистыми фразами.

— Я об этом все время думаю. Мне было больно. Я не думал о вас, как о знатных господах. Я думал о вас только, как о людях, жизнь которых зависит от меня. И как же мне было забыть вас? Ваше лицо я увез с собой на бриг. Не знаю, почему. Я ведь смотрел на вас не дольше, чем на других. Я всеми силами сдерживал себя, чтобы мое бешенство не погубило всех вас. Я не хотел быть грубым, но оставаться вежливым было не так-то легко, — ведь меня угощали у вас только угрозами. Разве я был очень груб, миссис Треверс?

Миссис Треверс слушала внимательно, почти строго. Не меняя выражения лица, она сказала:

— Я думаю, что ваши терзания вполне подходят к тому образу жизни, который дала вам судьба.

— К какому образу жизни? — недоумевающе проговорил Лингард. — Я то, что я есть. Меня зовут Королем Томом, Раджей Лауто и тому подобными именами. Вас это, может быть, забавляет, но уверяю вас, когда дают такие имена хотя бы в шутку, это очень серьезная вещь. Эти-то имена и осложняют всю эту историю.

Лицо миссис Треверс было сурово и неподвижно.

— Вы позвали меня сюда только для того, чтобы ссориться со мной?

— Нет. Но почему вы именно сейчас говорите мне, что мое желание помочь вам было в ваших глазах нахальством? В таком случае, извините, что я оскорбил ваше достоинство.

— Вы не поняли меня, — сказала миссис Треверс, ни на миг не покидая своей созерцатель-

ной серьезности. — Такие лестные вещи со мной до сих пор не случались и не случатся. Но поверьте, Король Том, вы делаете мне слишком много чести. Иоргенсон совершенно прав, когда он сердится на вас. Вы напрасно взяли на буксир женщину.

— Он не хотел быть грубым, — серьезно запротестовал Лингард.

Миссис Треверс даже не улыбнулась на эту заботу о соблюдении приличий в такой тревожный и напряженный момент. Впрочем, атмосфера тревоги и напряжения почему-то всегда устанавливалась между нею и этим сидящим на ящике человеком, который сейчас вот поднял на нее глаза и глядел на нее, не отрываясь. Она напрягала всю свою волю и продолжала сурово смотреть на него.

— Как вы изменились! — прошептал он.

Лингард не мог прийти в себя от изумления. Она казалась ему теперь мстительной, как бы на веки окаменевшей перед его диким раскаянием. Навеки. Вдруг, миссис Треверс оглянулась вокруг и села в кресло. Силы оставляли ее, но поза ее была по-прежнему неподвижна и сурова. Она держалась за ручки кресла. Лингард глубоко вздохнул и опустил глаза. Она не решалась ослабить хотя бы один мускул из боязни окончательно потерять власть над собой и поддаться безрассудному порыву, подымавшемуся из глубины ее сердца. Ей хотелось схватить голову этого Рокового Человека, как называл его д'Алькасер, прижать ее к груди, потом отбросить далеко прочь и исчезнуть из жизни, — совсем исчезнуть, подобно привидению.

Роковой. Человек сидел молча, сгорбившись, и однако все же сильный, несмотря на свою подавленность.

— Если я не заговорю, — подумала миссис Треверс с большим внутренним спокойствием, — я расплачусь. — Что случилось? — громко произнесла она. — Для чего вы меня сюда вызывали? В чем ваши новости?

— Я думал, вы не хотите слушать. Мне кажется, вы действительно не хотите. Вам это, вероятно, не интересно, как и вообще не интересно, что я чувствую, что я делаю и как я кончу. Да и как вы сами кончите, вам тоже, должно быть, безразлично? Право, мне кажется, что вы никогда не обращали внимания ни на свои чувства, ни на чувства других. Это не потому, что вы жестоки, а потому, что вы не понимаете и не хотите понимать, и сердитесь на жизнь.

Лингард безнадежно махнул рукой, и миссис Треверс только теперь заметила, что в руках у него был листок бумаги.

— Это и есть ваши новости? — спросила она многозначительно. Право, трудно даже вообразить, что в такой глуши могут писать. И кто мог прислать вам письмо? Дайте мне посмотреть его. Я смогу понять то, что написано? Это по-английски? Да ну же, Король Том, не смотрите на меня так.

Она вдруг встала, словно будучи больше не в силах выносить его взгляда. В шелестевших складках ее одеяния проблескивали драгоценные камни застежек и золотые вышивки.

— Я не могу! — крикнула она. — Я не могу выносить, когда на меня так смотрят. Ни одна женщина этого бы не вынесла, да и ни на какую

женщину так не смотрели. Что вы во мне видите? Ненависть я могла бы понять. Но это... В чем вы меня подозреваете?

— Вы очень странная, — пробормотал Лингард, к которому при виде этого порыва вернулось его самообладание.

— Ну, и отлично. Вы тоже очень странный. Значит, на нас обоих лежит одно проклятие, и нам приходится вместе глядеть в лицо событиям. Но кто вам мог прислать это письмо?

— Кто? — повторил Лингард. — Да тот вот юнец, который наткнулся в темноте на мой бриг и натворил кучу бед в ту тихую ночь в Кариматском проливе. Это была самая ужасная ночь, которую я когда-либо переживал. Проклятая ночь!

Миссис Треверс закусил губу, подождала немного и спросила:

— Опять какие-нибудь осложнения?

— Осложнения! — воскликнул Лингард. — Этот юный глупец чрезвычайно доволен собой. Знаете, в тот вечер, когда вы послали его ко мне перед тем, как оставить яхту, он явился с заряженным пистолетом в кармане. А теперь он пошел и сделал это.

— Сделал что? — переспросила миссис Треверс.

Миссис Треверс выхватила из покорной руки Лингарда листок бумаги. Пока она разглаживала его, Лингард подошел и стал возле нее. Она быстро пробежала первые строчки, затем стала читать внимательно. Прочитав письмо до конца, она вздохнула и посмотрела на Лингарда. Лица их никогда еще не были так близко друг от друга, и миссис Треверс испытала на секунду совершенно новое ощущение. Она отвела глаза.

— Понимаете вы, что это значит? — прошептал Лингард. Рука м-с Треверс бессильно упала.

— Да, — сказала она еле слышно. — Понимаю. Договор нарушен.

Письмо Картера начиналось без всяких предисловий.

«Вы уехали ночью и взяли лэди с собой. Вы не оставили мне никаких точных приказаний. Но, как моряк, я считал, что оба судна оставлены на мое попечение, а между тем в полумиле от меня на отмели дежурила сотня головорезов, выждавших удобного случая, чтобы, как тигры, броситься на меня. Дни проходили за днями, а от вас все не было никаких известий. Оставить корабли и пуститься на поиски нечего было и думать, пока пираты были так близко. Поставьте себя на мое место, представьте себе мою тревогу, мои бессонные ночи... С каждым днем становилось все хуже и хуже, а от вас по-прежнему не приходило никаких известий. Я не мог сидеть сложа руки и ломать себе голову над вещами, которых я не понимаю. Я моряк. Моя первая забота — корабли. Надо было положить конец этому невыносимому состоянию, и я надеюсь, вы согласитесь, что я сделал это так, как сделал бы всякий моряк. В одно туманное утро я подвел бриг ближе к отмели и, как только туман рассеялся, открыл огонь по стоявшим на якоре прау. Мы сначала взяли нарочно слишком далекий прицел, чтобы дать время бывшим на судах бродягам убраться прочь к своим друзьям на берегу. Я не желал убивать людей. Потом мы пустили в ход большое орудие, и через час у обоих прау было уже выбито дно.

Дикари на берегу выли и визжали при каждом выстреле. Они очень гnevаются, но теперь мне наплевать на их гнев, потому что сейчас, когда их прау затоплены, они безвредны, как барашки. Они не помрут с голоду. На отмели, у них есть двести лодки, и они могут переправиться со своими женщинами на материк, когда заблагорассудится.

«Я думаю, что поступил, как моряк, и впредь думаю поступать так же. Теперь, когда корабли вне опасности, я попытаюсь поскорее снять с мели яхту. Как только это будет сделано, я вооружу матросов, поеду на лодках искать вас и наших джентельменов и не успокоюсь до тех пор, пока не буду знать, остался-ли кто-нибудь из вас в живых.

«Надеюсь, это письмо дойдет до вас. После того, как мы расправились с прау, приехал человек, которого вы послали тогда остановить нашу первую шлюпку. Шлюпку с экипажем он тащил на буксире. Ваш серанг сказал мне, что на него вполне можно положиться и что его зовут Джафиром. Ему видимо очень хочется как можно скорее добраться до вас. Я повторяю, корабли и экипаж теперь в безопасности, и я найду вас, мертвыми или живыми».

— Вы быстро поняли суть, — сказал Лингард глухим голосом. Миссис Треверс, сжимая в руке письмо, смотрела ему в лицо тревожными глазами. — Он ловко использовал положение, говорить нечего.

— Он не знал, — прошептала миссис Треверс.

— Да, он не знал. Но разве я мог рассказать всем и каждому? — так же тихо возразил

Лингард. — И, однако, кому же другому мог я доверить бриг? Мне казалось, что он поймет без объяснений. Но он слишком молод. Он гордится собой и по своему он прав. Он устроил это все очень ловко. Чорт бы побрал его ловкость! Но суть дела в том, что наши жизни зависят от моего слова, а оно нарушено, миссис Треверс. Оно нарушено.

Миссис Треверс тихо кивнула головой.

— Они скорее поверили бы, что солнце и луна свалятся на землю, — продолжал Лингард со сдержанной яростью. Но уже через минуту весь флз оставил его, и он пробормотал бессвязную фразу: «Целый мир у меня на глазах».

— Что вы будете делать? — проговорила миссис Треверс.

— Что я буду делать? — тихо повторил Лингард. — Легко сказать — делать. Вы ведь видите, миссис Треверс, что я сейчас ничто. Ровным счетом — ничто.

Лингард пристально смотрел в лицо миссис Треверс, глядевшей на него со страхом и любопытством. Удар, нанесенный Лингарду ловкостью Картера, был так страшен, что Лингард словно весь застыл, как это часто бывает у людей от сильной боли или после трагической катастрофы. Кроме лица этой женщины, Лингарду не на что было теперь смотреть в этом рухнувшем на его глазах мире, который в один миг потерял для него порядок, форму и будущее.

Миссис Треверс отвернулась. Она поняла, что на вопрос ее нельзя было ответить. То, что для нее было только проблемой, для Лингарда было душевным кризисом. Несомненно выступление

Картера нарушило договор, заключенный с Даманом. Миссис Треверс отлично видела, что этого факта нельзя смягчить никакими объяснениями. Она чувствовала не ужас, а оцепенение, несколько похожее на растерянность людей, только что опоздавших к поезду. Только гораздо сильнее. Настоящая мука должна была наступить потом. Для Лингарда же это был удар, нанесенный прямо в сердце.

Лингард не сердился на Картера. Картер поступил, как моряк. Он заботился только о кораблях, и его роль в этой катастрофе была совершенно случайна. Настоящая причина лежала где-то дальше, и глубже. В то же время Лингард не мог отделаться от мысли, что причина эта лежала в нем самом, в каких-то неведомых глубинах его натуры.

Это было что-то роковое, неизбежное.

— Нет, я не счастливый человек, — пробормотал он.

Этимися словами он формулировал внезапно осенившее его открытие, как бы брошенное ему в грудь какой-то неумолимой силой, решившей положить конец его удачам. Но он не привык предаваться анализам своих ощущений. Он предпочитал бороться с обстоятельствами и старался делать это и сейчас. Но сейчас ему не хватало той уверенности, которая есть половина победы. Борьба была его родной стихией, но такой борьбы он до сих пор не ведал. Это была борьба внутри его собственной души. С ним сражались тайные силы, невидимые враги. Они находились внутри его самого. Что-то или кто-то ему изменил. Он стал прислушиваться, желая обнаружить измен-

ника, и вдруг в его затуманенном уме отчетливо пронеслась мысль: «Да ведь это я сам».

С беспощадной ясностью в его воображении встали образы Хассима и Иммады. Он видел их там, за далекими лесами. Да, они существовали — в его груди.

— Что это за ночь была! — тихо уронил он, глядя прямо на миссис Треверс. Он смотрел на нее все время. Его взгляд околдовал ее, но уже бесконечно долгую минуту он совсем не сознавал ее присутствия. При звуке его слов миссис Треверс слегка пошевелилась, и он заметил ее.

— О какой ночи вы говорите? — робко прошептала она, точно совершая нескромность.

Она с изумлением заметила, что Лингард улыбнулся.

— Не о такой, конечно, как сегодня, — отвечал он. — Вы тогда обратили мое внимание, как спокойно и тихо было кругом. Да и сейчас тихо. Прислушайтесь.

Они повернули головы и стали прислушиваться. Ни шопота, ни шороха, ни вздоха, ни журчания, ни шума шагов, ни слова, ни трепета, — ни единого звука... Казалось, на «Эмме» они остались совершенно одни, и даже дух капитана Иоргенсона покинул их, удалившись на потонувшую в водах Леты «Дикую Розу».

— Так тихо, точно наступил конец, — ровным, тихим голосом произнесла миссис Треверс.

— Да, но и это неправда, — в тон ей ответил Лингард.

— Я вас не понимаю, — торопливо заговорила миссис Треверс после короткой паузы. — Но, пожалуйста, не употребляйте этого слова, Король

Том. Пожалуйста. Мне от одного его звука становится страшно.

Лингард ничего не сказал. Его мысли были с Хассимом и Иммадой. Молодой вождь и его сестра добровольно отправились в лагерь к Беларабу, чтобы убедить его вернуться в поселок и снова принять бразды правления. Они должны были передать ему послание Лингарда, являвшегося в глазах Белараба воплощением правды и силы, той силы, которая гарантировала ему спокойствие и неприкосновенность. Но и у Хассима и Иммады был свой собственный престиж. Помимо того, что они были друзьями и как бы детьми Лингарда, у них имелось и нечто свое, — высокое происхождение, воинственное прошлое, скитания, приключения, надежда на будущее, — и все это окружало их личным обаянием.

V

В тот самый день, когда Треверс и д'Алькасер прибыли на «Эмму», Хассим и Иммада отправились в свою экспедицию. Лингард не мог присоединиться к ним, так как считал невозможным оставить белых с одним Иоргенсоном. Он ничего не имел против Иоргенсона, но вечное бормотанье старика насчет того, что: «Надо бросить зажженную спичку в пороховые бочки», внушило ему некоторое недоверие. Кроме того, ему не хотелось уезжать от миссис Треверс.

Единственно разумное, что сделал Картер, было то, что он послал с Джафиром письмо Лингарду. Этот закаленный боец, несравненный

пловец и преданный соратник Хассима и Иммады, считал данное ему Лингардом в Кариматском проливе поручение задержать первую шлюпку совсем пустяковым делом. Предприятие это потребовало несколько более долгого времени, чем он предполагал, но все же он вернулся на бриг как раз во-время и после двухчасового отдыха уже ехал к Лингарду с письмом Картера. Он узнал о происшедшем от Васуба и, хотя ничем не выдавал своих чувств, в душе он совсем не одобрял случившегося.

Бесстрашный и хитрый, Джафир был неоцененным человеком для всякого рода трудных поручений и прирожденным гонцом. Его главная задача, как он выражался, заключалась в том, «чтобы передавать важные слова великих людей». Его безукоризненная память позволяла ему воспроизводить их в точности, будь они грубы или вежливы, «официальны или доверительны»; и в этом он был бесстрашен. Ему не надо было передавать писем, которые могли попасть в руки врагов, и если бы он умер по дороге, послание умерло бы вместе с ним. Он хорошо разбирался в положениях и был наблюдателен, и его информация была драгоценна для вождей больших экспедиций. Лингард задал ему несколько вопросов, но в данном случае, конечно, он не мог сообщить многого.

О Картере он только сказал, что «юноша» имел такой вид, какой обыкновенно бывает у белых людей, когда они довольны собой, и затем прибавил: «Корабли теперь в безопасности, раджа Лаут». Но в тоне его не чувствовалось никакой радости.

Лингард поглядел на него, как бы не слыша его слов. Когда самый великий из белых людей заметил, что теперь придется расплачиваться за эту безопасность, Джафир подтвердил: «Да, видит аллах»! все с тем же хмурым видом. Когда ему было сказано, что теперь ему придется отправиться на поиски своего господина и госпожи Иммады, находившихся теперь где-то в лесах, в кочующем лагере Белараба, Джафир изъявил готовность сейчас же тронуться в путь. Он поел вволю, три часа проспал на бриге и не устал. Когда он был молод, он иногда уставал; но теперь уже много лет, как он не знал этой слабости. Ему не нужно весельной лодки, в которой он прибыл в лагуну. Он поедет один, в маленьком челноке. Теперь такое время, что надо стараться быть возможно незаметнее. «Я думаю, Туан», закончил он, «что с той ночи, как ты приплыл из черной тучи и всех нас взял из осажденной ограды, смерть еще ни разу не была к ним так близка».

Лингард ничего не ответил, но веру Джафира в этого белого человека было нелегко поколебать.

— Как ты спасешь их теперь, раджа Лаут? — спросил он просто.

— Белараб мой друг, — пробормотал Лингард.

Джафир был встревожен и потому говорил напрямик.

— Белараб миролюбивый человек! — тихо воскликнул он. — Кто может доверять такому человеку? — сказал он презрительно.

— Но ведь войны пока нет.

— Но есть подозрение, страх, мщение и гнев вооруженных людей, — возразил Джафир. — Ты взял из их рук белых пленников только потому,

что они положились на твое слово. Не так ли, Туан?

— Да, — отвечал Лингард.

— И они у тебя здесь, на судне? — спросил Джафир, взглянув на клетку, в которой в это время д'Алькасер и миссис Треверс разговаривали при свете маленькой масляной лампы.

— Да, здесь.

— Тогда, раджа Лаут, — прошептал Джафир, — ты можешь исправить дело, если отдашь их обратно.

— Но разве я могу это сделать? — сорвалось с губ Лингарда, в ответ на слова верного соратника Хассима и Иммады.

— А что же другое можешь ты сделать? — прошептал Джафир, гонец, привыкший говорить открыто с великими мира. — Ты белый человек и ты должен держать свое слово. Теперь я уйду.

Маленький челнок с «Эммы» был подан к трапу. Невидимый калаш, почтительно державшийся в тени на палубе, дважды кашлянул, как бы в предупреждение.

— Поезжай, Джафир, — напутствовал его Лингард, — и оставайся моим другом.

— Я друг великого вождя, — упрямо отвечал Джафир. — Но ты, раджа Лаут, был еще более велик. И ты будешь оставаться великим, пока будешь оставаться с нами, людьми этого моря и этой земли. Но куда девается сила твоих рук, когда ты находишься с белыми людьми? Куда исчезает она? Но мы должны верить в силу твоего сердца.

— Надеюсь, она мне не изменит, — сказал Лингард, и Джафир издал довольное ворчание. — Но в сердцах людей читает один аллах.

— Да, аллах наше прибежище, — согласился Джафир, привыкший к благочестивым фразам в обществе мулл и дервишей, которых было немало в поселке Белараба. На самом деле он надеялся только на Лингарда, который казался ему человеком, посланным самим небом в час нужды. Он немного подождал и затем спросил:

— Что я должен передать?

— Расскажи все радже Хассиму и передай ему, чтобы он и госпожа его сестра как можно скорее и тайно отправлялись сюда. Наступил трудный час. Нам надо быть вместе.

— Верно, — одобрил Джафир. — Умереть одному среди врагов — страшная судьба.

Тогда-то д'Алькасер и миссис Треверс и услышали, как Лингард звал Иоргенсона. Знакомая тень сейчас же появилась рядом с Лингардом и стала молча слушать его рассказ. Только выслушав до конца, он произнес: «Попали в переделку, можно сказать». Но ничто на свете не могло удивить или смутить старика Иоргенсона. Он повернулся и ушел, что-то бормоча. Лингард стоял, взявшись за подбородок, и последние слова Джафира понемногу овладевали его мыслями. Потом он вдруг взял лампу и пошел искать миссис Треверс. Ему необходимо было ее физическое присутствие, звук ее голоса, темный и ясный блеск ее глаз.

Помочь ему она ничем не могла. Идя к миссис Треверс, он заметил, что Иоргенсон вызвал малайцев на палубу и расставил их на сторожевых постах наблюдать за лагуной. Когда он вызвал ее из клетки, он, несмотря на все свое душевное беспокойство, почувствовал некоторое удовлетво-

рение, что увел ее от д'Алькасера. Он не мог допустить, чтобы хоть доля ее внимания, крупица ее времени, самая малая часть ее мыслей отдавались другим. Ее мысли нужны были ему все без изъятия. Видеть, что он их лишен хоть на миг, раздражало, казалось бедствием.

Оставшись один, д'Алькасер начал было раздумывать о странно-повелительном тоне Лингарда. Этому наблюдателю оттенков такое обстоятельство показалось значительным. «Нервы», заключил он про себя. «Человек переутомлен. Должно быть, получил какое-нибудь неприятное известие». «Но что бы это могло быть?» — удивился он. В той атмосфере напряженного ожидания, которая установилась за эти невыносимо-долгие дни, каждое малейшее движение казалось важным. Д'Алькасеру не хотелось ложиться на свою походную кровать. Он даже не сел, а остался стоять, прислонившись к столу и опершись руками о его края. В этой небрежной позе он размышлял; ему пришло в голову, что, может быть, миссис Треверс немного избаловала Лингарда. Но их внезапное и вынужденное сближение имело в своей основе какие-то моральные причины, и потому было очень трудно взвесить точно, где была уместна требовательность и где сдержанность, где смелость и где осторожность. В общем д'Алькасер восхищался тактичностью миссис Треверс.

Несомненно она была госпожей положения. Правда, это еще не означало, что они в безопасности. Она владела положением постолько, поскольку, например, владеют сильным взрывчатым веществом с мало-известными свойствами. Д'Алькасер думал о ней с чувством глубокой

симпатии и беспристрастного интереса. Иногда на улице мы встречаемся с людьми, возбуждающими в нас симпатию и удивление, но из-за этого мы все же не провожаем их до дому. Так и д'Алькасер не хотел идти дальше за миссис Треверс.

Вдруг он с удивлением заметил, что мистер Треверс сидит на своей походной кровати. Он, должно быть, проснулся сразу, потому что еще минуту назад он казался погруженным в глубокий сон, и тишина ничем не нарушалась. Д'Алькасер от удивления воскликнул, и мистер Треверс медленно повернул к нему голову. Д'Алькасер с некоторой неохотой подошел к кровати.

— Не спите? — спросил он.

— Озноб, — отвечал мистер Треверс. — Но теперь прошло. Странно. Мне показалось, что на меня подул ледяной ветер.

— А! — сказал д'Алькасер.

— Вздор, конечно, — продолжал мистер Треверс. — Этот отвратительный воздух никогда не движется. Он противно прилипает к человеку. Который час?

— Право, не знаю.

— У моих часов сломалось стекло и стрелка, когда на нас предательски напали дикари на отмели, — проворчал мистер Треверс.

— Должен сознаться, что никогда в жизни я не был так удивлен, как тогда, — сказал д'Алькасер. — Помните, мы тогда остановились и я как раз зажигал сигару.

— Нет, не помню. Я в ту минуту вытащил часы. Конечно, они вылетели у меня из руки, но остались висеть на цепочке. Кто-то наступил на них, и стрелки сломались. Они тикают, но время

определить нельзя. Ужасная нелепость. Раздражает.

— Но, значит, вы все-таки заводили их каждый вечер? — удивился д'Алькасер.

— Ну, конечно, заводил, — отвечал мистер Треверс, изумленный вопросом д'Алькасера. Он помолчал.

— Это не слепая привычка как вы, может быть, думаете. Все мои привычки — результат строгого метода. Мне, вообще, приходится методически располагать мою жизнь, — ибо иначе, вы сами понимаете, дорогой д'Алькасер, у меня не осталось бы времени на работу и на мои общественные обязанности, которые, само собой, очень ответственные. Я могу сказать, что моя общественная карьера оказалась успешной только благодаря методу. В моей жизни вообще не было незанятых минут. Между прочим, где моя жена? — спросил он, оглядываясь вокруг.

— Я говорил с ней всего несколько минут назад, — отвечал д'Алькасер. — Я не знаю, который час. Мои часы остались на яхте, но я думаю, что еще не поздно.

Мистер Треверс с необычной для него живостью скинул покрывавшую его легкую ткань и стал поспешно застегивать пиджак. Но, вместо того, чтобы стремительно вскочить на ноги, как ожидал д'Алькасер, он опять лег, откинулся на подушки и принял совершенно неподвижную позу.

Д'Алькасер постоял немного и затем начал ходить по «клетке». Походив, он остановился и участливо заметил:

— Вы, должно быть, не совсем здоровы?

— Я не знаю, что такое болезнь, — раздался голос с подушек к великому облегчению д'Алькасера, который думал, что ответа не последует. — Хорошее здоровье играет огромную роль в общественной деятельности. Из-за болезни можно иногда упустить случай, который более не повторится. Я никогда не хворал.

Все это было произнесено заглушенным голосом, словно лицо говорящего было покрыто паутиной. Д'Алькасер снова принялся ходить взад и вперед.

— Я, кажется, спросил вас, где моя жена, — произнес заглушенный голос.

С большим самообладанием д'Алькасер продолжал ходить по «клетке», как бы не слыша вопроса.

— Знаете, мне кажется, что она сошла с ума, — продолжал заглушенный голос, — или я сошел с ума.

Д'Алькасер попрежнему расхаживал мерными шагами.

— Знаете, что я вам скажу? — вдруг проговорил он. — Мне кажется, что вам совсем не хочется говорить о ней, Треверс. И вообще, вам должно быть ни о чем не хочется говорить. А говоря по правде, и мне тоже не хочется.

С подушки донесся слабый вздох. Д'Алькасер увидел, что на палубе показался свет, но, как ни в чем не бывало, продолжал ходить взад и вперед. Миссис Треверс и Лингард вышли из рубки и остановились у двери. Лингард поставил фонарь на крышу рубки. Голоса их не долетали, но фигуры виднелись совершенно явственно; миссис Треверс стояла прямая, как стрела, а Лингард, опустив

голову, стоял против нее. В его склоненном профиле, ясно очерченном на фоне освещенного пространства, чувствовалась как-будто почтительность. Они стояли, неподвижно, смотря друг на друга.

— Во мне есть одна мысль, которая должна бы сделать мое сердце тверже камня,—тихо говорил Лингард. — Я — Король Том, раджа Лаут, и могу любому человеку здесь смотреть прямо в лицо. Я должен заботиться о своем имени. Все дело в этом.

— Мистер д'Алькасер сказал бы, что все дело в чести, — пояснила миссис Треверс. Губы ее были спокойны, хотя по временам она чувствовала, как сердце ее усиленно бьется.

— Называйте это, как хотите. Это вообще то, без чего человек не может дышать свободно. А в то же время, вот сейчас, как то, что я стою с вами, мне это безразлично.

— Но мне-то это не безразлично, — возразила миссис Треверс. — Как то, что я стою тут, — мне это не безразлично. Это ваше достояние. Вы имеете на это право. И я повторяю, я очень забочусь об этом.

— Заботитесь о чем-то моем? — пробормотал Лингард, близко наклоняясь к ее лицу. — С какой стати заботиться вам о моих правах?

— Потому что,—отвечала она едва слышно, — потому что, если я когда-либо вернусь к моей прежней жизни, я не хочу, чтобы она стала еще менее из-за настоящих угрызений совести.

Голос ее звучал нежностью.

Лингарду показалось, что слова ее как бы ла-скают его лицо.

Д'Алькасер все еще продолжал ходить взад и вперед по «клетке». Ему не хотелось, чтобы мистер Треверс опять приподнялся на постели и стал оглядываться кругом.

— Нашелся человек, который принимает к сердцу мои интересы! — прошептал Лингард. — И этот человек — вы, вы, которая отняла у меня всю мою жесткость!

— Я не хочу, чтобы вы были жестки, я хочу, чтобы вы были тверды.

— Чтобы укрепить меня, вы не могли бы сказать ничего лучшего, чем то, что вы сказали,—тихо раздался голос Лингарда. В его глубоких нотах звучала нежность. — Ни у кого на свете не было такого друга, как вы! — воскликнул он, подымая голову и как бы призывая звездную ночь во свидетели.

— А я спрашиваю себя, — найдется ли на земле другой человек, которому можно было бы верить так, как я верю вам. И я говою вам: идите спасать то, на что вы имеете право. Только будьте милосерды. Я не буду напоминать вам о вашей невинности. Должно быть, земля очень мала, что мы так странно замешались в вашу жизнь. После этого невольно станешь верить в судьбу. Но я не могу вести себя, как фаталистка, и сидеть, сложа руки. Если бы вы были другой человек, во мне могла бы зародиться безнадежность или презрение... Вы знаете, как называет вас мистер д'Алькасер?

Из «клетки», бросавший в их сторону любопытные взгляды д'Алькасер увидел, что Лингард качает головой, и подумал: «Он ей в чем-то отказывает».

— Мистер д'Алькасер зовет вас Роковым Человеком, — сказала миссис Треверс немного смущенно.

— Сразу не выговоришь. Ну, да он джентльмен... Мне важно то, как вы...

— Я вас зову всячески, только не по имени, — поспешно договорила миссис Треверс. — Поверьте мне, д'Алькасер вас понимает.

— Он прав, — воскликнул Лингард.

— И он ни в чем не виноват. Вы как-то сказали, что и невинные должны покоряться судьбе. Ну, что же, делайте, как надо.

— Вы думаете, что будет правильно так поступить? Вы верите, что это правильно? Вы чувствуете это?

— В данное время, в данном месте, для такого человека, как вы, это правильно.

Лингард подумал, что эта женщина удивительно верна ему и удивительно бесстрашна по отношению к себе. Было совершенно ясно, что обоим пленников необходимо увезти обратно в поселок, и ничто на земле не могло бы его от этого остановить. Но нашлась ли бы хоть одна женщина в мире, которая отнеслась бы к его решению так, как отнеслась она? «В правде и мужестве обретаешь мудрость», — пришло ему в голову. Ему казалось, что пока миссис Треверс не пришла ему на помощь, он и не подозревал, что такое правда, мужество, мудрость... Когда он смотрел в ее лицо и слушал ее слова, что он достоин приказаний, и просьб, он испытывал миг полного удовлетворения и совершенного душевного покоя.

Во время наступившего молчания, бросив быстрый взгляд в сторону, миссис Треверс заметила д'Алькасера, словно человека в тумане; его темная фигура остановилась у муслиновых ширм. Она не сомневалась, что он смотрит в их направлении и что он видит их яснее, чем она его. Миссис Треверс подумала, как сильно он, должно быть, тревожится, и вспомнила что он просил заранее предупредить его об опасности условным знаком.

Она отлично поняла, что он просил о том, чтобы она дала ему время подготовиться. Если на это требовалось больше, чем несколько минут, — то сейчас настал миг подать ему знак, — который он сам указал.

Миссис Треверс немного отступила назад, чтобы на нее упал свет, и медленным, отчетливым движением приложила левую руку ко лбу.

— В таком случае, — раздался прерывистый шопот Лингарда, — в таком случае, миссис Треверс, это должно быть сделано сегодня.

Можно быть правдивым, бесстрашным и мудрым и все-таки замереть перед решающим мигом.

У миссис Треверс захватило дыхание.

— Сегодня? Сегодня? — пролепетала она. — Темный силуэт д'Алькасера расплылся — он видел ее знак и ушел вглубь «клетки».

— Да, сегодня, — подтвердил Лингард. — Сейчас же, сию же минуту, — шептал он свирепо, тронувшись за отодвинувшейся миссис Треверс. Он быстро схватил ее за руку.

— Дело в том, что это принесет пользу и не окончится их убийством только в том случае, если сделать это сейчас же, пока еще на берегу все темно, пока сюда не приплыла вооруженная толпа.

Меньше чем через час, пока весь поселок спит, я уже должен быть у ограды Белараба.

Миссис Треверс не думала возражать. Она не могла выговорить ни слова. С такой же внезапностью, с какой Лингард схватил ее руку (миссис Треверс, среди ее тревоги, пришла нелепая мысль, что завтра на этом месте будет синяк), он выпустил ее и виноватым тоном прогдворил:

— Может быть, и сейчас уже слишком поздно. Я ясно видел, что надо делать, но вы стояли поперек дороги, а у меня не хватало духу. Я был как потерянный и не смел взглянуть вам в лицо. Простите меня. Я не имел права сомневаться в вас ни минуты. Мне кажется, я должен стать на колени и молить у вас прощения за то, что я забыл, какой вы человек.

— Что с вами, Король Том?

— Я словно совершил грех, — проговорил он.

Он схватил ее за плечи, повернул кругом и подвинул на шаг вперед. Руки его были тяжелые и сила огромная, хотя самому ему казалось, что он обращается с миссис Треверс очень осторожно. — Смотрите прямо перед собой, — буркнул он ей на ухо. — Вы что-нибудь видите?

Миссис Треверс, покорная в его твердых руках, посмотрела прямо перед собой, но не увидела ничего, кроме скученных бесформенных теней на берегу.

— Ничего не вижу, — сказала она.

— Вы, наверное, не туда смотрите. — Лингард взял ее голову в руки и немного повернул направо. — Вот куда. Видите?

— Нет. Но что же там такое?

— Огонек, — отвечал Лингард, внезапно отнимая руки. — И прежде чем наша лодка проедет половину лагуны, огонек этот превратится в пламя.

Теперь миссис Треверс заметила вдалеке красную искру. Она часто смотрела на поселок, словно он был изображен на картине или на занавесе, ясно представляла себе его расположение и потому поняла, что искра эта находится на самом конце бухты, всего дальше от ограды Белараба.

— Хворост разгорается, — прошептал ей на ухо Лингард. — Если бы у них была сухая трава, костер бы теперь уже полыхал.

— И это значит...

— Это значит, что известие уже распространилось. Костер горит как раз перед оградой Тенги, на его конце бухты. У него, должно быть, собрались теперь все влиятельные люди поселка. Речи, и возбуждение, и множество хитрых слов. Костер Тенги! Я говорю вам, миссис Треверс, что через полчаса и Даман будет там и сразу сдружится с толстым Тенгой, который ему наверное скажет: «Я тебе говорил».

— Понимаю — прошептала миссис Треверс. Лингард тихо подвел ее к борту.

— Теперь смотрите на другой конец бухты, там, где всего темнее. Там крепость, дома, сокровища и воины Белараба. Здесь сила поселка. Я поддерживал ее, я ее укреплял. А теперь что это такое? Все равно, что оружие в руках мертвеца. А между тем, только оттуда мы и можем ждать помощи, если еще не поздно. Клянусь вам, днем я не осмелился бы высадить их на берегу, их могли бы растерзать тут же, на берегу.

— Времени терять нельзя, — едва слышно произнесла миссис Треверс, и Лингард отвечал ей тоже очень тихо.

— Да, нельзя, если я хочу сберечь то, на что имею право. А вы сами сказали, что я имею на это право.

— Да, сказала, — прошептала она, не поднимая головы. Лингард сделал резкое движение и нагнул голову к ее плечу.

— И я не доверял вам! Как араб, я должен был бы целовать край вашего платья и каяться, что усумнился в величии вашего сердца.

— Моего сердца! — легким тоном сказала миссис Треверс, продолжая смотреть на огонек, внезапно выросший в большое пламя. — Уверю вас, мое сердце очень мало значит. — Она помолчала с минуту, чтобы собраться с силами, и сказала твердо:

— Ну что ж, давайте, кончим.

— По правде говоря, лодка уже наготове.

— В таком случае...

— Миссис Треверс, — с усилием произнес Лингард, — они близкие вам люди. — И вдруг воскликнул:

— Не могу же я везти их на берег связанными по рукам и по ногам!

— Мистер д'Алькасер уже предупрежден. Он приготовился. Он с самого начала готов ко всему.

— Он настоящий мужчина, — с убеждением проговорил Лингард. — Но я думаю не о нем, а о другом.

— Ах, о другом... — откликнулась она. — Да, о чем я говорила! К счастью, у нас есть д'Алькасер. Я поговорила сначала с ним.

Миссис Треверс отошла от борта и направилась к «клетке».

— Иоргенсон, — раздался на палубе голос Лингарда. — Приготовьте фонарь у трапа. — Затем он медленно последовал за миссис Треверс.

VI

Получив предупреждение, д'Алькасер отошел от ширм и прислонился к краю стола. Он должен был признаться, что испытывает некоторое волнение.

Когда он просил миссис Треверс дать ему знак, он ожидал, что будет несколько взволнован, но он не ожидал этого знака так быстро. Он думал, что эта ночь пройдет так же, как и остальные, — в спокойном полусне, ворочаньи с бока на бок и бессвязных, тревожных дум. Но испытанное им сильное чувство удивило его, — он полагал, что сумеет более философски отнестись к положению. Он считал, что хваленое чувство самосохранения в сущности только животный инстинкт. «Мыслящему человеку, — рассуждал он, — жизнь и смерть должны бы быть безразличны». Очевидно, на него подействовала необычность обстановки. Если бы он лежал серьезно больной где-нибудь в отеле и подслушал зловещий шопот, — он несколько не встревожился бы. Но ведь при болезни положение другое, — болезнь делает человека равнодушным. Болезнь вообще помогает относиться к вещам не эмоционально, так, как должен относиться поживший на свете человек. Жаль, что он не болен... Впрочем, вот мистер Треверс явно болен, а это ему не помогает.

Д'Алькасер посмотрел на постель мистера Треверса. Мистер Треверс лежал в намеренно,—как показалось д'Алькасеру,—неподвижной позе. Он не доверял ей. Он вообще не доверял мистру Треверсу: за этого человека никогда нельзя было поручиться. От него, конечно, ничего не зависело, но он мог опошлить положение, на которое следовало бы смотреть, как на удар судьбы, на испытание мужества. Мистер д'Алькасер, с его тонкой наблюдательностью, предпочитал смотреть на себя не как на жертву негодяя, а как на жертву малокультурного человека, наивно борющегося с небесной несправедливостью.

Д'Алькасер не вопрошал свое сердце, но ему вспомнились стихи одного французского поэта насчет того, что все, сражавшиеся с несправедливостью неба, всегда внушали людям любовь и тайное преклонение. Сам он до любви конечно не доходил, но чувство его к Лингарду было бесспорно дружественное и с оттенком уважения.

Мистер Треверс вдруг приподнялся на постели. «Вот неотвязный!», — подумал д'Алькасер, устремляя глаза на носки сапог в надежде, что мистер Треверс, может быть, снова уляжется. Мистер Треверс заговорил.

— Вы еще не легли, д'Алькасер?

— Еще не поздно, уверяю вас. В шесть уже темно, мы обедали в седьмом часу, поэтому ночь длинная, а я не мастер спать; да, я могу уснуть только поздно ночью.

— Я вам завидую — сказал мистер Треверс с какой-то вялой апатией. — Я все время просыпаюсь, и эти пробуждения ужасны.

Д'Алькасер поднял глаза и заметил, что миссис Треверс и Лингард куда-то ушли. Они отошли к борту, и д'Алькасеру их было не видно. Он отчасти жалел мистера Треверса, отчасти был раздражен его бессоницей. Ему показалось, что у Треверса несколько странный вид.

— Йоргенсон... — начал было он.

— Кто это такой? — ворчливо спросил мистер Треверс.

— Это тот худой старый эконо́м, который все время торчит на палубе.

— Не видел. Я вообще никого не вижу и никого не знаю. Я предпочитаю не замечать.

— Я хотел только сказать, что Йоргенсон дал мне колоду карт. Может, вы хотели бы сыграть в пикет?

— Я не думаю, что смогу держать глаза открытыми,—сказал мистер Треверс, неожиданно доверчивым тоном. — Не странно ли это, д'Алькасер? Закрою глаза и потом вдруг просыпаюсь. Ужасно!

Д'Алькасер ничего не ответил, да Треверс, повидимому, и не ожидал ответа.

— Когда я сказал, что жена моя сошла с ума, — вдруг начал он, — я, конечно, говорил это не в буквальном смысле слова.

Голос его звучал несколько наставительно. Мистер Треверс, повидимому, вовсе не сознавал, что он довольно долго спал. Д'Алькасер был теперь почти уверен, что мистер Треверс только притворялся спящим, и, скрестив руки на груди, уныло приготовился слушать.

— Я хотел сказать, — продолжал мистер Треверс, — что жена моя поддалась глупой причуде. Вы очень хорошо знаете, что в обществе часто

увлекаются глупостями. Само по себе это не предосудительно, но в моей жене самое худшее то, что ее глупости никогда не походят на глупости тех, среди кого она вращается, а наоборот, обычно им противоречат. В моем положении, вы сами понимаете, эта ее особенность несколько тревожит меня. Ее станут называть эксцентричной особой. Вы ее видите где-нибудь, д'Алькасер?

Д'Алькасер был рад ответить, что миссис Треверс нигде не видно. Не было даже слышно никаких шопотов, хотя на судне сейчас наверное никто не спал. Но мистер Треверс внушал ему непобедимое недоверие, и потому д'Алькасер счел благоразумным прибавить:

— Вы забываете, что у вашей жены есть комната на рубке.

Правда, он отлично знал, что миссис Треверс в рубке нет.

Мистер Треверс, вполне успокоенный, замолк. Но больше не улегся. Д'Алькасер предался размышлениям.

Ночь казалась особенно душной.

Внезапный окрик Лингарда, звавшего Иоргенсона, почему-то показался ему зловещим; он поднял глаза и увидел в дверях «клетки» миссис Треверс. Он поднялся ей навстречу, но она уже вошла. Она, повидимому, была взволнована, задыхалась и как будто не знала, как заговорить.

— Не лучше ли затворить дверь? — обратился к ней Д'Алькасер.

— Сейчас придет капитан Лингард, — шепнула она. — Он принял решение.

— Превосходно, — спокойно заметил д'Алькасер. — Из этого я заключаю, что мы кое-что услышим.

— Я вам сама все расскажу, — тихо сказала миссис Треверс.

— А! — воскликнул д'Алькасер очень тихо. Тем временем вошел Лингард, и видно было, как по палубе «Эммы» забежали тени. Иоргенсон отдавал какие-то приказания. С минуту все, находившиеся в «клетке», хранили молчание. Невидимый малаец крикнул у схода: «Судах, Туан!» — и Лингард прошептал:

— Готово, миссис Треверс.

Миссис Треверс схватила д'Алькасера за руку и повела его в самый дальний угол «клетки», между тем как Лингард стал деловито оправлять фитиль висячей лампы, словно желая, чтобы предстоящие события, каковы бы они ни были, разыгрались при свете. Мистер Треверс только слегка повернул голову.

— Одну минуту, — тихо сказал д'Алькасер, невольно улыбаясь при виде волнения миссис Треверс. — Прежде, чем вы начнете говорить, позвольте мне задать вам один вопрос. Сами-то вы приняли решение или нет?

Глаза Треверс широко раскрылись. «Она, может быть, рассердилась?» — спрашивал себя д'Алькасер. После небольшой паузы, дышавшей, казалось, взаимным недоверием, д'Алькасер проговорил:

— Может быть, мне не надо было спрашивать вас об этом?

И Лингард услышал слова миссис Треверс:

— О нет, я не боюсь ответить.

После этого беседа стала вестись вполголоса. Лингард повесил разгоревшуюся лампу на место, и стоял, ничего не делая; вдруг его тихо позвал д'Алькасер:

— Капитан Лингард!

Лингард направился к говорившим. Голова мистера Треверса сейчас же повернулась обратно и заняла свое прежнее положение.

— Миссис Треверс сообщила мне, что мы должны быть снова выданы маврам, — начал он серьезно и дружелюбно.

— Да, другого исхода нет, — отвечал Лингард.

— Признаюсь, я немного удивлен, — сказал д'Алькасер; но, если не считать немного ускоренной речи, ничто не указывало в нем на малейшее волнение.

— Мне приходится заботиться о моем добром имени, — сказал Лингард, тоже очень спокойно. Возле него миссис Треверс, полузакрыв глаза, бесстрастно слушала, словно предводительствующий гений.

— Я этого нисколько не оспариваю, — согласился д'Алькасер. — Вопросы чести вообще не подлежат обсуждению. Но есть ведь еще и такая вещь, как человечность. Быть выданными и при том совершенно беспомощными...

— Может быть, — перебил Лингард. — Но вы не должны считать свое положение безнадежным. Я не имею права жертвовать ради вас своей жизнью. Моя жизнь не принадлежит мне. Миссис Треверс это знает.

— Это тоже вопрос чести?

— Не знаю, как назвать, но данное обещание надо исполнять.

— От человека нельзя требовать невозможного, — заметил д'Алькасер.

— Невозможного? Но я не знаю, есть ли вообще невозможное. Во всяком случае, я не люблю говорить о невозможностях и прятаться за ними. Да, кроме того, ведь не я вас сюда привел.

Д'Алькасер опустил голову.

— Я кончил, — серьезно сказал он. — Больше мне добавить нечего. Надеюсь, вы не считаете меня слишком большим трусом.

— Да и кроме того, это лучшее, что можно сделать, — вмешалась вдруг миссис Треверс. В ней шевелились только губы, она даже не поднимала глаз. — Это единственно возможная политика. Вы верите мне, мистер д'Алькасер?

Д'Алькасер слегка кивнул головой.

— В таком случае, мистер д'Алькасер, — сказала миссис Треверс, — я надеюсь, что вы как-нибудь уладите все это и предупредите неприятную сцену. Но может быть, вы думаете, что это должна бы сделать я...

— Нет, нет, я этого не думаю, — перебил д'Алькасер. — Это невозможно.

— Я тоже боюсь, что это было бы невозможно, — нервно сказала она.

Д'Алькасер поднял руку, словно прося ее более ничего не говорить, и сейчас же перешел на ту сторону «клетки», где находился мистер Треверс. Он хотел не дать себе времени думать о своей задаче. Мистер Треверс сидел на походной кровати, набросив на ноги легкое одеяло. Его взгляд, бессмысленно устремленный в пустоту, выражал, казалось, последнюю степень ужаса, и у д'Алькасера невольно замерло сердце. «Это ужасно»,

подумал он. Мистер Треверс сидел, как притаившийся заяц.

Д'Алькасеру пришлось сделать над собой усилие, чтобы слегка тронуть мистера Треверса за плечо.

— Наступила минута выказать некоторую твердость, Треверс, — сказала он ласково.

Мистер Треверс быстро взглянул на него.

— Я только что говорил с вашей женой, которая сообщила мне то, что передал ей Лингард относительно нас с вами. Единственно, что нам остается, это, по возможности, не потерять достоинства. Я думаю, что, в случае необходимости, мы оба сумеем умереть.

Последовала минута глубокого молчания; глядя на обращенное к нему лицо мистера Треверса, д'Алькасер невольно задал себе вопрос, у кого из них сейчас наиболее окаменелое выражение. Вдруг на каменной маске его собеседника заиграла улыбка, чего д'Алькасер ожидал менее всего. Несомненно улыбка, и даже слегка презрительная.

— Моя жена, наверное, опять начинала вашу голову всяким вздором, — заговорил мистер Треверс голосом, удивившим д'Алькасера не меньше, чем улыбка, голосом, в котором не было ни гнева, ни раздражения, но чувствовался оттенок снисходительности. — Дорогой д'Алькасер, она так увлеклась своей причудой, что способна наговорить все, что угодно. Шарлатаны, медиумы, предсказатели и вообще всякого рода надуватели имеют странное влияние на женщин. Вы сами это замечали. Я говорил с ней перед обедом. Влияние, которое приобрел над ней этот бандит, прямо непостижимо. Я думаю, что и сам он наполовину

сумасшедший. Это ведь часто бывает с бандитами. Я вообще перестал с ней спорить. Что вы хотите мне сообщить? Но предупреждаю вас, я отнюдь не намерен принимать ваших сообщений всерьез.

Он быстрым жестом скинул одеяло, свесил ноги на пол и начал застегивать пиджак. Послышавшийся за их спиной тихий шум дал понять д'Алькасеру, что миссис Треверс и Лингард уходят из «клетки»; тем не менее он довел свою речь до конца и с тревогой ждал ответа.

— Смотрите, она ушла с ним на палубу, — были первые слова мистера Треверса. — Надеюсь, вы сами теперь видите, что это просто дурацкая причуда. Посмотрите на один ее костюм. Она просто потеряла голову. К счастью, в обществе об этом не узнают. Но представьте себе, что-либо подобное случилось бы в Англии, — это было бы чрезвычайно неудобно... Да, я, конечно, пойду. Я пойду куда угодно. Я не в силах выносить эту шкуну, этих людей, эту чортову «клетку». Я думаю, я заболел бы, если бы мне пришлось оставаться тут.

Около трапа бесстрастный голос Иоргенсона произнес:

— Лодка дожидается уже целый час, Король Том.

— Итак, превратим необходимость в добродетель и пойдем, — сказал д'Алькасер, готовясь взять под руку мистера Треверс, которого он совсем перестал понимать.

— Я боюсь, д'Алькасер, что и вы тоже не проявляете достаточной трезвости, — отозвался мистер Треверс. — Я возьму с собой вот это одеяло.

Он поспешно перекинул одеяло на плечо и пошел вслед за д'Алькасером.

— Как это ни странно, я больше всего страдаю от холода.

Миссис Треверс и Лингард дожидались у трапа. К общему изумлению, мистер Треверс обратился к жене первый.

— Вы всегда смеялись над причудами других, — заметил он, — а теперь вы обзавелись своей собственной. Но об этом лучше не говорить.

Д'Алькасер, поклонившись миссис Треверс, прошел в лодку, Иоргенсон исчез, словно заклятый дух, Лингард отошел в сторону. Муж и жена остались одни.

— Вы думали, что я устрою скандал? — очень тихим голосом заговорил мистер Треверс. — Уверяю вас, мне приятнее уехать куда бы то ни было, чем оставаться здесь. Вы этого не думаете? Вы потеряли всякое чувство реальности. Я как раз сегодня говорил себе, что готов быть где угодно, лишь бы не видеть вас, ваше безумие...

Громкое восклицание «Мартин!» заставило Лингарда вздрогнуть, д'Алькасер поднял голову и даже Иоргенсон где-то в темноте, перестал бормотать. Только мистер Треверс, повидимому, ничего не слышал и ровным голосом продолжал:

— ... ваше сумасшествие. А вы казались настолько выше общего уровня. Вы теперь сами не своя и когда-нибудь мне в этом признаетесь. Впрочем, как вы и сами скоро увидите, самое лучшее будет позабыть об этом инциденте. Мы никогда не будем его касаться. Я уверен, что вы вполне со мной в этом согласитесь.

— Не слишком ли далеко вы загадываете? — спросила миссис Треверс.

Она заметила, что говорит с мужем таким голосом и тоном, как если бы они прощались в прихожей своего дома. Таким точно тоном она спрашивала его, когда он вернется домой, в то время, как лакей держал открытой дверь, а на улице дожидалась карета.

— Нет, не слишком далеко. Это не может долго продолжаться. — Мистер Треверс сделал точно такое движение, как будто он торопился ехать на деловое свидание. — Между прочим, — добавил он, остановившись, — я думаю, этот субъект понимает, что мы богаты. Он в этом вряд ли может сомневаться.

— Он об этом наверное совершенно не думал, — сказала миссис Треверс.

— Ну, конечно. Я так и знал, что вы это скажете. — В небрежном тоне мистера Треверса зазвучало нетерпение. — Но я должен вам сказать, что мне это надоело. Я... готов пойти на некоторые уступки. Готов дать значительную денежную сумму. Но вся ситуация так нелепа! Он, может быть, сомневается в моей добросовестности... В таком случае вы, пользуясь вашим особым влиянием, могли бы дать ему понять, что с моей стороны ему нечего бояться. Я держу свое слово.

— Это он предположил бы относительно каждого человека, — сказала миссис Треверс.

— Неужели ваши глаза никогда не открываются? — раздраженно начал мистер Треверс и сейчас же перестал. — Ну, тем лучше. Я даю вам неограниченные полномочия.

— Что заставило вас так изменить свое отношение? — подозрительно спросила миссис Треверс.

— Мое уважение к вам, — не колеблясь отвечал он.

— Я хотела отправиться в плен вместе с вами. Я пыталась его убедить...

— Я это безусловно запрещаю, — настойчиво прошептал мистер Треверс. — Я рад уехать. И вообще я не хочу вас видеть, пока с вас не сойдет ваш стих. — Ее смутила его скрытая горячность. Но тотчас же его яростный шопот перешел в пустую светскую иронию: — Не то, чтобы я придавал этому какое-нибудь значение... — прибавил он громко.

Он как бы отпрыгнул от жены и, сходя по трапу, любезно помахал ей рукой.

Смутно освещенная фонарем на крыше рубки, миссис Треверс стояла, опустив голову, в глубокой задумчивости. Но уже через минуту она встряхнулась и мимо Лингарда, почти задевая его, прошла к себе в рубку, ни на кого не смотря. Лингард слышал, как за ней хлопнула дверь. Он подождал, тронулся было к трапу, но передумал и последовал за миссис Треверс.

В комнате было совершенно темно. Лингард не мог ничего разглядеть. Ничто не шевелилось, и даже дыхания миссис Треверс не было слышно. Лингарду стало жутко.

— Я уезжаю на берег, — начал Лингард, нарушая черную, мертвую тишину, окружавшую его и невидимую женщину. — Я хотел попрощаться с вами.

— Вы уезжаете на берег? — равнодушным, пустым голосом повторила миссис Треверс.

— Да, на несколько часов. Быть может, навсегда. Может быть, мне придется умереть вместе с ними, может быть, придется умереть из-за других. Я хотел бы жить только для вас, если бы я знал, как это сделать. Я говорю это вам только потому, что здесь темно. Если бы здесь был свет, я не вошел бы.

— Я хотела бы, чтобы вы не входили, — прозвучал тот же самый пустой и глухой голос. — Всякий раз, как вы приходите ко мне, вы играете человеческими жизнями.

— Да, для вас это слишком, — тихо согласился Лингард. — Вы не можете не быть правдивой. И вы ни в чем не виноваты! Не желайте мне жизни, — пожелайте мне удачи, — потому что вы неповинны, и должны нести свою судьбу.

— Желаю вам всяческой удачи, Король Том, — послышалось во тьме, в которой он теперь словно различал свет ее волос. — Будь, что будет. И не приходите больше ко мне, потому что я устала от вас.

— Охотно верю, — пробормотал Лингард и вышел из комнаты, тихо затворив за собой дверь. С полминуты было все тихо, затем послышался стук упавшего стула. Через секунду, в свете лампы, оставленной на крыше рубки, очертилась голова миссис Треверс. Ее обнаженные руки конвульсивно хватались за косяк двери.

— Подождите минуту! — громко бросила она в темноту. Но не было слышно никаких шагов, не было видно никакого движения, кроме исчезающей куда-то тени капитана Иоргенсона, безразличного к жизни людей. — Подождите, Король Том! — повысила она голос и вслед за этим крикнула безрассудно:

— Я не хотела этого сказать! Не верьте мне!
Второй раз в эту ночь крик женщины встревожил всех обитателей «Эммы» — всех, кроме старого Иоргенсона. Малайцы в лодке взглянули вверх. У д'Алькасера, сидевшего на корме рядом с Лингардом, забились сердце.

— Что это такое? — воскликнул он. — Я слышал, что на палубе кто-то назвал ваше имя. Вас, должно быть, зовут?

— Отваливай! — бесстрастным голосом приказал Лингард, даже не посмотрев на д'Алькасера. И только мистер Треверс, повидимому, ничего не заметил.

Долгое время спустя после того, как лодка отъехала от «Эммы», мистер Треверс наклонился к д'Алькасеру.

— У меня очень странное чувство, — осторожно зашептал он. — Мне кажется, точно я в воздухе. Мы едем по воде, д'Алькасер? Вы уверены? Впрочем, конечно, мы на воде.

— Да, на воде, — тем же тоном отвечал д'Алькасер. — Может быть, переезжаем Стикс...

— Очень возможно, — неожиданно отозвался мистер Треверс.

Лингард, положив руку на румпель, сидел неподвижно, как изваяние.

— Значит, ваше мнение изменилось, — прошептал д'Алькасер.

— Я сказал жене, чтобы она предложила ему денег, — серьезно отвечал Треверс. — Но, говоря по правде, я не очень верю в успех.

Д'Алькасер ничего не ответил и только подумал, что в своем, другом, болезненном настроении мистер Треверс, пожалуй, приятнее. Вообще же

говоря, мистер Треверс был несомненно довольно надоедливый человек. Он вдруг схватил д'Алькасера за руку и едва слышно проговорил:

— Я сомневаюсь во всем. Я сомневаюсь даже, передаст ли ему миссис Треверс мое предложение.

Все это было не очень внушительно. Шопот, судорожное хватание за руку, дрожь, точно у ребенка, испугавшегося темноты, — все это производило жалкое впечатление. Но волнение было искренним. Вторично в этот вечер, — на этот раз из-за отчаяния супруга, — удивление д'Алькасера граничило с трепетом.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Зов жизни и жатва смерти

I

— У вас часы Короля Тома? — спросил голос, не придававший, повидимому, ни малейшего значения заданному вопросу.

Иоргенсон, стоя за дверями помещения миссис Треверс, дожидался ответа. Он слышал тихий стон, испуганный крик боли, какой раздается иногда в комнатах, где лежат больные, но это совершенно не подействовало на него. Если бы он вошел в комнату, не дожидаясь позволения, он увидел бы, — надо полагать, с полным равнодушием, — что миссис Треверс стоит на коленях на полу, опустив голову на край кровати (на которой Лингард никогда не спал), словно она поникла после не то молитвы, не то мольбы, не то отчаяния. Всю ночь пробыла в таком положении миссис Треверс. Опустившись на колени, сама не зная почему, потому что ей не о чем было молиться, не к чему взывать, и она зашла гораздо дальше, чем какое-нибудь пустое отчаяние, — она остава-

лась так, пока не почувствовала себя такой измученной, что, казалось, не в силах будет подняться. Охватив голову руками, и прижавшись лбом к кровати, она погрузилась в странное оцепенение, безраздельно овладевшее ее усталым телом и истомленной душой, которое часто служит единственным отдыхом безнадежно больным людям и по-своему бывает желанно. Из этого состояния ее вызвал голос Иоргенсона. Она приподнялась и села на кровать, чувствуя холод и ноющую боль во всем теле.

Стоя за дверью, Иоргенсон повторил с безжизненным упорством:

— Вы там не видите часов Короля Тома?

Миссис Треверс встала, качаясь и хватаясь руками за воздух, и оперлась о спинку стула.

— Кто там?

Она чуть было не спросила: «Где я?», но опомнилась, и ее сразу же охватил острый страх, который в течение последних часов таился в ее усталом, распростертом теле, как смутное, неопределенное чувство.

— Который час? — с трудом выговорила она.

— Светает, — произнес за дверью невозмутимый голос. Ей показалось, что при этом слове каждое сердце должно сжаться от ужаса. Светает! Она стояла, потрясенная. А мертвенный голос за дверью настаивал:

— У вас, должно быть, остались часы Короля Тома?

— Я не видала их, — отвечала она как-будто в мучительном полусне.

— Посмотрите в столике. Выдвиньте ящик и увидите.

Только теперь миссис Треверс заметила, как темно в каюте. Иоргенсон слышал, как она, спотыкаясь, переходила с места на место. Минуту спустя, женский голос, даже ему показавшийся странным, слабо произнес:

— Нашла. Но часы остановились.

— Не важно. Мне не требуется знать, который час. Тут должен быть ключ. Нашли?

— Да. Ключ привязан к часам, — отвечал изнутри приглушенный голос.

Иоргенсон подождал и опять попросил:

— Просуньте мне их, пожалуйста. Осталось очень мало времени.

Неожиданно для Иоргенсона дверь распахнулась. Он ждал, что часы ему просунут в щелку. Но он не отступил и вообще не обнаружил никакого признака удивления, когда перед ним появилась миссис Треверс, совершенно одетая. В слабом свете утренних сумерек темный силуэт ее плеч и головы с заплетенными косами ясно очерчивался в рамке открытой двери. Миссис Треверс в ее неевропейском одеянии всегда производила на Иоргенсона неприятное, почти отталкивающее впечатление. Ее рост, жесты, походка казались ему совершенно не подходящими к малайскому костюму, — слишком широкому, слишком свободному, слишком смелому и вызывающему. А миссис Треверс Иоргенсон казался похожим в этом темном проходе на расплывающийся белый призрак. Его мертвенное безразличие леденило ее.

Иоргенсон, не поблагодарив, взял часы из ее руки и пробурчал себе под нос:

— Вот, вот. Я еще не забыл, как надо правильно отсчитывать секунды, но все-таки лучше с часами.

Миссис Треверс не понимала, что он хочет сказать, да и не хотела понимать. Мысли ее путались, тело ныло от усталости.

— Я, должно-быть, спала, — смущенно проговорила она.

— Я не спал, — проворчал Иоргенсон, фигура которого становилась все яснее и яснее. Свет быстрого восхода усиливался с минуты на минуту, точно солнце торопилось поскорее взглянуть на поселок. — Будьте спокойны, — прибавил он хвастливо.

Миссис Треверс пришло в голову, что и она, может быть, тоже не спала. Ее недавнее состояние скорее напоминало неполное, полусознательное, мучительное умирание. Она вздрогнула, припоминая.

— Какая ужасная ночь! — тоскливо пробормотала она.

От Иоргенсона нечего было надеяться получить ответ. Миссис Треверс ждала, что он сейчас же исчезнет, подобно призраку, унося в руках для какой-то непостижимой цели часы Лингарда — тоже мертвые, как и полагается призраку. Но Иоргенсон не двигался. Что за бесчувственное, бесжизненное существо! Миссис Треверс охватила тоска такая же смутная, как и все ее ощущения.

— Неужели вы ни слова не можете выговорить? — вскрикнула она.

С полминуты Иоргенсон не издавал ни звука. Затем он забурчал себе в усы:

— Много лет я говорил всем, кто меня спрашивал. Тому тоже говорил. Но Том знал, чего он хочет. Но почему я знаю, чего вы хотите?

Она не ожидала, что эта застывшая тень скажет столько слов. Иоргенсовское бормотание завораживало, его внезапная болтливость — шокировала. Ей казалось, что во всем этом затихшем мире с ней остался только один этот призрак старого авантюриста. Опять послышался голос Иоргенсона.

— То, что я мог бы вам сказать, — хуже всякого яда.

Миссис Треверс не была знакома с иоргенсовской фразеологией. Его механический голос, его слова, его безжизненный вид, — все это пугало ее. Но он еще не кончил.

— Я все знаю, — забормотал он небрежно.

Нелепость этой фразы тоже нагоняла жуть. Миссис Треверс нервно вдохнула воздух и со странным смехом воскликнула:

— Тогда вы знаете и то, почему я звала ночью Короля Тома?

Иоргенсон отвел глаза от рубки и стал смотреть на загорающийся восход. Миссис Треверс тоже взглянула на восток. Показалось солнце. День наступил, — новый день!

Это открытие показалось ей самым мучительным, какое она когда-либо делала, или сделала в жизни. Но самая острота переживания укрепила ее и уняла ее волнение, подобно смертоносным ядам, которые успокаивают, прежде чем убить. Она твердо положила руку на локоть Иоргенсона и спокойно, отчетливо, настойчиво проговорила:

— Вы были на палубе. Я хочу знать, слышали ли меня?

— Да, — рассеянно отвечал Иоргенсон. — Я вас слышал. Весь корабль слышал.

«Может быть, я просто заорала», — подумала миссис Треверс. Ей этого не приходило в голову. Тогда ей казалось, что у нее хватало сил только на шопот. Неужели она в самом деле закричала так громко? Мертвенный холод, проникавший все ее тело после только что миновавшей ночи, сразу куда-то исчез. Ее лицо было в тени, и это давало ей мужество продолжать. И, кроме того, стоявший против нее человек так далеко отошел от стыда, гордости, жизненных условностей, что его можно было не считать за живое существо. Единственно, на что он был способен, — это по временам улавливать смысл обращенных к нему слов и отвечать на них. Главное, отвечать на них, — отвечать точно, безлично, бесчувственно.

— Видели вы Тома, Короля Тома? Он был там? Я хочу сказать, в ту минуту, как я позвала его? У трапа был свет. Он был на палубе?

— Нет, в лодке.

— Уже в лодке! Но можно было меня услышать с лодки? Вы говорите, что весь корабль меня слышал, но до этого мне дела нет. Мне важно, слышал ли меня он?

— Значит, вам Тома было нужно? — небрежно спросил Иоргенсон.

— Можете вы мне ответить или нет? — сердито вскричала миссис Треверс.

— Том был занят. Он не в бирюльки играл. В это время лодка отваливала, — сказал Иоргенсон с таким видом, точно он размышлял вслух.

— Значит, вы не хотите мне сказать? — прямо и нисколько не смущаясь допытывалась миссис Треверс. Она не стеснялась Иоргенсона и вообще

в эту минуту не стеснялась никого и ничего. А Иоргенсон продолжал размышлять вслух:

— С сегодняшнего дня ему, наверное, будет много работы, и мне тоже.

Миссис Треверс готова была схватить за плечи этот призрак с мертвенным голосом и трясти его, пока он не запросит пощады. Вдруг ее белые руки бессильно повисли вдоль тела.

— Я этого никогда, никогда не узнаю, — прошептала она про себя.

Чувствуя невыносимое унижение и в то же время горя нестерпимым желанием узнать, она опустила глаза, как бы закутала лицо. Так далеко от всего окружающего было ее сознание, что ни один звук не долетал до нее. Но когда она подняла глаза, Иоргенсона уже не было.

С секунду его фигура, вся темная на фоне ярко освещенной двери, оставалась на месте и потом сразу исчезла, точно поглощенная горячим пламенем.

Над Берегом Убежища встало солнце.

Когда миссис Треверс с широко открытыми и покрасневшими от бессонницы глазами вышла на палубу, у нее был такой вид, точно она скинула с себя покрывало. Ее взгляд, не тревожимый ослепительным солнечным светом, впивался в самое сердце вещей, вызывавших в ее душе — уже сколько дней подряд! — мучительную тревогу и страстное нетерпение. Лагуна, берег, формы и цвета предметов больше чем когда-либо походили на огромный, ярко разрисованный, занавес, скрывавший игру чьих-то необъяснимых жизней. Она затенила глаза рукой. На берегу бухты двигались темные точки человеческих фигур, за кото-

рыми, окруженные оградой, виднелись коньки крыш и верхушки пальм. Дальше яркой звездой сиял белый резной коралл на крыше мечети. Религия и политика — вечно политика! Налево, перед оградой Тенги, давешний костер превратился в темный столб дыма. У ограды росли высокие деревья, загораживавшие вид, и потому нельзя было разглядеть, — кончилось ночное совещание, или нет. Но там и сям двигались какие-то неясные фигуры. Миссис Треверс пыталась вообразить их себе: Дамана, верховного вождя морских разбойников, с мстительным сердцем и глазами газели; Сентота, мрачного фанатика в огромном тюрбане, и того, другого, святого, повязанного только узким поясом и с посыпанными пеплом волосами; наконец, Тенгу, о котором она так много слышала, — толстого добродушного, хитрого, готового на кровопролитие ради своих честолюбивых планов и уже настолько осмелевшего, что он показывался, говорят, у самой ограды Белараба под желтым зонтиком, — символом верховной власти.

Теперь все эти вещи были реальностью; они не казались ей только блестящими, варварски-роскошным зрелищем, кем-то уготованным для ее глаз. Она уже не подвергала сомнению подлинность всего этого, но жизнь эта не доходила до ее души, как не доходит до души глубина моря, покрытого мирной сверкающей рябью или бурно катящего серые пенящиеся волны. Ее глаза боязливо и недоверчиво блуждали по далеким пространствам, пока вдруг не наткнулись на пустую «клетку» с разбросанными вещами, неприбранной постелью, брошенной на полу подушкой и повешенной над столом лампой, все

еще горевшей тусклым желтым светом, похожим на маленький лоскут материи. Все это показалось ей грязным и давно заброшенным, пустой и праздной фантазией. Но Иоргенсон, сидевший прямо на палубе, не был празден. Правда, его занятие тоже казалось фантастическим и таким ребяческим, что у нее упало сердце при виде того, насколько он поглощен им. Перед ним были разложены обрывки тонкой и грязной на вид веревки, разной длины, от нескольких дюймов до фута. Он (идиот мог бы так забавляться) поджег их с одного конца. Они очень ярко тлели, иногда потрескивая, и в тихом воздухе от них вились вверх тонкие параллельные струйки дыма, закручивавшиеся на концах. Иоргенсон был всецело поглощен этой забавой. Он, очевидно, окончательно рехнулся.

В одной руке он держал часы. Рядом с ним лежал листок бумаги и обломок карандаша. Миссис Треверс была уверена, что он ее не видит и не слышит.

— Капитан Иоргенсон, вы несомненно думаете...

Он махнул ей обломком карандаша. Он не хотел, чтобы прерывали его странное занятие. Со своими обрывками веревок он играл очень серьезно.

— Я зажег их все одновременно, — бормотал он, глядя на циферблат часов. Самая короткая веревка догорела и погасла. Иоргенсон поспешно сделал какую-то отметку и замер на месте. Миссис Треверс тупо смотрела на него, думая о том, что все бесполезно. Он продолжал внимательно наблюдать за остальными струйками дыма, завивавшимися спиралями и медленно таявшими в воздухе.

— Что вы делаете? — тоскливо спросила миссис Треверс.

— Выверяю скорость сгорания... Предосторожность.

Никогда еще миссис Треверс не видала его столь мало замогильным. Он проявлял человеческую слабость. Он сердился на ее непрошенное появление. Внимание его было так поглощено струйками дыма и циферблатом часов, что внезапно раздавшиеся ружейные выстрелы, впервые за много дней нарушившие тишину лагуны и обманчивое спокойствие берега, не оказали на него никакого впечатления. Он даже не поднял головы, а только слегка покачал ею. Миссис Треверс смотрела на облачка белого дыма, подымавшиеся над оградой Белараба. Выстрелы смокли, и только гулкое эхо их, точно протяжный вздох, разносилось над лагуной.

— Что это такое? — воскликнула миссис Треверс.

— Белараб вернулся, — объяснил Иоргенсон.

Последняя струйка дыма исчезла, и Иоргенсон встал. Он теперь потерял всякий интерес к часам и, небрежно сунув их в карман вместе с клочком бумаги и обломком карандаша, возвратился к своей отрешенности от мира. Тем не менее он подошел к борту и соблаговолит бросить взгляд на укрепление Белараба.

— Да, он вернулся, — повторил тихо Иоргенсон.

— Но что теперь будет? Что делать? — воскликнула миссис Треверс.

— Я-то знаю, что делать, — прворчал он, как бы рассуждая с самим собой.

— Вы очень счастливы, — с горечью произнесла миссис Треверс.

Ей казалось, что она брошена всеми. Противоположный берег лагуны опять стал походить на разрисованный занавес, который никогда не подымается и никогда не раскроет правды, скрытой за его ослепительной и бездушной роскошью. Ей представилось, что она навеки распростилась со всеми ими: с д'Алькасером, с мужем, с Лингардом. Все они ушли за занавес и исчезли навсегда. Из всех белых людей остался один только Иоргенсон, столь основательно покончивший с жизнью, что одно его присутствие отнимало у бытия всю напряженность, всю загадочность, не оставляя ничего, кроме ужасной, отвратительной бессмысленности. Миссис Треверс не могла больше выносить. Едва подавляя возмущение, она вскричала:

— Вы замечаете, капитан Иоргенсон, что я жива?

Он повернул к ней глаза, — холодные, стеклянные, жуткие. Она чуть не ушла; но в них вдруг засветилась искра минутного оживления.

— Я хочу поехать к ним. Я хочу на берег, — твердо сказала она. — Туда! — Ее обнаженная рука указала на лагуну. Ожившийся взгляд Иоргенсона скользнул по белой коже ее пальцев и потерялся в пространстве.

— Нет лодки, — пробормотал Иоргенсон.

— Должен быть челнок. Я знаю, что у вас есть челнок. Он мне нужен!

Она сделала шаг вперед, требующая, приказывающая, стараясь сосредоточить в своем взгляде всю силу воли, сознание своего права располагать

собою и требование, чтобы ей повиновались до последнего мига ее жизни. Все было напрасно. Иоргенсон не двинул ни одним мускулом.

— Кто из них двух вам нужен? — спросил он наконец глухим, ничего не выражающим голосом.

Миссис Треверс продолжала в упор смотреть на него.

Она раздельно проговорила:

— Вы, должно быть, уже не раз задавали себе этот вопрос?

— Нет, я задаю его вам сейчас.

Прямой и скучающий взгляд миссис Треверс ничего не прочел в его лице.

— Что вам там делать? — прибавил Иоргенсон так безжалостно, убедительно и искренно, как будто он был воплощением того внутреннего голоса, который иногда говорит во всех нас, который так же оскорбителен и на который так же трудно ответить.

— Помните, что я не тень, а пока еще живая женщина, капитан Иоргенсон. Я могу жить и могу умереть. Переправьте меня на берег. Я хочу разделить их судьбу.

— А вы уверены, что вам это понравится? — спросил Иоргенсон, несколько выйдя из своего безразличия. В голосе его, внезапно ожившем, слышалась легкая дрожь, чего уже много лет не бывало у капитана «Дикой Розы».

— Это может кончиться смертью, — пробурчал он, опять возвращаясь к своей отрешенности.

— Кому до этого дело? — небрежно бросила миссис Треверс. — Мне только нужно задать Тому один вопрос и получить ответ. Вот что я хочу. И это вы должны сделать.

На душной и темной лесной тропе, заброшенной, заросшей, как бы задушенной буйной растительностью джунгли, послышался тихий шелест листьев. Джафир, слуга князей, посланец великих людей, шел, пригибаясь к земле и держа в руке широкий нож. Он был обнажен по пояс, и плечи и руки его были покрыты сочившимися кровью царапинами. Насекомые тучами носились над его головой. Он потерял свою дорожную старинную головную повязку, и когда, дойдя до более широкого места, он остановился, внимательно прислушиваясь, всякий принял бы его за беглеца.

Он взмахнул руками и стал хлопать себя по плечам, по вискам, по тяжело дышащей груди. Потом он замер на месте и опять стал прислушиваться. До него донеслись слабые звуки выстрелов; приглушенные не столько расстоянием, сколько густой листвой. Это были отдельные выстрелы, и он мог бы их пересчитать один за другим, если бы хотел. «В лесу уже начался бой», подумал он. Он низко нагнул голову и стремительно понесся вперед по растительному туннелю, на минуту оставив за собой даже тучи докучливых мух. Бежал он, однако, не потому, что хотел избавиться от насекомых, ибо никакому человеку не удалось бы отделаться от этих спутников, да кроме того Джафир, вечно скитаясь по лесам, уже привык к тому, чтобы его, если можно так выразиться, поедали заживо. Согнувшись почти вдвое, он скользил между деревьями и продирался сквозь чащу кустов; его смуглая кожа обливалась потом, и среди массы зеленых листьев, что вечно рожда-

ются и вечно умирают, крепкое тело его сверкало подобно бронзе. Хотя бег его и производил впечатление стремительного бегства, теперь Джафир уже не спасался от преследователей, — он просто спешил как можно скорее добраться до места своего назначения. Бегство его, начавшееся ловким прыжком и бешеной скачкой, и вообще обнаружившее в нем большое самообладание, дало ему простой выход из критического положения. Ведь, вообще, выходы из критических положений довольно просты, если только они во-время приходят в голову. Джафир скоро убедился, что его больше не преследуют, но все же он направился по лесной дороге и не стал замедлять шага, ибо раджа Хассим и госпожа Иммада были осаждены врагами на опушке леса и почти-что попали в плен к отряду Тенги.

Несмотря на наследственную привычку к проволочкам, Хассим не смог более выносить нерешительность Белараба. Конечно, важные вопросы подобает обсуждать много дней, на каждом свидании повторяя те же самые требования и выводы и получая те же уклончивые ответы. Государственным делам должны сопутствовать достоинство и медлительность, как если бы само время покорялось силе и мудрости правителей. Так всегда поступают посольства, и величавое терпение — необходимое качество посланника. Но теперь положение было настолько критическим, что Хассим не мог выносить этих проволочек. Следуя вместе с сестрой за свитой благочестивого Белараба, он, правда, не изменял традициям вежливости и внешней сдержанности, но, тем не менее, нередко испытывал минуты гнева, тревоги и отчаяния. Дело

шло о его друзьях, его будущем, судьбах его родины, а лагерь Белараба продолжал бесцельно блуждать по лесам, как бы отражая колебания правителя, переменчивого и неверного, как сама судьба.

Часто в ответ на свои долгие речи, которые Хассим держал ежедневно, он слышал только одно слово: «Хорошо». Соратники вождя обращались с Хассимом почтительно, но женская половина лагеря, потакая капризу молодой жены Белараба, выказывала изгнаннику и его сестре явное недружелюбие.

Эта женщина, добрая и кроткая со своими подчиненными, совершенно потеряла голову и в простоте сердечной бредила богатствами, которые достанутся ей с разграбленной яхты. Что ценного мог предложить ей Хассим, этот странствующий бедный чужеземец? Ничего. Все разговоры о богатстве его далекой родины, — только пустые сказки изгнанника, ищущего помощи.

По ночам Хассим должен был выслушивать тревожные речи Иммады, единственной спутницы его жизни, его родной сестры, храброй, как мужчина, но впечатлительной, как настоящая женщина. Когда лагерь великого Белараба погружался в сон и огни костров превращались в тлеющую золу, Иммада шопотом передавала ему свои опасения. Хассим спокойно утешал ее. Но и он был родом из Ваджо, где люди храбрее и сообразительнее, чем остальные малайцы, и обладают и большей энергией, и большим душевным пылом. Наконец Хассим потерял терпение и как-то вечером объявил своей сестре: «Завтра мы оставляем этого безголового правителя и возвращаемся к нашему белому другу».

На следующее утро, предоставив свите Белараба итти прямой дорогой к поселку, Хассим и Иммада пошли своим собственным путем, — маленькой тропинкой, тянувшейся между джунглями и расчищенными полянками. Их сопровождало двое воинов Хассима, уроженцев Ваджо; и потому принцесса Иммада могла, когда хотела, пользоваться носилками, как это в обычае у высокородных дам ваджского народа. Иммада, привыкшая к скитальческой жизни, предпочитала итти пешком, но время от времени, из уважения к чувствам своих спутников, она позволяла им нести себя. Утром они прошли большое расстояние, и Хассим рассчитывал еще до вечера добраться до лагуны, неподалеку от места стоянки «Эммы». В полдень они отдыхали в тени на берегу лесного пруда, и там-то их и встретил неожиданно нежданно Джафир.

Беседа была долгая. Джафир, сидя на корточках, степенно повествовал. Его слушали с жадностью. Известие о подвиге Картера еще не достигло лагеря Белараба. Для Хассима это был большой удар, но он слушал Джафира со своей обычной спокойной улыбкой. Принцесса Иммада заплакала от огорчения и ломала руки. Джафир кончил, и наступило глубокое молчание.

Действительно, событие было таким роковым и громадным, что даже эти малайцы считали излишним что-либо говорить, и Джафир почтительно склонил голову перед изумленным владыкой. Это чувство еще тяготело над маленькой горстью людей, сидевших вокруг тлеющих прутьев, как вдруг послышался шум приближаю-

щегося отряда людей, и все пятеро вскочили на ноги. Не успели они двинуться с места, как заметили, что их уже открыли. Подходившие люди были все вооружены и, повидимому, отправлялись в какую-то военную экспедицию. Среди них был и Сентот, в своем белом поясе со взлохмаченными волосами; он дико прыгал и размахивал руками, как одержимый. Остальные от удивления замерли на месте, но очевидно питали враждебные намерения. В арриергарде на почтительном расстоянии двигалась дородная фигура, сопровождаемая двумя телохранителями с мечами. Раджа Хассим снова спокойно сел на ствол упавшего дерева. Иммада стала за ним, положив ему руку на плечо, а Джафир уселся на землю, собрав всю свою энергию и держа наготове каждый мускул.

— Воины Тенги, — презрительно проговорил Хассим.

В подошедшем отряде кто-то крикнул, и издали откликнулись несколько голосов. О сопротивлении нечего было и думать. Хассим только снял с пальца изумрудный перстень, и Джафир незаметно взял его. Раджа даже не посмотрел на своего верного гонца.

— Непременно передай это белому человеку, — тихо прошептал он.

— Твой слуга дышит, о, раджа. Это могучий талисман.

Тени от деревьев стали длиннее. Никто не произносил ни звука; отряд вооруженных людей стал как будто подвигаться ближе. Иммада закрыла лицо концом шарфа и одним глазом следила за движениями наступающих.

Сбоку от вооруженных воинов Сентот выплясывал медленный танец, но и он почему-то, притих.

— Теперь беги, — шепнул раджа Хассим, неподвижно глядя перед собой.

Секунду или две Джафир не шевелился, потом вдруг прыгнул, понесся по джунгле и сейчас же утонул в чаще подобно пловцу, нырнувшему с высоты. Среди вооруженного отряда раздались удивленные восклицания, кто-то бросил копье, кто-то выстрелил, три или четыре воина ринулись в заросли, но скоро вернулись с виноватыми улыбками. А Джафир в это время уже бежал один по заброшенной тропинке, с парангом¹⁾ в руках и тучей мух над головой.

Склонявшееся к западу солнце бросало полосы света на темную тропинку. Он бежал скорым эластичным шагом, внимательно оглядываясь по сторонам и быстро дыша широкой грудью; на указательном пальце сжатой руки у него было надето изумрудное кольцо, словно он боялся, что оно соскользнет, улетит, будет вырвано невидимой силой или похищено злыми чарами. Мало ли что могло случиться... В мире много злых сил, могущественных заклинаний, страшных привидений. Посланцу князей и великих людей, несшему последний призыв своего господина, было не по себе в темном лесу. Мало ли что могло скрываться во мраке чащи? Солнце еще не село. Огибая лагуну, Джафир еще видел его лик сквозь листья деревьев. Но что, если аллах сейчас призовет его и он умрет, не выполнив поручения?

¹⁾ Паранг — широкий нож (Примеч. перев.)

На берегу лагуны, в двухстах шагах от «Эммы», он остановился и перевел дух. Прилив кончился и на большом расстоянии обнажил дно. Джафир прошел вперед по затопленному бревну и крикнул, чтобы прислали лодку; в ответ донесся окрик Иоргенсона. Солнце уже опустилось за прибрежные леса, и кругом, на сколько хватал глаз, все было тихо.

Легкий ветерок пронесся по черной воде, и Джафир, на самом берегу, дожидаясь лодки, почувствовал легкую дрожь.

Тем временем Картер, измученный непрерывной тридцатичасовой работой по поднятию яхты, опустился на складное кресло миссис Треверс на «Отшельнике» и сказал преданному Васубу:

— Вели, чтобы сегодня ночью хорошенько сторожили, старик.

Потом он с удовлетворением посмотрел на заходящее солнце и заснул.

III

На носу «Эммы» возвышалась приподнятая над палубой площадка, откуда можно было видеть всю палубу и следить за движениями каждого матроса. Здесь можно было не бояться, что подслушают, хотя находившиеся на ней люди были, конечно, видны всем.

Солнце только что зашло, к величайшему удовольствию Картера, когда Иоргенсон и Джафир уселись рядом между брашпиль-битсов «Эммы» и на виду у всех, но недостижимые, не скрываясь, но втайне, начали вести тихую беседу.

Каждый ваджский воин, находившийся на шкуне, чувствовал приближение решительного часа. Готовые к битвам и смерти и безразличные к тому, как они будут жить и как будут умирать, они сидели спокойно и не волнуясь. Не так обстояло дело с миссис Треверс, которая, запершись в рубке, мучительно размышляла о том же, хотя и на нее нашло такое отчаяние, что она почти готова была приветствовать любой исход.

Из всех бывших на борту людей, только она одна ничего не знала о совещании Иоргенсона и Джафира. Погруженная в беспокойные думы, она заметила только, что почему-то все звуки на «Эмме» вдруг замерли. Не слышно было ни шороха, ни шагов. Фигуры Иоргенсона и Джафира, шопотом совещавшихся друг с другом, у всех отбили охоту двигаться и говорить.

Сумрак окутывал эти две фигуры, похожие в своей неподвижности на изваяния интимно беседующих европейца и азиата. Сгустившиеся тени почти скрывали их, когда они вдруг поднялись, заставив забиться сердца зрителей. Но они не разошлись. Они продолжали стоять на месте, как бы дожидаясь полной тьмы, чтобы подобающим образом закончить свое собеседование. Джафир рассказал Иоргенсону всю историю кольца, — этого символа дружбы, созревшей и подтвержденной в ночь поражения, в ночь бегства из далекой страны, тихо спавшей под гневными потоками небесного пламени.

— Да, Туан, — продолжал Джафир. — В первый раз оно было послано белому человеку в ночь смертельной опасности, как прощальный дар. И тогда, как и теперь, оно было вручено мне с нака-

зом во чтобы то ни стало спастись и передать кольцо в подтверждение моих слов. Я это сделал, и белый человек точно утишил бурю и спас моего раджу. Он не из таких людей, что уходят и забывают тех, кого однажды назвали своими друзьями. Мне было поручено только сказать последнее прости, но чары кольца были так сильны, что вызвали все силы белого человека на помощь моему господину. Теперь мне нечего сказать. Раджа Хассим ничего не просит. Но что из этого? По милости аллаха все осталось по старому, — и сострадание всевышнего, и чары кольца, и сердце белого человека. Ничто не изменилось, только дружба укрепилась и любовь стала сильнее после общих опасностей и долгой совместной жизни. Поэтому, Туан, я не боюсь. Но как мне передать кольцо радже Лауту? Только передать, — мне больше ничего не надо. Если бы они пронзили меня у самых его ног, и то времени хватило бы. Но лес кишит воинами Тенги, бухта открыта, и мне не удалось бы дойти даже до ворот.

Иоргенсон, засунув руки в карманы пиджака, смотрел в землю и слушал.

Джафир был настолько встревожен, насколько он был вообще способен к тревоге.

— Аллах наще прибежище, — прошептал он. — Но что же делать? Неужели твоя мудрость ничего не подскажет, Туан?

Иоргенсон ничего не отвечал. Он, повидимому, ничего не мог подсказать. Но аллах велик, и Джафир ждал, тревожно, но терпеливо. Он все еще надеялся. Наплывавшая из черного леса ночь скрывала их от внимательных глаз людей. Видя молчание Иоргенсона, Джафир начал говорить.

— Теперь, когда Тенга сбросил маску, Джафир не мог выйти на берег, не будучи атакованным, взятым в плен или убитым. Вернее всего — убитым, потому что он мог спастись бегством по повелению своего господина, но не мог сдаваться живым. Во время своих странствований ему приходилось скользить, как тень, ползти, как змея, чуть-что не пробираться под землю. Он никогда еще не попадал впросак. Его не оставили бы ни болота, ни трясина, ни большая река, ни джунгля. Все эти препятствия скорее помощники для того посланца, который умеет использовать их. Но тут была открытая бухта, и не имелось никакого другого пути. При настоящем положении вещей каждый куст, каждый древесный ствол, каждая тень дома или забора могла скрывать воинов Тенги или разъяренных пиратов Дамана, уже направившихся к поселку. Как ему пройти расстояние между берегом и воротами Белараба, которые теперь наверное стоят на запоре и днем, и ночью? Не только он, — любой человек с «Эммы» будет схвачен и сразу исколот пиками.

Он замолчал, с минуту подумал и проговорил:

— Даже тебе, Туан, не удалось бы этого сделать.

— Верно, — проворчал Иоргенсон.

Когда, после долгого раздумья, он оглянулся, Джафира уже не было. Он сошел с возвышения и по всей вероятности сидел где-нибудь на корточках в темном углу палубы.

Иоргенсон слишком хорошо знал Джафира и был уверен, что тот не будет спать. Он будет сидеть и думать, потом придет в ярость, как-нибудь

выберется с «Эммы» и погибнет на берегу, сражаясь. Вообще он выкинет что-нибудь безумное, ибо выхода нет. Тогда Лингард ничего не узнает о плене Хассима и Иммады, ибо кольцо не достигнет его. Лингард ни о ком ничего не узнает, пока для всех этих людей не наступит конец. Следовало или не следовало Лингарду это узнать, Иоргенсон не мог решить. Он признался себе, что тут было нечто, чего даже он не знал. Все было ненадежно, неверно, как и все вообще, относящееся к жизни людей. Только относительно своей судьбы Иоргенсон не сомневался. Он знал, что он сделает.

Ни одна черта не изменилась, ни один мускул не дрогнул на лице старого авантюриста, когда он спустился с кормы и пошел по палубе «Эммы». Его выцветшие глаза, так много видевшие на своем веку, не пытались проникнуть в ночную тьму и даже ни разу не взглянули на расставленных им часовых, которых он задевал на ходу. Если бы на него внезапно упал свет, он показался бы идущим в вечном сне лунатиком. Миссис Треверс слышала, как его шаги прозвучали около рубки. Шаги удалились, — и она опять уронила голову на свои обнаженные руки, протянутые поперек маленького столика, у которого она сидела.

Иоргенсон, стоя у гакаборта, смотрел на красноватое зарево, подымавшееся над черными массивами дальнего берега. Он все замечал быстро, небрежно, относясь ко всему, как к явлениям, не имеющим связи с его собственным призрачным существованием. Это были отдельные мгновения в той жизненной игре, которой все еще почему-то занимались люди. Он слишком хорошо знал, чего

стоит эта игра, и потому мало интересовался ее ходом. Он так давно отвык думать, что внезапное возвращение к этому занятию чрезвычайно досаждало ему, особенно, когда приходилось ломать себе голову над определенным решением. В мире вечного забвения, которое он вкушал, пока Лингард не вернул его к жизни людей, все было решено раз навсегда. Его раздражала его собственная растерянность, которая напоминала ему о смертном бытии, сплетенном из вопросов и страстей, от которого он, как ему казалось, навеки освободился. По естественной ассоциации, в мыслях его внезапно появилась фигура миссис Треверс, ибо как он мог теперь думать о Томе Лингарде, о том, что плохо или хорошо для Короля Тома, не думая в то же время и об этой женщине, которая ухитрилась зажечь подобие искры даже в его собственных потухших глазах? Сама она не имела никакого значения, но доброе имя Тома имело большое значение. О Томе он должен был думать, о том, что хорошо или плохо для Тома в этой нелепой и роковой игре с его жизнью. В конце концов, он пришел к заключению, что для Тома Лингарда будет хорошо, если ему передадут перстень. Только передадут перстень. Перстень, и больше ничего.

— Это поможет ему окончательно решиться, — пробурчал себе в усы Иоргенсон, как бы побуждаемый смутной уверенностью.

Он отвернулся от линии костров, горевших на дальнем берегу, и пошел по палубе. Миссис Треверс слышала, как он проходил мимо рубки, но даже не подняла головы. Этот бессонный человек сошел с ума, впал в детство и не поддавался

никаким уговорам. Он бродил по палубе неведо для чего...

На этот раз, однако, у Иоргенсона была вполне определенная цель. Он подошел к Джафиру и сказал ему, что единственный человек в мире, имевший хоть какие-нибудь шансы добраться сегодня ночью до укрепления Белараба, была привезенная раджей Лаутом высокая белая женщина, жена одного из пленных белых вождей. Джафир издал удивленное восклицание, но не стал этого отрицать. Возможно, что, по очень простым или же очень сложным соображениям, эти дьявольские отродья из лагеря Тенги и Дамана не решатся убить белую женщину, если она пойдет одна к укреплению Белараба. Да, вполне возможно, что она дойдет невредимой.

— Особенно, если она понесет с собой пылающий факел, — пробурчал Иоргенсон.

Он рассказал Джафиру, что теперь она сидит в темноте и предается скорби по обычаю белых женщин. Утром она сильно кричала, — требовала, чтобы ее отпустили к белым людям на берегу. Он отказался дать ей лодку. С тех пор она заперлась на рубке и горюет.

Джафир слушал все это без особенного интереса. И когда Иоргенсон прибавил:

— Я думаю, Джафир, что лучше исполнить ее желание, — он безразлично ответил:

— Ну, что же, пусть идет. Не важно.

— Да, — сказал Иоргенсон. — И она может отнести кольцо радже Лауту.

Джафир, хмурый и бесстрастный Джафир вздрогнул. Сначала казалось невозможным убедить Джафира, чтобы он расстался с кольцом. Эта

мысль была слишком чудовищна, чтобы проникнуть в его ум, тронуть его сердце. Но, наконец, он согласился и мрачно прошептал:

— Аллах велик. Может быть, такова ее судьба.

Джафир был родом из Ваджо и потому не считал женщин ненадежными или неспособными выполнить задачу, требующую мужества и сметливости. Поборов свои колебания, он передал кольцо Иоргенсону, но поставил одно условие:

— Она отнюдь не должна надевать кольцо себе на палец, Туан.

— Ну что ж, она повесит его себе на шею, — охотно согласился Иоргенсон.

Когда Иоргенсон шел к рубке, ему пришлось в голову, что пожалуй, теперь эта, приведенная Лингардом на буксире, женщина не захочет оставить «Эмму». Это его, впрочем, не очень волновало.

Все эти люди двигались впотьмах, да и сам он сейчас двигался впотьмах.

Иоргенсону только хотелось направить мысль Лингарда на Хассима и Иммаду и заставить его без колебаний осуществить поставленную цель. Эти белые его совершенно не интересовали. Это были люди, не оставляющие следов на земле. Женщине придется ехать, не понимая зачем ее посылают. А если она откажется, пусть остается на судне без всяких вестей. Он ей ничего не скажет.

На деле, однако, оказалось, что миссис Треверс не желает иметь с ним никакого дела. Она не хотела даже его слушать. Она — вернее только голос, заключенный в темной рубке — желала, чтобы он ушел и не тревожил ее.

Но тень Иоргенсона было не так-то легко закрывать. Он тоже был только голосом во внешней

тьме, неумолимым, настаивавшим, чтобы она вышла на палубу и выслушала его. Наконец он нашел нужные слова.

— Я хочу вам сказать относительно Тома. Вы желаете ему добра, не так ли?

Этот довод возымел действие; миссис Треверс, выйдя на палубу и склонив голову, стала терпеливо слушать бормотание белого призрака.

— Мне кажется, капитан Иоргенсон, — сказала она, когда он кончил, — что вы просто забавляетесь. После вашего поведения сегодня утром мне нечего с вами говорить.

— У меня готов для вас челнок, — проворчал Иоргенсон.

— У вас какая-то задняя мысль, — недовольно проговорила миссис Треверс. — но, может быть, вы мне ее сообщите? Что вы имеете в виду?

— Интересы Тома.

— Вы действительно его друг?

— Он привез меня сюда. Вы это знаете. Он вам все рассказал.

— Да. Но я сомневаюсь, можете ли вы быть кому-нибудь другом.

— Сомневаетесь! — повторил Иоргенсон, очень спокойно и мрачно. — Если я ему не друг, то хотел бы я знать, какие у него еще друзья!

Миссис Треверс быстро спросила. — Но что вы говорите про кольцо? Что это за кольцо?

— Это собственность Тома. Оно у него давно.

— И он дал его вам? Он им дорожит?

— Не знаю. Это просто вещь.

— Но оно что-нибудь означает для вас и для него. Так ведь?

— Да. Означает. Он знает, что оно означает.

— Что оно означает?

— Я ему в достаточной степени друг, чтобы придерживать язык.

— Что! Со мной!

— А кто вы такая? — неожиданно заметил Иоргенсон. — Он и так вам слишком много наговорил.

— Может быть, да, — прошептала миссис Треверс, как будто про себя. — И вы хотите, чтобы я отнесла кольцо ему? — спросила она уже громче.

— Да. Немедленно. Для его блага.

— Вы уверены, что это для его блага? — Почему же вы сами не можете...

Она остановилась. Этот человек был безнадёжен. Он ей ничего не скажет, заставить его она не могла. Он был неуязвим, неумолим... Он был мертв.

— ... Только передайте ему кольцо, больше ничего, — бормотал Иоргенсон, точно загипнотизированный одной идеей. — Суньте ему в руку. Он поймет.

— Но что это? Совет, предостережение, сигнал к действию?

— Все, что угодно, — хмуро, но как будто более мягким голосом сказал Иоргенсон. — Это для его блага.

— О, если бы я только могла верить этому человеку! — почти вслух размышляла миссис Треверс.

Легкий шум, послышавшийся в горле Иоргенсона, может быть выражал сочувствие. Но Иоргенсон ничего не сказал.

— Это в самом деле, необыкновенно! — воскликнула миссис Треверс, выведенная из терпения. — Почему вы обратились ко мне? Почему

это должна сделать я? Почему вы хотите, чтобы именно я отнесла его ему?

— Я вам скажу, почему, — отвечал Иоргенсон своим мертвым голосом. — Потому, что на этой шкуне не найдется ни одного человека, который мог бы пробраться живым в ограду. Сегодня утром вы сказали мне, что вы готовы умереть за Тома или вместе с Томом. В таком случае рискуйте. Вы единственный человек, имеющий хоть половину шанса добраться туда. А Том может быть, дожидается.

— Единственный человек, — повторила миссис Треверс, порывисто шагнув вперед и протягивая руку, перед которой Иоргенсон отступил на шаг. — Да, я рискну! Конечно! Где это таинственное кольцо?

— У меня в кармане, — отвечал Иоргенсон.

Однако, прошло не менее полуминуты прежде чем миссис Треверс почувствовала перстень в своей полураскрытой ладони.

— Но его никто не должен видеть, — наставительно шептал Иоргенсон. — Спрячьте его где-нибудь. Самое лучшее, повесьте его себе на шею.

Миссис Треверс крепко сжимала перстень.

— Да, это будет лучше, — согласилась она поспешно. — Я сейчас вернусь. Приготовьте все. — С этими словами она скрылась в рубку, и сейчас же полосы света появились в щелях обшивки. Миссис Треверс зажгла там свечу. Она надевала себе перстень на шею. Она собиралась ехать. Да, она шла на этот риск ради Тома.

— Никто не может устоять против этого человека, — бормотал про себя Иоргенсон мрачным голосом. — Я, и то бы не мог.

IV

После того, как челнок отъехал от шкуны, интеллектуальная жизнь Иоргенсона прекратилась. Никаких умствований от него больше не требовалось.

Он покончил с этим вопросом. Его решения были уже приняты, и он мог теперь обдумывать их с тем же мертвым равнодушием, с каким он расхаживал по палубе «Эммы». Кольцо заставит Лингарда вернуться к Хассиму и Иммаде, которые теперь тоже были в плену, хотя им, по мнению Иоргенсона, не грозило серьезной опасности. Суть дела сводилась к тому, что у Тенги оказались в качестве заложников близкие Лингарду люди. Люди эти были связаны с Лингардом крепкими узами. Они имели на Короля Тома такие же права, какие много лет тому назад имели люди той же расы на него самсго.

Только Том был гораздо больше, чем он, Иоргенсон. И все же он не избегнет такой же точно судьбы, какая постигла его, Иоргенсона, — он будет поглощен, пленен, сольется с ними и в случае успеха, и в случае неудачи. Таков был неотвратимый рок, и Иоргенсон верил, что кольцо заставит Лингарда мужественно принять неизбежное. Ему только хотелось, чтобы Лингард перестал интересоваться судьбой этих белых, — людей, не оставлявших по себе никакого следа в жизни.

С первого взгляда казалось, что посылка белой женщины к Лингарду не вполне служила этой цели. Но у Иоргенсона сложилось мнение, еще более подкрепленное утренним разговором с миссис Треверс, что она и Лингард разошлись

навсегда. Это так и должно было быть. Женщина Лингарду совершенно не требовалась. Единственная женщина, которую знал Иоргенсон, досталась ему в обмен на несколько штук ситца и несколько ружей. В данном случае подобная сделка представлялась невозможной, и это еще более подтверждало убеждение Иоргенсона. Дело было несерьезно. В сущности, никакого дела и не существовало. Существовал только один факт — связь Лингарда с ваджскими изгнанниками, и вытекавшее отсюда огромное воинственное предприятие, подобного которому никто еще не пытался осуществить в здешних морях.

Старый авантюрист нисколько не сомневался, что Тенга предпочел бы мирную сделку войне. Как Лингард возьмется за переговоры, — его, Иоргенсона, не касается. Во всяком случае, это будет не трудно. Ничто не мешает Лингарду отправиться прямо к Тенге и поставить вопрос ребром. Тенге хотелось только получить свою долю в богатстве Лингарда, во власти Лингарда, в дружбе Лингарда. Еще год тому назад Тенга как-то сказал Иоргенсону, что он нисколько не менее достоин дружбы Лингарда, чем Белараб.

Это был ясный намек, раскрывавший все тайные мысли хитрого вождя. Иоргенсон, конечно, отвечал глубоким молчанием. Он не занимался дипломатией, — он только хранил припасы.

После тех сложных умственных усилий, какие потребовались для того, чтобы спровадить миссис Треверс, Иоргенсон решил отдохнуть и выбросить из головы все думы. Последний его помысел был чисто практический.

Ему пришло на ум, что следовало бы как-нибудь привлечь внимание Лингарда к лагуне. На морском языке одна ракета обозначает несчастье, а три ракеты, одновременно пущенные, обозначали бы предостережение. Он отдал приказ, и ракеты взвились ввысь, оставляя по себе искрящийся хвост и с громким треском рассыпаясь одна за другой высоко в воздухе белыми звездами. После этого Иоргенсон принялся ходить взад и вперед по палубе, уверенный, что Том догадается и прикажет наблюдать за лагуной. Несомненно, эти таинственные ракеты потревожат Тенгу и его друзей и вызовут в поселке немалую суматоху; это было не важно, потому что поселок и без того был весь на ногах. Но что было неожиданным для Иоргенсона, так это мушкетный выстрел, раздавшийся из джунгли со стороны носа. Иоргенсон остановился. Он ясно слышал, как пуля ударилась в борт шкуны.

— Это какой-нибудь осел стрельнул, — говорил он презрительно. Это значило только то, что он осажден со стороны берега и что Тенга готов итти на всё. Конечно, Том все мог бы еще уладить какими-нибудь шестью словами, если только... Иоргенсон мрачно улыбнулся и опять принялся шагать взад и вперед.

Он с усмешкой заметил, что костер, ночь и день горевший перед резиденцией Тенги, вдруг погас. Он ясно представил себе, какое дикое смещение поднялось там, как люди с бамбуковыми ведрами забежали к лагуне, как они стали заливать огонь, толкая друг друга, как начали, шипя, подыматься облака пара. Но Иоргенсон забавлялся этой воображаемой картиной не более

пяти секунд. Потом подошел к рубке и взял лежавший на ее крыше бинокль.

В свете разорвавшихся над лагуной ракет он на минуту увидел черное пятнышко челнока, перевозившего миссис Треверс. Он не мог рассмотреть его в бинокль, — было слишком темно. Но, несомненно, та часть берега, к которой направлялся челнок, находилась у ближайшего к бухте угла ограды Белараба. Это место было слегка освещено слабым заревом горевших внутри костров. Иоргенсон не сомневался, что Линггард теперь следит за «Эммой» из какой-нибудь бойницы.

Миссис Треверс не могла грести, и потому ее сопровождало двое матросов; за рулевого поехал Джафир. Хотя Джафир и согласился на план Иоргенсона, ему хотелось самому проводить кольцо как можно ближе к месту назначения. Только горькая необходимость заставила его расстаться с талисманом. Примостившись на корме и двигая рулем из стороны в сторону, он, не отрываясь смотрел на спинку парусного складного кресла, поставленного на середине челнока для миссис Треверс. Окутанная тьмой, миссис Треверс полулежала, закрыв глаза и смутно ощущая на груди кольцо. Челнок был большой и потому двигался очень медленно. Весла матросов бесшумно погружались в воду, и миссис Треверс, пассивно отдавшись на волю судьбы и не шевелясь, вовсе не ощущала движения. Она, как и Иоргенсон, устала думать. Она тонула в молчании этой ночи, где бушевали страсти и замышлялись злодейские планы. Ей казалось, что она отдыхает. В первый раз за много дней она испы-

тала счастье быть одной. Матросы, ехавшие с ней, были все равно, что ничто, — она не могла ни говорить с ними, ни понимать их. Челнок двигался как бы сам собой, — если только он вообще двигался. Подобно человеку в просонках, она готова была сказать себе: «Какой странный сон я вижу»!

Раздался тихий голос Джафира, который велел матросам перестать грести. Челнок медленно остановился не больше, чем в десяти ярдах от берега. Матросы захватили с собой факел, который надо было зажечь, не доезжая до берега, чтобы придать этой отчаянной экспедиции характер открытого выступления.

— А если они откроют огонь, — сказал Иоргенсону Джафир перед отъездом, — мы узнаем, кому суждено сегодня умереть.

— Да, узнаем, — проговорил Иоргенсон.

Наконец Иоргенсон увидел огонек факела на черном фоне ограды. Он напряг слух, ожидая услышать треск мушкетов, но через широкую поверхность лагуны до него не донеслось ни одного звука.

В это время державший факел матрос, другой гребец и Джафир тихонько толкали веслами челнок к берегу. Глаза их сверкали, лица горели возбуждением. Красноватое пламя ударило прямо в закрытые глаза миссис Треверс, но она не подымала век, пока челнок не коснулся дна. Оба гребца сейчас же выпрыгнули, и миссис Треверс быстро встала. Все молчали.

Спотыкаясь, она сошла на берег, и прежде, чем она успела опомниться, факел уже очутился в ее руках. Жар и свет пламени ослепляли ее, пока она инстинктивно не подняла факел высоко

над головой. С минуту она стояла на месте, держа высоко в воздухе ослепительный светоч, от которого медленно разлетались редкие искры.

Обнаженная бронзовая рука, освещаемая сверху, указала ей направление, и миссис Треверс тронулась к бесформенной черной массе ограды. Когда, пройдя несколько шагов, она оглянулась назад, лагуна, берег, челнок, оставленные ею люди уже исчезли во мраке. Она была совершенно одна, и пылающий факел освещал немую землю, вязнувшую под ногами. Наконец, грунт стал более крепким, и вдали показались темные очертания ограды, еще не освещенные факелом и казавшиеся огромными, пугающими. От волнения у миссис Треверс подкашивались ноги, но все же она продолжала идти вперед.

— Сверните немного влево, — закричал чей-то сильный голос.

Голос пробежал по всем ее фибрам; он звучал подобно призывной трубе, разносился далеко за ней, охватывал все пространство. Миссис Треверс остановилась, потом бросила далеко в сторону горящий факел и, протянув руки, ничего не видя, кинулась к тому месту, откуда раздался громкий голос Лингарда, оставив лежать на земле шумно горящий светоч. Она споткнулась и упала бы, если бы ее руки не очутились на самых столбах палисада. Огромная и неприступная стена вздымалась высоко над ее головой, и миссис Треверс, широко раскинув руки, всем телом прижималась к ее неровной поверхности. Из-за стены слышались тихие голоса и тяжелые удары, и при каждом ударе почва слегка дрожала у нее под ногами. Она робко оглянулась назад и не увидела

ничего, кроме погасавшего факела и неясных отсветов лагуны, окаймлявшей непроницаемую тьму берега. Ее напряженным глазам чудились в темноте таинственные движения, и ее охватил неодолимый страх, трепетная агония ужаса. Не пригвоздит ли ее сейчас широкое лезвие к этой высокой, неподвижной деревянной стене, к которой она безнадежно прижалась, словно надеясь проникнуть сквозь нее одной только силой страха. Она совершенно не знала, где она; на самом деле она стояла немного левее главных ворот и почти как раз под одною из бойниц ограды. Ее возбуждение перешло в полную бесчувственность. Она перестала видеть, перестала слышать и даже не чувствовала стены, к которой прижималась. Откуда-то сверху раздался отчетливый, озабоченный голос Лингарда.

— Нагнитесь ниже. Еще ниже!

Застывшая кровь ее тела начала медленно пульсировать. Она нагнулась низко, еще ниже, упала на колени и тут заметила слабый запах дыма и различила смутный шопот встревоженных голосов. Все это доносилось до нее через отверстие, находившееся на уровне ее головы и шириной не более, чем в два сложенных бревна. Лингард огорченно говорил ей:

— Я не мог заставить никого из них открыть ворота.

Миссис Треверс не в силах была произнести ни звука.

— Вы здесь? — спросил Лингард тревожно, так близко от нее, что его дыхание касалось ее Лица. Миссис Треверс сразу ожила и поняла, что ей надо делать. Она сунула голову по плечи в от-

верстие и почувствовала, как ее подхватили под мышки и тащат с такой силой и быстротой, что шарф ее зацепился за бревно и остался в проходе. Те же могучие руки подняли ее и поставили на ноги. Лингард пытался что-то сказать, но в его встревоженном бормотании нельзя было разобрать ничего, кроме полубезумных восклицаний: «Вы... Вы!...» которые повторялись опять и опять. Он не выпускал ее из рук; его мощная хватка превратилась в тесное, сокрушающее объятие, страстный порыв которого не знал уже никаких границ и удержу. Подобно тому, как несколько мгновений тому назад голос его проникал весь воздух, так теперь его властная и неодолимая сила заполняла, казалось, все пространство. Каждый раз, как миссис Треверс инстинктивно пыталась оказать сопротивление этой безграничной мощи, воля Лингарда, буйная и возносившая ее куда-то в высь, снова и снова торжествовала над ее усилиями. Несколько раз миссис Треверс переставала чувствовать под собой землю и испытывала какую-то странную беспомощность, какое-то безрадостное торжество. Невозможное случилось. Она предвидела это — и все время, в темноте, в красном отсвете костров внутри ограды, человек, в чьих руках она билась, оставался невидим ее глазам — ее полужакрытым глазам. «Он задушит меня до смерти, сам того не сознавая», — пришло ей в голову.

В эту минуту Лингард был слепой стихией природы. Миссис Треверс зажмурила глаза, голова ее немного откинулась назад. Но уже не инстинктивно, а с сознательной покорностью, как бы по чувству справедливости, она отдалась его объ-

ятиям. Это полоснуло Лингарда, точно кинжалом. Он вдруг совсем выпустил ее из рук, и она упала бы на землю, если бы не ухватила за его руку. Лингард, казалось, предвидел это; несколько мгновений все ее тело держалось на этой застывшей руке, в которой не дрогнул ни один мускул. Где-то сзади слышались тупые удары о дерево, голоса и движения людей.

Вдруг голос произнес: «Готово», и выразительная энергия этого слова, хотя и не понимаемого ею, помогла миссис Треверс прийти в себя. Когда Лингард едва слышно спросил:

— Почему вы ничего не говорите? — она без смущения отвечала: — Дайте мне сначала отдышаться.

Звуки вокруг них замолкли. Малайцы уже успели заложить отверстие, через которое протаскивали ее руки Лингарда, сдавившие ее до полусмерти, погрузившие ее в состояние самозабвения, но все же оставившие ей жизнь. Она испытывала странную душевную ясность, словно исполнила долг. Совершенно спокойная, ни о чем не думая, она держалась за железную руку Лингарда и шарила по земле ногой, ища потерянную сандалию. О да, ее подняли с земли куда-то высоко, и она не чувствовала ни стыда, ни раскаяния. Но он не должен знать об этой потерянной сандали! Сандалия так же символична, как сброшенное покрывало. Он не знает и никогда не узнает. Но где же эта вещь? Миссис Треверс сознавала, что они ни на вершок не тронулись с места. Вдруг ее нога нащупала сандалию и, все еще держась за руку Лингарда, миссис Треверс нагнулась, чтобы обуть, как следует, ногу. Наконец, она подняла голову.

все не выпуская его руки, и оба взглянули друг на друга. Лингард стоял весь застывший, усилием воли сохрняя самообладание, но испытывая такое чувство, словно в сердце его бушевали волны неистового, еще никогда в жизни не испытанного урагана; а женщина, точно вся опустошенная, была еще не в силах думать, хотя и начала сознавать положение и вспоминать только что случившееся.

— Я целый час смотрел в эту бойницу, с тех пор, как они прибежали сообщить мне о ракетах, — сказал Лингард. — Я тогда сидел у Белараба. Я увидел, как вы вышли на берег с факелом в руках и думал, что я грежу. Но я был бессилен. Я чувствовал, что должен броситься к вам, и не смел. Все группы палым полны людей. Так же и дома, которые вы видели, когда были со мной на берегу, полны людей. Вооруженных людей. Курок спустить ничего не стоит, но когда началась перестрелка, дело плохо... А вы шли одна открытым местом, с этим факелом над головой! Я не смел. Вам было безопаснее идти одной. У меня хватило силы удержаться и смотреть, как вы идете берегом. Никто, никто никогда не видел ничего подобного. Зачем вы пришли?

— Разве вы никого не ждали? Не меня, а посланного?

— Нет, — отвечал Лингард, сам удивляясь своему самообладанию. — Как он позволил вам уехать?

— Капитан Иоргенсон? Он сначала отказывался и говорил, что имеет на этот счет приказания от вас.

— Но как вам удалось обойти его? — спросил Лингард самым мягким своим голосом.

— Я и не старалась, — начала она и замялась. Вопрос Лингарда, хотя, повидимому, и не очень заинтересованного в ответе, снова пробудил ее подозрения насчет Иоргенсона.

— В конце концов, мне пришлось много говорить, — продолжала она, еще слегка задыхаясь, но чувствуя, как ее исчезнувшая было в этих объятиях личность снова возвращается и приобретает былое значение под неподвижно-внимательным взглядом этого человека.

— Капитан Иоргенсон всегда смотрел на меня, как на бремя, и, может быть, решил от меня отделаться даже вопреки вашим инструкциям. Что, он вполне нормален?

Миссис Треверс перестала опираться на руку Лингарда и теперь вполне овладела собой. У нее осталось только смутное, захватывающее воспоминание о кратковременном взлете над землей, на которой сейчас она уже крепко стояла. «Неужели это все?» — спрашивала она себя без горечи, но с каким-то нежным презрением.

— Он настолько нормален, — мрачно отвечал Лингард, — что если бы я послушался его совета, вы не нашли бы меня здесь.

— Что это значит — здесь? В этой ограде?

— Нигде.

— Но что же бы тогда случилось?

— Это одному богу известно. Что бы вообще случилось, если бы мир не был создан в семь дней? Я знаю вас почти как раз семь дней. Началось с того, что я пришел к вам украдкой, как тать в ночи. Где, чорт возьми, я слышал это выражение? Так вот... И человек, за которым вы замужем, считает меня не лучше вора.

— С вас довольно было бы того, что я никогда в вас не ошибалась, что я пришла к вам меньше, чем через сутки после того, как вы так презрительно бросили меня. Не уверяйте меня, что вы не слышали, как я вам кричала. Вы слышали. Вся шкуна слышала, потому что я не стыдилась.

— Да, вы пришли, — с силой воскликнул Лингард. — Но действительно ли вы пришли? Я не верю своим глазам... Неужели вы, правда, здесь?

— К счастью, здесь темно, — сказала миссис Треверс. — Но неужели вы все еще сомневаетесь? — многозначительно закончила она.

Лингард сделал быстрое и страстное движение к ней, так что миссис Треверс подумала: «На этот раз я не выберусь живой», — но через секунду он уже застыл на месте, как-будто он никогда и не двигался. Походило на то, словно земля тронулась под его ногами, а он все-таки сохранил равновесие. Но под ногами миссис Треверс земля не трогалась. Миссис Треверс была поражена не этим своим самообладанием, а безмерной волей стоявшего перед ней человека. Если бы не ее странное душевное утомление, она, может быть, сдалась бы этой могучей силе. Но ей казалось, что в ней не было ничего, достойного сдачи, и она совершенно ровным тоном произнесла:

— Дайте мне вашу руку, капитан Лингард. Мы не можем стоять тут всю ночь.

«В этом человеке есть настоящее величие», думала миссис Треверс, идя рядом с ним. «Ни извинений, ни объяснений, ни унижения, ни грубости, даже ни малейшей дрожи в этом теле, одевающем смелую и мятущуюся душу». Она это знала наверное, потому что ее пальцы легко покоились на

руке Лингарда в то время, как она тихо шла рядом с ним, словно он вел ее к столу. И все же она ни на миг не допускала, что он сейчас бесчувствен, как она. Никогда еще он не казался ей до такой степени опасной силой. «Он поистине безжалостен», подумала она.

Неуспели они выйти из тени внутренних заго-родок у ворот, как позади их послышался слегка хриплый, извиняющийся голос, повторявший что-то вроде заученной формулы. Голос говорил: «Осталась эта вещь, осталась эта вещь, осталась эта вещь...». Они обернулись.

— Ах, мой шарф, — сказала миссис Треверс. Приземистый широколицый, молодой малаец, одетый лишь в короткие белые штаны, подал им шарф, который он набросил на обе руки, словно на палки, и почтительно держал как можно дальше от себя. Лингард взял его, и миссис Треверс сейчас же его надела.

— Не будем забывать приличий, — сказала она. — Ведь это мое покрывало.

Она закутывалась в него, когда Лингард сказал:

— В нем, в сущности, нет нужды. Ведь я веду вас к белым джентльменам.

— Я буду носить его и там, — возразила миссис Треверс. — Эта вещь годится и для соблюдения приличий и для соблюдения предосторожности. Пока я не смогу взглянуть в себя в зеркало, до тех пор меня никто не уверит, что лицо мое не изменилось.

Лингард полуобернулся и посмотрел на нее. Она была теперь под покрывалом и смело ответила на его взгляд.

— Скажите, капитан Лингард, сколько глаз смотрели на нас несколько минут тому назад?

— А разве вам не все равно? — спросил он.

— Решительно все равно. На нас, кроме того, смотрели миллионы звезд, а разве это было важно? Звезды не принадлежат к моему миру. Так же и с этими человеческими глазами. Они не принадлежат к тому миру, в котором я живу.

«К ее миру не принадлежит ни один человек», подумал Лингард.

Еще никогда она не казалась ему такой недоступимой, такой отличной от всех других, такой далекой. Свет многочисленных маленьких костров освещал только землю и черные фигуры лежавших около них, окутанных дымом, людей. Только один из этих костров, зажженный в стороне, перед домом, где содержались пленники, горел более или менее ярким пламенем. Но и его огонь не освещал темного пространства веранды, где только смутно очерчивались головы двух часовых и слабо поблескивали копья. Зато внизу, на земле, фигура сидевшего на скамье человека выступала совершенно ясно. Другая, такая же отчетливая фигура подбросила в огонь хворосту и отошла в сторону. Сидевший на скамейке человек поднялся. Это был д'Алькасер. Миссис Треверс и Лингард подошли совсем близко к нему. От крайнего изумления он, казалось, лишился речи.

— Вы не ожидали... — начала миссис Треверс, слегка смущенная его немотой.

— Я не верил своим глазам... — произнес д'Алькасер, тоже казавшийся смущенным. Он оправился и сознался откровенно:

— В эту минуту я не думал о вас, миссис Треверс. — Он провел рукою по лбу. — Я вообще не знаю, о чем я думал.

В свете разгоревшегося огня миссис Треверс ясно разглядела черты д'Алькасера. На лице его не было улыбки; оно было такое серьезное, такое далекое, каким она его еще никогда не видала. Она оставила руку Лингарда и подошла ближе к огню.

— Вы, должно быть, блуждали где-то очень далеко, — сказала она.

— Этой свободы ничто не может отнять у нас, — заметил он, внимательно смотря на шарф, покрывавший лицо миссис Треверс. — Может быть, я блуждал далеко, но где именно, не знаю, уверяю вас. С час тому назад тут поднялась большая суматоха из-за каких-то ракет, но я не участвовал в общем возбуждении. Здесь некому было задать ни одного вопроса. Капитан был занят каким-то важным собеседованием с царем или правителем этого поселка. Можно спросить вас, капитан, — обратился он к Лингарду, — добились вы что-нибудь от этого мавра? Он, повидимому, очень мешкотный господин?

— Прямому нападению он, конечно, будет сопротивляться, — отвечал Лингард. — В этом смысле у вас есть защита. Но надо сказать, что он на меня сердит, и вообще ему надоела вся эта история. Он больше всего любит мир и спокойствие. Но я с ним еще не кончил.

— Насколько я понял, то, что вы мне говорили, — сказал д'Алькасер, быстро взглянув в открытые и внимательные глаза миссис Треверс, — он может получить и мир и спокойствие, если он

выгонит нас на пики этих разъяренных дикарей. И, кажется, некоторые из его советников рекомендуют ему сделать это не позже рассвета.

Лингард стоял, не трогаясь с места.

— Да, это приблизительно так, — отрывисто и безразлично произнес, наконец, он и тяжелыми шагами пошел прочь, не глядя ни на д'Алькасера, ни на миссис Треверс. Д'Алькасер и миссис Треверс переглянулись.

— Вы слышали? — сказал д'Алькасер. — Конечно, это ни в какой степени не затрагивает вашей судьбы, а что касается его, то его зря не убьют, — у него для этого слишком большой престиж. И когда все кончится, вы с триумфом выйдете из этой ограды под руку с ним, ибо во всей этой истории нет ничего, что бросило бы на него тень в глазах этих людей, да и вообще в чьих бы то ни было глазах.

Д'Алькасер не смотрел на миссис Треверс и, кончив говорить, стал отодвигать скамейку от костра. Когда оба они уселись, он намеренно оставил расстояние между собой и ею. Миссис Треверс продолжала оставаться под покрывалом, и ее глаза без лица казались ему странно незнакомыми и жуткими.

— Словом, вы видите все это как на ладони, вплоть до моего триумфального выхода, — проговорила миссис Треверс. — Да, но что потом? Можете не отвечать, это не интересно. Но, уверяю вас, я пришла сюда совсем не для триумфальных шествий. Говоря по просту, я пришла сюда для того, чтобы спасти вашу шкуру, — и свою собственную.

Ее приглушенный покрывалом голос казался другим; даже интонации его как будто изменились. Освещенные пламенем костра глаза, глядевшие из под белого вышитого шарфа, пронзали его. Они были совсем черные и смотрели так пристально, что даже искорки отраженного пламени не двигались в них. Д'Алькасер не подал вида, какое сильное впечатление она производила. Он слегка поклонился.

— Я думаю, вы прекрасно знаете, что делаете.

— Совершенно не знаю, — быстро заговорила она; он никогда не слышал, чтобы она говорила так быстро. — Прежде всего, я не думаю, что он в такой безопасности, как вы воображаете. У него, конечно, достаточно престижа, я об этом не спорю. Но вы уже слишком легко распределяете между людьми жизнь и смерть.

— Свою долю я знаю, — тихо пробормотал д'Алькасер.

Наступило молчание. Д'Алькасер не мог вынести взгляда миссис Треверс и отвернулся. Огонь костра едва горел. В темной груди зданий, составлявших дворец Белараба, началось оживление. Бегали люди, перекликались голоса, сдвигались с места на место факелы, освещавшие то толстый столб, то угол дома, то карниз низкой крыши. Но во дворах ограды вооруженные люди продолжали мирно спать у догорающих костров.

— Этот Иоргенсон не расположен к нам, — вдруг заговорила миссис Треверс.

— Возможно, — очень тихо согласился д'Алькасер, сидя, наклонясь вперед, с переплетенными пальцами.

Миссис Треверс незаметно прижала руки к груди и нащупала кольцо, толстое, тяжелое, с большим камнем. Оно было тут, тайное, висело. Что это был за символ? Какое чувство он должен иметь у ее сердца, загадочное. Что оно означало? был возбудить, какое действие вызвать? Она подумала, что должна была бы сразу же передать его Лингарду без всяких сомнений и колебаний. «Вот возьмите. Только для этого я и пришла. Передать вам это». Но был миг, когда она ни о чем не могла думать, а потом, к несчастью, она начала рассуждать, вспомнила презрительно-враждебный взгляд Иоргенсона, которым он окинул ее с ног до головы в это утро, после одинокой, мучительной ночи. А теперь, когда она ушла от его пронизательных глаз и сидела тут, покрытая покрывалом, около нее очутился д'Алькасер со своими пророчествами. Д'Алькасер торжествовал, она это знала. Миссис Треверс начинала бояться перстня, ей хотелось снять его и бросить прочь.

— Я не доверяю ему, — проговорила она.

— Не доверяете, — тихо воскликнул д'Алькасер.

— Я хочу сказать — Иоргенсону. Это какой-то безжалостный человек.

— Он просто ко всему равнодушен.

— Но может быть, это у него маска?

— А вы имеете основания для подозрений, миссис Треверс?

— Никаких, — не колеблясь отвечала миссис Треверс. — Но у меня есть инстинкт.

Д'Алькасер некоторое время молчал, как-будто думая о другом; и затем в легком, почти игривом тоне заметил:

— Если бы я был женщиной, — сказал он, повернувшись к миссис Треверс, — я бы всегда доверял своему чутью.

— Если бы вы были женщиной, мистер д'Алькасер, я не говорила бы с вами так, потому что тогда я внушала бы вам подозрение.

Д'Алькасеру пришло в голову, что скоро он будет не мужчиной и не женщиной, а кучкой безжизненного праха. Несмотря на опасность, мысль д'Алькасера работала живо и быстро. Он был рад приезду миссис Треверс, потому что ему надоело одиночество в этой ограде. Мистер Треверс впал в озлобленное состояние, осложненное припадками озноба. Лингарда д'Алькасер почти не видел со времени их высадки, потому что Роковой Человек был занят переговорами в главном доме Белараба. А думать о том, что вот сейчас его жизнь служит предметом торговой сделки, было д'Алькасеру не особенно приятно. Воины и слуги вождя, охранявшие ограду, обращали на него очень мало внимания, — обстоятельство, повидимому, указывавшее, что в плену он застрял прочно и безнадежно. Когда он днем гулял в тени хижины, где лежал дрожавший и злившийся мистер Треверс, он заметил, что на более отдаленных верандах показались закутанные женщины из семьи Белараба, с любопытством разглядывавшие белого человека. Все это раздражало. Окончить жизнь оказывалось очень трудным делом. Приезд миссис Треверс вносил трагическую ноту в эту мрачную пустоту.

— Подозрительность не в моем характере, миссис Треверс, и я надеюсь, что и вы не заподозрите меня, когда я сдержан или когда я откро-

венен. Я уважаю даже убеждение, хотя и загадочное. Но, может быть, Иоргенсен подал вам повод...

— Он ненавидит меня, — сказала м-с Треверс и слегка нахмурилась, видя, что д'Алькасер улыбается. — Это вовсе не фантазия. Хуже всего то, что он ненавидит меня не ради меня самой. Я думаю, что он совершенно равнодушен к моему существованию. Он ненавидит меня потому, что я как бы символизирую вас двух, из-за которых все началось... Вот!

— Да, это наверное так, — поспешно согласился д'Алькасер. — Но Иоргенсон напрасно делает вас одну козлом отпущения. Ведь если бы вас и не было, то простой расчет заставил бы Лингарда немного призадуматься над своей страстью делать изгнанников царями. Если бы нас убили, то об этом все равно стало бы известно, и ничто не могло бы спасти Лингарда от подозрения в соучастии с дикими и бесчеловечными маврами. Кто посмотрел бы на величие его грез на яву, на данное им слово, на его рыцарские чувства? Ничто бы не спасло его от подозрения. Вы знаете, что это за человек, вы понимаете меня, миссис Треверс (вы ведь знаете его гораздо лучше, чем я), это морально убило бы его.

— Боже! — прошептала миссис Треверс. — Это никогда не приходило мне в голову.

Слова ее как будто затерялись в ее шарфе и не дошли до д'Алькасера, который спокойно продолжал:

— Впрочем, при данных обстоятельствах ему ничто не грозит, что бы ни случилось. Ваше свидетельское показание очистит его от всяких подозрений.

Миссис Треверс вдруг встала с места, но набросила на плечи концы шарфа, чтобы сохранить лицо закрытым.

— Я боюсь этого Иоргенсона, — со сдержанной страстью воскликнула она. — Нельзя понять, чего хочет этот человек. Я считаю его таким опасным, что если бы, например, он поручил мне передать Лингарду что-либо, относящееся к данному положению, я бы не передала.

д'Алькасер удивленно смотрел на нее. Миссис Треверс спокойным голосом говорила ему сквозь складки своего шарфа:

— Скажите, мистер д'Алькасер... Вы ведь умеете смотреть на вещи трезво... Была бы я права в таком случае?

— А разве Иоргенсон вам что-нибудь сказал?

— Прямо ничего не сказал, кроме двух-трех фраз, которых я не могла понять. В них был какой-то скрытый смысл и он придавал им какое-то таинственное значение, которого он не хотел мне разъяснить.

— Это было рискованно с его стороны, — воскликнул д'Алькасер. — И он доверился вам. Я удивляюсь, почему именно вам?

— Почему я знаю, что у него на уме? Мистер д'Алькасер, по моему, единственное, чего он хочет, это — отозвать от нас капитана Лингарда. Я поняла это всего несколько минут назад. Меня осенило. Он хочет отозвать его — больше ему ничего не нужно.

— Отозвать его... — повторил д'Алькасер, несколько смущенный ее горячностью. — Я, конечно, так же, как и вы, не хочу, чтобы его от нас отзывали. Но, откровенно говоря, я не

думаю, чтобы Иоргенсон мог это сделать. Но если вы чувствуете, что Иоргенсон может это сделать, я на вашем месте не стал бы передавать того, чего я не понимаю.

Миссис Треверс выслушала его до конца. Ее глаза, — они казались д'Алькасеру невероятно темными, — следили, казалось, за каждым словом. Когда он кончил, миссис Треверс некоторое время глядела неподвижно перед собой и потом пошла от него прочь с жестом, как бы говорившим: «Да будет так».

— Стойте, — крикнул ей вслед д'Алькасер, — Не забывайте, что на ставку поставлена не только голова вашего мужа, но и моя. Мое мнение...

Она остановилась. В глубокой тишине двора ясно раздался ее голос, и тени у ближайших костров зашевелились, что-то удивленно бормоча.

— Я отлично помню, чьи головы я должна спасти, — крикнула она. — Но кто спасет этого человека от самого себя?

V

Д'Алькасер опустился на скамейку. «Что она знает? И что я сделал?», подумал он. Он спрашивал себя, что им в большей степени руководило — бескорыстная искренность или естественное нежелание быть убитым этими маврами, да к тому же варварским способом. Такую откровенно-грубую смерть нельзя было встретить равнодушно. Она была лишена каких бы то ни было ободряющих иллюзий, — свободной воли самоубийцы, героизма воина, экзальтации мученика. «Не лучше ли мне превратить это в некоторого рода битву?» —

размышлял он. Перспектива броситься на пики не внушала ему никакого энтузиазма. А может быть лучше пойти навстречу смерти (где-нибудь за оградой, около этой ужасной бухты) со спокойным достоинством? «Вероятнее всего, меня приколуют пикой в спину самым зверским образом», подумал он, вздрогнув. Мистер д'Алькасер вздрогнул не от страха, ибо он очень мало ценил жизнь.

Он вздрогнул от отвращения, ибо он был цивилизованный человек и, хотя не питал никаких иллюзий насчет цивилизации, все же признавал превосходство ее методов. Цивилизация обеспечивала известную утонченность формы, приличную процедуру и гарантии против роковых неожиданностей. «Все это чепуха», решил он в конце концов. Потом он подумал, что женщины удивительно находчивы. «Правда», продолжал он размышлять с необычным для него цинизмом, «у женщин есть, в сущности, лишь одно средство, но в общем оно ведет к цели. Несомненно ведет к цели».

Он был сам удивлен своей бесстыдной озлобленностью в данном случае. Подобное настроение совершенно неуместно. Положение слишком сложно, чтобы ставить его в зависимость от цинических надежд. В сущности, сейчас решительно ни на что нельзя положиться... Д'Алькасер услышал приближающиеся шаги Лингарда и поднял голову. Он не был безразличен к своей судьбе, ни даже к судьбе мистера Треверса. Ему очень хотелось узнать... Но одного взгляда на лицо Лингарда было достаточно, чтобы сразу отказаться от подобных надежд. «Его бесполезно спрашивать»,

сказал он себе. «Сейчас ему ни до чего нет дела».

Лингард тяжело уселся на другой конец скамейки, и д'Алькасер, взглянув на его профиль, должен был признать, что лицо его было исполнено самой мужественной красоты, какую он когда-либо видел. Притом это было выразительное лицо, но выражения его в эту минуту д'Алькасер тоже не мог разгадать на основании своего прежнего опыта. Но впечатлевшееся на чертах Лингарда выразительное и странное спокойствие как бы не допускало ни любопытства, ни даже страха. Его бесполезно было о чем-либо спрашивать. Однако, следовало что-нибудь сказать, чтобы разрушить чары, чтобы опять призвать этого человека на землю. Впрочем, Лингард заговорил первый.

— Миссис Треверс ушла?

— Она ушла... должно быть, туда, куда ей всего естественнее пойти, раз она явилась к нам, — ответил д'Алькасер, сообразуя свой ответ со щекотливостью положения.

Спокойствие Лингарда, казалось, еще больше возросло. Он снова заговорил.

— Удивительно, о чем эти двое могут говорить друг с другом.

Со своим вопросом он обращался, повидимому, ко всему ночному миру вообще, но д'Алькасер счел за нужное ответить.

— Вы, вероятно, удивитесь, капитан Лингард, если я вам скажу, что эти двое вполне способны понимать друг друга? Это вас, кажется, удивляет. Но уверяю вас, что за семь тысяч миль отсюда этому бы никто не удивился.

— Мне кажется, я понимаю, но разве вы не видите, что у этого человека ничего нет в голове? Он все равно, что сумасшедший.

— Да, с семи часов вечера он бредил немного, — согласился д'Алькасер. — Но, поверьте, капитан Лингард, — продолжал он уже серьезно и повинувшись самому бескорыстному побуждению, — что даже в бреду он гораздо понятнее для нее и сам лучше понимает ее, чем кто бы то ни было... на стомильном радиусе отсюда.

— Да, значит, вы не удивляетесь, — сказал Лингард совершенно спокойно. — Вы не видите никаких оснований удивляться.

— Нет. Дело в том, что я очень хорошо это понимаю.

— Но что вы понимаете?

— Понимаю мужчин и женщин, капитан Лингард, которых вы...

— Я не знаю ни одной женщины.

— В этом отношении вы совершенно правы, — сказал д'Алькасер, и впервые за время этой встречи Лингард медленно повернул голову и взглянул на своего соседа.

— Неужели вы думаете, что она то же сумасшедшая? — испуганно спросил Лингард.

Д'Алькасер слегка вскрикнул. Нет, конечно, он не считает ее сумасшедшей. Было бы очень оригинально думать, что у сумасшедших есть какая-то общая логика, благодаря которой они понимают друг друга. Д'Алькасер постарался смягчить тон и продолжал:

— Нет, капитан Лингард. Женщина, о которой мы говорим, будет всегда находиться в здравом уме и твердой памяти.

Лингард откинулся назад и схватил колени руками. Он, казалось, не слушал. Д'Алькасер вынул из кармана портсигар и долго смотрел на оставшиеся там три папиросы, последние из тех, которые были при нем, когда его взяли в плен. Д'Алькасер поставил себя на самый скромный рацион. Он позволял себе закуривать папиросу лишь при особо важных обстоятельствах. Теперь их осталось только три, и их надо было растянуть до конца жизни. Папиросы успокаивали, облегчали, придавали достоинство. И их осталось всего на все три! Одну надо было приберечь к утру, чтобы закурить перед смертью, когда их будут выводить из ворот ограды. Да, папироса успокаивала... Достоин данный момент того, чтобы закурить одну из остающихся? Д'Алькасер, настоящий сын латинской расы, не боялся самоанализа. Во время последовавшей паузы он опустил в самые глубины своего существа и взглянул вверх, на ночное небо. Раньше, во время своих путешествий, ему часто приходилось глядеть на звезды, чтобы определить время. Он увидел, что время шло медленно. Он взял папиросу, защелкнул портсигар и нагнулся к углям. Потом сел и выпустил клуб дыма. Сидевший рядом с ним человек, с его склоненной головой и коленями, охваченными руками, был как бы воплощением печального, но мужественного раздумья. Такие позы встречаются на скульптурах древних могил. Д'Алькасер заговорил.

— Женщина, о которой мы говорим, — очень типичная женщина и все же одна из таких, каких очень мало на свете. Нельзя сказать, чтобы они были очень редки, но для них мало места. Они

вроде радужных отсветов на темной и жесткой поверхности. Свет очень жесток, капитан Лингард. Он жесток и в своей памяти, и в своем забвении. Именно для таких женщин люди работают на земле и под землей и напрягают свое воображение художники.

Лингард, повидимому, не слышал ни слова и сидел неподвижно, подперев подбородок рукой. Д'Алькасер поглядел на остающийся конец папиросы и ровным, несколько печальным тоном продолжал:

— Нет, их немного. И все-таки они — всё. Они украшают нашу жизнь. Это миловидные фигуры на внутренней стороне темной стены, окружающей нашу общую могилу. Они как бы танцуют ритуальный танец, который большинство из нас согласилось принимать всерьез. Соглашение это, не имеющее ничего общего с искренностью, добросовестностью, честью, поддерживается однако очень строго. Горе мужчине или женщине, которые его нарушат. Как только они оставят представление, они погибают...

Лингард быстро повернул голову и увидел, что Д'Алькасер смотрит на него с глубоким вниманием.

— ... они запутываются, как в лабиринте, и беспомощно блуждают, оплакивая свою судьбу, — спокойно продолжал Д'Алькасер. — Я бы утешился такой судьбы для любимого человека. А вы знаете, капитан Лингард, как кончают люди, запутавшиеся в лабиринте? — продолжал он, не отрывая глаз от Лингарда. — Я вам скажу. Они кончают тем, что начинают ненавидеть самих себя и умирают в тоске и отчаянии.

Как бы сам испугавшись, не хватил ли он через край, д'Алькасер мягко положил руку на плечо Лингарда. Но Лингард продолжал смотреть на догорающие уголья и даже не чувствовал дружеского прикосновения. Все же д'Алькасер не мог допустить, чтобы тот не слышал. Он скрестил руки на груди.

— Я, право, не знаю, зачем я все это говорил вам, — сказал он извиняющимся тоном. — Надеюсь, я не мешал вашим мыслям?

— Я сейчас ни о чем не могу думать, — неожиданно заявил Лингард. — Я только чувствовал, что тон ваш дружеский, а все остальное...

— Какнибудь надо скоротать такую ночь. Даже звезды как-то медленно движутся. Говорят, когда люди утопают, они вспоминают все свое прошлое. Так вот и сейчас со мной: я рассказывал вам то, что сам испытал. Надеюсь, вы меня извините. Все это сводится вот к чему: мы естественно тянемся к месяцу, но нам пришлось бы очень плохо, если бы мы его поймали. Ибо что мы стали бы делать с месяцем? Я говорю о нас, о простых смертных.

Когда д'Алькасер кончил, Лингард некоторое время сохранял свою прежнюю позу, потом отнял руки от колен, встал и ушел. д'Алькасер со спокойным интересом провожал глазами эту большую неясную фигуру, пока она не исчезла около лесного великана, росшего в самой середине ограды. Двор Белараба утопал в густой мгле. Угли костров превратились в золу, и только кое-где тлели еще слабые искры. Спящие люди почти не выделялись от земли, на которой они спали, положив оружие рядом с собой на циновки.

Вдруг рядом с д'Алькасером появилась миссис Треверс. д'Алькасер встал.

— Мартин спит, — сказала она тоном, который казался таким же загадочно-спокойным, как сама ночь.

— Весь мир спит, — отозвался д'Алькасер так тихо, что она едва могла уловить его слова. — Не спим только вы, да я, да еще третий, который ушел от меня неведомо куда.

— Он был с вами? Куда он ушел?

— Должно быть, туда, где всего темнее, — тихо сказал д'Алькасер. — Итти его искать — бесполезно. Но если вы прислушиваетесь, вы, может быть, услышите неподалеку его шаги.

— Что он говорил вам? — едва выговорила миссис Треверс.

— Я его ни о чем не спрашивал. Я только знаю, что с ним стряслось что-то такое, что совершенно лишило его возможности думать... Я сейчас, пожалуй, направлюсь в хижину к дону Мартину, а то надо, чтобы кто-нибудь был около него, когда он проснется.

Миссис Треверс осталась одна и, затаив дыхание, со страхом прислушивалась, не раздадутся ли среди ночи эти одинокие шаги. Нет. Ничего. Ни единого звука. Только ночь стала словно еще темнее. Как будто чьи-то шаги... «Куда бы спрятаться?» подумала она. Но не тронулась с места.

Оставив д'Алькасера, Лингард пошел между костров и скоро очутился под большим деревом, тем самым, под которым стоял Даман во время великого совещания, когда белые пленники были на определенных условиях возвращены Лингарду.

Лингард прошел сквозь глубокую тень, отбрасываемую широкими ветвями этого единственного свидетеля той седой старины, когда на этом берегу, защищаемом отмелями, и у этой лагуны, окруженной джунглей, не проходил ни один человек. В тишине ночи, не шелестя огромными ветвями, старый великан видел, как беспокойный человек миновал его черную тень и вышел на открытое пространство, под свет звезд.

В этой отдаленной части двора было только несколько часовых. Сами невидимые, они замесили, как белая фигура Лингарда стала ходить взад и вперед. Они отлично знали, кто это. Это был великий белый человек. Очень великий, очень богатый человек; владелец огнестрельного оружия, который мог давать ценные дары и наносить смертоносные удары, который был другом их властителя и врагом их врагов, которого они видели несколько лет кряду и который все же оставался для них таинственным существом. Стоя на своих постах и прижавшись к бревнам бойниц, они время от времени бросали на него взгляды и обменивались друг с другом тихими замечаниями.

Лингарду могло казаться, что он один. Он перестал ощущать мир. То, что он сказал д'Алькасеру, была совершенная правда. У него не было ни единой мысли в голове. Он находился в состоянии человека, которому удалось заглянуть в ворота рая и которого это видение сделало слепым ко всему земному. Чувство его было так велико, что даже в себе самом он замечал только то, что относилось к его видению, подымающему и освящающему, а может быть принижаящему и обре-

кающему на гибель. Каждая случайная мысль, каждое мимолетное ощущение казалось профанацией этого несравненного воспоминания. Он не мог этого выносить.

Когда он попытался, после прихода миссис Треверс, возобновить свои переговоры с Беларабом, он увидел, что не в силах говорить. Ему хватило самонаблюдения только настолько, чтобы положить пристойный конец свиданию. Он указал на поздний час, — самый неосновательный довод для народа, не дорожащего временем и ведущего свою жизнь, не справляясь с часами. Лингард даже вряд ли сознавал, что он говорит и делает. Когда он вышел, все онемело от изумления: так велика была происшедшая в нем перемена. Долгое время в большом приемном зале Белараба царило подозрительное молчание, пока вождь жестом и двумя-тремя словами не подал всем знак удалиться.

Подперев подбородок рукой, в позе Сивиллы, читающей будущее в пламени гаснущих углей, миссис Треверс слышала, как приближаются к ней эти шаги, рождавшие в ее душе тревогу, раскаяние и надежду. Шаги остановились около нее.

— Где вы были все это время? — спросила она, не оглядываясь.

— Не знаю, — отвечал Лингард. Он говорил сухую правду, — он не знал. С тех пор, как он выпустил эту женщину из своих объятий, все мысли в его голове спутались и перемешались. События, дела, предметы, — все это куда-то ускользнуло, стало ненужным и безразличным. Оскорбленный и изумленный Белараб, д'Алькасер с его участливым и дружеским голосом, спя-

шие и бодрствующие, взбудораженный поселок и грозящий опасностями берег как бы провалились в пропасть презрительного безразличия. Может быть, они и существовали. Может быть, они ждали его решения. Ну, что же, пусть ждут; пусть все ждет — до завтра или до конца времен, который может наступить хоть сейчас. Но, во всяком случае, до завтра.

— Я знаю только одно, — продолжал он с такой выразительностью, что миссис Треверс подняла голову, — я знаю, что куда бы я ни пошел, я возьму вас с собой, — прижав к груди.

Тонкий слух миссис Треверс уловил в этих словах сдержанный восторг, страсть и смутный страх. Связанное с ними физическое воспоминание было так свежо в ее памяти, дышало такой внутренней правдой, что она невольно прошептала, точно во сне:

— Вы, должно быть, собирались задушить меня?

— Я не мог бы этого сделать, — отвечал он тем же тоном. — Вы слишком сильны. И разве я был груб? Я не хотел быть грубым. Мне часто говорили, что я не знаю своей собственной силы. Вы, повидимому, не могли пробраться в это отверстие, и потому я схватил вас за плечи и вытащил совсем легко. Тогда мне вдруг пришлось в голову: «Теперь я должен удостовериться»!

Он остановился, точно у него перехватило дыхание.

Миссис Треверс не смела шевельнуться. Все еще сохраняя позу человека, ищущего скрытую истину, она пробормотала:

— Удостовериться?

— Да, теперь я знаю наверное. Вы здесь, — здесь! Раньше я не мог сказать этого наверное.

— Не могли сказать? — спросила она.

— Нет, не мог.

— Значит, вы искали действительности?

Как бы говоря с самим собой, он опять повторил:

— А теперь я знаю наверное.

Ее, одетая в сандалию, нога, розоватая в пламени костра, чувствовала теплоту тлеющих углей. Теплая ночь окутывала все ее тело. Все еще находясь под обаянием его силы, миссис Треверс отдалась минутному чувству покоя, нежного, как ночь, ясного, как звезды. «Что за прозрачная душа», подумала она.

— Вы знаете, — продолжал Лингард после небольшой паузы, — я всегда верил в вас. Вы это знаете. Ну, так вот, я никогда не верил в вас так, как верю сейчас, когда вы сидите здесь и вас даже не видно в темноте.

Ей пришлось в голову, что она никогда еще не слышала голоса, который бы ей так нравился, — за исключением одного. Но то был голос великого актера; а этот человек был только самим собой. Он убеждал, он волновал, он успокаивал, крикшей в нем внутренней правдой. Он хотел удостовериться и, очевидно, удостоверился; и, слишком устав, чтобы противиться прихотям своих мыслей, миссис Треверс подумала полусутоливо, что, очевидно, он не разочаровался. Она думала: «Он верит в меня! Какие удивительные слова. Единственного человека, который в меня поверил, я нашла здесь! Он верит в меня больше, чем

в самого себя! Внезапные угрызения совести вывели ее из спокойствия и она воскликнула:

— Капитан Лингард, мы забываем, при каких обстоятельствах мы встретились и что сейчас происходит. Не надо! Я не хочу сказать, что вы ошибаетесь, веря мне, но я должна вам кое в чем признаться. Я должна рассказать, каким образом я сюда добралась. Иоргенсон...

Лингард порывисто, хоть и не повышая голоса, перебил ее.

— Иоргенсон! При чем тут Иоргенсон? Вы пришли ко мне потому, что вы не могли иначе.

У миссис Треверс захватило дух.

— Но я все-таки должна сказать вам, — настаивала она. — Здесь есть некоторые обстоятельства, которые мне не ясны.

— Вы не можете мне сказать ничего, чего бы я уже не знал, — проговорил Лингард умоляющим тоном. — Не говорите ничего. Сидите тихо, вот так. Успеет завтра. Завтра! Ведь ночь уж скоро кончится, и сейчас я не хочу думать ни о чем в мире, кроме вас. Дайте мне жить. Дайте мне вашу тишину.

Она еще никогда не слышала в его голосе таких нот и почувствовала к нему глубокую и нежную жалость. Почему бы ей не уступить его настроению? Ведь такие мгновения в его жизни больше не повторятся. Она молча колебалась. Она видела его нерешительное движение во тьме, словно он не мог решиться сесть на скамью. Вдруг Лингард отбросил угли костра ногой, опустился на землю около ее ног и положил голову ей на колени. Миссис Треверс не испугалась, она только чувствовала себя глубоко растроганной. Зачем

мучить его всеми этими вопросами о пленных и их освобождении, об интригах и насилии, о жизни и смерти? Все равно, ему было бы бесполезно толковать сейчас об этом. Да и сама она была так охвачена жалостью, что не могла ничего говорить. Единственное, что она могла сделать, — это положить ему руку на голову и тихими движениями отвечать на едва слышные вздрагивания его тела — не то вздохи, не то рыдания, от которых она вдруг замерла в тревожном волнении.

В это самое время на другой стороне лагуны Иоргенсон взглянул на звезды и сказал себе, что ночь уже скоро кончится. Ему хотелось, чтобы поскорее рассвело. Он надеялся, что Лингард уже успел что-нибудь сделать. Огни в ограде Тенги были снова зажжены. Влияние Тома было ведь безгранично, да и кроме того, он был неуязвим.

Старые глаза Иоргенсона окинули взглядом отсветы и отражения на той полосе воды, что лежала между ним и враждебным берегом, и ему показалось, что по лагуне движется тень, похожая очертаниями на сидящего в челноке человека.

— Эй! — окликнул он. — Что надо?

Но тень эту уже успели подметить и другие глаза. На палубе «Эммы» раздались тихие голоса.

— Если ты сейчас же не заговоришь, я буду стрелять, — свирепо крикнул Иоргенсон.

— Не стреляй, белый человек, — протянула приближающаяся тень. — Я послан к тебе с дружескими словами. Со словами вождя. Я послан от Тенги.

— Недавно на эту шкуну прилетела пуля: — тоже от Тенги, — сказал Иоргенсон.

— Это была случайность, — раздался с лагуны протестующий голос. — Чем же иным это могло быть? Разве между тобой и Тенгой ведется война? Нет, нет, белый человек. Тенга хочет только поговорить с тобой. Он послал меня пригласить тебя к нему на берег.

При этих словах сердце Иоргенсона несколько упало. Это приглашение обозначало, что Лингард не предпринял никаких шагов. Заснул там Том, или окончательно рехнулся?

— Тенга будет говорить с тобой о мире, — внушительно сказала тень, подплывшая ближе к борту.

— Не мне говорить с великими вождями, — осторожно возразил Иоргенсон.

— Но Тенга твой друг, — настаивал ночной вестник. — И у его костра сидят твои другие друзья — раджа Хассим и госпожа Иммада. Они посылают тебе поклон и надеются увидеть тебя еще до вохода солнца.

— Это ложь, — коротко заметил Иоргенсон и начал раздумывать.

Посланный хранил оскорбленное молчание, хотя, конечно, ни минуты не воображал, что ему поверят. Но ведь никогда нельзя заранее сказать, чему поверит и чему не поверит белый человек. Он только хотел дать понять Иоргенсону, что Хассим и Иммада были почетными гостями Тенги. Ему пришлось в голову, что Иоргенсон может быть, еще ничего не знает о их пленении. И он продолжал настаивать.

— Слова мои правдивы, пуан. Ваджский раджа и его сестра находятся у моего господина. Когда я уезжал, они сидели у костра по правую руку от Тенги. Не захочешь ли ты сойти на берег и поговорить с друзьями?

Иоргенсон напряженно думал. Ему хотелось выгадать время, чтобы Лингард мог вмешаться. У него, однако, не было ни малейшего желания полагаться на дружеские чувства Тенги. Он, конечно, не боялся риска, но, в данном случае, повидимому, не стоило рисковать.

— Нет, — сказал он, — я не поеду на берег. У нас, белых людей, есть свои обычаи. Мне доверен этот корабль, и я должен смотреть за ним. Мой вождь, раджа Лаут, такой же белый, как я. Только он может сказать важные слова, и если Тенга такой великий вождь, пусть он пригласит к себе для беседы раджу Лаута. Вот что надо сделать Тенге, если он действительно такой великий вождь, как он говорит.

— Раджа Лаут уже сделал свой выбор. Он живет у Белараба, с белыми людьми, которые все собрались, точно пойманная в ловушку дичь, в ограде Белараба. Почему бы тебе тем временем не пойти туда, где все открыто и где ты можешь поговорить с друзьями Тенги, сердца которых болят от сомнений? Раджа Хассим, и госпожа Иммада, и Даман, вождь живущих на море людей, не знают теперь, кому верить, кроме разве тебя, туан, хранителя стольких богатств.

Подъехавший на челноке дипломат на минуту смолк, чтобы подчеркнуть вес последнего аргумента.

— А у тебя нет средств их защитить. Мы знаем, сколько у тебя вооруженных людей.

— Зато они хорошие воины, — беззаботно отвечал Иоргенсон, кладя локти на поручень и всматриваясь в пловучее темное пятно, откуда слышался голос хитрого посланца Тенги. — Каждый из них стоит десяти вас.

— Да, верно, туан. Каждый из них стоит, может быть, и двадцати наших. У тебя достаточно людей, чтобы хорошо сражаться, но не достаточно для того, чтобы победить.

— Один аллах дает победу, — раздался внезапно голос Джафира, который, стоя рядом с Иоргенсоном, внимательно слушал разговор.

— Истинно, — слышался вежливый и равнодушный ответ, — Так что же, белый человек, захочешь ли ты сойти на берег и стать вождем вождей?

— Я уж бывал им раньше, — с большим достоинством отвечал Иоргенсон, — а теперь я хочу только мира. Но я не пойду на берег к людям, которые потеряли рассудок, пока раджа Хассим и его сестра не возвратятся ко мне на корабль и не расскажут мне сами о своей дружбе с Тенгой.

С каждой минутой Иоргенсон чувствовал все большую тревогу. Самый воздух, казалось, дышал предчувствием надвигающейся беды в эту ночь, которая не принесла с собой ни войны, ни мира, и в которую не раздавалось никаких звуков, кроме угрожающе-льстивого голоса посланца Тенги.

— Нет, этого нельзя. Но, о туан, сам Тенга готов приехать к тебе на корабль поговорить

с тобой. Он поистине готов приехать и хочет быть у тебя очень скоро.

— Да, с пятьюдесятью лодками, наполненными самой худшей сволочью с Берега Убежища, — саркастически заметил Джафир, перегибаясь через перила. Снизу, с темной воды, до него донеслось зловещее:

— Может быть.

Иоргенсон помолчал, словно дожидаясь вдохновения, и вдруг заговорил своим замогильным голосом:

— Передай от меня Тенге, что если он приведет с собой раджу Хассима и его сестру, я встречу его и его вождей с приветствием, сколько бы лодок с ним ни приехало. До его лодок мне мало дела. Теперь ты можешь уезжать.

Наступило глубокое молчание. Было очевидно, что посланец уехал, держась в тени берега. Иоргенсон повернулся к Джафиру.

— Смерть среди друзей — празднество, — процитировал он, бормоча под нос.

— Поистине, — с мрачной горячностью подтвердил Джафир.

VI

Тридцать шесть часов спустя Картер сидел один с Лингардом в каюте брига. Во время паузы он почти физически ощущал тяжелую, бездыханную тишину отмелей, ждущих заката.

— Я не ожидал увидеть кого-либо из вас живым, — начал опять Картер своим обычным тоном; в манерах его чувствовалось, однако, гораздо меньше небрежности, точно за эти

несколько дней ответственной работы он получил более зрелое представление об окружающем мире и о том месте, которое он в нем занимал.

— Еще бы, — пробормотал Лингард.

Апатия этого человека, которого до сих пор он видел всегда под влиянием какой-нибудь кипучей страсти, юному и энергичному Картеру казалась положительно страшной. С тех пор, как он очутился наедине с Лингардом, он все время пытался скрыть это впечатление с бессознательной деликатностью ребенка.

Пока он объяснял Лингарду мотивы, побуждавшие его прибегнуть к придуманной им мере, он невольно спрашивал себя, что такое стряслось с Лингардом. Да и, кроме того, ему хотелось услышать слово похвалы.

— Ну, что же, капитан? — продолжал он. — Понравилось бы вам, если бы вы, придя сюда, нашли на отмели только два обгорелых остова?

Он подождал немного и затем из сострадания отвел глаза от этого неподвижного взгляда, от этого истомленного, со впалыми щеками, лица, от этого неукротимо сильного тела, внезапно лишившегося всего своего огня.

«Он не слышит меня», подумал Картер и повысил голос, не изменяя, однако, его сдержанного тона.

— Вчера утром я был в каюте, когда мы почувствовали удар, но грохот показался нам отдаленным громом. Я бросился к двери, а Шо заорал во всю мочь: «Землетрясение! Землетрясение!»! Даю вам слово, что он грохнулся на пол и скатился вниз головой по лестнице. Мне пришлось немного повозиться с ним, но все же

я вышел на палубу как раз в ту минуту, когда густое огромное черное облако стало подниматься над лесом, точно воздушный шар. Оно долго оставалось в воздухе. Некоторые из наших калашей клялись и божились, что они видели над лесом красное пламя. Но я этому не верю. Я сразу догадался, что на берегу что-то взорвалось. Моей первой мыслью было, что я больше вас никогда не увижу, и я тут же решил во что бы то ни стало узнать все то, что вы от меня скрывали. Не думайте, сэр, что я решил вас бросить. Я решил вас разыскать живого или мертвого.

Он пристально посмотрел на Лингарда и увидел, что это истомленное лицо оживилось каким-то чувством. Губы Лингарда слегка зашевелились, но не произнесли ни звука, и Картер опять отвел глаза в сторону.

— Может быть, было бы лучше, если бы вы мне все рассказали, но вы ведь предоставили мне быть вашим заместителем и оставили меня впотьмах. Я моряк и потому принялся за то, что по-моему было всего нужнее. Надо было смотреть за двумя судами. И вот, теперь оба они в вашем распоряжении. Вы можете на них плыть или оставаться, сражаться или бежать, как вам угодно.

Едва переводя дыхание, он ждал. Лингард сделал над собой усилие и, наконец, произнес столь долго ожидаемые слова похвалы.

— Хорошо сделано.

— Я попрежнему в вашем распоряжении, — порывисто прибавил Картер, не смотря на Лингарда, который хотел было улыбнуться, но не смог.

Картер не знал, что ему дальше делать: оставаться в каюте или предоставить этого человека самому себе. С непонятной самому ему робостью, совершенно чуждой его характеру, и точно сомневаясь в своем праве давать советы, он заметил:

— Почему бы вам не прилечь немного, сэр? Я присмотрю за всем. Вы, повидимому, совсем выбились из сил, сэр.

Картер смотрел на Лингарда, который стоял по другую сторону стола, опершись о доску застывшими руками и пристально глядя куда-то перед собой. Картер не знал, что делать. Так не могло долго тянуться. Наконец он с облегчением заметил, что Лингард слегка покачал головой.

— Нет, мистер Картер. Я лучше пойду на палубу, — сказал капитан «Молнии», блуждая взглядом по каюте. Картер сейчас же дал ему дорогу, но прошло еще некоторое время прежде, чем Лингард сдвинулся с места.

Солнце уже зашло. В этот вечер ни на небе, чистом, как кристал, ни на зеркально-ровной поверхности воды оно не оставило по себе никакого пламенеющего отсвета. От черного берега, лежащего на востоке, подымалась легкая, точно запах, тень, и таким безмолвием дышал весь горизонт, что самое время, казалось, кончилось. Очерчиваясь изящными черными силуэтами в ясной глубине вод и в спокойном прозрачном воздухе вечера, бриг и яхта стояли на якоре посредине главного канала, повернутые носом в одном и том же направлении. Лингард, опустив голову на грудь и скрестив руки, медленно ходил по корме взад и вперед. Картер следовал за ним

точно тень, немой и внимательный. Он был очень обеспокоен...

Это было для Картера совершенно новое чувство. Никогда он еще не испытывал подобной тревоги за себя или за другого, и к своему необычному переживанию он относился с недоверчивой робостью. Лингард не смотрел ни на море, ни на небо, ни на свой бриг, ни на яхту, ни на палубу, ни вверх, вообще никуда. Его как будто ничто не интересовало. Картер почему-то чувствовал себя теперь еще более одиноким, чем когда этот человек оставил его одного, отдав на его попечение два судна, запутавшиеся в извилистых потоках и окруженные какой-то мрачной тайной. С момента возвращения этого человека, ответственность его не только не уменьшилась, а с удесятенной силой стала давить на его молодые плечи. Картер был убежден, что Лингарда необходимо какнибудь встряхнуть.

— Капитан Лингард, — в отчаянии заговорил он, — вы не можете пожаловаться, что я пристаю к вам сегодня, но вы мне должны хоть кое-что рассказать. Что с нами будет? Придется нам сражаться или бежать?

Лингард остановился и посмотрел на Картера, — строго и вопросительно. «Ага!» подумал Картер. «Поддействовало!» Робость его прошла, и, воспользовавшись благоприятной минутой, он начал:

— Ведь суть в том, сэр, что у вас не будет помощника, если я не соглашусь исполнять его обязанности. Я забыл вам давеча сказать, что я прогнал с брига вашего респектабельного, толстого Шо. Он совершенно с ума сошел и навел

тоску на всех матросов. Вчера я велел ему убраться на яхту со всеми своими пожитками. Он устроил такой скандал, точно я собирался вышвырнуть его за борт. Тогда я его предупредил, что если он не пойдет чеством, я велю его связать, как овцу, которую ведут на убой. Тогда он сошел по трапу сам, грозя мне кулаком и обещая, что когданибудь меня повесят, как пирата. На яхте он будет безвреден. Слава богу, теперь вы должны отдавать приказания, а не я.

Лингард круто повернулся и пошел в сторону. Картер не двинулся. Через минуту его позвали с другой стороны палубы, и он быстро пошел на зов.

— Какого это человека вы подобрали на берегу вчера вечером? — самым мягким голосом спросил Лингард. — Вы как будто что-то рассказывали мне об этом, когда я приехал на бриг.

— Я пытался вам рассказать, — откровенно заявил Картер. — Но скоро я бросил все мои попытки. Вы, повидимому, не обращали ни малейшего внимания на то, что я говорил. Вам, очевидно, хотелось остаться одному. Я ведь не знаю ваших привычек, сэр. Вы заметили, капитан Лингард, что сегодня утром я пять раз спускался вниз, к двери каюты, чтобы взглянуть на вас? Вы сидели...

Картер замаялся.

— Вы пять раз были в каюте? — спросил Лингард.

— Да. И на шестой раз я решил обратить на себя ваше внимание. Я не могу оставаться без приказаний. Надо смотреть за двумя судами, столько надо сделать...

— Ничего не надо делать, — прервал его Лингард чуть слышно, но таким голосом, что Картер умолк.

— Знать хотя бы это, и то уже было бы чтонибудь — решил он сказать наконец. — Нельзя было, чтобы вы так продолжали сидеть; солнце уже садилось, и наступала длинная ночь.

— Я еще чувствую себя несколько ошеломленным, — сказал Лингард, смотря Картеру прямо в лицо и точно желая узнать, какое впечатление произведет это признание.

— Вы были близко от места врыва? — спросил молодой человек с сочувственным любопытством и ища глазами какихнибудь внешних следов взрыва на теле Лингарда. Но следов не было. Ни один волос на голове капитана не был опален.

— Близко... Взрыв этот произошел точно у меня в голове... — Лингард сжал лоб обеими руками и бессильно уронил их. — Расскажите мне на счет этого человека, — спросил он вдруг. — Откуда он? Впрочем, теперь он наверное умер, — прибавил Лингард с ноткой зависти.

— Нет, сэр, он живуч, как кошка. Я вам сейчас все расскажу подробно. Как я уже говорил, я решил разыскать вас живого или мертвого, и вот вчера, вскоре после полудня, я посадил команду на две наши лодки и поехал к берегу, чтобы сделать промеры и посмотреть, нет ли там прохода. Я хотел во что бы то ни стало добраться до вас, с бригам или без брига, — впрочем, теперь это все равно. Потом показалось три или четыре плывущих бревна, и один из калашей увидел на них что-то красное. Я решил посмотреть, что это такое. Оказалось, что это был саронг этого чело-

века. Саронг как-то запутался в ветках и помешал человеку скатиться в воду. Я был страшно рад, когда оказалось, что он еще дышит. Если мы его приведем в себя, подумал я, он, может быть, многое порасскажет. Дерево, на котором он застрял, выплыло из пролива бухты, и по моим расчетам он пробыл на нем не больше половины дня. Я велел спустить его в грот-люк и положить на гамак внизу. Тогда он едва, едва дышал, а ночью пришел в себя и даже вышел из того гамака, в который мы его положили, и улегся на циновки. Сегодня утром он уже мог говорить. Я сейчас же пошел к вам и рассказал вам об этом, но вы не обратили никакого внимания. Я рассказывал вам и о том, кто он такой, но я не уверен, слышали вы меня или нет.

— Я не помню, — тихо отвечал Лингард.

— Эти малайцы — удивительный народ. Еще сегодня утром он был, можно сказать, полуживой, а теперь он целый час говорил с Васубом. Вы сами пойдете к нему, сэр, или велеть принести его на палубу?

Лингард колебался.

— Но кто же этот человек?

— Да тот самый малый, которого в ту ночь, что мы встретились, вы послали перехватить нашу вторую шлюпку.

— Как его зовут?

— Да, кажется, Джафир. Разве он не был с вами на берегу, сэр? Я поручил ему передать вам письмо. Удивительно решительный человек! Я узнал его, как только мы сняли его с бревна.

Лингард ухватился за подвернувшийся багштаг. Джафир! Джафир! верный из верных.

надежнейший посланец, храбрый и преданный воин! Лингарда охватило отчаяние. «Нет, я не могу этого вынести», прошептал он про себя, глядя на черный как чернила берег, окутанный тенью, которая теперь медленно надвигалась на прозрачно-серые воды отмелей.

— Пошлите ко мне Васуба! Я пройду в каюту.

Он пошел к каюте, но остановился на полдороге:

— Сегодня не было с яхты никаких лодок? — спросил он, словно осененный внезапной мыслью.

— Нет, сэр, — отвечал Картер. — Сегодня с яхтой не было сообщения.

— Пошлите ко мне Васуба, — суровым голосом повторил Лингард, сходя по лестнице.

Старый серанг бесшумно вошел и увидел своего капитана таким, каким он много раз видал его раньше. Лингард сидел под позолоченным снопом молний, повидимому, все такой же сильный, такой же богатый, такой же знаток по части тайных слов, дающих силу над людьми и стихиями. Малаец уселся на пол неподалеку от Лингарда, прислонился спиной к обшивке из красного дерева и дружелюбно устремил свои наблюдательные старые глаза на лицо белого человека, зажав руки между колен.

— Ты теперь уже все знаешь, Васуб. Неужели в живых не осталось никого, кроме Джафира? Неужели все они погибли?

— Много лет тебе здравствовать, — отвечал Васуб, и Лингард прошептал испуганно: «Все погибли!» Васуб дважды кивнул головой.

Его надтреснутый голос звучал скорбно.

— Истинно, истинно! Ты остался один, туан, ты остался один!

— Значит, такова была их судьба, — проговорил, наконец, Лингард с деланным спокойствием. — Но рассказал тебе Джафир, как это все произошло? Каким образом ему удалось одному спастись?

— Его господин приказал ему уходить, и он повиновался, — отвечал Васуб, потупив глаза, и тихо, полушопотом стал рассказывать все Лингарду. Лингард нагнулся вперед и, хотя и содрогаясь внутренне при каждом слове, жадно слушал Васуба. Катастрофа свалилась на голову Лингарда неожиданно, как гром с ясного неба. Вчера, рано утром, при первых лучах рассвета, за ним прислали от Белараба. Миссис Треверс сняла руку с его головы и прошептала ему на ухо: «Вставайте, за вами идут». Он поднялся с земли. Свет был еще слабый и в воздухе стоял туман. Понемногу он разобрал окружавшие его очертания: деревья, дома, спящих на земле людей. Он не узнавал их. Все было точно во сне. Разве можно было понять, что тут реально и что нет? Он оглядывался, точно ошеломленный. В нем все еще бродило вино забвения, которого он испил. Это она поднесла ему кубок. Он посмотрел на сидевшую на скамейке женщину. Она не двигалась. Она несколько часов просидела так, даря ему грезу бесконечного покоя, беспредельного блаженства, без звуков, без движения, без мысли, без радости. Эта греза, дышавшая печалью и любовью, как бы охватывала весь мир и наполняла душу невыразимой удовлетворенностью. Прошли долгие часы, и она не двигалась.

— Вы самая щедрая из женщин, — сказал он. Он нагнулся над ней. Глаза ее были широко открыты, губы холодны. Он не удивился. Он встал и остался стоять около нее. Жара сжигает человека, но миссис Треверс, с ее холодными губами, казалась ему неразрушимой, бесмертной.

Он опять нагнулся, но на этот раз поцеловал только кайму ее шарфа. Потом он отвернулся и увидел трех человек, которые, обогнув хижину с пленниками, мерными шагами подходили к нему. Его звали в залу совета. Белараб проснулся.

Посланцы выразили удовольствие, что белый человек тоже проснулся, ибо Белараб желал сообщить ему известия величайшей важности.

Лингарду казалось, что он все время бодрствовал; он только не был уверен, жил ли он. Он не сомневался в своем существовании; но это глубокое безразличие, это странное презрение к видимому миру, это отвращение к словам, это неверие в важность людей и вещей — можно ли назвать это жизнью? Он старался найти свое прежнее «я», «я», которое действовало, говорило, слушало. Но это было слишком трудно. Его соблазнили изведать существование, несравненно высшее, чем простое сознание жизни; существование, которое было так полно противоречий, радости, страха, восторга и отчаяния, что его нельзя было выносить, и от которого в то же время нельзя было уклониться. В этом существовании не было мира. Но зачем нужен мир? Лучше сдаться и с ослабевшим телом, с жутким спокойствием отдаться на волю этой огромной волны, утонуть в божественной пустоте мысли. Если это можно назвать

существованием, то он существует. И он знает, что и эта вот женщина живет в той же волне, живет без слова, без движения, без тепла. Неразрушимая и, может быть, бессмертная!

VII

С возвышенным равнодушием человека, заглянувшего в открытые врата рая и уже равнодушного к жизни, Лингард последовал за посланцами Белараба. Просыпающаяся ограда оглашалась тихими голосами. Люди поднимались с земли, зажигались костры, между зданиями проходили в тумане закутанные фигуры. Сквозь цыновки бамбуковой хижины доносился слабый плач ребенка. Начиналась повседневная жизнь; но в большой Зале Совета несколько восковых свечей и пара дешевых европейских ламп еще боролись с рассветом, а врывавшийся в комнату туман окружал их пламя красноватым сиянием.

Белараб не только бодрствовал, но имел такой вид, точно он не спал долгое время. Создатель Берега Убежища, усталый правитель поселка, презиравший неугомонность людей, был сердит на своего белого друга, который всегда впутывал его в свои замыслы и треволнения. Белараб никому не желал смерти; но, с другой стороны, не очень заботился и о чьей бы то ни было жизни. Самое главное для него было отдаваться на досуге своим меланхолическим колебаниям, придававшим ему обаяние таинственности и силы. Порывистость Лингарда грозила лишить его этой возможности. Неугомонный белый человек верил более чем в одного бога и сомневался в могуществе судьбы.

Белараб был раздосадован, но также и искренно обеспокоен, потому что он любил Лингарда. Он любил Лингарда не только за его силу, охранявшую скептическую душу вождя от опасностей, что обычно эскажируют правителей, но и ради его самого. Этот безгранично колеблющийся человек, при всем его мистическом презрении к творению аллаха, все же слепо верил в силу и смелость Лингарда. Слепо. Тем не менее, верный своему темпераменту, он боялся решительных действий, когда наступил миг испытать эту силу и это мужество.

Лингард не знал, что незадолго до рассвета один из шпионов Белараба, оставшийся в поселке, пробрался в ограду в месте, отдаленном от лагуны, и через несколько минут после того, как взвились ракеты Иоргенсона и Лингард расстался с вождем, уже рассказывал Беларабу о пленении Хассима и Иммады; о решительности ободренного этим Тенги, об овладении «Эммой», не то силой, не то путем переговоров, не то хитростью, в которой, может быть, принимали участие раджа и его сестра. Никому и ничему не доверявший и подозревавший, казалось, самого аллаха, Белараб был очень встревожен этими новостями, ибо пиратская шайка Дамана оказывалась теперь в распоряжении Тенги. При таких обстоятельствах трудно было сказать, останется ли на его стороне и ваджский раджа. С характерной для него осторожностью, снискавшей ему в поселке прозвище «Отца Безопасности», он ничего не рассказал об этом Лингарду, боясь, как бы бешеная энергия белого вождя не увлекла его самого и его народ и не подвергла мир и спокойствие долгих лет неверным испытаниям битвы.

Белараб принялся убеждать Лингарда выдать белых людей, которые, в сущности, принадлежали Даману, верховному вождю илланунов, дабы этим простым средством сразу отвлечь его от Тенги. В самом деле, почему он, Белараб, должен из-за них воевать с половиной поселка? Это было не нужно и неразумно. Да и, кроме того, начинать войну в общине правоверных — грешное дело. А если устроить с Даманом эту сделку, к Тенге можно будет сейчас же послать гонцов с предложением мира. Тенга сразу увидит, что его предположения рушатся и что надеяться ему больше не на что. Только нужно сделать это сейчас же... А потом можно будет сговориться с Даманом насчет выкупа, и он, Белараб, будет действовать в качестве посредника, сильный, без соперников, с чистым сердцем. В крайнем случае можно будет пустить в ход силу, так что этот вождь разбойников будет вести переговоры как бы под острием меча.

Белараб говорил долго. Говорил он тихо, с важностью, с тонкими и убедительными интонациями, с грустными улыбками, как бы подкреплявшими его доводы. Больше всего его ободрял изменившийся вид его белого друга. Свирепая мощь Лингарда куда-то пропала. Лингард слушал молча, все более непроницаемый, но на его лице светилось восторженное мирное настроение, как будто сам ангел мира обвеял его своими крыльями. Заметив эту перемену, советники Белараба, сидя на своих циновках, ободрились и громко изъяснили свое согласие с мнением вождя. Свет тропического дня начал просачиваться в зал сквозь густой белый туман, обволакивавший землю. Один из

мудрецов поднялся с пола и осторожными пальцами начал гасить свечи, одну за другой. Он не решался прикоснуться к лампам, горевшим холодным желтым огнем. По комнате пронеслось слабое дуновение утреннего ветерка. Лингард, сидевший против Белараба в деревянном кресле, в блаженной расслабленности человека, который только что видел рай, вздрогнул.

В дверях чей-то голос громко и без всяких церемоний закричал:

— Лодки Тенги вышли в туман.

Лингард приподнялся с места и даже и сам Белараб не мог подавить своего волнения. С минуту Лингард в нерешительности прислушивался, затем выбежал из залы. Ограда гудела, как потревоженный улей.

Выйдя из дома Белараба, Лингард замедлил шаги. Туман еще не рассеялся. Слышался гул голосов, и неясные фигуры людей двигались от центра к ограде. Где-то между зданиями ударили в гонг. Послышался громкий голос д'Алькасера:

— В чем дело?

Лингард как раз проходил мимо дома, где помещались пленники. У веранды стояли вооруженные люди, и над их головами Лингард увидел миссис Треверс рядом с д'Алькасером. Костер, у которого Лингард провел ночь, погас, угли были рассеяны, самая скамья лежала опрокинутая. Миссис Треверс, должно быть, избежала на веранду, как только поднялась тревога. Она и д'Алькасер словно возвышались над смятением, которое уже начало стихать. Лингард заметил шарф на лице миссис Треверс. Д'Алькасер был без шляпы. Он снова крикнул:

— В чем дело?

— Я иду узнать, — отвечал Лингард.

Он боролся с желанием присоединиться к ним, возвыситься над смятением, предоставив ему бушевать у его ног, — возвыситься над человеческою жизнью, пустой, как сон, и не вяжущейся с поразительным ощущением его собственного существования. Сам не зная почему, он не уступил этому желанию. Его покинуло всякое чувство самосохранения. Вокруг него теснились люди, но, несмотря на общую сумятицу, очищали перед ним дорогу. Тревога, удивление, растерянность читались на всех лицах. Некоторые, однако, заметили, что у белого человека, отправлявшегося к ограде, застыла на губах улыбка. Ни к кому особенно не обращаясь, он спросил:

— Может ли кто что-нибудь разобрать на лагуне?

Один из старейшин Белараба отвечал:

— Туман сгустился. Если ты что нибудь видишь, туан, это только тени вещей.

По всем четырем сторонам палисада стояли теперь вооруженные люди. Лингард взобрался по приставной лестнице и стал смотреть на лагуну. Она была вся окутана белым саваном, в котором нельзя было различить ни одной тени, и погружена в такую тишину, что не слышалось даже журчания волн, плескавшихся о берег. Лингард чувствовал, что он как бы слился воедино с этой слепой и беззвучной тишиной.

— Как тут, вообще, что нибудь увидели? — спросил он недоверчиво.

К нему сейчас же привели четырех людей, которые видели темную массу лодок, движущихся

в свете зари. Потом послали за другими очевидцами. Лингард почти не слушал их и стоял без мысли, без движения, глядя в застывший и немой туман. Бскоре к нему подошел Белараб в сопровождении трех смуглых телохранителей. Поглаживая свою седую бороду, он спокойно заметил Лингарду:

— Твой белый человек не сражается?

— Пока еще не с кем сражаться, — отвечал Лингард. — Твои люди, Белараб, видели только тени на воде.

— Мне бы надо помириться с Даманом вчера вечером, — пробормотал Белараб.

Лингардом начала овладевать смутная тревога. Через минуту подошел д'Алькасер, сопровождаемый двумя вооруженными людьми.

— По-моему серьезного ничего нет, — отвечал Лингард на его тревожные распросы. — Послушайте, как все тихо. Выяснить дело можно было бы только одним способом, — если бы удалось убедить Белараба вывести своих воинов и напасть сейчас же на крепость Тенги. Тогда мы что нибудь узнали бы. Но убедить Белараба невозможно, да и, кроме того, такая экспедиция могла бы действительно кончиться печально. Я, впрочем, не думаю, чтобы все воины Тенги выехали на лагуну... Где миссис Треверс?

Этот отрывистый вопрос, показывавший, до какой степени миссис Треверс завладела душой Лингарда, заставил д'Алькасера вздрогнуть.

— Она с доном Мартином. Ему лучше, но он все-таки чувствует себя слабым. Если нас выдадут, его придется выносить на руках. Представляю себе сцену. Дона Мартина в сопровождении воору-

женных пиками варваров несут на носилках, а по обеим сторонам их шествуют я и миссис Треверс. Миссис Треверс сказала мне, что пойдет вместе с нами.

— Ах, она сказала, что пойдет вместе с вами, — рассеянно повторил Лингард.

Д'Алькасер чувствовал, что этот человек бросил его на произвол судьбы. В двух шагах от себя он заметил Белараба с тремя смуглыми телохранителями, облеченными в белое и невозмутимо спокойными. В первый раз со времени кораблекрушения сердце д'Алькасера екнуло.

— Но, может быть, — продолжал он, — этот мавр, в конце концов, не будет настаивать, чтобы нас выдали на жестокую смерть, капитан Лингард?

— Несколько часов назад он настаивал, чтобы вас выдать сегодня в полночь, — сказал Лингард, даже не смотря на д'Алькасера.

Д'Алькасер слегка взмахнул руками и опустил их. Лингард присел на лафет тяжелой пушки, направленной на лагуну, и скрестил руки на груди.

— Значит, нам дали отсрочку? — тихо спросил д'Алькасер.

— Нет, — отвечал Лингард. — Отсрочку получил я.

Наступило долгое молчание. Тихие разговоры, раздававшиеся со всех сторон палисада, прекратились. Звуки гонга замерли. Только часовые, рассеявшиеся на верхних ветвях огромного дерева, слегка шелестели листьями.

— О чем вы думаете, капитан Лингард? — полушопотом спросил д'Алькасер.

— Я стараюсь не думать, — отвечал Лингард тем же тоном и не меняя положения,

— Что? Стараетесь не думать?

— Да.

— Разве сейчас подходящее время для такого эксперимента? — спросил д'Алькасер.

— А почему нет? Мне дана отсрочка. Не сердитесь на меня за это, мистер д'Алькасер.

О, конечно, я не сержусь. Но ведь это, пожалуй, опасно?

— Вам остается положиться на судьбу.

Д'Алькасер испытал минуту внутренней борьбы. Он спрашивал себя, не следует ли ему рассказать Лингарду, что миссис Треверс пришла в ограду с поручением от Иоргенсона. Он уж собирался посоветовать Лингарду пойти к миссис Треверс и спросить ее напрямик, не поручено ли ей передать ему что нибудь, как вдруг сидевшие на дереве невидимые часовые закричали, что туман рассеивается. Вдоль ограды пробежало волнение.

Лингард почувствовал на лице дуновение воздуха, туман быстро пополз через бревна, и внезапно перед глазами наблюдавших развернулась покрытая сверкающей рябью лагуна, слабо плескавшая о берег. Множество рук закрыло глаза от света, и послышались изумленные восклицания при виде целой стаи челноков самых разнообразных размеров, сгрудившихся, словно огромный плот, неподалеку от «Эммы». Возбуждение росло с минуты на минуту. Теперь уже было несомненно, что Тенга вышел на лагуну. Но о чем думал Иоргенсон? «Эмма» казалась покинутой своим капитаном и экипажем, а подехавшие к ней люди, повидимому, замыслили немедленное нападение.

Хотя Лингард и решил отогнать от себя все мысли до последней минуты, он все же почувство-

вал изумление и страх. Что за игру вел Иоргенсон? Лингард ждал, что вот, вот борта «Эммы» покроются дымками выстрелов, но целая вечность прошла, а до слуха его не донеслось ни единого выстрела.

Лодки боялись под'езжать близко. Осаждающие, очевидно, находились в нерешительности. Но почему же Иоргенсон не положит конца их колебаниям хотя бы одним или двумя залпами в воздух? Несмотря на тоскливое оцепенение, Лингард почувствовал, что возвращается к жизни, к простой жизни с ее ощущениями боли и смертности, словно человек, пробужденный от сна ударом в грудь. Что значило это молчание на «Эмме»? Неужели уже ее взяли приступом во время тумана? Это было невероятно: в таком случае они непременно слышали бы какой нибудь шум. Нет, лодки стояли на месте, потому что знали, с какой отчаянной защитой им придется встретиться; и, должно быть, Иоргенсон хорошо знал, что делает, воздерживаясь от стрельбы до последней минуты, чтобы трусливые сердца остыли от страха перед убийственным огнем, который их ждет. Достоверно было только одно: Белараб должен был бы сейчас же отворить ворота, ударить всеми своими силами на дальнюю часть поселка, захватить укрепления Тенги и, таким образом, раз навсегда покончить с этим интриганом. Лингард повернулся к Беларабу, но вождь в это время пристально разглядывал лагуну через подозрную трубу, покоившуюся на плече нагнувшегося раба. Он был неподвижен, как изваяние. Вдруг Белараб бросил трубу, которую чьи-то руки подхватили на лету, и сказал Лингарду:

— Боя не будет.

— Почему ты знаешь? — изумленно произнес Лингард.

— У трапа стоят три пустых сампана, — сказал Белараб едва слышным голосом. — Там ведутся дурные разговоры.

— Разговоры? Не понимаю, — медленно проговорил Лингард.

Но Белараб уже отвернулся к своим трем провожатым, спутникам его бурной юности, когда-то неистовым воинам, а теперь невозмутимым, набожным и мудрым советникам. Они стояли в белых одеждах, с шапочками из плетеной травы на бритых головах, с подвешенными к кистям четками и с великим спокойствием на темных лицах.

— Белому человеку изменили, — прошептал он им спокойно.

Д'Алькасер, ничего не понимая, наблюдал всю эту сцену: Рокового Человека, встревоженного и свирепого, словно потревоженный лев, закутанных в белое мавров, толпу полуголых варваров, усевшихся у пушек и стоявших у бойниц. Миссис Треверс, опустив на лицо белый шарф, стояла на веранде. Муж ее, очевидно, был слишком слаб после приступа лихорадки и остался внутри хижины.

Если бы не это обстоятельство, все трое были бы неподалеку друг от друга в миг катастрофы, которая подарила им жизнь ценою других погубленных существований. Д'Алькасер слышал, как Лингард громко попросил передать ему подозрную трубу и видел, как Белараб сделал какой-то знак рукой. Вдруг он почувствовал откуда-то из-под низу сильнейший толчок, небо с грохотом

разверзлось над его головой, изрыгая красные языки пламени, и все вокруг погрузилось сразу в непроглядную мглу, сквозь которую едва виднелось потускневшее утреннее солнце. «Эмма» взлетела на воздух. И когда прекратился дождь падавших в лагуну обломков, бревен и изувеченных трупов, видно было только застывшее в небе облако дыма, бросавшее свою тень на Берег Убежища, где кончилась теперь всякая борьба.

Протяжный вой ужаса раздался над поселком и сейчас же сменился глубоким молчанием. В беспорядочной панике люди убегали из домов в поля. Груда лодок на лагуне сразу разрядилась: одни из них пошли ко дну, другие поспешно уплывали по всем направлениям. Остатки «Эммы» пылали ярким пламенем, и густое темное облако висело тяжелой массой высоко над лесом, видимое на много миль кругом.

Раньше всех опомнился Белараб. По привычке он воскликнул: «Велик аллах!» и посмотрел на Лингарда. Но Лингард не смотрел на него. Взрыв точно лишил его способности речи и движения.

Он тупо глядел на плававшие остатки «Эммы» и на зловещее облако дыма — детище Иоргенсона, презиравшего жизнь людей. Белараб отвернулся. Мнение его изменилось. Он не смотрел теперь на Лингарда, как на человека, которого предали, но все же это был человек, потерявший все свое значение. Всего важнее теперь было Беларабу немедленно выпроводить из лагуны всех белых людей. Он приказал распахнуть ворота, и толпы его вооруженных воинов сейчас же овладели всем поселением. Вскоре дома Тенги были подожжены, и Белараб, восседа на коне, выехал во главе

триумфальной процессии, окруженный толпой старейшин и телохранителей.

Белые люди оставили форт Белараба в эту же ночь.

Их сопровождали слуги Белараба, освещавшие факелами дорогу. Мистера Треверса несли на носилках до самой бухты, где две военных лодки ожидали почетных пассажиров. Миссис Треверс прошла ворота под руку с д'Алькасером. Лицо ее было на половину закрыто. Она шла сквозь толпу зрителей, при свете факелов, глядя прямо перед собой. Белараб, стоявший впереди группы старейшин, сделал вид, что не видит белых людей. Лингарду он пожал руку, бормоча обычные изъяснения дружбы; но, когда великий белый человек сказал ему: «Ты больше меня никогда не увидишь», он почувствовал невыразимое облегчение. Белараб не желал более видеть этого белого человека. Однако, отвечая на пожатие Лингарда, он изобразил на лице важную улыбку и сказал:

— Один аллах ведает будущее.

Лингард шел к бухте один, чувствуя себя одиноким и покинутым всеведущим богом. Когда он подошел к берегу, первая лодка с мистером Треверсом и его женой уже выехала из красноватого круга света, бросаемого пламенем факелов.

Д'Алькасер и Лингард сели во вторую шлюпку и последовали за ними.

Вскоре темные тени бухты, окруженной стеною леса, поглотили их, и только всплески весел раздавались в неподвижном сыром воздухе.

— Как вы думаете, каким образом произошел этот ужасный случай? — спросил д'Алькасер, сидевший рядом с Лингардом.

— Что такое случай? — с усилием выговорил Лингард. — Где вы слышали о такой вещи, как случай? Не мешайте мне, мистер д'Алькасер. Я только что вернулся к жизни, и она стала для меня темнее и холоднее, чем могила. Дайте мне привыкнуть... Мне еще трудно слышать звуки человеческого голоса.

VIII

Стоически перенося холод и темноту своей новообретенной жизни, Лингард слушал Васуба, передававшего ему рассказ Джафира. Лицо старого серанга выражало глубокую подавленность, и его тихие слова были исполнены бесконечной грусти.

— Да... там были они все: властолюбивый Тенга, болтливый дурак, раджа Хассим, правитель без царства, Даман, предводитель пиратов, и три его вождя. Они смело вошли на борт, потому что туан Иоргенсон дал им позволение. Они сказали, что ты, туан, добровольный пленник Белараба, и что они всю ночь ждали, что ты или Белараб начнете переговоры о мире. Но никто к ним не приходил и потому, как только наступило утро, они отправились на лагуну заключить союз с туаном Иоргенсоном. Ибо ты, туан, говорили они, все равно что не живой; ты раб приезжих белых людей и пленник Белараба. Так говорил Тенга. Аллах лишил его и рассудка и страха. Он, должно быть, думал, что он в безопасности, пока на шкуне находятся раджа Хассим и госпожа Иммада. Они сидели пленниками среди твоих врагов! Госпожа Иммада покрыла лицо

и ничего не говорила. Раджа Хассим сделал Джафиру знак, и Джафир подошел к нему и говорил с ним. Трюм был открыт, и многие из иланунов забрались туда и смотрели на товары. Никогда в жизни они еще не видели столько добычи. Джафир и его господин слышали весь разговор туана Иоргенсона и Тенги. Слова Тенги были словами обреченного, ибо он просил туана Иоргенсона отдать ему и Даману оружие и все то, что было на «Эмме». «А потом», сказал он, «мы пойдем войной на Белараба, помиримся с этими белыми людьми и отпустим их целыми и невредимыми в их страну. Они нам не нужны. Ты, туан Иоргенсон, единственный белый человек, который мне важен». Туан Иоргенсон сказал Тенге: «Теперь, когда ты мне рассказал все, что у тебя на уме, ступай со своими друзьями на берег и возвращайся завтра». Тенга спросил: «Неужели ты хочешь биться со мной завтра вместо того, чтобы сегодня же войти со мной в дружбу»? Он засмеялся и хлопнул себя по бедру. А туан Иоргенсон отвечал: «Нет, я не буду биться с тобой. Но даже паук должен дать мухе время помолиться». Туан Иоргенсон говорил громким и очень странным голосом. Джафир и белый человек всю ночь дожидались какогонибудь знака от тебя, о, раджа Лаут, выстрела или огня, чтобы укрепить их сердца, но знака не было. Раджа Хассим шопотом приказал Джафиру при первой возможности прыгнуть за борт и передать тебе его прощание и дружеский привет. Знал ли он и Джафир о том, что будет? Кто знает? Но чего они могли ждать, кроме бедствий, для всех ваджских людей, что бы ни задумал туан Иоргенсон? Как бы то ни было,

Джафир решил исполнить приказание своего господина, хотя он не рассчитывал доплыть живым до берега мимо стольких вражеских лодок, и не был даже уверен, жив ли ты. Но он ничего не сказал своему радже. На них никто не смотрел. Джафир прижал руку своего раджи к груди и выжидал удобного случая. Туман начал расходиться, и скоро показалось солнце. Туан Иоргенсон стоял и держал между пальцами зажженную сигару. Тенга сидел перед ним на одном из тех стульев, которые были у белых людей. Его воины стояли возле него, и тут же были Даман, Сентот, бормотавший заклинания, и три пангеранса. Теперь Джафир мог бы прыгнуть, но он все еще оставался рядом с раджей. В этом воздухе солнце светило с большой силой. Туан Иоргенсон еще раз взглянул на ограду Белараба, о, раджа Лаут, но там ничего не было видно, даже флага, который был раньше. Вдруг Джафир увидел, что туан Иоргенсон на глазах у двадцати воинов, которые могли бы в один миг пронзить ему пиками грудь, взял сигару в рот и соскочил в трюм. Раджа Хассим толкнул Джафира к борту, и Джафир спрыгнул в воду.

Он был все еще в воде, когда весь мир вокруг него помутился, как будто солнце кто-то задул. На него нахлынула волна и выбросила его на берег, а кругом падали обломки дерева, железа и изувеченные члены людей.

Ему удалось выползти из ила. Когда он плыл, что-то ударило его в бок, и он думал, что сейчас умрет. Но жизнь все еще шевелилась в нем. У него было послание к тебе. Долго он пробирался ползком под большими деревьями, потому

что посланец не может отдыхать, пока не исполнит своего поручения. Наконец он очутился на левом берегу бухты и все еще жил. Тогда он пустился вплавь. Пока он плыл, силы оставили его. Кое-как он взобрался на пловучее дерево и лежал на нем, как мертвый, пока мы не втащили его в нашу лодку.

Васуб кончил. Лингарду казалось, что никакой человек не страдал больше, чем страдал он в ту минуту, когда наступило молчание, как бы все насыщенное образами смерти и разрушения. Сердце его разрывалось на части, точно бурное выражение иоргенсоновского нестерпимого неверия в человеческую жизнь разбило его собственную душу, лишило его тело всякой силы и навеки бросило его в жертву бесконечным терзаниям и упрекам совести.

— Оставьте меня, Васуб, — сказал он. — Они все умерли, но мне хочется спать.

Васуб взглянул в лицо белому человеку своими немymi старыми глазами.

— Туан, тебе необходимо выслушать Джафира, — сказал он настойчиво.

— Он умирает? — спросил Лингард тихим, нерешительным тоном, как будто боясь звука своего собственного голоса.

— Кто знает? — голос Васуба звучал еще настойчивее. На теле его нет раны, о, туан, но он не хочет жить.

— Он покинут своим богом, — пробормотал про себя Лингард.

Васуб немного подождал и продолжал: — И у него есть послание к тебе, туан.

— Конечно. Но я не хочу его слышать.

— Оно от тех, кто никогда больше не будет говорить с тобой, — с грустью настаивал Васуб. — Это великое поручение: собственные слова раджи. Джафиру трудно умереть. Он все что-то бормочет на счет кольца, которое было тебе послано и которое он выпустил из рук. Это был великий талисман!

— Да, но на этот раз он не оказал действия. И если я пойду и скажу Джафиру, почему талисман потерял свою силу, он передаст об этом своему радже, о, Васуб, потому что ты говоришь, что он скоро умрет... Не знаю, где они встретятся, — пробормотал он про себя.

Васуб опять поднял глаза на Лингарда.

— Рай — удел всех правоверных, — прошептал он, твердый в своей простой вере.

Человек, погибший от одного только взгляда на рай, обменялся со старым малайцем глубоким взглядом и поднялся на верх. На палубе никого не было, как будто все отказались от него, кроме шедшего впереди старика и того другого человека, который умирал в сгущающихся сумерках, дожидаясь его прихода. Внизу, в свете, падавшем из люка, он увидел, как молодой калаш, с широким желтым лицом и жесткими волосами, пробивавшимися пучками из-под его головной повязки, подносил глиняный кувшин с водой к губам Джафира, раскинувшегося на груди цыновок. Слабое движение помутневших зрачков показывало, что верный посланец вождей заметил приход человека, которого он и его сородичи так долго знали под именем Короля моря. Лингард опустился на колени у изголовья Джафира, который

слегка мотал головой из стороны в сторону, и потом зatih, смотря на балку потолка.

Лингард пригнулся ухом к его смуглым губам.

— Передай свое поручение, — ласково сказал он.

— Раджа хотел еще раз пожать тебе руку, — прошептал Джафир таким слабым голосом, что Лингард скорее угадывал, чем слышал его слова. — Я должен был тебе сказать... — начал он и вдруг остановился.

— Что сказать?

— Чтобы ты все забыл, — произнес Джафир с усилием, словно начиная длинную речь. После этого он не говорил ничего, пока Лингард не пробормотал:

— А госпожа Иммада?

Джафир собрал свои последние силы.

— Она ни на что не надеялась, — ясно произнес он. — Когда аллах призвал ее к себе, она сидела в стороне, покрытая покрывалом, и скорбела. Я даже не видал ее лица.

Лингард пошатнулся и упал бы ничком на умирающего, если бы стоявший рядом Васуб не подхватил его за плечо. Джафир, казалось, ничего не замечал и неподвижно смотрел на балку в потолке.

— Ты слышишь меня, Джафир? — спросил Лингард.

— Слышу.

— Я не получал кольца. Кто мог его мне принести?

— Мы отдали его белой женщине, да будет геенна ее уделом!

— Нет, геенна будет моим уделом, — с силой отчаяния проговорил Лингард, и Джафир в ужасе поднял руки. — Ибо слушай, Джафир: если бы она отдала мне перстень, она отдала бы его глухому, немому и безвольному человеку.

Неизвестно, услышал ли его Джафир. Он не произнес ни звука, его взгляд оставался таким же неподвижным, и только распростертое тело его слегка пошевелилось, как бы отодвигаясь от белого человека. Лингард медленно встал и, велел Васубу оставаться, прошел на палубу, ни разу не взглянув на умирающего. И опять показалось ему, что он шел по всеми покинутому кораблю. Слугамулат, наблюдавший в щелку из двери кладовой, видел, как капитан, шатаясь, вошел в каюту и шумно захлопнул за собой дверь. Больше часа никто не подходил к этой запертой двери, пока не появился Картер и не попытался заговорить.

— Вы там, сэр?

— Можете войти, — раздался голос. Голос звучал громко и сильно, и это ободрило молодого человека. Он вошел.

— Что скажете?

— Джафир умер. Только что. Я думал что вы захотите об этом узнать.

Лингард пристально посмотрел на Картера и задумался. Теперь, когда Джафир умер, на опустошенной земле не осталось ни одного человека, который сказал бы ему слово укора, ни одного человека, который знал бы величие его планов, узы дружбы, связывавшие его с Хассимом и Иммадой, глубину его привязанности к этим двум существам, и безграничное доверие, которое они к нему питали. Благодаря Йоргенсону и его

безумному презрению к человеческой жизни, все это развеялось, как дым. Это стало тайной, навеки похороненной в его груди.

— Велите Васубу открыть одну из кип в трюме и достать оттуда бумажное полотно, чтобы похоронить его по обычаю его веры, — произнес наконец, Лингард. — Это должно быть сделано сегодня же ночью. Дайте им шлюпки, я думаю, они захотят отвезти его на отмель.

— Да, сэр, — сказал Картер.

— Дайте им все, что нужно — факелы, лопаты и прочее. Васуб произнесет молитвы, какие полагаются. Ведь правоверным уготован рай. Понимаете, мистер Картер? Рай! Не знаю, какой для него будет рай. Если ему там не придется бегать с поручениями по джунгле, увертываться от засад, переплывать бурные ручьи, — рай придется ему совсем не по вкусу.

Картер молча слушал. Капитан Лингард как будто забыл о его присутствии.

— И все это время он будет спать на отмели, — начал опять Лингард, сидевший на своем старом месте под снопом позолоченных молний, положив локти на стол и прижав руки к вискам. — Если им понадобится доска для могилы, дайте им дубовую тесину. Она может быть, продержится там до ближайшего муссона.

Картер чувствовал себя не по себе под этим напряженным взглядом, устремленным куда-то вдаль, мимо него. Но ему не предложили уходить, и потому он оставался.

— Все будет сделано, как вы желаете, сэр, — сказал он. — Я полагаю, яхта тронется в путь рано утром, сэр?

— Если она не тронется, нам придется угостить ее выстрелом, чтобы поддать ей жару, не так ли Картер?

Картер не знал, улыбнуться ему, или принять это всерьез. Сказать он ничего не мог, но Лингард повидимому и не ждал ответа.

— Надеюсь, вы останетесь со мной, мистер Картер?

— Я уже сказал вам, что я останусь с вами, если вы этого хотите.

— Беда в том, мистер Картер, что я уже не тот человек, с которым вы говорили в ту ночь, когда мы впервые встретились.

— До некоторой степени и я уже не тот человек, сэр.

Лингард посмотрел на молодого человека задумчиво, но уже без прежней напряженности взгляда.

— В конце концов, вы нужны брига, а этот бриг никогда не изменится. Это лучший корабль на этих морях. Он попрежнему будет носить меня по морю, но...

Лингард отнял руки от висков и сделал широкий жест.

Картер глубоко и наивно сочувствовал этому человеку, который выручил пленников, но при этом каким-то образом потерял самого себя. Картер кое-что слышал от Васуба. Из ломаных английских слов старого серанга он понял, что туземные друзья капитана и среди них одна женщина погибли во время какой-то загадочной катастрофы, но как и почему это произошло, оставалось для него совершенно непонятным. Конечно, такой человек, как капитан, должен быть страшно огорчен...

— Я надеюсь, вы скоро оправитесь, сэр, — сказал он насколько можно мягче.

Лингард так же просто покачал головой. Он думал сейчас о мертвом Джафире, передавшем свое последнее поручение и уже не тревожимом ничем земным. Ему было велено сказать, чтобы Лингард все забыл. Лингард вздрогнул. Им овладела такая тоска, точно брига его коснулось крыло ангела разрушения: так тяжело, неизбежно было молчание, окружавшее его и Картера.

Лингард взял листок бумаги, перо и после минутного колебания написал: «Встретьте меня на песчаной отмели на рассвете».

На конверте он написал: «Миссис Треверс, яхта «Отшельник», и сунул письмо Картеру.

— Пожалуйста, пошлите это сейчас же на яхту, мистер Картер. Да, вот еще что... Когда наши шлюпки поедут на отмель, велите выстрелить из большой пушки. Я хочу знать, когда этого мертвого человека увезут с брига.

Оставшись один, он подпер голову рукой и долго, без конца, дожидался выстрела. Или его никогда не будет? Когда выстрел раздался, далекий и глухой, и бриг слегка вздрогнул, Лингард остался сидеть на месте, опираясь головой на руку и ясно, почти физически, ощущая, что в этом саване, облекшем мертвеца, какая-то часть его собственной души покинула корабль.

IX

В просторной каюте, обставленной с изысканным, но строгим комфортом, отдыхал мистер Треверс на низкой постели под белоснежной

простыней и легким шелковым одеялом, покоясь головой на безупречно чистой подушке; свежее белье издавало тонкий запах лаванды. Хотя мистер Треверс лежал в позе серьезно больного человека, он не чувствовал ничего, кроме сильной усталости. В спокойствии мистера Треверса было нечто торжествующее: возвращение на яхту удовлетворило его уязвленное тщеславие и снова оживило в нем сознание своей собственной значительности. Все пережитое он рассматривал в отдаленной перспективе и несколько не был задет этим приключением, слишком нелепым, чтобы смущать культурный разум или хотя бы оставаться в памяти сколько-нибудь продолжительное время.

Он не чувствовал себя ответственным за происшедшее. Подобно многим честолюбивым людям, управляющим судьбами наций, мистер Треверс не любил чувства ответственности. В случае нужды он постарался бы увильнуть от нее, но в общем он презирал это чувство. Потому он и мог спокойно лежать и с наслаждением следить, как возвращаются его силы. Но ему еще не хотелось говорить, и молчание в каюте продолжалось уже несколько часов. На большой лампе был надет зеленый шелковый абажур. О существовании него-дьяв и нахалов следовало теперь вообще забыть. В дверь скромно и почтительно постучали.

Миссис Треверс подошла к двери и, не говоря ни слова, возвратилась к своему креслу с конвертом в руках, который она тут же вскрыла, при зеленом свете. Мистер Треверс оставался безучастным, но когда его жена протянула ему развернутый листок бумаги, он сообразовал поднести его к глазам. Там была только одна строчка. Он уро-

нил листок на одеяло и снова принял позу отдыхающего больного. Сидевшая в кресле миссис Треверс сохраняла спокойную позу.

— Я намереваюсь пойти, — объявила некоторое время спустя миссис Треверс.

— Вы намереваетесь пойти, — слабым, но внятным голосом повторил мистер Треверс. — В сущности вовсе не важно, что вы намереваетесь делать. Да и, вообще, все это не имеет никакого значения. Мне кажется только, что это совершенно бесцельно.

— Может быть и бесцельно, — согласилась она. — Но не думаете ли вы, что долг следует уплатить до последнего фартинга?

Мистер Треверс повернул голову и несколько испуганно взглянул на эту неприлично откровенную женщину. Но через секунду голова его опять вернулась на прежнее место, и вся его поза как бы свидетельствовала о безмерном утомлении. Миссис Треверс вдруг показалось, что муж ее вовсе не так болен, как можно было подумать. «Он хочет использовать положение. Дипломатический ход», подумала она. Она это подумала без иронии, без горечи, без отвращения. Только сердце ее несколько упало, и она почувствовала, что сегодняшний вечер не может оставаться наедине с этим человеком. Остаться с ним на всю жизнь она может, но только не сегодня.

— Это прямо чудовищно, — томным голосом прошептал мистер Треверс, который был или очень дипломатичен, или очень слаб. — В вас есть что-то ненормальное.

Миссис Треверс быстро встала.

— Ну, что же, в жизни приходится встречаться с чудовищными вещами. Но уверяю вас, из всех чудовищ, грозящих нормальному существованию, я больше всех боюсь того, которое именуется скукой. Это — безжалостное чудовище без когтей и без зубов. Бессильное, отвратительное...

Бесшумными, решительными шагами она вышла из каюты. Никакая сила в мире не удержала бы ее здесь лишнюю минуту. На палубе было темно. Была безлунная ночь, напоенная мягким, теплым воздухом; на небе слабо мерцали подернутые туманом звезды, и казалось, что это — потускневший позумент изношенного, старого, скучного небосклона. На яхте началась обычная жизнь.

На корме был натянут парусиновый полог, под главной мачтой висел, как всегда, круглый фонарь. Из расстилавшегося за ним мрака вынырнула долговязая фигура д'Алькасера, расхаживавшего по палубе.

Он быстро добрался до запаса папирос, которыми его снабдил на дорогу щедрый генерал-губернатор. Большая красная искра то слабела, то разгоралась, освещая очертания его губ, тонкие темные усы, кончик носа, худой подбородок. Д'Алькасер упрекал себя за овладевшее им необычайное легкомыслие. Такого настроения он не испытывал уже много лет. Но, как оно ни было дурно само по себе, он не хотел, чтобы его нарушали. Уйти от миссис Треверс было, однако, неудобно, и он пошел ей навстречу.

— Надеюсь, вам нечего, мне сказать, — произнес он с иронической серьезностью.

— Мне решительно нечего. А вам?

Он заявил, что и ему нечего сказать, и выразил просьбу:

— Не будем ни о чем говорить, миссис Треверс, — предложил он, — и не будем ни о чем думать, — это самый лучший способ как-нибудь скоротать этот вечер.

В его шутливом тоне чувствовалось подлинное беспокойство.

— Хорошо, — согласилась миссис Треверс. — Но тогда нам лучше разойтись.

Она попросила д'Алькасера пойти вниз и посидеть с мистером Треверсом, который не любил оставаться один.

— Впрочем, и он, кажется, не расположен разговаривать, — прибавила она и продолжала:

— Но я еще должна попросить вас об одной вещи, мистер д'Алькасер. Я хочу заночевать здесь, в кресле, — если я смогу спать. Разбудите меня, пожалуйста, около пяти часов. Мне не хочется говорить ни с кем из экипажа, да кроме того, я знаю, что на вас можно положиться.

Д'Алькасер молча поклонился и ушел. Миссис Треверс, повернув голову, увидела горевший на бриге фонарь, ярко выделявшийся среди потускневших звезд. Она перешла к корме и перегнулась через перила. Ей почему-то представилось, что она сейчас услышит легкий плеск приближающейся лодки. Но ни одного звука не раздавалось во вселенной. Когда она наконец опустилась во парусиновое кресло, она почти не в состоянии была думать.

— Вот так, вероятно, спят осужденные перед казнью, — проговорила она про себя, прежде чем

ее веки сомкнулись, точно придавленные свинцовой тяжестью.

Когда утром миссис Треверс проснулась, лицо ее было мокро от слез: она видела во сне Лингарда в кольчуге и в одежде крестоносца, но с непокрытой головой, уходявшего от нее вглубь какого-то невозможного ландшафта. Она хотела его нагнать, но в последний миг появилась толпа варваров, в огромных тюрбанах, и она навсегда потеряла его из вида. Он пропал в каком-то песчаном вихре. Больше всего испугало ее то, что она не могла разглядеть его лица. Тогда-то она и начала рыдать, оплакивая свою несчастную судьбу. Когда она открыла глаза, слезы еще катились по ее щекам. Немного поодаль, в свете палубного фонаря, стоял д'Алькасер.

— Вы будили меня? — спросила она.

— Нет, — сказал д'Алькасер. — Я не успел. Когда я досюда дошел, мне показалось, что вы рыдаете. Очевидно, мне это почудилось.

— О нет, я действительно плакала во сне. Мое лицо еще мокрое. Вероятно, уже пять часов. Благодарю вас за пунктуальность. У меня есть одно дело, которое я должна сделать до восхода солнца.

— Да, знаю, — сказал д'Алькасер, подойдя ближе. — Вы решили отправиться на отмель, как мне сообщил ваш супруг. Ваш супруг не произнес и двадцати слов за все это время, но эту новость он мне сообщил.

— Я не думала, что он вам это расскажет, — сказала тихо миссис Треверс.

— Он подчеркивал, что это совершенно не важно, — пояснил д'Алькасер серьезным тоном.

— Да, он знает, что говорит, — отозвалась миссис Треверс. — В словах ее чувствовалась такая горечь, что д'Алькасер смутился. — На палубе не видно ни души, — продолжала миссис Треверс.

— Да, даже вахтенные и те спят.

— В этой экспедиции нет ничего тайного, но я предпочитаю никого не будить. Может быть, вы могли бы сами отвезти меня в нашей маленькой лодке?

Ей показалось, что д'Алькасер колеблется. Она прибавила:

— Это свидание не имеет никакого особенного значения.

Д'Алькасер поклонился в знак согласия и прошел с нею к лодке. Когда она входила в нее, он уже был наготове, и как только миссис Треверс уселась, он отчалил. Было так темно, что если бы не фонарь, горевший на бриге, нельзя было бы ориентироваться. Д'Алькасер греб медленно, часто оглядываясь через плечо. Миссис Треверс первая увидела песчаную полосу, слабо светившуюся на черной неподвижности воды.

— Немного левее, — сказала миссис Треверс. — Нет, вот сюда...

Д'Алькасер повиновался, но стал грести еще медленнее. Она опять заговорила.

— Как вы думаете, мистер д'Алькасер, ведь долг нужно всегда платить весь, до последнего фартинга?

Д'Алькасер оглянулся через плечо.

— Это единственно честный способ, — сказал он. — Но это может оказаться трудным, слишком трудным для наших обыкновенных, боязливых сердец.

— Я готова на все...

На секунду д'Алькасер перестал грести.

— На все, что можно найти на песчаной отмели, — продолжала миссис Треверс. — На пустой, маленькой, жалкой песчаной отмели.

Д'Алькасер сделал два взмаха и опять опустил весла.

— На песчаной отмели может уместиться целый мир страданий, — вся горечь и озлобление, на которое способна человеческая душа.

— Да, вы, может быть, правы, — прошептала она.

Д'Алькасер греб, часто оглядываясь. Миссис Треверс пробормотала:

— Горечь, озлобление...

Через минуту киль лодки коснулся песчаного дна. Но миссис Треверс не двигалась с места, и д'Алькасер продолжал сидеть, подняв весла и готовый отплыть по первому знаку.

— Как вы думаете, мистер д'Алькасер, я вернусь? — отрывисто спросила она.

Д'Алькасеру почудилось, что в ее тоне не было искренности. Но кто знает, что значила эта отрывистость: искренний страх или простое тщеславие? Д'Алькасер не понимал, для кого она разыгрывала роль: для него или себя?

— Я не думаю, чтобы вы понимали настоящее положение вещей, миссис Треверс. Мне кажется, вы не имете ясного представления ни об его простодушии, ни об его гордости мечтателя.

Миссис Треверс с пренебрежением подумала, что кроме этого было еще и многое другое, чего д'Алькасер не знал, и поддалась внезапному искушению немного просветить его на этот счет.

— Вы забываете, что он способен к сильной страсти и что, благодаря своему простодушию, он не знает своей собственной силы.

В этих словах уже несомненно чувствовалась искренность.

«Она это почувствовала», с уверенностью сказал себе д'Алькасер. «Только когда, где и при каких обстоятельствах?»

Миссис Треверс вдруг встала и д'Алькасер прыгнул на песок, чтобы помочь ей выйти.

— Не лучше ли мне подождать здесь, чтобы отвезти вас обратно? — предложил д'Алькасер, помогая миссис Треверс сойти на берег.

— никоим образом, — тревожно воскликнула она, — вы должны возвратиться на яхту. Через час будет уже совершенно светло. Когда я захочу, чтобы меня отсюда увезли, я подойду к этому месту и махну платком.

У ног их глубоким сном спала вода отмели, и призрачные очертания песчаного острова убежали из глаз. Вдали, на самой середине острова, тяжелой черной массой высились кусты на фоне звезд. Миссис Треверс не отходила от лодки, словно боясь пустынности этого одинокого места и этого моря, где отражались далекие звезды и растянулись безграничные тени.

— Тут никого нет, — прошептала она про себя.

— Он наверное дожидается вас где-нибудь близко, — или я его не знаю, — уверенно сказал д'Алькасер и сильным ударом весла оттолкнулся от берега.

Д'Алькасер был совершенно прав. Лингард вышел на палубу задолго до того, как проснулась

в слезах миссис Треверс. Хоронившие Джафира матросы давно вернулись, и весь экипаж брига спал, кроме двух вахтенных. При появлении Лингарда они бесшумно удалились с кормы. Лингард облокотился о перила и погрузился в мрачные воспоминания о прошлом.

В воздухе носились укоряющие призраки, живые и одаренные речью, но говорившие с ним не членораздельным языком смертных, а слабыми рыданиями, глубокими вздохами и грустными жестами. Когда он пришел в себя, все призраки исчезли, кроме одной темной фигуры, безмолвной и неподвижной. Лингард с ужасом взглянул на нее.

— Кто это? — спросил он тревожно.

— Это я, сэр, — сказал Картер, приказавший, чтобы его разбудили, как только капитан выйдет на палубу.

— Ах, да, — проговорил Лингард несколько смущенный. Он велел Картеру приготовить шлюпку, а когда, немного спустя, молодой человек сообщил, что все готово, он только сказал: «Хорошо», и остался стоять, опершись о перила.

— Простите, сэр, — заговорил Картер, помолчав. — Но вы уезжаете не очень далеко?

— Нет, я только хочу проехать на песчаный островок.

Картер успокоился, но был удивлен.

— Там никого нет, сэр, — сказал он.

— Неизвестно, — пробормотал Лингард.

— Но я в этом уверен, — настаивал Картер. — Женщины и дети, приехавшие с этими головорезами и еще остававшиеся там, были взяты теми сампанами, которые привезли вас и джентльменов с яхты.

Он прошел рядом с Лингардом к трапу и слушал его приказания.

— Как только будет достаточно светло, чтобы видеть флаги, — распорядился он, остановившись на трапе, — сейчас же дайте сигнал яхте сниматься с якоря и поднимать паруса. Если они станут тянуть, сделайте холостой выстрел, мистер Картер. Я не допущу никакой мешкотни. Если яхта не послушается, то я выгоню ее отсюда силой. Пока я здесь еще хозяин.

Миссис Треверс была полна тем тревожным чувством беспредельности и пустоты, которое испытываешь на песчаных отмелях посреди моря. Мир казался какой-то безграничной и плоской тенью, где не на чем остановиться глазу. Затем с южной стороны на фоне звезд появилась одинокая человеческая фигура, казавшаяся необыкновенно огромной; фигура приблизилась, приняла нормальные размеры, но все же внушала смутный страх своей зловеще-беззвучной поступью.

Миссис Треверс поспешила заговорить.

— Вы звали меня. Я пришла; надеюсь, вы не жалеете, что я послушалась.

Лингард подошел близко к ней и, слегка нагнувшись, стал всматриваться в ее лицо. Небо над Берегом Убежища уж озарилось холодным сиянием тропического рассвета.

Миссис Треверс смотрела на Лингарда, не отворачиваясь.

— Вы желаете увидеть, есть ли во мне какая-нибудь перемена? Нет. Вы ее не увидите. Теперь я знаю, что я не могла бы измениться, если бы

даже и хотела. Я сделана из слишком жесткой глины.

— Я смотрю на вас в первый раз, — сказал Лингард. — Раньше мне не удавалось рассмотреть вас по-настоящему — было слишком много вещей, слишком много мыслей, слишком много людей. Да, я никогда раньше вас не видел. А теперь можно, — теперь мир умер.

Лингард схватил ее за плечи, еще более прибивив свое лицо к ее лицу. Миссис Треверс не пошевелинулась.

— Да, мир умер, — сказала она. — Смотрите вволю. Вам недолго придется смотреть.

Лингард, державший ее за плечи, сразу выпустил ее из рук, точно она ударила его. Холодный белый свет тропической зари озарял уже все небо, и все пространство вод казалось тоже холодным, ровное и недвижимое до самого горизонта, где, на западе, еще медлила тень.

— Возьмите меня под руку, — сказал он.

Она сразу послушалась, и, повернувшись спиной к обоим кораблям, они пошли вперед по песку и вскоре увидели продолговатый холмик, в который была воткнута доска. Миссис Треверс хорошо знала эту часть отмели, ибо она гуляла здесь после обеда с мистером Треверсом и д'Алькасером, когда яхта села на мель и их лодки отправились за помощью, — которую они нашли.

Но этого холмика она никогда не видала. Лингард остановился и мрачно смотрел на него. Миссис Треверс слегка пожала его руку, чтобы возвратить его к действительности и спросила:

— Что это такое?

даже и хотела. Я сделана из слишком жесткой глины.

— Я смотрю на вас в первый раз, — сказал Лингард. — Раньше мне не удавалось рассмотреть вас по-настоящему — было слишком много вещей, слишком много мыслей, слишком много людей. Да, я никогда раньше вас не видел. А теперь можно, — теперь мир умер.

Лингард схватил ее за плечи, еще более прибивив свое лицо к ее лицу. Миссис Треверс не пошевелинулась.

— Да, мир умер, — сказала она. — Смотрите вволю. Вам недолго придется смотреть.

Лингард, державший ее за плечи, сразу выпустил ее из рук, точно она ударила его. Холодный белый свет тропической зари озарял уже все небо, и все пространство вод казалось тоже холодным, ровное и недвижимое до самого горизонта, где, на западе, еще медлила тень.

— Возьмите меня под руку, — сказал он.

Она сразу послушалась, и, повернувшись спиной к обоим кораблям, они пошли вперед по песку и вскоре увидели продолговатый холмик, в который была воткнута доска. Миссис Треверс хорошо знала эту часть отмели, ибо она гуляла здесь после обеда с мистером Треверсом и д'Алькасером, когда яхта села на мель и их лодки отправились за помощью, — которую они нашли.

Но этого холмика она никогда не видала. Лингард остановился и мрачно смотрел на него. Миссис Треверс слегка пожала его руку, чтобы возвратить его к действительности и спросила:

— Что это такое?

— Могила, — тихо отвечал Лингард, не отрывая взгляда от песчаного холмика. — Его увезли с брига сегодня ночью. — Странно, — продолжал он в задумчивости, — как много может сказать могила, вмещающая только одного человека. Ему было поручено передать мне, чтобы я все забыл.

— Это нельзя забыть, — прошептала миссис Треверс. — Было бы лучше, если бы я осталась на «Эмме»... Там у вас был сумасшедший, — вдруг воскликнула она.

Они тронулись дальше. Лингард смотрел на миссис Треверс, опирающуюся на его руку.

— Не знаю, кто из нас был сумасшедший, — сказал он.

— Я удивляюсь, как вы можете смотреть на меня, — прошептала она. Лингард заговорил снова.

— Я должен был увидеть вас еще раз.

— Этот ужасный Иоргенсон, — проговорила про себя миссис Треверс.

— Нет, нет, он предоставил меня моей судьбе, — прежде чем от меня отказаться.

Миссис Треверс отняла свою руку, и оба они остановились. Лингард долго, молча смотрел на нее.

— Я не могла отказать вам в этой встрече, — сказала, наконец, миссис Треверс. — Я не могла отказать вам ни в чем. Все права на вашей стороне, и мне все равно, что вы сделаете или что вы скажете. Но когда я подумаю о том признании, которое я должна вам сделать, я сама удивляюсь, как я решилась прийти. — Она подошла ближе и положила руку на плечо Лин-

гарда. — Я ужасалась мысли, что встречу с вами. А теперь вы должны выслушать мое признание.

— Не говорите ни слова, — сказал Лингард спокойно и не отрывая глаз от ее лица. — Я уже знаю.

— Этого не может быть, — воскликнула она. — Ее рука соскользнула с его плеча. — Почему же в таком случае вы не бросили меня в море? — в страстном порыве вскричала она. — Неужели мне жить, ненавидя себя?

— Вы не должны ненавидеть себя, — проговорил Лингард с тревогой в голосе. — Ведь вам должно быть ясно, что если бы даже вы и передали мне перстень, от этого бы ничего не изменилось.

— Как я могу этому поверить? Но нет, вы слишком благородны, чтобы притворяться. Вы великодушнее всех на свете. Но я не стою вашего великодушия. Вы думаете, что я чувствую упреки совести? Нет. Насколько это можно какнибудь назвать, — это, скорее всего, отчаяние. Но вы, должно быть, все это знали, и все-таки вы хотели со мной увидеться.

— Я уже говорил вам, что раньше я вас не видел, — сказал Лингард ровным голосом. — Только после того, как я узнал, что вам дали перстень, я почувствовал, что вы для меня значите. Разве я мог понять это раньше? Тут нет ни ненависти, ни любви. Ненависть, любовь... По отношению к вам эти слова не имеют смысла. Для меня вы сильнее, чем сама смерть; я знаю, что пока я жив, вы не умрете.

Они стояли на южном конце отмели и как будто плыли в открытом море. Нанесенный вет-

рами холм посредине островка загораживал от них даже мачты обоих кораблей, и разгоражившееся утро только усиливало чувство одиночества в этом спокойном до ужаса мире. Миссис Треверс провела рукой по глазам и отвернулась.

— Вот и все, — прибавил Лингард.

Миссис Треверс уронила руки и пошла обратно одна. Лингард следовал за ней по обнаженной отливом отмели. В холодном небе над черными лесами Берега Убежища появился пояс оранжевого света и быстро превратился в расплавленное золото, сверкавшее ослепительным и бесцветным пламенем. Только пройдя могилу Джафира, миссис Треверс обернулась и заметила, что она одна. Лингард оставил ее. Он сидел у песчаного холмика, согнув спину и обхватив руками колени, словно зачарованный великими видениями, окружавшими могилу его верного посланца. Заслонив глаза рукой, миссис Треверс смотрела на застывшую фигуру этого человека, жившего в мире грез. Он не двигался и даже не поднял головы. Все было кончено. Она подождала еще немного и медленно пошла дальше.

За миссис Треверс приехал в маленькой шлюпке Шо, исполнявший теперь на яхте обязанности второго помощника капитана; с ним был матрос. Он смотрел на нее обиженно, точно нахолившаяся сова. Он никак не мог понять, каким образом миссис Треверс очутилась на этом островке в такой ранний час, махая платком. Если бы даже она уехала с яхты одна тайком ночью, то, ведь, во всяком случае, она никак не могла бы прислать обратно пустую шлюпку. Для Шо это было своего рода неприличное чудо.

Д'Алькасер поспешил к трапу. Когда они встретились, миссис Треверс вызывающим тоном бросила ему фразу, которая немало удивила его.

— Вы были правы, я вернулась. — И с тихим смехом, больно кольнувшим д'Алькасера, прибавила, кивнув головой в сторону каюты: — Мартин тоже был совершенно прав. Это было совершенно не важно.

Она прошла на корму, и д'Алькасер последовал за нею, тревожно глядя на ее побелевшее лицо, на ее резкие движения, на нервное вздрагивание ее пальцев, что-то искавших на груди. Он скромно ждал. Миссис Треверс повернулась и, протянув руку, показала ему толстый золотой перстень с большим зеленым камнем, лежавшим на ее раскрытой ладони.

— Посмотрите, д'Алькасер. Это та самая вещь, относительно которой я спрашивала у вас совета, передать ее или утаить, — символ последнего часа, последний призыв. И он сказал, что это все равно ничего бы не изменило! Он самый великодушный из людей, и долг выплачен до последнего фартинга. Он покончил со мной. О, это великодушнейший человек... Но там, на песках, есть могила, и когда я ушла от него, он сидел около нее и даже не взглянул на меня. Ни одного взгляда перед разлукой навеки! Все, что у меня осталось, — вот эта вещь. Абсолютно ненужная вещь, мертвый талисман!

Нервным движением она бросила перстень за борт и затем, торопливо попросив д'Алькасера:

— Постойте здесь немного, посмотрите, чтобы к нам никто не подходил, — залилась слезами и повернулась к нему спиной.

Лингард возвратился на бриг, и вскоре после полудня «Молния» тронулась по извилистым протокам, ведя за собой яхту. Лингард был на палубе, но ни разу не взглянул на шедшее позади судно. Как только оба корабля вышли в открытое море, он направился вниз и сказал Картеру:

— Вы знаете, что делать.

— Да, сэр, — сказал Картер.

Вскоре после ухода капитана, Картер велел убрать грот-марсель. «Молния» замедлила ход, и яхта на близком расстоянии прошла мимо нее. Миссис Треверс стояла на корме, очень прямо, охватив поручень обеими руками. Бывший рядом с нею д'Алькасер вежливо махнул рукой. Картер приподнял фуражку.

Вечером он долго ходил по палубе размеренными шагами с биноклем в руках. Наконец, он положил бинокль, посмотрел на карту и подошел к открытому откидному окну каюты.

— Только что потеряли ее из вида, сэр, — сказал он. Внизу было все тихо. Картер несколько повысил голос.

Вы велели мне дать вам знать, как только я потеряю яхту из вида.

Внизу послышался подавленный стон, и усталый голос произнес:

— Хорошо, я сейчас приду.

Когда Лингард вышел на палубу «Молнии», закатное солнце уже окрасило все море в пурпуровый цвет, а к востоку воды отливали холодным стальным блеском вдоль темной линии берега. Лингард скрестил руки и смотрел вдаль. Картер подошел к нему и спокойно заговорил:

— Течение повернулось, и уже скоро стемнеет. Не лучше ли нам уйти подальше от этих отмелей, сэр?

Лингард не пошевелинулся.

— Да, уже темнеет. Можете поставить грот-марсель, мистер Картер, — сказал он, наконец, и снова погрузился в молчание, устремив глаза к югу, откуда медленно наползали темные тени навстречу заходящему солнцу.

К нему подошел Картер.

— Бриг набирает ходу, сэр, — проговорил он, словно предостерегая.

Весь вздрогнув, как вздрагивает дерево, когда его вырывают с корнем, Лингард вышел из своей рассеянности.

— В каком направлении шла яхта, когда вы ее видели в последний раз? — спросил он.

— Почти прямо на юг, — отвечал Картер. — Какого курса мне держаться сегодня, сэр?

Губы Лингарда задрожали, но голос его звучал спокойно.

— Держите на север, — сказал он.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	часть первая	стр.
Человек и бриг		7
	часть вторая	
„Берег Убежища“		69
	часть третья	
Плен		129
	часть четвертая*	
Дар отмелей		221
	часть пятая	
Вопрос чести и вопрос страсти		281
	часть шестая	
Зов жизни и жатва смерти		386
